

К. ХАРНСКИЙ

ЯПОНИЯ

В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

ВЛАДИВОСТОК

1926

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Владивосток — рубеж русской земли. Дальше, — там, за окутанным голубым туманом островом Аскольдом, — открытое море, самое глубокое из наших морей. А в 36 часах от него — совсем иной мир, — странный, непонятный, абсолютно чуждый по внешности, точно враждебный, но все же местами прекрасный, как фантазия художника.

Положим, вы уроженец русских равнин и в первый раз едете на Восток.

От Польши до Владивостока больше $\frac{1}{4}$ земной окружности.

Мелькают телеграфные столбы; верста за верстой остаются позади; вынырнет из лесов деревня и скроется; мелькают города, церкви, вокзалы. Но как все-таки похожи одна тысяча верст на другую. Все те же березки, белые, тонкие, те же сосны, да ели, мосты через речки, дома, лица, речи, одежда; та же упряжь, те же крестьянские лошадки, проселки, перелески... Вот остался позади Урал. Вы ждали горных пиков и грозных утесов над бурными потоками — и не дождались. Это холмы, а не горы! Впереди степь, — бесконечная, ровная, как стол, западно-сибирская степь. И все те же березки, все те же избы и все тот же, без конца, сибирский тонкий чернозем. Далее тайга. И опять береза да осина, ель, рябина и сосна. И все те же русские деревни, русские типичные города.

За Иркутском равнин уже почти нет. От Иркутска всюду хребты и скалы. Это уже новое. Но если привыкнет к ним ваш глаз, и они начнут казаться не очень существенным дополнением ко все той же привычной русской картине, а перед концом пути вам покажется окружающая природа еще более знакомой, еще более «российской», чем та, которую вы наблюдали на полу-дороге.

Но вот вы на пароходе... К ночи исчезают за горизонтом наши берега. Приходит утро. В сонливом бездействии незаметно пройдет пароходный день, а к следующему утру вы в Японии.

Только теперь прочувствуете вы, насколько все-таки разнообразна наша безмерно вытянутая с запада на восток страна.

Как мало похоже окружающее на то, что вы привыкли называть словом природа. Кругом — декорация. Кругом ненастоящее что-то. Как-то чересчур уж яркие цвета, слишком блестящие листья, слишком велики полевые цветы, — все как-то излишне подчеркнуто, преувеличено. И совсем не чувствуется того утреннего аромата, который несет ранний ветер с наших полей и лугов. Горы, правда, не кажутся особенно грандиозными после картины Байкала, но тем ярче какая-то искусственность, точно это не лес, а огромный парк, насаженный человеком и человеком поддерживаемый. Вот кучка сосен, но кора их не красна, а черна, их стволы не прямые, а наклонные. И хвоя их длинна, как у нашего кедра. А тут же рядом с ними, прямо из земли, а не из кадки, растет пальма. Большие, пестрые лилии, гораздо большие, чем в саду где-нибудь в Рязани, или Орле, распустились над обрывом, и никто не тревожит их. Низко-низко летают в огромном количестве ястребы. Их противоестественно много. Из-за сосен видны дома — не дома, а что-то театральное, — тоже какое-то ненастоящее. У них странно загнуты крыши и нет у них ни дверей, ни окон, ни крылечек, и вы не знаете, дом ли это, беседка ли, или амбар. За домами зеленые горы и рисовые болота-поля.

Около домов не то хоругви, не то плакаты и на них что-то нарисовано. Их ужасно много, чуть ли не на каждом шагу. И вы не поймете, где там письменные знаки, где простые украшения, и где рисунок.

Вот группа грузчиков. На них что-то вроде коротких халатов, а на спинах у них почему-то плакаты. Зачем они?

Проходит мимо женщины с маленькими детьми. Но дети не на руках у них, а в каком-то мешке за спиной. А на голове у женщины мудреные, очевидно, сделанные у парикмахера прически. И волосы их блестящие, точно налакированы. Кто они — жены рабочих, или великосветские дамы?

Вот проедет быстро миниатюрная тележка. Лошади нет, а тележку, быстро передвигая ногами, везет человек.

Вот послышались какие-то странные звуки. Это граммофон. Уж не испорчен ли он? Но встречающие люди прислушиваются с видимым удовольствием. Очевидно, это музыка, не какофония.

Вам все ново, все чуждо и все вызывает недоумение. А за вами бегут ребятишки и показывают на вас пальцами: вы в роли заморского чуда... Вы выходец с другой планеты.

Да, вы в совершенно новом мире, во многом еще менее похожем на наш, чем мир Толстовской «Аэлиты» или «Красной звезды» Богданова. А когда вы захотите познакомиться с язы-

ком здешних людей, то вы узнаете, что конец их фразы соответствует началу нашей, а их начало — нашему концу, что у них нет собственных слов для обозначения ножа, хлеба, стола и множества других привычных вам вещей. Вы узнаете, что большинство из этих людей не видели иначе, как на картинке, простую овцу, а может быть и свинью, никогда в жизни не пили молока, ни разу не спали на кровати и не умеют пользоваться ложкой.

Эти люди кланяются земно, не унижая этим своего достоинства; не стыдятся наготы; произносят некоторые «неприличные» слова, несколько не смущаясь, и, вместе с тем, считают неудобным делать многое из того, что мы считаем вполне естественным и необходимым.

Но поживите в Японии подольше, выучитесь понимать их язык, отвлекитесь от всего несущественного, и вы убедитесь, что под оболочкой японского бытового «маршанства» нет ничего такого, чтобы нельзя было истолковать нашими знакомыми терминами. Больше того, даже каждая своеобразная черта Японии оказывается на поверку лишь слегка видоизмененным проявлением свойственного и нам.

Впрочем, мы не будем касаться здесь того, что уже неоднократно описывалось многими путешественниками и наблюдателями. Нам достаточно сказать здесь, что, подходя к Японии, нужно, прежде всего, отбросить глупый предрассудок о каком-то якобы «варварстве» японцев и об их совершенно будто бы своеобразной психологии. Нет народов без своеобразных черт. Но не нужно думать, будто японцы своеобразны до «маршанства».

Япония — это страна с несколько иным, чем у нас, историческим прошлым (а вовсе не с совсем иным), живущая в условиях распада среднего класса, в условиях пролетаризации, концентрации, влияния капиталистической прессы и т. д., страна довольно культурная, страна обыкновенных, средних людей.

Не верьте тому, кто вам скажет, будто каждый японец только и думает, как бы это ему умереть за свое отечество, не верьте и тому, кто утверждает, будто «все японцы мошенники», или что все они «звери».

Чепуха все это и чужь.

Нет страны, у которой не было бы своеобразия. Если попытаться, то и между «Россией», с одной стороны, и Сибирью, с другой, можно найти сколько угодно несходного, иногда даже резко противоположного; почитайте, например, Ефимьевского. Но прошло 30 с небольшим лет со времени закладки

Сибирской железной дороги и уже очень много специфически сибирского исчезло совсем.

Япония всего лишь 73 года назад имела с Европой меньше соприкосновений, чем теперь Абиссиния с нами. Только с 1854 года европеец стал на улицах японского города более вероятным, чем крокодил из известной детской сказки. Но даже и теперь за европейской дамской шляпой побегут кучи любопытных. И это даже в столице, а о глухой провинции и говорить не стоит. 56 лет тому назад там были еще самые настоящие средневековые феодалы. А 42 года тому назад происходило последнее восстание, во имя возвращения к феодальным формам. И, понятно, приходится удивляться не тому, что в Японии много самобытного, а тому, что привелирующийся капитализм так быстро и решительно кладет этому самобытному конец.

Если оставить в стороне мало существенные мелочи быта, вроде способа есть, пить, устраивать квартиру и одеваться, то что назовем мы наиболее характерными отличиями Японии от Европы?

Это, по общему мнению, японскому и европейскому, — «своеобразные отношения» между подданными и государем, мужем и женой, родителями и детьми, а, по мнению некоторых, также отношения между трудом и капиталом. Обо всем этом исписаны горы бумаги, и любители искать проявлений «духа народа» найдут искомое в неограниченном размере.

Но тот, кто не по книжкам, а по живой действительности составлял себе мнение о Японии, вряд ли вспомнит факты, действительно подтверждающие мнение, например, о якобы «восточном затворничестве» женщины; ведь, при желании и в Германии можно было бы найти женщин-затворниц (вспомните «4 К немецкой женщины» *), а в латинских странах и того легче.

Что касается «микадоизма», то разве и в России не было уже почти забытых теперь «теорий» о «царе-батюшке» и о том, что «умом России не объять, аршином общим не измерить». А еще раньше о том же твердили и в Пруссии.

О специфических отношениях между трудом и капиталом в наши дни стыдятся говорить даже в Японии, ибо это слишком глупо звучит теперь, когда от этой знаменитой специфичности остались лишь рожки да ножки.

А разве не перенесены из того же нашего «славянофильства» все эти пустопорожние разговорчики о якобы преем-

щей Японии особой «духовности» в противовес материальности, «гнилого Запада», — Японии, где спекулянт является чуть ли не самой красочной фигурой современности.

Тонно становится, когда слышишь обо всех этих «своеобразиях» Японии, — тонно, потому что даже плохо знакомому с историей бросается в глаза, что в этих своеобразиях нет ничего решительно своеобразного, — ничего, кроме беспардонного лганья, рассчитанного на увеличение самых обыкновенных прозаических дивидендов.

Если не верите на слово, — вот вам пример. «Отеческость» отношений предпринимателя и работника проявляется в виде традиционной выдачи заштатных. Это — пережиток ремесленного ученичества. Но разделите сумму выдаваемых человеку заштатных на число проведенных за работой на хозяина дней, сложите частное с дневной зарплатой и вы увидите, что все это «своеобразное» сводится к тому, чтобы ожиданием будущих благ добиться от рабочего готовности мириться с грошевой текущей расплатой за труд.

«Крепость семейных уз» означает на деле возможность усилить эксплуатацию до того, что родители из-за долгов почти даром отдают своих дочерей в публичные дома, и дочери не пытаются сопротивляться. «Любовь к монарху» позволяет царским компаньонам по разным торговым и промышленным делам выгоднее обделывать свои дела-делишки. «Идеализм Востока» оказывается на поверку средством вне-насильственного воздействия в первую очередь на Китай, важнейший рынок японской обрабатывающей промышленности, во вторую очередь на Индию и Нидерландскую Индию, затем на Индо-Китай — словом, в порядке уменьшения торговых оборотов.

Впрочем, мы вовсе не хотим сказать, что своеобразного в Японии нет вовсе или что оно только фальшь и выдумки. Своеобразное, конечно, есть и его много. Его не может не быть в стране, где среди активных еще людей многие начали жить сознательной жизнью при режиме, похожем на те, что были во Франции в XVI веке, а в Англии в XV, в стране, которая на юге и на востоке соприкасается с «верующими в неприкосновенность расовых перегородок» англо-саксами, на каждом шагу оскорбляющими национальное самолюбие «цветных» людей, в стране, которая в ряду «нехристианских» и «варварских» до недавнего времени была единственной, сумевшей не превратиться в чужую колонию, и которая пережила поднявший ее на более высокую ступень развития переворот не в борьбе с «законной» монархией, а, наоборот, в борьбе за нее. Уже огромное расстояние Японии от Европы должно было сделать

*) Kinder (дети). Küche (кухня). Kirche (церковь). Kleid (одежда).

ее своеобразной, а сравнительная близость Китая, с его замедленным темпом развития, с его полосами блестящего роста и сменявшими их полосами экономического и культурного падения и рецидивов феодализма, не могла не оставить на Японии заметных следов.

И тем не менее мы не испытываем особенного искушения копаться в «тайниках народной души» Японии — мы охотно предоставляем эту работу тем, кто к ней больше приспособлен, больше нас снабжен соответствующим материалом. К тому же это потребовало бы слишком много времени и бумаги. Но помещенный здесь краткий обзор исторического прошлого Японии отчасти заменит собою рассмотрение нынешних особенностей Японии.

Нас интересуют в Японии не исторические пережитки, осужденные на слом и исчезновение. Другой вопрос занимал нас — вопрос, ответ на который даст будущее. Это вопрос о том следующем шаге японского народа, который, если он будет достаточно широк и решителен, создаст совершенно новое положение не только на Дальнем Востоке, но и во всем мире.

Япония — живое доказательство того, что для экономического, социально и политически отсталой страны, поставленной внешними обстоятельствами в благоприятные условия, возможен очень быстрый темп развития, — настолько быстрый, что она может оставить позади себя даже тех, кто перед тем стоял впереди ее на целые столетия.

И что же мы видим теперь в той Японии, которая в эпоху нашей крестьянской реформы была еще страной-затворницей? С тех пор прошло совсем немного лет, — на 20 лет меньше, чем со времени 2-ой Республики во Франции. Но за этот короткий срок империалистическое государство, со всеми своими типичными чертами, явно созрело в Японии, классовые противоречия обострились страшно, левое крыло рабочего движения организационно выделилось, крестьянство проснулось и стало инстинктивно тянуться к пролетариату, — создалась атмосфера, характерная для предгрозового периода.

Разве это, а в еще большей степени происходящее в Китае, не говорит за то, что нам нет основания быть пессимистами и ждать осуществления наших стремлений где-то в отдаленных веках?

Разве не ускорился темп истории в такой же степени, как увеличилась мощь производительных сил и как возросла территория международного обмена?

Но мы не будем пророчествовать. Мы даем лишь общие

зарисовки, предоставляя читателю делать собственные выводы. И мы нарочно приведем всюду указания на имеющуюся у нас литературу о Японии. Пусть читатель не думает, что мы хотим навязывать ему то, что, может быть, по его мнению, окажется переоценкой.

Скажем только, что при наличном окружении, при относительной свободе японцев от идеологических оков, созданных эпохой буржуазного культурного господства в передовых странах, и при наличии того цинично-наглого плутократического режима, какой наблюдается в Японии, народ этой страны сумеет найти пути к настоящему неподдельному прогрессу, не задерживаясь в болоте демократических самообманов.

Японскому трудящемуся — все наше сочувствие. Ибо его враги — наши враги.

Приступая к этой работе, автор хотел дать ряд очерков лишь о политической и общественной жизни современной Японии. Но положение его было гораздо труднее, чем пишущего о любой европейской стране. Европейские страны достаточно известны у нас и по школе, и по текущей прессе. Японии же не везет у нас удивительно, не везло и прежде, — до революции. Спецы ею, правда, занимались, но труды их, частью узко-специальные, частью недоступные по другим причинам, читались мало. И неудивительно, что всякому, пишущему о Японии, приходится начинать, что называется, «с Адама».

Так вышло и здесь. Начав с ознакомления с важнейшими капиталистическими объединениями, автор почувствовал, что без краткого, хотя бы исторического введения дело не пойдет. Но краткое введение не могло не оказаться слишком схематическим, лишенным «живой души» и, следовательно, не могущим дать того, ради чего оно то собственно и писалось: материала, до известной степени объясняющего нынешние своеобразные черты японской идеологии. Поэтому краткий исторический обзор пришлось дополнить рядом глав, посвященных отдельным моментам исторической жизни страны. И вот, из них вырос целый отдел.

Но те немногие десятки страниц, на которых рассказывается о прошлом Японии, не могут, конечно, дать сколько-нибудь полной картины. Ведь Япония, как культурная страна,

живет не одну сотню лет, и история ее отнюдь не была топтанием на месте. Если даже не увлекаться столь любезными сердцу японских историков биографиями и анекдотами и ограничиться лишь наиболее важным, то приходится все-таки затратить на изложение японской истории несколько сот страниц. Так, в первом томе классического труда Мардока, посвященного вступительному к основной работе обзору периода до середины XVI века, имеется свыше 800 страниц. Но мы таким количеством места не располагаем и нам пришлось выбирать между двумя путями: либо ограничиться голым скелетом, либо, не гонимые за выдерживающей строгую научную критику точностью и не пытаясь давать полную картину социальной динамики в прошлом, зарисовать только важнейшие части этого скелета, но зато снабдить его, поскольку возможно, живую плоть. Мы выбрали второе, предоставив читателю искать интересующие его подробности у историков-специалистов.

В частности, мы почти не останавливались на одном из интереснейших периодов японской истории, интересном не только для занимающегося изучением Японии, но и для всякого, желающего разобраться в том, что представляет собой так называемое «племенное государство».

В Японии это дофеодальное государство, соответствовавшее по основной сущности монархии Капеттигов и Карла Великого, существовало гораздо дольше, чем где бы то ни было, и достигло в своем центре небывалой для этого возраста культурной высоты. Это государство, во главе которого стоял род Фудзивара, вело с Китаем обширную по тому времени торговлю, центром которой была столица, сохранившая свой блеск почти целое полутисячелетие, в течение которого в остальной части страны складывались известные нам по западным странам феодальные формы, с характерными для них бенефициями, коммендациями, сюзеренитетом, вассалитетом и арриер-вассалитетом. В трудах профессора Конрада, печатавшихся в «Новом Востоке» и в виде отдельного исторического труда «Япония—государство и народ», можно отчасти проследить соответствующие процессы (поскольку они вообще уже изучены) и разобраться, как условное землевладение превращалось в безусловное, а неотчуждаемая собственность превращалась в отчуждаемую, на почве которой и позднейший, так называемый, Камакурский период, развились самостоятельные феодальные центры с новыми уже людьми во главе.

Но мы почти не останавливались на всем этом, ибо для понимания современной Японии важны не эти давно уже закончившиеся и позабытые процессы, а то идеологическое

наследие, которое и по сей день сохранилось в Стране Восходящего Солнца. Достаточно сказать, что классический японский язык, классическая поэзия, роман и повесть развились именно в ту эпоху, эпоху до-феодальную, что многое множество японских «своеобразий», в частности, отношение к царю подданных, связаны с этим периодом, что японская живопись и ряд других ремесел и искусств приобрели свои специфические черты уже тогда.

Все это кажется весьма странным, даже противоестественным, поскольку мы будем искать аналогий на Западе. Но не нужно забывать, что тогдашняя Япония находилась под сильнейшим влиянием Китая, который в 7—8 веках переживал момент высокого подъема, период внешнего расширения, наибольшей централизации власти и роста своей торговли. В этот период, период Танской династии, тогдашняя Япония во многом копировала своего соседа, и если это копирование, быть может, почти совсем не задевало медвежьих углов ее, то все же в столичном районе оно привело к довольно прочному закреплению всего заимствованного из Китая. Нужно также иметь в виду, что еще до тех пор в Японию переселялось множество китайцев и корейцев, ремесленников, ученых, художников, юристов и т. д., составивших в Японии заметный процент инородческого населения, но впоследствии вполне ассимилировавшихся.

Уже одна эта «противоестественность» ранней монархии Японии была бы достаточной причиной для того, чтобы воздержаться от истолкования ее в таком небольшом труде как этот. Быть может, когда-нибудь после и в другой работе автору удастся подойти к упомянутой эпохе более основательно. На этот раз пришлось ограничиться лишь описанием самой верхней надстройки. Это — глава о Нарском и Хейанском периодах.

Более подробно мы остановились на периоде Токугава (с 1600 по 1868 г.), обычно изображаемый, как типично феодальный. Нам кажется, что подобное истолкование решительно ничего не объясняет, и что именно дворянско-купеческую власть скрывала под собой токугавская пережиточная надстройка. Собранные нами факты, кажется нам, доказывают это вполне.

Что касается той части книги, которая посвящена новой Японии, то мы руководились в нашей работе стремлением дать побольше того, о чем другие, писавшие о Японии, не говорили вовсе или говорили вкратце. Вот почему вопросам экономики современной Японии уделено в книжке сравни-

тельно мало места. Указываемые в соответствующих местах труды проф. Позднешева, О. Плетнера, Тани, а также Окоркова, для того, кого эти вопросы не занимают специально, дают об экономике Японии вполне достаточно *).

За то тем больше пришлось нам уделить места тем капиталистическим объединениям, не зная о которых, трудно понимать самую обыкновенную статью в газете, самую обыкновенную информацию. Но, между тем, в русской литературе о Японии об этих объединениях говорится обыкновенно очень глухо.

Нами дан здесь ряд зарисовок с указанием политических связей описываемых капиталистических группировок. Они помогут разобраться в той путанице, которая носит громкое наименование борьбы «политических партий», помогут понять, почему мы считаем себя вправе говорить так неуважительно о всех этих Кенсейкаях, Сейюкаях и проч. беспринципных и беспрограммных сконичах дельцов от политики.

Многим покажется рассказываемое о них ересью. Знаем. Но пусть этой ереси будет противопоставлено что-нибудь более убедительное, чем общие фразы и старые мерила, которые были очень хороши 20 лет тому назад, но не теперь.

О внешней политике Японии рассказано здесь очень кратко. И опять-таки из-за того, что она освещалась уже достаточно подробно, — например, в трудах т. т. Павловича и Вилевского. (В той части книжки последнего «Япония», которая касается внутренней жизни Японии, имеется очень много цифровых данных, подлежащих оспариванию. Но мы говорим здесь о части, касающейся внешней политики). По той же причине не останавливаемся мы подробно на японском фашизме и на деталях крестьянского движения. В частности, о фашизме в журнале «Новый Восток» Р. Н. Ким дал почти все необходимое.

Вопросу о японских колониях посвящена здесь одна глава, при чем, исходя все из тех же соображений, в ней обращено на Формозу не меньше внимания, чем на Корею. Дело в том, что Корея освещалась в нашей литературе более или менее подробно (см., например, работу Н. Кима «Под гнетом

*) Что касается фактов, относящихся к экономике самого последнего времени, — скажем 1925—26 г. г., то проработка соответствующего материала ведется студентами-японистами Восточного факультета Дальневосточного Государственного Университета при участии автора этой книги. В недалеком будущем предполагается издание результатов этой коллективной работы.

японского империализма», издание «Книжного Дела»), тогда как Формоза всегда оставалась в тени. А между тем знакомство с нею весьма полезно для всякого, интересующегося вопросом империализма, как в Тихом океане, так и вообще. Кроме того, она интересна и как страна, где до сих пор сохранились очень древние общественные формы.

Несмотря на самоограничение автора, на его стремление по возможности рассказывать, главным образом, о еще не рассказанном другими, книжка все-таки разрослась, и многое из того, о чем хотелось бы поведать советскому читателю, осталось неопианным, а многое затронуто лишь слегка. Автор думает, что читатель сумеет сам додумать до конца недосказанное.

Автор надеется еще раз вернуться к разобраным темам, дополнить сказанное новым материалом и добавить то, о чем, за недостатком места, не удалось рассказать теперь.

Эта книжка писалась при не совсем благоприятных условиях, писалась «между делом», урывками, от одного свободного часа до другого. Много в ней, может быть, не слажено, «не причесано», но что же делать!

Автор все время стремился быть как можно объективнее и избегал скользких путей, предсказаний и поспешных выводов. Вместо этого он предпочитал давать факты. Этих фактов дано не так уж мало.

Создадут ли они у читателя впечатление надвигающейся на Японию ограниченной буржуазной революции? Вряд ли. Вернее всего, что он вместе с автором решит, что нынешний режим Японии, если и сменится когда-нибудь подобием нашей креницины, то не на долго. Сейчас в Японии диктаторствует коалиция золотых мешков с железным кулаком. Ее может сменить иная диктатура. Режим жестов и жалких слов в наши времена надолго не прививается.

Географический очерк Японской империи.

Японская империя расположена между экватором, ставшим ее границей со времени Версальского договора, на юге, и (приблизительно) широтой Северной Франции, Киева, Харькова и Благовещенска — на севере. Крайний восток ее — Маршалловы острова — находятся близко от середины Тихого океана, крайний же запад, — Ляодунский полуостров, — на меридиане границы Забайкалья и Амурской губернии. Таким образом, в широтном и в меридиональном направлении расстояния, отделяющие крайние точки, огромны. Но площадь этой островной империи сравнительно мала: она немного больше площади Франции (без французских колоний).

Коренные владения империи расположены по соседству с Сибирью и с Кореею, через которую китайское влияние уже в начале нашей эры проникло в Японию. От самого Китая Япония отделена «Восточным морем» (Дунхай), достаточно широким, чтобы служить серьезной преградой для сношений в ранний период японской истории. Расстояние Японии от Малаккского пролива, где раньше всего укрепились проникшие до Тихого океана португальцы, велико. Это сыграло известную роль в период «первоначального колониального накопления». По отношению к С. А. Ш. Япония расположена так, что и до сих пор ее портов редко минуют суда, направляющиеся из Америки на Дальний Восток и с Дальнего Востока в Америку. Это обстоятельство имело большое значение для судеб Японии: заинтересованные в торговле с Китаем и нуждавшиеся в попутных портах американцы заставили Японию в 1854 году отказаться от ее прежней изолированности, что послужило тем толчком, который ускорил японскую революцию, покончившую с феодализмом.

Для понимания внешней и внутренней политики современной Японии важно знать, что японские имперские владения своими составными частями отгораживают от океанского простора, как большую часть советских дальневосточных земель, так и почти весь Китай; затем, — что менее важные новые составные части империи расположены как раз на линии тех колониальных владений С. Ш. А., которые длинной цепью связывают Сан-Франциско с Восточной Азией (Гаван, Уэх,

Гуам, Филиппины), что, при нынешней технике сообщений, Китай стал очень близким к Японии и, наконец, что юго-западная часть японских владений вплотную подходит к тем многочисленным островным и полуостровным землям, которые разбросаны между Тихим и Индийским океанами и которые, весьма вероятно, превратятся рано или поздно в один из главных объектов империалистических раздоров. С американскими владениями территория Японии соседит и на крайнем севере (Алеутские острова), и на юге, и на востоке. Близки от нее и мандатные владения Великобритании, отграничиваемые от японских экватором, а также владения Франции и Голландии.

Составные части империи. Их величина, население и положение.

Обычно владения Японии делят на 4 основных группы земель, о площади которых и об относительной ко всей империи, без мандатных островов и без Квантуна, величине Никандо, автор статьи в «Japan Year Book» дает следующие данные:

Собственно Япония	328,415 кв. км.	57,05%
Корея (офиц. Цюосен)	217,826 » »	32,50%
Формоза (Тайвань) и Песка-		
доры	35,969 » »	5,37%
Юж. Сахалин (Карафуто)	34,069 » »	5,08%
Вся империя (без Квантуна и		
мандатных владений)	670,279 » »	100,00%

Для уяснения значения этих данных полезно ознакомиться с величинами площадей других стран. Мы убедимся, что и сама Япония и ее колониальная империя очень невелики. О сравнении последней с Великобританией, Францией, довоенной Германией, Португалией, Бельгией, Голландией и Италией не может быть и речи. Достаточно сказать, что европейская Франция, которая является очень небольшой частью всех французских владений, имеет без Эльзаса и Лотарингии 536 тысяч квадр. километров. Меньше, чем у Японии, колониальные владения Испании и Норвегии (Шпицберген). Но колониальные владения Соединенных Штатов, если считать за колонию и Аляску, больше, чем у Японии. Нужно, однако, иметь в виду, что Южная Маньчжурия, формально часть Китая, является фактически владением Японии в такой же степени, как, например, «независимый» Египет является собственностью Британии.

Более ясное представление о величине отдельных частей японской империи и о их населенности дает следующая сравнительная таблица (данные взяты из справочника, изданного под редакцией проф. Фалькенгейма):

Собственно Япония	382 тыс. кв. км.	60 м. жит. (в 1925 г.)
Польша	367	29 . . . . .
Украина	447	26 . . . . .
Румыния	317	17,4 . . . . .
Финляндия	325	3,3 . . . . .
Англия, Шотл. и Ирландия	314	45,3 . . . . .
Пров. Юньнань (в Китае)	385	от 8 до 12 (предположительно)
Корея	218	17,5 м. жит.
Юго-Славия	272	14,3 . . . . .
Англия	151	36,0 . . . . .
Провинция Шаньси (в Китае)	215	ок. 11,0 . . . . .
Формоза и Пескадоры	36	3,6 . . . . .
Южный Сахалин	34	0,15 . . . . .
Голландия (Евр.)	34	6,8 . . . . .
Австрия	80	6,1 . . . . .
Швейцария	41	3,8 . . . . .
Грузия	6	2,3 . . . . .
Пров. Чжэцзян (самая маленькая в Китае)	96	от 11 до 22 . . . . .

Что касается размеров мандатных островов (Марианских, Маршалловых и Каролинских), то, несмотря на огромность занятой ими части океана (до 4000 с лишним верст по широте и до 2000 верст по долготе), их общая площадь едва превышает 2,5 тысяч квадр. километров. Крупнейший из островов этих групп остров Гуам (597 кв. км.) принадлежит, в виде единственного исключения, С. Ш. А., из японских же островов самый крупный имеет 450 кв. км., следующий по величине 347, а из остальных только семь имеют площадь больше 100 кв. км. Японское население мандатных островов, по тажеетным сведениям, около 3½ тысяч человек. Остальные — микронезийцы и немногочисленные корейцы и иностранцы. Американский Гуам и японский Ян являются важными узлами тихоокеанских кабелей.

Детализируя и дополняя приведенные выше данные, следует прибавить к списку составных частей империи приобретенные ею, во второй половине XIX века, острова Рюкю, вытянутые между собственно Японией и Формозой, острова Цусима или Курильские, идущие от Хоккайдо до южной оконечности Камчатки и острова Огасавара или Бонинские, тянувшиеся от Токио до мандатных владений.

Если не принимать во внимание так называемых сфер влияния и интересов, то этим и исчерпывается список земель, подвластных Японии.

В пределах собственно Японии коренными землями японского племени являются Кюсю, Сикоку и большая часть главного острова, север которого был японизирован окончательно уже в исторические времена. Остров Хоккайдо, на котором сходятся две основных линии северных владений, — Курильских островов и Сахалина, — отличается от других частей собственно Японии многими чертами. Климат там значительно суровее, густота населения меньше, колонизация его была сравнительно недавней, управление им несколько отличается от существующего в более южных землях, характер земледелия там иной, и, наконец, среди постоянных жителей его имеются, помимо японцев, и инородцы — около 30 тысяч айно. В коренных владениях Японии не-японцев насчитывается всего около 200 тысяч, при чем это почти исключительно временные «гости». Корейцы преобладают среди них.

По этнической однородности населения собственно Япония представляет собою почти идеальную страну. Другой пример подобрать было бы очень не легко, — в Европе, например, даже невозможно. В колониях японцы имеют численное преобладание только на Сахалине; в Корее же в 1922 году их было только около 368 тысяч против 17.085 тысяч корейцев, а на Формозе в 1919 году на 153 тысячи японцев приходилось 3.454 тыс. туземных китайцев и 85 тыс. туземцев-аборигенов. Кроме того, там жило около 20 тысяч китайцев из Китая (точнее: из провинций Гуандун, т.-е. Кантонской и Фуцзянь. Обе эти провинции находятся на юге Китая).

Острова Огасавара и Курильские имеют ничтожное постоянное население. Что же касается островов Рюкю, административно входящих в состав собственно Японии, то полумиллионное население их является, хотя и не японским, но, по видимому, близким к нему по происхождению и несомненно близким по языку.

В Квантунском генерал-губернаторстве китайцев свыше полумиллиона, японцев же, включая и население желдоронной зоны Ю.-М. ж. д., было в 1919 году около 128 тыс. человек.

Характерные черты географической карты Японской империи и природы отдельных частей империи.

Если не принимать в расчет мелких островков групп Огасавара и трех мандатных групп, то карта Японии представится в следующем виде:

Вдоль глубочайшего в мире гигантского «рва», где лот в 9933½ метра длиною не достиг (в 1925 г.) в одном месте дна,

вдоль пучины Тускарора и отделенной от нее гребнем островов Огасавара филиппинской пучины, — тянутся с северо-востока на юго-запад островные владения Японии. Они представляют в виде трех громадных дуг, встречающихся своими концами и пересекаемых у одного стыка четвертой дугой — дугой сахалинской, а у другого стыка — пятой дугой — корейской. Все эти дуги имеют приблизительно одинаковую длину (это деление вполне произвольно, научного в нем нет ничего. Оно дается лишь как мнемоническое правило для запоминания основных линий).

Северная дуга — курильская и сахалинская, замыкает Охотское море. Друг с другом они пересекаются в Хоккайдо. Следующая дуга, сплошь надводная, — основное тело Японии. Она прикрывает Японское море, лишая нас вполне свободного выхода в океан. Вместе с Южным Сахалином и Кореей она составляет тот барьер, который давал японским империалистам основание мечтать о превращении Японского моря в «собственное» внутреннее море Японии. Следующая дуга, Кюсю — Рюкю — Формоза, прикрывает со стороны океана Восточное Китайское море. Она состоит в большей части своего протяжения из неблизких друг к другу островов, но все же это достаточно прочная опора для владеющего крупным флотом государства, чтобы оно имело право надеяться на свои стратегические преимущества в войне за Китай с заокеанской державой.

Следующая дуга, Формоза — Филиппины — Борнео — Сингапур, уже не входит в состав Японской империи. Это владения Соединенных Штатов и Великобритании (и на небольшом пространстве Голландии). Она замыкает Южно-Китайское море, единственное море Китая, не отгороженное на большом пространстве японскими владениями.

Две северные дуги, Хоккайдо и небольшой кусочек главного острова помещаются почти целиком в полосе между 40 и 50 градусами сев. широты, т.-е. в той самой полосе, в которой размещены наша Южная Украина, Крым и Кавказ, а в Западной Европе Италия. Но в этой части света слишком сильно дают себя чувствовать холодные ветры с материка и там, где, по аналогии с Западом, мы могли бы ожидать сходства с побережьем Средиземного моря, часто господствуют жестокие холода, а в лесах растут деревья севера. Это область рыболовства и других морских промыслов. Земледелие хорошо развито только на Хоккайдо, но даже туда японский переселенец идет очень неохотно, говорят, он боится «холода». И это на широте Рима, Грузии, Ташкента (а также Южно-Уссурийского края, тоже

несравненно более холодного, чем соответствующие по широте местности Запада).

Между 40 и 30 градусами северной широты, в полосе Малой Азии, Сев. Египта и Месопотамии расположена вся остальная часть собственно Японии и почти вся Корея. Дыхание сурового материка сказывается однако же и здесь. Например, в Токио, средняя температура января оказывается столь же низкой, как и в Лондоне, который расположен севернее не только всей собственно Японии, но и севернее советско-японской границы на Сахалине, — севернее всей Японской империи вообще. Это — область в высокой степени развитой рисовой культуры, шелководства, густого населения и быстрого хозяйственного развития. Середина ее 34—36 с. ш. — средоточие японской промышленности (Осака, Нагоя, Токио) и торговли. Здесь находятся имеющие мировое значение порты Иокохама и Кобе.

Между 30 и 20 град. с. ш. расположены острова Рюкю и Формоза. Середина последней пересечена тропиком Рака. Рюкю и Формоза — единственные части японской империи, где характер подтропической природы не нарушается северными элементами. Формоза является для Японии источником не только риса, но и таких южных продуктов, как камфора, являющаяся теперь фактическим монопольным товаром Японии, и тростниковый сахар, добываемый там, впрочем, не столько благодаря благоприятным природным условиям, сколько из-за политики японского правительства, которое в ущерб внутреннему потребителю поддерживает формозских плантаторов против явской, кубинской, гавайской и иной конкуренции.

Формозой заканчивается цепь земель, формально входящих в состав империи (мандатными землями она не «владеет», а лишь «оокеает их в интересах цивилизации туземцев»). Южный выступ ее расположен на 21—45 с. ш. (сев. оконечность Японии — на 50—56 с. ш.). Между Формозой и провинцией Фуцзянь в Китае расположены принадлежащие Японии Пескадорские острова. Они замыкают вход в Ю.-Китайское море с севера.

Назовем попутно близкие отсюда земли и отдельные пункты, которые хотя и не принадлежат Японии, но все же имеют для нее огромное значение, экономическое или политическое.

У выхода из Южно-Китайского моря в Индийский океан расположен британский Сингапур. На том же море находится в Китае Кантон и отнятый у Китая, теперь британский Гонгконг (порт и крепость). На западном побережье Южно-Кит. моря расположены обширные французские колонии, на востоке — американские Филиппины. Здесь же вблизи раскинулась огром-

ная слабо заселенная (за исключением до отказа перенаселенных Явы и Мадеры, где на площади, равной английской, живет 36 мил. человек). Нидерландская Индия. Обилие всевозможных природных богатств этой области, в частности нефти, избыток во французском Индо-Китае, и отчасти в Сиаме, риса, который Япония ввозит отсюда и из британской Бирмы, — все это, и многое другое, создало в Японии стремление к овладению этими землями. Сторонниками южного расширения являются, главным образом, моряки. Формоза в течение долгого времени находилась под управлением военных.

Мандатные острова расположены гораздо восточнее. Их «южной границей» (на воде) является 0° т. с. экватор. К югу от них расположены восточные части Нидерландской Индии и островные владения Великобритании (частью имперские, частью австралийские). По Версальскому договору ни Британия, ни Япония не имеют права укреплять эти свои «подопечные» владения и обязуются предоставлять там иностранцам такие же экономические преимущества, как и своим собственным гражданам. Продуктами этих тропических, хотя и не слишком жарких, благодаря океану, земель являются фосфаты, копра, рыба, кокосы и другие характерные для тихоокеанских островов товары. Большого значения они ни экономически, ни стратегически, ни культурно, до настоящего времени, для Японии не имели и вряд ли в ближайшем будущем могут иметь. Некоторые из этих островов интересны остатками циклопических сооружений, происхождение которых не выяснено.

Из материковых владений империи Корея является ее «неотделимой частью», Квантун — арендованной областью, а Южная Маньчжурия — «сферой влияния». В пределы японской сферы влияния относят часто и провинцию Фуцзянь, расположенную на побережье против Формозы, но там японское влияние гораздо меньше заметно, чем в Маньчжурии. Говоря о Маньчжурии, нужно иметь ввиду также ту область, которая, не являясь формально ее составной частью, хозяйственно крепко с ней связана и, в силу этого, также оказывается в качестве японской полукolonии. Это — так наз. Восточная Внутренняя Монголия (между Хинганом и Маньчжурией). Таким образом, границей японского влияния в этой части Азии является не условная граница между Маньчжурией и Монголией, а хребет Хинган, отделяющий Восточ. Внутр. Монголию от Халхи. Приобретение японцами права постройки железнодороги Таонаньфу — Ципикар, параллельной Хингану и Ю.-М. ж. д. усиливает японское влияние в этой части Монголии.

Материковые владения и сферы влияния Японии удержива-

ваются ею при помощи той сети желдорго, которая дает ей возможность дешево выкачивать оттуда сырье и дорого продавать там свои фабрикаты, ставя всевозможные рогадки иностранным конкурентам. Эта сеть состоит из следующих желдорго: Дороги Фузан—Сеул—Синийчжоу—Аньдун—Мукден, дороги Южно-Маньчжурской, т.-е. линии, начинающейся в Дайрене (в Квантуне) и через Мукден идущей до Чаньчуня, до соединения с южной веткой К. В. ж. д., и подъездных желдорго, из которых наиболее важны линия Чаньчунь—Гирин, линия Сыпингай—Таонань (от Ю.-М. ж. д. в направлении Монголии), дороги от Сеула до Гензана и далее до Хамгына и линия Чаньчунь—Гирин. Кроме того, нужно упомянуть об отдельной (пока) линии Чхйончжин-Хойрен в северном углу Кореи. Предполагается в близком будущем закончить давно уже намеченный участок от Хамгына до Чхйончжина и провести линию от Хайрена до Гирина и от Гирина до Мукдена. Когда это будет сделано, Корея окажется связанной с Маньчжурией уже не одной, а двумя магистралями, при чем северная магистраль свяжет с Японией и Северную Маньчжурию.

Материковые владения и сферы влияния важны для Японии, как обеспеченные тыловые районы снабжения, как источники сырья в мирное время, как рынки для сбыта продуктов японской промышленности и кустарничества. Но Корейско-Маньчжурская область, как рынок сбыта для Японии, уступает и Сев. Америке и Китаю без Маньчжурии. Ее можно поставить в этом отношении на ряду с брит. Индией. Корея помимо прочего является поставщицей части необходимого для Японии риса и металлов. Маньчжурия дает много разных продуктов, в том числе бобов, которых она производит больше, чем любая иная страна. Заинтересованными в эксплуатации этих областей являются, гл. образом, крупные фирмы монопольного типа, тесно связанные с властью. Как места для переселения избыточного крестьянского населения собственно Японии, они имеют пока очень малое значение — не большее, чем имеет Туркестан для Европейской России.

Взаимоотношения составных частей Японской империи. Международная роль Японии.

Таким образом, Японская империя, в отличие от империй, созданных Великобританией, Францией, обладающими колоссальными пространствами в пределах метрополии С. Ш. А. и т. д., является очень небольшой по размерам. Она окажется небольшой даже в том случае, если мы включим в ее состав и

большую часть Маньчжурии и Внутр. Монголия. С другой стороны, та небольшая внешняя территория, которая формально подчинена Японии, имеет население только раза в три меньшее, чем вся колоссальная колониальная империя французского капитала. По интенсивности использования колоний, Япония тоже обогнала ту же Францию, большая часть колоний которой, и как источник сырья, и как рынка сбыта, и как место размещения капитала, играют ничтожную роль. (Исключения составляют Алжир, Тунис, Марокко, старые островные владения и отчасти Индо-Китай).

Несмотря, однако, на большую интенсивность эксплуатации японских колоний, все они, вместе взятые, не обеспечивают и, вероятно, никогда не будут обеспечивать свою метрополию ни аграрным сырьем, ни продуктами горной промышленности, ни пищевыми продуктами. Как рынки сбыта они тоже недостаточно емки. Отсюда стремление к дальнейшему расширению, объектом которого уже издавна является Китай, а в мечтах — и Австралия. В связи с этим, японское управление в колониях имеет ярко выраженный военно-оккупационный характер, который не может быть скрыт попытками внешне «огражданить» его. Ни о каких шагах в духе британского колониального либерализма (введение частичного самоуправления), нет пока и речи. Опору для своей власти в колониях японский капитал ищет не в тех или иных слоях туземной буржуазии, как это наблюдается в британских колониях, а в переселенцах в колонии японских полицейских, привилегированных в том или ином отношении рабочих, в кулаках, шпиках, мелких служащих и даже проститутках. Неравноправие японцев и не японцев подчеркивается и фиксируется в законах. В этом отношении японцы придерживаются той же практики, что и французы, они гораздо более реакционны, чем даже царская Россия. Равноправием в Японии пользуются только малочисленные жители Рюкю и инородцы Хоккайдо.

Уже это одно заставляет рассматривать собственно Японию отдельно от Кореи и Формозы.

В заключение следует отметить, что, несмотря на то, что развитие производительных сил Японии слабее, чем, скажем, в ныне развалившейся Австро-Венгрии, она все же имеет колоссальное значение в международной политике. Это обусловлено ее исключительным географическим положением. От Европы она отделена громадным пространством слабо заселенной Сибири, от С. Ш. А. и Канады — океаном, который даже самые быстрые пассажирские пароходы пересекают лишь в 10 дней, но от Китая находится настолько близко, что не считается с ее

голосом в принимающих столь крупное значение китайских делах — невозможно. Это тем более невозможно, что, как уже сказано, Япония своими владениями блокирует подступы к Китаю со стороны океана.

В силу всего, что здесь сказано, внешняя политика заметно отражается и на ведении внутренней политики Японии.

Географический очерк собственно Японии.

Если изображение на карте Италии напоминает сапог, а Европа в целом даму, то очертание Японии, при наличии некоторой фантазии, можно подогнать под изображение приподнявшего хвост и устремившегося к добыче древнего ящера, ихтиозавра. Роль добычи выполняет в данном случае остров Кюсю, расположенный на крайнем юге, а роль хвоста «ихтиозавра» — северный остров Хоккайдо, ближайший сосед Сахалина: нижнюю челюсть чудовища изображает остров Сикоку, а верхнюю челюсть — та часть главного острова Хонсю, которая называется Цюгоку-цихо.

Там, где полагается быть шее, находится одно из самых узких мест Японии *). Если вы взглянете на карту, то увидите здесь, ближе к Японскому морю, чем к Тихому океану, довольно большое озеро. Это — знаменитое своими красотами, связанное со многими историческими воспоминаниями озеро Бива. Оно послужит нам в ориентировке по карте Японии.

Древняя столица Японии Киото (765 т. жит. в 1925 г.) или, как его некогда называли, Хейан, расположена в ближайшем соседстве от озера, у его южной оконечности. «Японский Манчестер» — Осака в 1920 г. без пригородов имела 1¼ мил. жит., но с включенными теперь в него пригородами Осака превратилась в самый большой город Азии, Африки и Австралии. Осака имеет теперь 2.107 т. ж. Она лежит на море, всего в нескольких верстах от Киото. Кобе (642 т. ж.) тоже находится в расстоянии 5—6 часов ходьбы от Киото и от Осаки. Восточнее Бива вы найдете город Нагоя (430 т. жител. в 1920 г. **); а к северу от Бива, приглядевшись попристальнее, найдете небольшой порт Цуруга, интересный для нас тем, что через него идет наша связь с Японией.

Этот район — коренная область расселения японцев; здесь был их политический центр (вернее, сменявшие один другой

*) Те, кто не увидят в очертаниях Японии «ихтиозавра», отыщут это место, просто проследя, где находится 138 меридиан.

**) По переписи 1925 г., в Нагоя свыше 760 тыс. жит., сообщено «Джапан Кроникл». Вероятно, газета просто допустила опечатку.

центры) в тот ранний период, к которому относятся первые проблески достоверной японской истории, здесь было средоточие торговли с Китаем, здесь было самое густое население, здесь же, наконец, находилась та провинция, именем которой и по сей день называют порой всю Японию. Это — Ямато, которая занимала место нынешней губернии Вакаяма, что лежит на широком полуострове к юго-востоку от Осака. В настоящее время этот район является наиболее промышленным и торговым уголком Японии.

Следя вдоль тихоокеанского берега от Нагоя к северо-востоку, вы без труда отыщете город Сидзуока (74 тыс. жит.), важнейший центр производства чая, а затем прославленную японскими поэтами и художниками гору Фудзи-сан (или, как ее называют не-японцы, Фудзи-яма, что для японского уха звучит очень вульгарно, ибо японец всегда предпочитает так наз. «китайское» чтение иероглифа, своему родному японскому *).

Небольшой полуостров, находящийся южнее Фудзи-сан, Идзу, заслуживает быть отмеченным. Этот полуостров является концом той горной гряды, которая в течение многих веков служила естественным рубежом между японскими «Западом» и «Востоком», между областью первоначального заселения и теми позднее заселенными землями, где с 12 века развилось так наз. военное правительство (бакуфу), точнее «палаточное». Находящийся здесь Хаконе'ский проход, место прогулок туристов теперь, был когда-то стратегическим ключом для всего «востока» — всего Канто, как и по сейчас, в отличие от Киото-ского района (Кансай), называют Токиоский район.

Побережье к востоку от Идзу — второй, особенно важный район Японии. Здесь находится столица империи, Токио (2.173 т. ж. в 1920 г., 1.986 т. ж. в 1925 г.), совсем недалекий от нее, всего в получасе езды, торговый порт Иокохама (423 т. ж. в 1920-м г., 407 т. ж. в 1925 г.), военный порт Йокосука (90 т. ж.), кроме того, древняя столица сйогунов (глав одной из «военных империй») Камакура и множество других дачных мест, обслуживающих жителей столицы и проживающих в Иокохама иностранцев**).

Это второй по значению промышленный район Японии.

*) Слово «сан» означает также «господин» или «госпожа» в смысле приставки к фамилии. В данном же случае «яма» и «сан» — два чтения одного и того же иероглифа «гора».

**) Камакура теперь маленький городок. Уменьшение населения в Токио и Иокохама — результат землетрясения 1923 года.

Восточнее его берег круто меняет направление и идет почти прямо к северу. Из более или менее крупных городов вы найдете здесь, на 38° широты, только Сендай (119 тыс. жит. в 1920 г.), где имеется недавно основанный Северо-Восточный университет. Губернии этой части главного острова уже сравнительно не густо заселены и земледелие в них является несомненно преобладающим занятием в большей степени, чем в центральных местностях. Климат здесь суровее, лесов больше, но вы уже не встретите среди них столь обычную к югу от Токио пальму.

Южнее 42 параллели главный остров обрывается, а за нешироким Цугара'ским проливом лежит уже та часть японской территории, которая еще сравнительно совсем недавно, всего лет 75—100 тому назад, имела очень небольшое японское население. Это — остров Хоккайдо или, как его прежде называли, Едзо, бывшие владения слабого феодала, даймио Мацумае.

По своему климату, растительности, строению поверхности и по наличию вымирающего племени айно, по внешности напоминающего европейцев, Хоккайдо во многом отличается от коренных японских земель. Здесь зимние морозы — обычное явление, среди здешних деревьев много представителей севера, здесь есть спокойные многоводные реки, широкие долины, большие сельскохозяйственные фермы и есть, наконец, совсем мало заселенные местности. Хоккайдо — это уже отчасти переход к Сибири.

В последние годы Хоккайдо развивается сравнительно быстро; так, добывание угля приняло на нем довольно крупные размеры, много добывается рыбы, растет и земледелие. Появились и большие города. Среди них самый значительный Хакодате (145 т. ж.), обычная станция для пароходов, идущих из Владивостока на Камчатку; затем Отару (108 т. ж.), расположенный на 43° широты, в углу, образуемом западным берегом, и Саноро (103 т. ж.) в середине. Кроме того, следует упомянуть о г. Мурораи (56 т. ж.), где имеется большой металлургический завод. (За отсутствием у нас данных 1925 г., население указано и здесь и ниже на основании данных 1920 года).

Возвратимся к главному острову — на его побережье, обращенное к Японскому морю.

По своему климату оно холоднее тихоокеанского, но эта разница в климате чувствительна для японцев лишь потому, что они живут не в домах, в нашем понимании этого слова, а в чем-то весьма легковесном, напоминающем больше наши бараки или даже беседки. Температура в них обычно лишь на один гра-

дус отличается от наружной. Больше неудобств, чем «холода», доставляет здешним японцам выпадание глубоких снегов. Из важных пунктов этого побережья отметим порт Нингата (92 т. жит.), на 36 параллели, против о-ва Садо и Канадзава (129 т. жит.), расположенный южнее рогообразного полуострова Ното. Канадзава — один из центров шелкового производства. Район к северу от Нингата имеет небольшие запасы нефти, не удовлетворяющие, однако, потребностей Японии.

Область, лежащая западнее Киото, принадлежит к числу густо населенных и имеющих значительное число крупных городов, из которых следует упомянуть Окаяма (94 т. ж.) и Хиросима (160 т. ж.). В первом из них (на 134° в. д.) развита промышленность и имеется довольно много рабочих. Близ второго, важного торгового пункта, находится город Куре (130 т. ж.), где есть верфи, портовые сооружения и, следовательно, много рабочих. Хиросима и Куре находятся близ «зуба» верхней челюсти.

Юго-западная оконечность главного острова называлась прежде провинцией Нагато или Цюсю, это было основным владением того княжества, которое сыграло огромную роль в период реформ. Важнейший город этой местности Симносеки (72 т. ж.) расположен как раз на «носу ихтиозавра». Существует проект провести большой тоннель под дном пролива, отделяющего в этом месте главный остров от Кюсю и город Симносеки от его соседа Модзи (72 т. ж.), но этот проект за неимением средств пока отложен.

Та часть водной поверхности, которая заключена между западной частью главного острова и Сикоку, называется японским Средним (Средиземным) морем. Многие путешественники приходили в восторг от красоты его берегов.

На Сикоку в нашем, более чем кратком, очерке останавливаться не стоит, но, что касается Кюсю, то этот остров заслуживает большого внимания.

Восточная часть Кюсю сравнительно слабо заселена и не слишком богата путями сообщений. Но западная часть диаметрально противоположна ей не только в смысле географического положения. Это — район богатый углем, запасы которого превышают все остальные запасы Японии, вместе взятые. Сосредоточены они близ Модзи и Фукуока (95 т. ж.). Здесь же находится тот город, где стоит большой сталелитейный казенный завод, дающий около половины всей стальной продукции Японии. Этот город — Явата (100 т. ж.).

В крайнем западном углу острова находится военный

порт Сасебо (87 т. ж.) и коммерческий — Нагасаки (176 т. ж.). Нагасаки давно уже уступил торговое первенство не только Иокохаме и Кобе, но и близкому от него Модзи, а когда-то это было единственное окно в Европу и вообще во внешний мир. Зато Нагасаки имеет великолепно оборудованный кораблестроительный завод Мицубиси. Это крупнейший завод вне Европы и С. Ш. А. Кагосима (102 т. ж.) и Кумамото (70 т. ж.) — два другие города Кюсю, заслуживающие внимания.

Крайняя южная оконечность Кюсю в феодальные времена принадлежала даймию (феодалу-владельцу) Симадзу. Эта провинция Сацума, о которой до сих пор постоянно говорят, как о родные члены одного из двух играющих наибольшую роль в политике Японии кланов.

Кроме перечисленных земель, к собственно Японии относят два острова Цусима, находящиеся на пути в Корею (около них погибла в 1905 году эскадра Рождественского), острова Огасавара (или Бонинские), вытянувшиеся от Токио к экватору и ряд других. Один из них — о-в Мацусима (или Дагелет) — находится в Японском море, довольно далеко от Хонсю; с паромов, идущих из Владивостока в Шанхай, его окутанные легким туманом скалы, сосны и обрывы видны довольно отчетливо. Это один из красивейших уголков не одной только Японии.

Курильские о-ва, по-японски Цусима, административно тоже входят в состав метрополии. Острова Рюкю — тоже.

Из не упоминавшихся здесь городов имеется всего два, население которых 1-го октября 1920 года превышало 80 тысяч. Это — Сакаи и Вакаяма, оба соседи Осаки. О первом из них, как о единственном в феодальной Японии вольном городе, говорится в историческом обзоре. Теперь это текстильный центр. Остальные не названные города имели в 1920 году (после переписи произведена 1 окт. 1925 года; результаты ее еще не выяснены) меньше, чем по 70 тыс. жителей. О некоторых следует все же упомянуть, так как они часто фигурируют либо в связи с рабочим движением, либо интересны в связи с чем-нибудь иным. Перечислим их в порядке убывания численности их населения.

Гифу — главный город одноименной губернии, в которой движение эксплуатируемых арендаторов пахотных земель уже в начале 1920-х годов приняло сильные размеры. Город расположен недалеко от Киото и от Нагоя.

Фукуи — один из центров шелководства и обработки шел-

ка. Он находится между Канадзава и Цуруга, т. е. близ побережья Японского моря.

Аомори — порт на крайнем севере главного острова.

Нара — столица Японии 8 века, славящаяся своими древностями. Она недалеко от Осака. В ней теперь около 40 т. ж. В перечисляемых же ниже меньше 40 тысяч.

Мито — центр умственного движения XVIII века. Расположен севернее Токио.

Кусиро — порт на Хоккайдо, на его восточном берегу.

Амагасаки — промышленный город близ Кобе, имеющий 38 тысяч жителей, из которых много рабочих.

Акита — порт на побережье Японского моря на севере главного острова.

Йокканци — порт близ Нагоя.

Асио — центр добывания меди. Расположен близ Никко (см. ниже).

Нафа — гл. город островов Рюкю. Он невелик. Всего около 25 тыс. жителей.

Всего городов с населением от 70 тысяч и более имелось в 1920 г. 27, из которых 6 очень больших. Все они уже названы здесь. 27 городов имели от 40 до 70 тысяч жителей и столько же от 25 до 40 тысяч.

Из маленьких городов и поселений заслуживают упоминания Никко, куда храмы, могилы сёгунов и красоты природы привлекают много туристов (о Никко, как о Неаполе, говорят, что кто его видел, может спокойно умереть), известные в истории Японии Одавара и Камакура и находящийся по соседству с ними, на заливе Сагами, Атами, климатическая станция, вечно переполненная отдыхающими дельцами, сановниками и неизбежными иностранцами.

Три главных острова Японии разделяются на губернии, размерами значительно уступающими самым маленьким из наших губерний. Обычно их население от 600 тысяч до миллиона. Однако в некоторых, особенно в имеющих в своих пределах большие города, население гораздо больше. По-японски губерния называется либо «кен», либо «фу». Кен — это название «рядовых» губерний, а фу имеется всего три: Токио-фу, Осака-фу и Киото-фу. Остальные губернии именуются иногда по своему главному городу, а иногда нет. Так, та губерния, где расположен город Кобе, носит название Хёго; губерния города Иокосама называется Канагава; губ. города Нагоя — Айчи.

До нового времени Япония делилась не на кены и фу, а на

кунн или коку, если произносить соответствующий иероглиф «по-китайски». Это старинное деление держалось во всяком случае больше 1000 лет и сплошь да рядом применяется в печати, разговоре и географических описаниях поныне.

О физико-географических чертах Японии и о населении мы вкратце, попутно, скажем ниже, в экономическом обзоре. Здесь же, поскольку дальше идет исторический обзор, отметим, не детализируя, крайнюю пересеченность этой почти сплошь горной страны, с ее быстрыми и капризными речками, то незаметными, то дико рвущими и затопляющими деревни, чрезвычайную изрезанность берегов, несходство климата в совсем близких друг от друга пунктах, значительный лесной покров в горных районах, которых гораздо больше, чем холмистых, а тем более — равнинных и, наконец, сравнительную отдаленность от Китая, игравшего для Японии ту же роль, какую для европейцев играла Эллада и Рим. Конечно, при нынешней технике транспорта, далекое стало очень близким. Но в историческом прошлом даже Корея для центральной части Японии была сравнительно отдаленной страной (третьим соседом Японии было тогда почти независимое государство на островах Рюкю, четвертым — государство Бохай, занимавшее территорию нашего нынешнего Приморья; в XIII веке оно погибло *).

Небольшие размеры книжки не позволяют нам расширять наш географический очерк. Ограничимся, поэтому, существеннейшим. Интересующиеся же более подробными сведениями смогут найти достаточно материала в напечатанной в 1925 году «Современной Японии» Юркевича, собравшего очень солидный материал, в работе проф. Позднеева, в безымянных изданиях военведа, а в кратком виде — в «Справочнике-Японии» Плетнера. Но прежде, чем идти дальше, следует, на случай всяких недоразумений, выяснить вопрос о различном способе изображения японских названий на наших картах. Очень может быть, что вы все глаза просмотрите, но ни Рюкю, ни Цусима, ни даже Кюсю на вашей карте не найдете. Вместо них вы наткнетесь на какие-нибудь «Лиу-Киу», «Чи-шима», «Клу-спу» и т. д., и если потом вы упомянете эти названия при японце, то он вас просто не поймет. В японском языке нет и не было никаких «чи», «ши», «лиу» и тому подобных вещей. Япо-

*) Поскольку известно автору, проф. Дальнев. Государств. Унив. А. В. Гребенщиков готовит работу о Бохай. Частично сведения о Бохай имеются в трудах В. Кл. Арсеньева, известного исследователя природы и народностей нашего Дальнего Востока.

нец, даже стараясь, не произнесет эти звуки. Шипящих звуков вообще нет у японцев — есть только слегка шепелявящее «си», но европейцу лучше попросту говорить «си», не пытаясь шепелявить. Нет у японцев и «ж» (не существует, значит, и «Фуджы»), совершенно отсутствует «л», обычно заменяемое «р» (не очень, впрочем, раскатистым, не таким, как наше или у испанцев), нет и всяческих кю, кио, рю и риу; это — испорченное кю, ке, ре и рю.

I.

Очерк истории дореформенной
Японии

Древность Японии. Происхождение японцев и их язык.

«Народами-старцами» назвал один автор китайцев, японцев и корейцев и он был, действительно, прав в отношении первых. Китайский народ, конечно, «старец», по сравнению с нами, чьи предки всего лишь около тысячи лет тому назад появились на исторической сцене, — появились тогда, когда Китай имел уже в своем прошлом свыше полутора тысяч лет (хронология Китая может быть прослежена из года в год с 841 г. до нашей эры) вполне достоверной истории, а если считать с 2000 года до нашей эры, когда произошло отмеченное в китайских летописях и проверенное вычислением затмение солнца, то даже 2½ тысячи лет *).

Но выражение «народ-старец» вряд ли можно применять к корейцам, о жизни которых в эпоху существования Римской империи мы, в сущности, почти ничего не знаем. Не подходит оно и к японцам. Французы, германцы и испанцы, не говоря уже об итальянцах и греках, в большей степени заслуживают это название: ведь галлы, например, уже в конце до-христианской эры были хорошо известны античным народам, предки испанцев были известны еще лучше, хорошо известны были и германцы. А о Японии III века нашей эры ее соседи, — китайцы, — имевшие уже тогда достаточно ясное представление о западных народах, не знали почти ничего. Разве можно считать знанием то, что выявлено в таком, например, сообщении:

— Есть на Востоке страна Ва. В ней имеется 300 княжеств и правит там старая колдунья.

А это сообщение относится уже к сравнительно позднему времени, когда Китай, несомненно, имел торговые и иные связи с арабским и греко-римским далеким Западом.

Но, быть может, проще будет обратиться к японским источникам непосредственно? Но какова их цена, как исторического материала, об этом лучше всего скажут хронологические даты. Первая японская летопись, дошедшая до нас пол-

---

*) Проф. Кюнер «История материальной и духовной культуры Китая».

ностью, написана в 712 г. н. э., а основание японского государства приурочивается самой летописью к 660 году до начала н. э., при чем из той же летописи видно, что календарь стал известен Японии только в 553 году по Р. Х. и что с письменностью японцы познакомились лишь благодаря китайцам. Не нужно долго размышлять, чтобы понять, как мало достоверного в летописи, охватывающей целых 13 веков и написанной «по памяти» *).

Само собой разумеется, и эта первая летопись (Кодзики), и другая, написанная восьмью годами позднее (Нихонги), насквозь пропитаны фантазией, так тесно переплетающейся с чем то похожим на достоверное, что об отделении одного от другого и думать не приходится. Лица, описанные в этих летописях, чуть ли не все без исключения живут по 100 и более лет, а один ухитряется прожить даже целых триста, совершают они, эти люди, самые невозможные вещи, встречаются с самыми невероятными существами и проявляют необычайную мудрость. Эти древние теппо (цари) Японии, включая и первого из них, Дзимму-тенно, вряд ли могут считаться более историческими лицами, чем, например, Святогоры, Вольги и прочие богатыри наших сказаний. Но Дзимму-тенно — не первый во времени герой повествования. По Кодзики и Нихонги, — он лишь один из потомков целого ряда царей-богов, ведущих свое происхождение от богини солнца, Аматерасу, которая, в свою очередь, родилась из глаз бога Идзунами, отца многих других богов. Легенды об этих богах, имя которым легион, настолько слиты с повествованиями об их человеческих потомках, что провести грань между теми и другими почти невозможно. Это тот материал, который подлежит изучению скорее этнолога, исследователя первобытных культур, филолога, археолога и антрополога, чем историка.

Так или иначе, ни один современный историк 660 год до Р. Х. за исходный не примет. Он предпочтет вести счет либо, примерно, с III века по Р. Х., т. е. с того времени, когда в Риме уже ощущались признаки приближающегося упадка, и когда в соседнем Китае уже закончился знаменитый своими культурными и политическими достижениями период Хань-

*) Мардок, автор истории Японии, своеобразно объясняет, откуда могла взяться такая дата, как 660 г. до н. э. Он полагает, что здесь сыграл роль предрассудок о приуроченности крупных событий к определенным моментам больших и малых циклов. Разъяснить гипотезу Мардока слишком долго.

ской династии, либо даже с V века, в котором, по Чемберлену, одному из самых видных японоведов, заключена первая проверенная историческая дата — 461 год.

Все то, что Кодзики и Нихонги, кстати сказать, противоречащие друг другу на каждом шагу, относят к периоду до V века, не подтверждается в отношении отдельных фактов ни китайцами, ни корейцами. Лишь события, отнесенные летописями к V веку, кое-чем подтверждаются соседями японцев, но полное совпадение начинается лишь с 480 года. Исходя из этих данных, один японский ученый попробовал придвинуть некоторые более достоверные, описанные в летописях события до 258 года н. э., а события, послужившие темой легенд о Дзимму-тенно, отнести ко временам Августа. Если он и прав, то японская история окажется все же более короткой, чем история французов, галлов, хотя, конечно, более длинной, чем наша.

Японцев, поэтому, следует относить к числу новых народов, а отнюдь не «старцев».

Попутно следует прибавить, что нынешнее название Японии, Н и х о н или Н и п п о н (это переводится с натяжкой словами «Восходящее Солнце») употреблено впервые только в 670 г. До тех пор для обозначения всей Японии употребляли название области, завоеванной выходцами с Юга, овладевшими впоследствии всей страной. Название это — Ямато.

Мы не станем останавливаться здесь подробно на вопросе о происхождении японского народа: приводить все высказанные по этому поводу предположения довольно трудно, а ясности все равно не внесешь. Интересующиеся этим могут обратиться к имеющейся на русском и иностранных языках литературе, в частности, к тщательно проработанной книге «Япония—государство и народ» ленинградского профессора Конрада, или к популярно изложенной старой книге Николаева «Очерки истории японского народа» *). Здесь достаточно будет сказать, что имеются многие данные, говорящие за то, что

*) Николаев, книга которого является в сущности сокращенным переводом книги Бринкли, пропустил одну интересную деталь, отмеченную в оригинале. Она касается типа японских дольменов. Эти каменные могильники, пишет Бринкли, непохожи на корейские; сходные сооружения можно найти лишь далеко-далеко на кельтском западе. Действительно ли это так—это вопрос, который следовало бы поставить себе нашим археологам, в частности исследователям «Кондуйского городка» в Забайкалье (к северу от ст. Борзя, близ станции Цаган-Ола).

предки японцев пришли из Кореи, которая и впоследствии, вплоть до сегодняшнего дня, от времени до времени давала переселенцев Японии. Имеются, с другой стороны, основания думать, что японцы не чужды по крови и жителям Полинезии и Малайи. Недавно была сделана попытка свести к единству легенды Маори (жителей Новой Зеландии, кстати сказать, колоссальным ростом и почти семитическим типом лица, резко отличающихся от японцев) и легенды Японии. Сходство находили и в языках. Но нам кажется, что вся эта работа мало дала положительного. Что касается некоторого сходства архитектуры Японии и Полинезии, то она может быть без труда объяснена сходством условий существования.

Многие думают, что Япония совсем не знала ново-каменного века. Открытия 1923—1925 годов опровергли, однако, это мнение. Нахождение древних лодок с несомненностью установило, что эти лодки были сделаны при помощи отшлифованного каменного топора, найден был и сам топор, повидимому, использованный последний раз около 3000 лет тому назад. Как и в других странах, камень был вытеснен бронзой, а бронза, в свою очередь, железом. Николаев в своей книге отметил со слов Бринкли, что железные изделия никогда не встречаются там, где бронзовые и наоборот, при чем могилы в обоих случаях разного типа (курганы и дольмены), но самые орудия по форме сходны. Отсюда и пошло предположение о двух волнах переселения из одной и той же страны на материке.

Каково бы ни было происхождение японцев, с несомненностью можно установить лишь то, что в III веке японское племя не занимало еще всей нынешней Японии. Северный остров Эдзо (теперь его зовут Хоккайдо) и северо-восточная часть главного острова была еще в руках инородцев, от которых теперь сохранились лишь жалкие остатки в виде нескольких тысяч айно («похожих лицом на настоящих москвичей», как выразился один из исследователей). Инородцы жили и на крайнем юге, на острове Кюсю. Были они и в центре. Борьба с южными инородцами заполняет всю древнюю историю Японии, вплоть до середины V века.

На севере борьба с инородцами продолжалась и позже, вплоть до нового времени. Однородность населения всей Японии — это уже присуще Японии последних веков, когда некогда многочисленные айно превратились в нечто музейное. Эта однородность стала, впрочем, нарушаться в последние несколько лет постоянным приливом извне корейцев, численность которых в Японии уже теперь много больше 100 тысяч. Они и

китайцы прибывали в Японию в прежние века, но это были струйки, быстро терявшиеся в японской массе.

Скажем теперь несколько слов о японском языке, в строении которого многие искали отгадки происхождения японцев.

Если бы своеобразие языка какой-нибудь страны можно было бы считать за доказательство того, что жители ее с незапамятной древности не имели связей с внешним миром, то теорию происхождения японцев от переселенцев с материка пришлось бы отбросить сразу. Но при отсутствии искусства письма, при отсутствии закрепления звуков на бумаге, язык изменяется, быть может, гораздо скорее, чем мы себе представляем. Некоторые миссионеры, жившие среди дикарей, утверждали, что 20 лет достаточно, чтобы язык изменился до неузнаваемости. С другой стороны, сходство языков разных тихоокеанских островов, разделенных огромными пространствами воды, говорит как будто бы о противоположном. Сходство языков якутов и турок тоже не подтверждает вывода миссионеров. Впрочем, это вопрос компетенции филологов. Здесь мы удовольствуемся лишь указанием того, что японский язык в том виде, в каком он был на заре достоверной истории, не похож ни на один язык, кроме лишь языка полумиллиона жителей островов Рюкю (уже свыше 50 лет тому назад окончательно ставших японскими владениями). Острова Рюкю тянутся от Южной Японии до Формозы.

Но это единственный «родственник». Корейский язык несколько сходен по грамматическому строю с японским. Сходны с ним, говорят, все так называемые «урало-алтайские» языки, даже венгерский и финский, но вот по корням слов японский язык совершенно своеобразен; если некоторые из них и похожи на чужие корни, то это, вероятно, простое совпадение — не больше («баба», например), но и такие можно перечислить при помощи пальцев одной руки.

Заметьте, однако, — мы говорим о древнем японском языке, о том языке, на котором говорили 800—900 и более лет тому назад. Позже в японский язык стали проникать совершенно чуждые ему китайские (а впоследствии отчасти и индийские, голландские, португальские, наконец, английские слова). Сначала китайские слова входили единицами, десятками, сотнями, потом тысячами, а под конец они нахлынули в таком количестве, что почти совершенно окитаили японский язык. Современный язык науки, газет, философии содержит несравненно больше слов китайского происхождения, чем японского. Можно сказать, что китайский язык полностью вошел в японский,

во всяком случае, — он проник в японский в еще большей дозе, чем французский в английский, в котором французские слова тоже оттеснили старые англо-саксонские, германские слова. Но об этой китанизации японского языка придется сказать впоследствии. Пока это будет просто непонятно.

Повторяем, древний японский язык отличался от китайского не меньше, чем отличался китайский от русского *).

Основные подразделения японской истории, в связи с историей других стран.

История Японии, как, впрочем, история любой вне-европейской страны, большинству русских читателей неизвестна вовсе. Не лишним поэтому будет предпослать основному изложению краткий общий ее обзор, указав в нем те исторические подразделения, которые, конечно, всегда более или менее искусственны. Но читателю они помогут ориентироваться в новой для него области.

Древнейший период — приблизительно от начала нашей эры до середины V века. На Западе это было временем политического расцвета и падения императорского Рима. В соседнем с Японией Китае — временем сначала расцвета империи династии Хань и мощного проникновения индийских влияний и затем распада империи. На материке Евразии (Европо-Азии) связь между Китаем и Средиземноморским бассейном поддерживалась купцами, пилигримами и цепью китайских военных постов, растянувшихся от коренного Китая до Туркестана. Но в IV веке, когда происходило Великое Переселение Народов, сухопутная связь Китая с Западом была прервана.

Японцы этого периода разделяются на отдельные племена со стоящими во главе их аристократическими родами. Эти племена занимают приблизительно треть нынешней Японии. Рядом с ними живут инородческие племена, с которыми все время идет борьба. Земледелие уже и тогда является основным занятием японцев. Они употребляют железные орудия, имеют скот, ловят рыбу, охотятся. Города, конечно, отсутствуют. Торговля внутри страны меновая. С внешним миром связь вначале очень слабая. Приблизительно в III или IV веке в Японию появляются переселившиеся из Кореи, а потом и из Китая, ремесленники, главным образом, ткачи и прядильщики. Они становятся чем-то вроде личных подданных одного из родовых старшин, признаваемого остальными, если не своим государем, то во всяком случае «первым среди равных». Он играет роль первосвященника. Мало-по-малу его влияние усиливается. Одновременно из родовых старейшин формируется общенациональная аристократия. Этот процесс объединения идет параллельно с процессом развития торговли с Китаем.

*) Книжка была уже сдана в печать, когда автору удалось прослушать лекцию проф. Поливанова, автора оригинального труда о «музыкальном ударении» в японском языке. Сущность изученного профессором Поливановым явления заключается в том, что японскому языку свойственно произношение определенных слов определенной неизменной интонацией. У нас интонация (тон) свойственна фразе (так, например: «ты взял!», «ты взял?» и просто «ты взял»), в китайском языке — слогу, имеющему, как правило, смысл целого нашего слова. В японском же языке тон связан с двух и более сложным словом. В современном японском языке тонация почти исчезла или исчезает, но в архаических формах языка, еще сохранившихся на острове Сикоку, эти тоны существуют и поныне. Такое же явление отмечено и в языках малайцев и полинезийцев. Сравнение однозначных японских и малайских слов, мало давшее при ограничении внимания так сказать «буквенным» составом слов, оказалось более продуктивным, когда внимание было обращено и на тонацию. Таким образом, удалось установить гибридность японского языка, его двойственное происхождение: с островов юга и с материка. Это, конечно, является солидным подтверждением теории происхождения японцев от двух племен, явившихся в Японию с разных сторон.

Конец этого периода отмечен некоторым усилением культурных влияний извне, распространением китайской письменности, не слишком, впрочем, сильным, окончательным замирением инородцев на юге. По японским данным, формирующееся японское государство охватывает к концу периода значительную часть нынешней Японии. Однако, сравнительно густо населен только район нынешних Осака и Киото и то, что находится западнее и южнее его. Район нынешнего Токио еще пустынен и инородцев там много. Борьба с ними продолжается несколько веков и после.

Летописные исторические данные, касающиеся конца этого периода, но написанные значительно позже, уже более или менее подтверждаются показаниями китайцев и японцев. А до тех пор Японию внешний мир не знал почти вовсе; впервые китайцы упоминали о ней во II веке нашей эры (есть, впрочем, одно указание на то, что китайцы знали о японских островах в III веке до нашей эры).

К концу периода относится первая проверенная дата в истории Японии.

VI и VII века. Это тот период, когда в Европе на развалинах Западно-Римской империи слагались германские государства, когда на Востоке Европы процветала Византийская империя, где в середине VI века правил Юстиниан Великий, при котором был составлен Свод Римского Права, и когда прежние африканские и азиатские провинции империи переходили и в конце концов окончательно перешли в руки мусульман (641 г. завоевание Египта Омаром).

В Китае VI век был последним из трех веков раздробления, происшедшего после распада Ханьской империи, и временем быстрого распространения буддизма. В одном только из нескольких китайских царств насчитывалось до 30 тысяч буддийских храмов и до 200 тысяч монахов и монахинь. В начале VII века Китай опять объединяется под властью Танской династии (в 618 г.), продержавшейся около 300 лет. Это было временем непревзойденного развития поэзии (переводы великодушных образцов ее могут доставить большое эстетическое наслаждение и нашему современнику), оживленных торговых сношений с арабами, развития внутренней торговли (Великий Канал начал строиться еще в VI веке), процветания живописи и необычайного расширения империи, включающей в свой состав, по словам китайских историков, Индо-Китай, Корею, наше Приморье, Монголию, Тибет, Восточный Туркестан и даже часть нынешнего Узбекистана до Аральского моря.

Связь Китая того времени с Индией была очень тесная.

В Индии в то время процветал буддизм, который в начале VII века имел могучего покровителя в лице Мальвийского царя-объединителя Силодития. Пилигримы и послы постоянно ездили в Индию и из Индии. Одно из этих посольств окончилось вооруженным столкновением китайцев и их тибетских союзников с узурпатором власти Солодития, неким Аламанью, который был взят в плен и приведен в Китай. После этого буддизм в Индии теряет влияние, а одновременно ослабевает и, наконец, вовсе прекращается сухопутная связь ее с Китаем. Вместе с буддизмом прекращается в Индии блестящий период развития живописи школы Аджанта, оказывавшей, как и вся индийская культура, сильнейшее влияние на Китай и через него на Японию. Как известно, в свою очередь, Индия сама испытала влияние эллинистического и эллинистического Запада.

Таким образом, культурные связи между Дальним Востоком, вплоть до Японии, с одной стороны, и бассейном Средиземного моря, с другой, уже и тогда были достаточно ощутимы. Между прочим, в VII веке в Китай было занесено христианство, на время нашедшее себе довольно много сторонников (говорят, до 2-х миллионов). Одновременно туда проникло и магометанство, прочно держащееся и до сих пор.

Иностранное влияние, проникшее в этот период в Японию, было влиянием не только китайским, но и индийским, а, косвенно, и персидским, арабским, сирийским и греческим.

Вернемся теперь к Японии.

Начало VI века застаёт Японию еще в полном смысле этого выражения варварской страной. Если бы на нее обрушилась в те времена какая-нибудь страшная эпидемия и уничтожила слабые намеки на культурное развитие, мы знали бы теперь о Стране Восходящего Солнца не больше, чем знаем об исчезнувшем царстве Бохай, процветавшем некогда в нынешнем Приморьи и загубленном монгольским нашествием.

Культурный мир того времени был там, где теперь расположены колониальные и полуколониальные страны — Китай, Индия, Передняя Азия, Балканы, Северная Африка. А предки основателей империалистических государств нашего времени — японцы на Востоке и германцы и кельты на Западе — были варварами. Их страны были окраинами культурных областей. Такова проницаемость истории.

Как государство, Япония начала VI века все еще формируется, хотя царь, потомок «первого из равных» среди старейшин, уже требует покорности себе. Но, например, в 531 году его распоряжения не только не выполняются, но им проти-

вятся вооруженной рукой. Да это и неудивительно; страна все еще живет в условиях беспримесного натурального хозяйства и обмен между отдельными общинами не идет дальше меновой торговли; деньги еще отсутствуют. Но сумма прибавочного труда уже настолько велика, что позволяет племенным старейшинам высоко подняться над народной массой и образовать аристократию, окружающую двор «первого среди равных». Эта аристократия сознательно ли, бессознательно ли ищет уже той идеологии, которая должна создать необходимый для эксплуатации «опиум для народа». В связи с этим китайское влияние, медленно проникавшее в течение трех предыдущих веков, усиливается в значительной степени и к середине VI века первоначальная народная религия, основанная на поклонении предкам, начинает уступать место буддизму. За него хватаются двор и близкая ко двору аристократия. Более независимые роды еще пытаются бороться с ним. Но уже 586 год, когда умер сильнейший из его противников, отмечает начало решительного преобладания буддизма. Буддийские монахи становятся тем, что принято называть «гражданскими организаторами».

К этому времени число иностранцев, т.-е. ремесленников, монахов и т. д., становится настолько значительным, что одних лишь китайцев, и притом признающих себя подданными лишь одной из нескольких одновременно существовавших китайских династий, насчитывается в Японии свыше семи тысяч семейств.

Подавляющее большинство этих китайских выходцев живет на территории господствующего рода. Они объединены в особые корпорации, своего рода цехи (так наз. «бе»), которые от времени до времени активно вмешиваются в политику. Их поддержкой пользуется, между прочим, глава того рода, который вел борьбу за введение буддизма и который, истощив свои силы в этой борьбе, вынужден был уступить господство другому роду. Но результат был тот же — централизация.

В 553 году японцы усваивают корейский календарь, а в 604 г. он вводится официально. Японская история становится с тех пор в основном достоверной и хронологической.

VII век — это время быстрого проникновения иноземной культуры и время заимствования китайских политических форм: 645 год является особенно интересным в этом отношении. С этого года Япония вводит у себя то, что японцы называют «великими реформами» (конституция эпохи Тайка). Создаются центральные министерства. Основываются школы, вводятся по китайскому образцу государственные экзамены для чиновников, все население делится на группы из 5 и 50 се-

мейств и вводятся старосты и старшины, создаются законы о земледелии, об армии, о налогах, натуральных повинностях.

Все это, наивно выставляемое японцами, как «первая либеральная конституция Японии», не имело, конечно, никаких иных целей, кроме создания условий, необходимых для максимальной эксплуатации крестьян в пользу окончательно выделившейся из племенной массы аристократии *).

Что это было так, об этом говорят, например, такие факты, как постройка царского дворца в 651 году, для которой понадобилась сотня тысяч рабочих, недовольство крестьян, живших в жалких землянках, бунты, ненависть к буддийским понам и т. д.

Японцы того времени были не только рисосеятелями, рыбаками и охотниками. Они умели уже садить персиковые, тутовые и лаковые деревья, изготавливать шелковые ткани, ковры, краски, бумагу, гончарные изделия, знали точильный камень и разводили наряду с рисом новые злаки — пшеницу, просо и другие. Любопытно, что разведение лакового и тутового дерева давало хозяевам определенные налоговые льготы. Это ясно указывает на увеличившуюся роскошь двора и аристократии.

Нужно, однако, заметить, что многие из тогдашних ремесел и искусств, а может быть и все они, находились еще в руках пришельцев с материка. Так, например, так называемая японская живопись того времени была в сущности корейской. До нашего времени дошел один из образцов ее. Это буддийское священное изображение, нарисованное в 607 году.

Конец VI века отмечен созданием чего то похожего на постоянную армию.

Государственный строй, введенный в период реформ 645—708 года, был в сущности копией с китайского образца, — скопком с системы Танской династии, господствовавшей в стране, где люди спорили о лучших формах стихосложения и о школах живописи, рассуждали о «явлении» и «вещи в себе» и чьи культурные достижения рассматривались позднейшими персами, как гораздо более высокие, чем у византийцев **).

Но как могла удержаться эта система, если страна жила натуральным хозяйством, не имела городов и если служащим платили не деньгами, а землей! Пока фактическая территория государства ограничивалась небольшой территорией, централизация с грехом пополам еще держалась. Но когда чинов-

*) Интересующихся отсылаем к книге Николаева «Очерки по истории японского народа», изд. 1905 г., стр. 17—27.

**) Об этом и «Новом Востоке», № 4.

ники, посылаемые из центра, рассыпались на всем пространстве от крайнего юго-запада до северо-востока главного острова, тогда связи их с центром начала слабеть и в конце концов они превратились в полных хозяев в своих дальних вотчинах. Мало-по-малу из патриархальной монархии Япония превращается в феодальную страну, где центральной фигурой является уже не царь, а сильнейший из феодалов.

В Японии произошло нечто похожее на то, что почти одновременно произошло в Европе, где недолговечная империя Карла Великого рассыпалась на составные части, чтобы затем объединиться на иной хозяйственной основе вокруг германского, французского и других национальных центров. Но в отличие от Европы род древних царей, хотя и оттесненных на задний план, сохранился вплоть до настоящего времени. Конечно, это не более, как одна из несущественных деталей, важная для нас лишь потому, что без упоминания о ней непонятны будут события XIX века. Царь, как сказано, устранен не был. Правда, его очень маленькая роль свелась к тому, что от времени до времени легализировал своим вынужденным согласием то, что совершали обладатели реальной силы.

От начала VIII века до XI века. Сначала напомним, что представляла собою тогдашняя Европа.

В восьмом и до середины девятого века в Западной Европе существовала империя Карла Великого, распадавшаяся затем на французскую, германскую и итальянскую. Около того же времени возникло Русское государство, как видно из изложенного раньше, значительно более молодое, чем Япония. На Ближнем Востоке процветала арабская культура, распространявшая свое господство и на Испанию. Вернувшаяся к феодализму Византия ослабела. За ее счет усилилась Болгария.

В Китае этот период охватывает время процветания Танской империи и ее падение (618—906). Политически она господствует вначале вплоть до Узбекистана, и китайское влияние проникает до Персии. Затем начинается ослабление империи, развал ее, анархия и создание на ее развалинах недолговечных царств. В 960 году Китай опять объединился под властью династии Сун, не сумевшей, однако, до конца утвердиться в своих руках северные области. Кантон в этот период был одним из важных международных портов.

С самого начала этого периода в Китае существовало уже книгопечатание*). По мнению многих, Китай был в те вре-

*) По другим данным оно возникло лишь в X веке, но, по видимому, в X веке оно только сильно распространилось, а не зародилось.

мена культурнейшей частью мира. Сунская философия сыграла впоследствии огромную роль в Японии (в XVI—XIX веках).

В Японии этот период протекал сравнительно мирно—без опустошительных войн и сильных потрясений и был отмечен поразительно быстрым культурным подъемом. Эксплуатация крестьян, конечно, усиливается параллельно с ростом потребностей аристократии, возглавляемой семейством Фудзивара, в руках которой фактически находилась верховная власть. Экономически страна развивалась, хотя денежное обращение все еще туго прививалось. Массы все еще жили в условиях натурального хозяйства. Во всей стране имелось в VIII веке всего лишь 7 рыночных мест, которые находились под зорким наблюдением правительственных чиновников. Внешняя торговля являлась монополией правительства, которое монополизировало и чеканку монеты. Таким образом, под властью центрального правительства имелся определенный экономический базис.

Летописи Японии того времени упоминают уже о ростовщиках, о сделках на земельные участки, о государственных и церковных займах, о постройке дорог и мостов, почтовой гоньбе, о кораблестроении*), а также о видной роли, которую играли в организации хозяйства буддийские монахи, сила которых была так велика, что из-за них в конце VIII века столицу перенесли из Нара в Киото. Но монахи, конечно, не заставили себя долго ждать и скоро Киото стало таким же монашеским ульем, как и Нара.

В японской истории VIII век обычно называют Нарай, т.е. Нарским периодом по имени столицы, а IX, X, XI и XII — Хейанским, по имени Хей'ан, как тогда звали в подражание Китаю (чья столица называлась Чан-Ань) нынешнее Киото (Ан и ань — китайское и японское чтение одного и того же иероглифа, обозначающего «мир», «спокойствие»).

Оба эти периоды, Нарский и Хейанский, сливаются в один период, — период (номинально, по крайней мере) централизованной монархии, процветания изучения китайских классиков, музыки, поэзии и романа, в которых японский язык достиг своего высшего развития.

Это — век классической японской литературы.

В самом начале Нарского периода, в 712 году, была написана первая дошедшая до нас японская летопись, уже упомянутая раньше. Кодзики, а следом за нею, в 720 году, Нихонги.

*) Детали см. у Николаева «Очерк по ист. яп. нар.» стр. 176—187.

Мы еще вернемся к этому периоду истории японской культуры. Здесь достаточно будет сказать, что, при всех своих прочих качествах, эта культура вряд ли имела какое-либо касательство к массам *).

По характеру она была придворной.

Придворная аристократия изящно паразитировала за счет стонавших под бременем налогов народных масс, не замечая того, что почва из-под ее ног уходит. Фактическая власть от центрального правительства ускользала и сосредоточивалась в руках у ставших наследственными местными администраторов. Повсюду росло разбойничество и пиратство. Случалось иногда, что пиратами становились даже аристократы. Тем временем росла численность дружин у вотчинных владельцев района Канто (Востока), а на крайнем севере успело уже образоваться на бывших землях инородцев настоящее феодальное государство с одним из Фудзивара во главе. В середине X века произошло первое, опасное для центра, восстание в районе нынешнего Токио. Однако, оно было усмирено, и прошло еще два столетия, прежде чем старая монархия была ликвидирована окончательно (но не формально). Одновременно росла и численность собственных дружин у поместных владык, медленно и незаметно превращавшихся в маленьких государей. Прошло, однако, еще 2 столетия, прежде чем эта перемена проявилась в наглядном изменении государственного строя.

XI и XII века — время первых крестовых походов на Западе, время удельных княжеств в России. В Китае это было временем династии Сун, едва державшейся под напором степных соседей. В середине этого периода, в 1068—1085 годах, в Китае стоял у власти один из замечательнейших людей — знаменитый реформатор Ван-ань-ши («китайский Ленин», как его, конечно, неправильно называют), пытавшийся национализировать торговлю, покончить с ростовщичеством, завести государственный кредит для земледельцев и т. д. Китайские историки попытались очернить его память **).

В Японии этот период отмечен таким усилением провинциальных землевладельцев, что центральное правительство уже было не в состоянии справиться с ними. Вместо того, чтобы

*) Подробности можно найти в предисловии к переводу японского классич. сочинения «Исе-моногатари», проф. Конрада, изд. 1924 или 1925 года.

**) О нем в одном из номеров «Вестника Наркоминдела» в 1921 г. ст. проф. Иванова, а полное в диссертации последнего.

действовать самостоятельно против непокорных, оно вынуждено было противопоставлять одного феодала против другого. Но это было мимо цели. Междоусобицы продолжались, победители росли за счет побежденных. В конце концов могущество сосредоточивалось в руках двух родов — Таира и Минамото (иначе их имена, написанные иероглифами, имеющими всегда не менее двух разнородных чтений, читаются первое Хей, второе Ген). Одновременно независимыми от центра стали и другие феодалы. Независимыми стали и многие многочисленные монастыри, тоже принимавшие участие в феодальных войнах. Борьба Таира и Минамото привела сначала к захвату центральной власти главой рода Таира, а потом Минамото вырвали власть у Таира, и их глава, Йоритомо, объявил себя бессменным командующим войсками (сйогун), а фактически императором. Опорой служили для него мелкие феодалы, их дружинники и, наконец, просто бродячие люди. С тех пор центр тяжести Японии находится уже не на юго-западе, как в течение тысячелетия до тех пор, а на востоке, в прежних инородческих областях. Столицей феодальной империи стал г. Камакура (недалеко от несуществовавшего тогда Токио).

Старая аристократия с царем (тенно) заняла с тех пор положение «бедных родственников».

Начинается Камакура-дзидай. Камакурский период, — время господства «восточных варваров», как звали феодалов утонченные эстеты Западной Японии.

Камакурский период. (1198—1333 г.г.). Это тот период, когда на Западе католицизм и феодализм достигли своего высшего расцвета, но в конце концов увидели перед собою своих могильщиков — растущую городскую буржуазию, это время последних крестовых походов и нашествия татар на Русь. Те же монгольские степи выбросили еще большую рать на Китай, который в 1260 году стал вотчиной новой династии, династии Юань, основанной Хубилай-ханом, устроившемся в нынешнем Пекине (Пекин, таким образом, можно считать тогдашней столицей не только по отношению к Китаю, но и к России, Персии, Туркестану и т. д.). Одновременно подчинена была Корея, а в 1274 и 1281 годах монголы обрушились и на Японию, которая тоже была бы покорена, если бы не вмешалась жестокая буря, погубившая монголо-корейско-китайскую «Великую Армаду».

Конец Камакурского периода всего лишь на 34 года отстоит от времени падения монгольского владычества в Китае

(1368) и появления у власти национальной китайской династии Мин.

Само собой разумеется, отношения между Китаем и Японией не могли быть особенно сердечными во времена Юань. И они, действительно, почти не поддерживались. Это было лишней причиной того, что рост японской культуры замедлился довольно заметно. Лишь позднее возобновилась японо-китайская торговля, но возобновилась тогда, когда политическое разложение внутри Японии дошло до сильнейшей степени.

Период Камакуры любопытен в политическом отношении той двойной узурпацией власти, которая выразилась в том, что преемники Йоритомо оказались такой же игрушкой в руках так называемых сиккенов, наследственных регентов из дома Ходзю, какими в руках Йоритомо были цари.

Начало периода Камакуры отмечено некоторым улучшением положения крестьян, улучшением, конечно, временным. Торговля, находившаяся тогда под строгим контролем власти, все-таки мало-по-малу росла, но купечество испытывало весь тот гнет, который характерен вообще для феодальных порядков. В этот период возникли в Японии купеческие гильдии, ремесленные цехи, существовали средневековые монополии и прочие характерные для феодальных времен явления.

Роль церкви того времени во многом напоминала роль католической церкви в Западной Европе. Монахи пользовались колоссальным влиянием и в политике, и в литературе, и в частном быту.

С 1333 до 1598 г. Для стран, история которых известна нашим читателям, этот период заполнен таким огромным количеством громадного значения фактов, что даже простое перечисление важнейших из них потребовало бы целой страницы. Достаточно напомнить, что за эти три столетия разложились католицизм и феодализм, что была эпоха Возрождения, и что великие открытия и изобретения совершались одно за другим. Европейцы вышли из Средиземноморского бассейна, открыли в 1492 году Америку, в 1498 добрались морем до Индии, совершили в 1515 году первое кругосветное путешествие, одновременно открыли морской путь в Китай и, наконец, в 1542 г. добрались до Японии, о которой до тех пор имели самое смутное представление.

Но многие думают, что народы Дальнего Востока оставались неподвижно на своих местах. Это совершенно неверно. Китайцев с начала этой эпохи тоже «обуяла страсть» к дальним морским путешествиям. В начале XV века снаряженные ими

экспедиции в течение 25 лет совершали дальние странствования в направлении, противоположном путешествию Магеллана, и не только обследовали встречные места, но и частично покорили их или, вернее, просто ограбили. В своих путешествиях они доходили до южных частей Африки и бывали недалеко от Египта *).

Монгольская власть в Китае в начале этого периода в 1368 была сброшена удачным восстанием, возглавленным основателем династии Мин, которая продержалась вплоть до 1643 года, когда ее свергли маньчжуры. Государственные установления этой династии, а также ремесла и искусства, расцветшие в тот период в Китае, впоследствии, при Токугавах, служили для японцев образцами для подражания **).

Этот период, обильный крупными событиями в Западной Европе и у нас в России, отмечен в Японии частыми феодальными войнами, потрясавшими всю страну от края до края, но особенно свирепствовавшими вокруг главных центров, Киото и Камакура. Японцы обычно делят его на три периода:

Период двоецарствия (1333—1392).

Период Муромати, по имени поселения близ Киото (с 1392 до середины XVI века).

Период анархии, сменившийся временем диктатуры Ода Нобунага и затем Хидейоси (вторая половина XVI века).

Вкратце история этого 270-летия такова:

Конец правления дома Ходзю, правивших от имени преемников Йоритомо, отмечен усилением эксплуатации крестьян, жестоким обложением и всеобщим недовольством. Это побудило «законного» царя, Го-Дайго (Дайго Второго) попытаться восстановить давно исчезнувшую власть кiotоского двора. Для этого он направил на Ходзю недовольных ими феодалов. Но они терпели неудачи до тех пор, пока на сторону Го-Дайго не перешел один из лучших генералов Ходзю, потомок Миnamото, Асикага Такаудзи. Камакура была взята и последний Ходзю кончил самоубийством. Это было в 1333 г.

До 1335 года Го-Дайго пытался править сам; он совершенно не считался с феодалами и старался облагодетельствовать своих родственников из захудавших аристократов, ведших свое происхождение от придворных древних времен. Но скоро

*) См. Паркер, Китай, стр. 74 англ. издания.

**) О Минском периоде, в частности о сильнейшей эксплуатации крестьян той эпохи и о развитии крупной зем. собственности, см. Колоколов и Мамаев «Китай», изд. 1924 г.

оказалось, что Асикага хлопотал вовсе не о возвышении царского двора, а наоборот: двор хотел превратить в орудие своих планов. Он перестал исполнять распоряжения Го-Дайго и выступил против его сторонников (Ниппа Иосеида и Кусуноки Масасиге главные из них). В результате второй междоусобной войны Асикага создал свою собственную феодальную империю, для нужд которой ему все же необходим был фиктивный «законный» царь, его ставленник. Но враги Асикага завели, в свою очередь, собственного, тоже фиктивного царя. Но так как сйюгуны Асикага все-таки справились со своими противниками, то два двора в конце концов слились (в 1392 году) и столица сйюгунов дома Асикага была перенесена в окрестности Киото, в деревню Муромати. Отсюда название нового периода.

Весь этот период протекал в постоянных, все усиливающихся бурях. Уже с середины XV века шла борьба за доходы с Западной империи. В течение одиннадцати лет война происходила даже вокруг Киото и в самом Киото. Столица была вся в развалинах. Но это была только прелюдия к «эпохе воюющих государств».

Сйюгунат к этому времени стал пустым именем. Сйюгуны Асикага с самого начала эпохи Муромати чувствовали себя настолько слабыми, что были вынуждены узаконить самостоятельность феодалов. Кроме того, их власть была ограничена наместниками Киото, крупными феодалами, и каждый феодал этого времени свободно налагал пошлины на провозимые через его владения товары, и то и просто забирал их себе.

Чем дальше, тем больше росла независимость феодалов и в конце концов от сйюгуната осталось одно лишь название. О царском дворе и говорить нечего. Гордые аристократы и наи превратились в форменных нищих. Зато заметно усилились за счет других отдельные феодалы, непрерывно воевавшие друг с другом.

Конец первой половины XVI века был отмечен событием, совершенно изменившим дальнейший ход гражданской войны. Это — прибытие европейцев и, как результат этого, появление огнестрельного оружия.

Борьба между феодалами продолжалась, но скоро среди них выделился один, которому удалось заставить слушаться себя остальных. Это был Ода Нобунага, после смерти которого диктаторская власть перешла к одному из его генералов, плебею по происхождению, Хидейоси, который в 90 годах (т. е. приблизительно одновременно с событиями, имевшими место у нас после смерти Иоанна Грозного) затеял грандиоз-

ный поход на Корею. Поход этот кончился ничем, но он несомненно укрепил в Японии единодержавие диктатора.

В чьих интересах действовал Ода и Хидейоси, это видно уже из того, что они уничтожили княжеские торговые ротации, покровительствовали купцам и даже кредитовали их, а одновременно поддерживали высокие налоги на крестьян и усмиряли начавшиеся в ту пору восстания. (Полоса крестьянских восстаний прошла и через XIV век, но они происходили на небольшой территории).

Все это разительно напоминает действия наших Годунова, Шуйского и, наконец, Романовых.

Историческое значение этих объединителей — в служении нарождавшемуся торговому капиталу.

Этот период гражданских войн был, конечно, не слишком благоприятен для культурного развития. Но хоть и медленно, оно все же происходило. Так, например, создалась школа живописи, имеющая значение и понятие, развилось драматическое искусство (драмы «но»), появилась политическая литература, трактовавшая о необходимости единодержавия, достигло успехов искусство лакирования и изготовления мечей и получили широкое распространение так наз. чайные церемонии, о которых вследствие их своеобразия нельзя рассказать мимоходом.

Связь с Китаем, прерванная во времена правления монголов в Китае, возобновилась еще в XIV веке, и эта связь была предвестником второй волны могучего влияния Китая, которое сказилось уже в XVII веке.

Связь эта была не только мирная—торговая. Японцы не только торговали, но и грабили Китай. Пиратские набеги японцев были тогда постоянным явлением в Корее и Китае. Случалось, что они происходили и гораздо дальше к югу. Между прочим, один из японских пиратов превратился в конце концов в зятя спамского короля и губернатора одной из спамских провинций.

XVI век отмечен также началом японо-европейской торговли, которая происходила в те времена невозбранно. Отдельные японцы побывали тогда в Европе и Америке. Одним из крупнейших предметов вывоза была медь, единственный металл, которого в Японии много.

Что касается европейцев, то, кроме огнестрельного оружия, они завезли и христианство, нашедшее в Японии много приверженцев. Что касается феодалов, то многие из них сразу же отнеслись к новой вере, как к могущему пригодиться идеологическому оружию в борьбе с центром и в борьбе с обла-

давшими большой сплой буддийскими монастырями. Ода Нобунага тоже «симпатизировал» миссионерам. Но когда единое-державие укрепилось, судьба христианства оказалась иной: оно подверглось гонению.

Период династии Токугава. После смерти Хидейоси, верховная власть перешла к его юному сыну, над которым была назначена опека совета регентов. Но уже к 1603 году один из опекунов устранил молодого Хидейори и стал сйогуну, основателем новой династии. Его звали Токугава Иеясу.

При Токугава Япония вновь превратилась в централизованное государство. Правда, все внешние формы феодального строя сохранились, и за феодалами были сохранены большие права. Но ни о какой самостоятельности уже речи в этот период не было. Токугава были сюзеренами не по имени только, а на деле. Непокорный феодал незамедлительно лишался прав или переводился в худший удел. Послушание обеспечивалось жившими в Едо (нын. Токио), — новой столице сйогуну, заложниками. Значительная часть Японии была собственным уделом сйогуна; в других уделах сидели его родственники и верные друзья; владения подозрительных князей искусственно окружались владениями тех, кому сйогун считал возможным доверять вполне. Единственными княжествами, в отношении которых Токугава могли испытывать беспокойство, были Цёсю, близ гор. Симносеки, и Сацума, на о-ве Кюсю, и они действительно в конце концов нанесли удар сйогунской власти. Но это было уже в XIX веке.

265 лет держалась власть Токугава. Это была та власть, которая дала возможность торговому капиталу спокойно развиваться и иметь свою долю, долю немалую в эксплуатации крестьянства. И торговый капитал вполне использовал предоставленные ему возможности. Но весь строй государства был таков, что интересы князей-помещиков, или вернее, наоборот, — помещиков-князей, обеспечивались больше, чем интересы купечества и ростовщиков. Рост потребностей, нужда в деньгах, невозможность еще более усилить и без того невыносимую эксплуатацию крестьян, то и дело восстававших, — все это приводило к задолженности князей перед связанным в гильдии купечеством. Сила купечества росла, но она не имела своего политического выражения. Тем временем в связи с общим финансовым кризисом ухудшалось положение и крестьян, и служилого люда, и военных, и, наконец, самих феодалов. Всеобщее недовольство росло и рано или поздно должно было привести к революции. И она произошла.

Период Токугава был временем необычайно быстрого прогресса, ростом образования, увеличения размеров богатства и влияния городов, временем процветания литературы, искусства и ремесл. Идейный фундамент всего этого был китайский, и даже те, кто был охвачен протестом против китаизации, оказывались на поверку людьми, обманывающими себя, принимавшими плоды китайской культуры за нечто своеобразно-японское.

Нормирование, опека свыше, цензура, шпионы, ограничение свободы во всем решительно — были другими чертами режима Токугава.

Самым характерным и далеко идущим из этих ограничений было воспреещение внешних сношений. Япония при Токугава была страной затворницы. За исключением голландцев и китайцев, да и то недопускавшихся никуда, кроме Нагасаки, да и то имевших право лишь на ограниченное число судов (одно время 2 голландских корабля и 30 китайских джонков в год), никто торговать с Японией не мог, а японцы были лишены права выезда за границу.

Такое положение в XVII веке могло поддерживаться без труда. В конце XVIII века это было уже трудно. Ну, а к середине XIX века никакой сйогун «удержать двери в страну закрытыми» не мог. В 1853 году запертая дверь в Японию была грубо распахнута американской военной эскадрой, и стране были навязаны торговые договоры такого же типа, как в Китае.

Это ускорило уже назревавшую революцию.

В начале 60-х годов вся страна была охвачена движением против сйогуната. С лозунгом — «верность государю (законному)... вои иностранцев» — банды недовольных самураев бродили по стране, создавая невозможное положение для правительства, ощущавшего себя между наковальней внутреннего недовольства и молотом, становившихся все более и более наглыми требований иностранцев.

В 1867—9 годы неизбежный переворот совершился. Сйогунат пал.

Новое время. У власти стали выходцы как раз из тех княжеств, которые всегда были бельмом на глазу у сйогуната. Своим знаменем они сделали недалекого и пассивного молодого человека из дома древних тенно (царей). Новый режим, вначале вполне бюрократический, сразу освободил буржуазию от феодального ярма. Начался период грюндерства. Буржуазия стала расти. Но и феодалы обижены не были. Они получили выкупные платежи в награду за «патристический отказ от древних привилегий» и сразу же освободились от всех дол-

гов, которые государство взяло на себя. Кроме того, «самоотверженные» князья получили пенсии. Их слугам тоже даны были подачки — кому государственной службой, кому пенсией.

В результате всех этих «патриотических жертв» и компенсаций за них в буржуазию влилась новая масса, — масса людей, не прокутивших казенные деньги, а пустивших их в оборот. Так началось слияние феодального землевладения с буржуазией.

В 1877 г. было последнее крупное проявление феодальной реакции в виде сацумского восстания. 80-е годы отмечены быстрым ростом капитализма. Война 1894—5 года с Китаем и 1904—5 с Россией усилили этот рост, а в 1914—18 годах Япония, благодаря удачно сложившейся для нее международной ситуации, превращается в одно из сильнейших империалистических хищников.

Этим мы закончим наш краткий обзор японской истории в целом и перейдем к рассказу о наиболее интересных моментах, останавливаясь, главным образом, на экономике и культуре, а не на тех фактах внутренней политики, для которых у нас просто не хватает места. Интересующихся ими отсылаем к книге проф. Конрада «Япония—государство и народ», в которой читатель найдет очерк политических форм в Японии, и к уже упоминавшейся книге Николаева, не чуждой в иных местах переоценке роли отдельных личностей и их «забот о народе»^{*}). Богатая литература по истории Японии имеется на английском языке.

Эпоха Нара и Хейан.

Полтора тысячелетия прошло с тех пор, как первые тонкие струйки китайского культурного влияния начали проникать на острова Японии, до тех пор почти неведомые внешнему миру. Полтора тысячелетия — срок достаточно большой, чтобы в исторической перспективе исчезали рубежи веков и чтобы растянувшиеся на долгие годы события казались нам, людям XX века, сходящимися в одной точке времени. И вот весь процесс китаизации Японии, страны ни по языку, ни по происхождению своих обитателей ничего общего не имевшей с китайцами, представляется из нашего далека чем-то весьма кратким, чем-то внезапно нахлынувшим и сразу изменившим весь облик страны. Такое по крайней мере впечатление оставляет чтение большей части книг о прошлом Японии.

Но если разобраться в хронологических датах, то мы сразу убедимся, что процесс первоначального проникновения континентального, т.-е. китайского и преломленного через китаизм индийского и западного влияния, происходил в Японии чрезвычайно медленно, настолько медленно, что сменявшие одно другое поколения, вероятно, почти не замечали постепенно вросавших в их жизнь новых элементов. По крайней мере 2½ века, а может быть и гораздо больше — может быть целых 5 веков — занял этот процесс. Достаточно напомнить, что понадобилось во всяком случае не менее двухсот лет, чтобы занесение из Китая грамоты увенчалось появлением в Японии зачатков собственной литературы. Если же допустить, что японская хронология точна, то этот срок придется растянуть до более чем трехсот лет.

Этот медленный процесс все же постепенно ускорялся, и в середине VII века стал уже настолько заметным, что он стал называться целым, более чем полувекový, период — период Тайка.

Примерно такой же продолжительности, как и Тайка — скажем это, забегаая далеко вперед — был впоследствии и период внедрения западного влияния (если считать с 1868 г. до начала массового рабочего движения в Японии).

Нельзя не заметить, что такое решительное ускорение китаизации Японии в значительной степени было обусловлено теми событиями, которые разыгрались в это время на мате-

^{*}) Возможно, что в недалеком будущем выйдет труд по японской истории проф. Кюнера, работавшего в Дальневосточном Университете во Владивостоке.

рике, где в колоссальном масштабе происходили политические передвижки, где почти одновременно с расширением мусульманского могущества на Западе, шло в огромных размерах расширение и китайского государства. Пределы его, по официальному китайскому толкованию, раздвинулись до Аральского моря и Тобола, до Гиндукуша, Гималаев и нынешнего Сайгона, до Николаевска на Амуре и средней Кореи. Если бы не неудачи, постигшие в Корее непобедимого до тех пор сына основателя Танской династии, его колоссальная империя уже в сороковых годах, т.-е. к тому самому времени, когда началась эпоха Тайка, придвинулась бы вплотную к Японии. Но опасность не исчезла. В 663 году японский флот^{*}), явившийся было в Корею на помощь противникам союзников китайцев, был уничтожен, а в 668 году дружественные японцам княжества сдались Китаю, чьим вассалом и союзником южное корейское княжество было уже раньше. Таким образом, окраина колоссальной Танской империи отделялась теперь от островной Японии лишь несколькими часами хода под парусами и японцам пришлось озаботиться подготовкой к защите собственной территории.

Усвоение китайских методов управления, организации вооруженных сил, снабжения и т. д. естественно должно было стать для Японии одним из самых важных обеспечений ее независимости. Когда же опасность со стороны Китая миновала^{**}), он сам по себе со своей культурой, утонченностью, богатством не мог не стать объектом подражаний, местом паломничества для ищущих того, что не могла дать тогдашняя, все еще варварская Япония.

Да и не для одной Японии был притягательным центром тогдашний Китай. Китайские историки рассказывают, что танское культурное влияние, не остановившись на Индо-Китае, перебросилось через море и проявилось даже в далеких Суматре и Яве. Китайские джонки плавали далеко на запад, вплоть до Персии и Аравии. Ко двору первого танского императора прибывали послы из дальних земель в том числе и из Византии (в 640 году). Там же нашел себе прибежище изгнан-

^{*}) По японским данным этот флот состоял из 400 кораблей, по китайским из 100.

^{**}) В середине следующего VIII века Танская империя уже начала испытывать внешние, а еще в большей степени внутренние потрясения. С 755 г. по 763 восстание Ань Лу-шаня охватывало огромную территорию. Восстание было сокрушено, но империя уже никогда не оправлялась вполне, хотя и продержалась до 907 года.

ный из Персии последний из Сассанидов, а его враги, мусульмане, слали ко двору китайского императора дары из Медины, Сирии и Египта.

Чан-Ань, тогдашняя столица «Срединного Государства», была в VII веке для Дальнего Востока тем, чем в недавние времена для Запада был Париж. Сюда отовсюду стекались учащиеся, и среди них было множество японцев как светских, так и монахов. И когда они возвращались домой, они приносили к себе на родину те взгляды, вкусы и настроения, которые царили там, — в культурнейшем в мире городе того времени.

Именно: культурнейшем во всем тогдашнем мире. Ведь, Китай развивался тогда, прогрессировал, стремительно шел вперед. А что бы дала японцу VII века поездка в ставку франкских королей, в опустевшую, заглохшую Италию, в феодализирующуюся застывшую Византию или даже в города арабов, еще не стеснявшихся в те времена такими подвигами, как сожжение Александрийской библиотеки?

В Чан-Ань'e соприкасались с культурой передового, богатого Китая выходцы из страны, где люди жили в пещерах и землянках, где даже цари не имели иных крыш, кроме крытых соломой, и где невероятно трудная и чуждая японцам грамота была уделом самого ничтожного меньшинства.

Китайская культура начала уже не струйками, а целым шумным потоком врываться в Японию. Прошло с небольшим полвека, и Япония превратилась в культурную колонию Китая. Медленно развивавшийся процесс в основном закончился. Начался период приспособления китайских культурных элементов к местным условиям, — процесс создания Японией своей собственной, японской культуры.

Было бы, конечно, просто смешно, если бы мы вздумали доказывать, что эта культура вполне самобытна: доказательство противного можно было бы привести на каждом шагу. Но еще смешнее, еще неосновательнее то, часто повторяемое, противоположное утверждение, будто Япония в течение веков была простой копировальщицей Китая, и если в конце концов перестала ему подражать, то лишь для того, чтобы с таким же усердием взяться за подражание европейскому. С точно таким же правом можно было бы доказывать, что у Европы до нового времени не было никакой своей культуры, а было только подражание античной древности. Вряд ли вообще где-нибудь существовала культура, в отсутствии полной самобытности которой нельзя было бы усомниться. Та же китайская культура, как уже указано, испытала значительное влияние со стороны Индии, Персии и эллинистических стран, о множестве вза-

мно перекрещивающихся влияниях на Западе и говорить не стоит: даже о самобытности цивилизации Мексики и Перу нельзя говорить совершенно безапелляционно: по крайней мере, у тех же китайцев есть кое-какие указания на их древнюю связь со страной Майя и их соседями *).

Японская культура, конечно, чрезвычайно многим обязана китайской, многое в ней, например, моральная и политическая философия, может быть, чуть ли не целиком сведено по китайским перепевам; больше того, китайское влияние и до сих пор держится в языке, в нравах, в литературных манерах и т. д., и, как это ни странно, сама европеизация способствовала китаизации языка современных японцев **). Но если даже оставить в стороне те усовершенствования, которые внесены японцами в заимствованную у китайцев и корейцев технику, если забыть и об ответных влияниях Японии на Китай, то останется все же одно, о чем уже никак нельзя будет говорить иначе, чем как о специфически японском, самобытном, поскольку вообще возможно говорить о самобытности. Это — японская изящная литература, одни из лучших, а, по мнению многих знатоков, самые лучшие образцы которой были созданы как раз в тот период, когда закончилась эпоха Тайка и когда япон-

*) Это непроверенное исторической критикой описание путешествия буддийского монаха вдоль сибирского и канадского побережья в экваториальную Америку, нахождение нефритовых изделий в Юкатане, совершенно похожих на китайские нероглифы, подобные древне-китайским и т. п. вещи, на которых до сих пор, по крайней мере, еще нельзя построить никакой научной гипотезы.

**) Все те понятия, которые обозначаются у нас словами латинского или греческого происхождения, плюс множество других понятий, технических, политических, философских, географических и т. д., обозначаются в японском языке, как и у нас, словами, которые в большинстве случаев составлены путем сложения двух, а иногда трех и больше иностранных слов, не только не греческих и латинских, как у европейцев, а одно-сложных китайских, каждому из которых соответствует определенный идеограф (иероглиф). Так, телефон (теле плюс фон) — «денва», состоит из ден — электричество и ва — разговор, речь. Как и у нас, увеличение числа понятий увеличило число таких новообразований — новых сочетаний из китайских слов. Многие из этих новых слов, возникших в Японии из китайских элементов, усвоены самими китайцами. Так, нынешние потомки эллинов увеличивают свой словарь греческого происхождения словами, созданными научной и технической практикой Франции, Германии, Англии. Греки, китайцы дают «сырье», западно-европейцы и японцы возвращают им «фабрикат».

ское государство стало медленно, незаметно вначале, эволюционизировать в сторону феодального строя, окончательно сложившегося к началу XIII века.

Эта литература и является как раз тем ценным наследием, которое осталось от той удаленной от нас почти на целое тысячелетие эпохи.

Но сначала о социально-экономических предпосылках древне-японской литературы.

Мы, конечно, не имеем возможности говорить здесь об этом достаточно подробно: для этого понадобилась бы целая специальная работа историка и историка литературы. Достаточно будет напомнить вкратце об уже сказанном в предварительном беглом очерке, дополнив его несколькими не перечисленными там фактами.

В начале эпохи Нара территория, фактически занятая японцами, а не теми, кого считали инородцами, еще не распространялась до крайнего севера главного острова; даже сравнительно недалеко от нынешнего Токио; верстах всего в полутора от него жили еще не покорившиеся племена, задержание которых, да и то не окончательное, относят к 708 году. Что касается более северных областей, то напряженная борьба с ними потребовала целых 30 лет в конце VIII и в начале IX веков, при чем больше половины действовавшей там армии составляли инородцы же: японцы топографии этой дикой местности не знали. Из литературных памятников того времени видно, что и гораздо ближе к столице дорог, в нашем понимании этого слова, не было; были лишь заросшие тропы, да опасные переправы через реки. В общем страна была почти непроезжей.

Но поближе к области коренного распространения японского народа население было значительно гуще. Это видно хотя бы уже из того, что тогдашние описи административных единиц, так наз. фудок, насчитывали в общем до 3,7 миллионов подданных тенно.

Основным занятием жителей было, конечно, земледелие, развитие которого всячески поощрялось, тогда как охотничий и рыболовный промыслы были чуть-чуть не под запретом. Между прочим, это было одной из серьезных причин частых восстаний неассимилированных инородцев. Очевидно, правительство своим полужапретом охоты стремилось увеличить общую сумму прибавочного труда. Ясное дело, что это запрещенное облекалось в буддийские религиозные идеи: нельзя, мол, убивать живых существ. В связи с этим стояло, повидимому, и удаленное впоследствии презрительное отношение к тем людям,

для которых убийство животных было средством существования — к кожевникам, мясникам и т. д., но, конечно, не к солдатам, убийцам политических противников, — убийцам людей!

Число разводимых растений было уже достаточно велико, но рис занимал наиболее заметное место. Как известно, он нуждается в орошении, т. е. в постоянных усиленных заботах об участке. В еще большей степени это относится к тутовым и лаковым деревьям, разведение которых было в интересах эксплуатирующей верхушки. Повидимому, именно в этом своеобразии подбора растений и нужно искать причины чрезвычайно раннего развития в Японии частной земельной собственности. Узаконенные в эпоху Тайка переделы земель фактически не производились.

Земля составляла основной источник дохода: с нее поступала большая часть налогов, и она же с самого начала была тем, чем централизованное государство платило за службу. Судя по одному сообщению, относящемуся к той эпохе, царский двор получал в виде налога 340 тысяч коку риса в год. О размерах этого налога можно судить по тому, что в настоящее время один коку стоит около 35 рублей (в начале XX века — около 12 рублей).

В летописях ряда царствований сообщается немало данных о годах крайнего обнищания крестьян, о голодовках, недомках, круговой поруке, о побегех крестьян с земли и о разбойничьих и пиратских шайках, заграждавших все пути. В «Тоса-никки», прославленном дневнике путешествия губернатора провинции Тоса, этим пиратам уделено не мало места. Менее буйно настроенные разоренные крестьяне находили другой способ существования: они уходили на север и превращались в солдат, разбросанных в глуши гарнизонов, другие нанимались в рабочие. О последних имеются уже указания в повествованиях, относящихся к VII-му веку. Вольные рабочие были нужны, так как отбывающих натуральные повинности (ежегодно по месяцу) не хватало для удовлетворения потребностей государства и господ. Кроме того, известно из большого количества документов IX, X и XI веков, что при столичных провинциях очень рано были переведены с натуральных повинностей на денежные. Это и вдобавок еще наличие в Киото-хей'ане в то время 70 различных типов торговых заведений, наглядно доказывает существование большого несоответствия между центром и полудикими окраинами.

Ремесло в Хейанский период было сравнительно сильно развито уже и среди коренных японцев. Во многом им удалось

даже достичь высокого совершенства. Так, например, в X веке в Японии изготавливались мечи, не уступавшие дамасским. Были целые области, которые были известны особым умением изготавливать некоторые виды товаров, так провинция Мусаси (район нынешнего Токио) славилась своими стрелами (которыми платили налоги *). О распространенности других видов неземледельческих занятий можно судить хотя бы по списку обычных в те дни предметов повседневного обихода. Это — бумага, ковры, занавески, циновки, ширмы, шелковые и льняные ткани, краски, точильный камень, телеги, зеленый фарфор, зеркала, умывальники, музыкальные инструменты, крытые экипажи (крыли их, правда, всего лишь пальмовыми листьями) и т. д. Существовали и ювелиры, но, в отличие от китайцев, японцы не развили у себя этой отрасли производства. Японки не знают даже таких обязательных для китайских женщин украшений, как серьги и браслеты.

Горнорабочие, землекопы, кораблестроители, плотники, маляры, позолотчики, лакировщики, токари и гравировальщики в IX и X веках встречались уже в значительном количестве. Некоторые мастера имели у себя рабочих, нанимавшихся надолго или на короткий срок.

Были тогда уже и печатники. Задолго до Гутенберга, а именно в 770 году, в Японии были отпечатаны на листках буддийские молитвы, а в X веке появились уже и книги. Образцы их не дошли до настоящего времени. Лишь от XII века сохранились в Японии печатные произведения. Нужно, однако, оговориться, что все эти книги печатались «с доски», а не разборным шрифтом, вошедшим в употребление в Японии лишь при Токугава, когда этот способ, изобретенный в Корее, стал известен благодаря походу Хидейоси.

Понутно следует отметить, что японцы VIII века «своим собственным умом додумались до азбучной системы письма, что значительно облегчило учение грамоте и переход к печатанию **).

*) Возможно, что делатели стрел были потомками корейцев. Известно, что лет за 200 перед тем в Мусаси были поселены корейские эмигранты.

**) Эта азбука слоговая (а, и, у, е, о, са, си, су, се, со и т. д. согласная и после нее гласная — в нашей транскрипции). Такая азбука вполне пригодна для слов японского языка, но абсолютно негодна для писания русских слов. Так «спички» превратятся в «супицки», «ложка» — в «редзука», а Черчилль в «Цуеруштру» или во что-нибудь еще более неподобопроизносимое.

Развивалось в Японии и искусство. Первые образцы живописи известны уже с 607 года, монументальная статуя Будды в Нара сделана в 749 году, сохранился и один архитектурный памятник. Но как живопись, так и вагине, были в те отдаленные времена специально корейцев; лишь в IX веке живопись стала широко распространяться среди японцев при дворе и, наконец, около 1000 года создавалась собственная школа японской живописи (ямато-рю).

Но как ни развились в тогдашней Японии ремесла и искусства, земледелие оставалось все же основным источником прибавочного труда. Ремесленники обслуживали сильных мира и ютились, главным образом, в столице, единственном тогдашнем городе, достойном этого имени (Хейан—нынешнее Киото), при местных администраторах, да при монастырях. Торговля, если говорить о Японии в целом, еще долго оставалась в зачаточном состоянии.

Конечно, японское общество было тогда далеко неоднородно, и эта неоднородность сказалась и в законодательстве, делившем народ на сословия. Наверху—это придворная аристократия, давно уже оторвавшаяся от племенного корня и вобравшая в себя часть пришлых корейско-китайских элементов; под ним слой простолюдинов, включавших крестьян, ремесленников и купцов, а ниже купцов шли так называемые семии (около 805—900 тысяч), люди низких профессий. Были, наконец, и рабы, но численность их не превышала 180 тысяч человек, да они и не слишком сильно отличались по своему положению от свободных крестьян и рабочих. Это были несправные должники, военнопленные, преступники и некоторые другие.

Мы еще не упомянули о монахах и солдатах-дружинниках. Что касается дружинников, мало-по-малу вытеснивших из армии прежних временно-военнообязанных крестьян, то их число все время росло и росло. 785—812 года особенно характерны в этом отношении. К XI, а еще больше к XII веку, они выделились окончательно из народной массы, но уже не считались ни с местной администрацией, ни с самим тенно, а лишь со своими, ставшими наследственными вождами.

Монахи, странно многочисленные уже в VII и VIII веках *) и оказавшие сильнейшее влияние при дворе, все-таки

*) Однажды в Новый год—это было в середине VIII века—молебств при дворе богомольной царицы состоялся при сослужении 10 тысяч буддийских монахов.

шли тогда дальше участия в «легальной» эксплуатации народа. В XI же веке они превратили свои монастыри в государства в государстве. Они вмешивались в войны феодалов, воевали друг с другом, и если бы не они, Иоримото, пожалуй, не овладел бы властью. В заключение следует сказать несколько слов о тогдашних земельных отношениях, ибо без этого нельзя будет понять одной из главных причин распада казавшейся столь блестящей Хейанской империи.

Номинально в 645—1192 годах существовала централизованная монархия, награждавшая своих служащих не деньгами, а землями. Часть этой земли, и притом все увеличивавшаяся часть, представляла собою привилегированные участки, не подлежавшие обложению при жизни награжденного, а иногда необлагаемые и в целом ряде поколений. Это позволяло владельцам назначать арендные цены, которые были ниже размеров налога, накладываемого на равные по размерам и плодородности участки самостоятельных крестьян. Стремление избежать налога приводило к постоянным уходам мелких собственников со своих участков и к превращению их в арендаторов тех, кто владел необлагаемыми землями. Но уход части крестьян естественно приводил к увеличению доли платежей не бросивших своих участков. Значит, искушение стать арендаторами было для последних еще больше, чем для бросивших землю раньше. Дело дошло в некоторых провинциях до того, что свободных крестьян не осталось там вовсе: все стали арендаторами, — платить налогов стало некому.

Так было в центральных провинциях. А в более глухих местах, где число собственников было еще сравнительно велико и где налог с них, из-за финансового кризиса центра, все возрастал, шли восстания. Восстания надо было усмирять. Для усмирения нужны были усмирители. А усмирителей приходилось вознаграждать, — вознаграждать опять-таки освобождением их земель от налога, то-есть воссоздавать в отдаленных провинциях те условия, которые уже привели к кризису в центральных провинциях.

При этом надо заметить, что в отдаленных провинциях земли, выдававшиеся за полицейскую военную службу, попадали в руки не аристократов-губернаторов, которые иногда только числились начальниками областей, а на самом деле спели в столице и кутили, а местных кулаков, выполнявших, часто по наследству, роль начальников мелких административных единиц. Обязанности же полицейских и солдат выполнялись их родственниками, сыновьями и подопечными. Вот от этих-то администраторов-кулаков и пошли, по мнению Мар-

дока, будущие «военные роды, а от их солдат пошли будущие самураи».

Описанное здесь — это только одна небольшая часть общей картины. На самом деле процесс был гораздо сложнее.

Центральное правительство понимало надвигающуюся опасность и даже пыталось устранить ее, но не могло. Оно было без средств, а его гвардия, набранная частью из крестьян, желавших добиться службой свободы от обложения, частью даже из инородцев, была ненадежна. Гвардейцы пьянствовали, грабили мирных жителей, а в случае запоздания жалования, бунтовали. В одном случае с ними едва справились, да и то лишь при помощи такого героического средства, как дорогое угощение с добавлением сильно действующего... слабительного. Единственная воинская сила, достойная этого имени, состояла из уже названных местных жителей, зародышевых самураев.

На этой почве выросло мало-по-малу самовластие администраторов на местах. Расширение территории государства и меры, принимавшиеся против инородцев, объективно приводили к усилению сидящих на местах чиновников, особенно тех, которые были на северо-востоке, т.е. за пределами области коренного расселения японцев. Разорение крестьян и инородцев увеличивало их дружины, которые все сильнее связывались со своими начальниками. Уже в VIII веке обозначилась эта тенденция; в X она определилась совершенно ясно. В XI веке поместные начальники часто уже совсем не считались с центром, а в конце XII века окрепшие феодалы создали свой собственный политический центр, сведя роль царя и его министров к нулю; в лучшем случае он был тем человеком, которому изредка поручалось подтверждать уже достигнутые другими решения. Некоторых же царей отправляли в заточения.

Вообще говоря, представителям «легальной» власти в Японии никогда не везло. Уже в IX веке и даже раньше они были игрушками в руках рода Фудзивара, который не рисковал самому-то взять на себя «бремя власти», довольствовался тем, что его члены занимали большую часть выгодных должностей в стране и поставляли своих дочерей на роли наложниц и жен. Тенно того времени, как правило, уже в молодости постригались в монахи. После XII века тенно вообще сходят со сцены, и историки почти не упоминают об их деяниях. Даже знаменитый Муцухито-Мейдзи, при котором происходила европеизация Японии, был не более, как живым знаменем для Ямагата, Ито и прочих деятелей новой Японии. Немногие моменты

ты, когда японские тенно пытались было играть независимую роль, относятся к середине VII, концу VIII, к концу XI и началу XII веков. Один из них, Сиракава, даже добился своего, но ни Сиракава, ни другие тенно не совмещали царского звания, с обладанием верховной властью. Обычно тот, кто числился царем, был пешкой, но он же начинал играть некоторую роль, когда «отрекался» и возводил на престол своего собственного подопечного, становившегося в силу этого новой венчанной пешкой, чтобы затем, «отрекшись», стать опекуном и повелителем следующей очередной фиктивной фигуры. После Сиракава проявил себя активно еще Го-Сиракава, одна из гнуснейших фигур японской истории, затем Го-Тоба, да еще через 150, примерно, лет Го-Дайго, пытавшийся было стать настоящим царем, но потерпевший жесточайшее крушение. Об этом Го-Дайго, как и о Го-Сиракава, даже заядлейшим из монархистов трудно сказать что-нибудь похвальное. Его биография — сплошная цепь обманов, интриг, предательств, мелких жульничеств и прочей мерзости. Это законченный тип опасного и подлого авантюриста. Го-Тоба был такого же типа авантюрист, предатель и трус *).

Но вернемся к рассказу о культурных достижениях Нарского и Хейанского периодов.

Культура Нарского периода.

(710—794).

В VIII веке, в то отдаленное время, когда еще не существовало русского государства и когда лишь кое-какие отрывочные сведения доходили до внешнего мира о нашей стране. Япония уже достигла сравнительно высокого уровня культурного развития. Это — так называемый Нарский период японской империи. Начало его отмечено крупным событием — появлением первого значительного летописного труда, уже упоминавшейся ранее Кодзики. А восьмью годами позже, в 720 году, появилась Нихонги, другой столь же наивный «исторический» труд **).

Уже в VII столетии, да и гораздо раньше, японский народ был далеко неоднороден в смысле пользования продуктами труда. Уже в VII веке существовала многочисленная аристокра-

*) Об этом см. Конрад «Япония».

**) Первая летопись написана столетием раньше, но она лишь частично сохранилась. К тому же она еще наивнее, чем Кодзики и Нихонги.

тия, заставлявшая массы работать на себя; уже тогда сотни тысяч людей привлекались для удовлетворения капризов своих царей, цариц и приближенных, уже тогда монахи играли колоссальную роль в эксплуатации народа, и уже тогда существовала круговая порука. В VIII веке все это приобрело более отчетливый характер, и формы сожительства отдельных групп населения стали настолько прочными, что господствующий класс оказался уже в состоянии спокойно создавать для себя те культурные ценности, в которых он нуждался. Именно — для себя. Массы народа вряд ли пользовались плодами господской культуры, и тогдашняя Япония была подобна Киевской Руси, где работоторговцы-князья по своему кругозору часто не уступали своим византийским учителям, а массы вели жизнь дикарей.

Нарский и Хейанский периоды были временем исключительно мирным, по сравнению с большей частью позднейшего средневековья Японии. XIII век был, правда, спокойным, но XIV, XV и XVI века — это сплошной кошмар, в котором измены, убийства, неопишущие жестокости, войны и карательные экспедиции переплетаются, по крайней мере, в изложении японских летописцев, в один сплошной кровавый клубок, в одну сплошную оргию садистов. Конечно, на самом деле эта кошмарность средневековой (по японскому распределению) Японии в значительной степени является продуктом того подхода к изучению прошлого, который характерен вообще для всех историков «карамзинского» и «до-карамзинского» типа, но так или иначе обстановка японской жизни в период с XII по XVI век мало благоприятствовала развитию культуры. Нарский и затем значительная часть Хейанского периода были в этом отношении гораздо более благоприятны.

Самое жизнеспособное, что дала Японии нарская культура, — это тот тип стихотворения, которое называется «танка». Танка существовала и раньше. Весьма возможно, что возникновение ее относится к самому раннему периоду японской истории, примерно, ко II—III веку нашей эры. Но окончательного своего развития она достигла лишь в VII веке в период Нара, когда были составлены те образцы ее, которые подражают и поныне. Покойный император Мейдзи Муцухито составил, как говорят, тысячи таких танков, и с ним соревновались его подданные, раз в год со всех концов империи присылавшие и до сих пор присылающие ко двору свои произведения на общенарский турнир. Вряд ли найдется хоть один грамотный японец, который бы не составил хоть одной танка за время своей жизни.

Но тогдашняя танка была по преимуществу продуктом придворной аристократии, — аристократии, мало знакомой с войнами и походами, с лишениями и ужасами. Здесь некуда было взяться описаниям сильных чувств, глубоких потрясений и поражающих мысль явлений. Неоткуда было взяться и обоготворению, даже просто выделению отдельных личностей, выдвижению индивидуального «я». И, естественно, нет всего этого и в танка. В этих миниатюрных произведениях, длиною всего в традиционные 31 слог, вы не найдете ничего, кроме любования природой, слов о любви, легкой грусти, неглубокой тоски, изящной шутки и всего того, что могут переживать люди, живущие легко и беззаботно, обеспеченно, без опасения за завтрашний день, без страстных увлечений большим делом и без глубокой ненависти. Люди-мотыльки составляли эти странные на наш взгляд стихи, стихи без рифмы, но стихи — тем не менее, и их произведения соответствовали человеческому типу их авторов. В них вы встретите те мотивы, которые нашли себе место в романах XIX века (например, «Вчера я видел вас во сне и полным счастьем наслаждался и, если б можно было мне, я б никогда не просыпался»), встретите чувства, воодушевлявшие Пушкина, когда он писал в своей элегии о деревьях, которые будут расти после него, встретите описание красоты лунного света, впечатления от созерцания одинокой хижинки на покрытой цветами горе, инея, покрывшего деревья, вишневых цветов, распускающихся на несколько всего часов, бабочки, подобной летящему вверх лепестку, цветущей среди снегов сливы, одинокой сосны на скале, дождя, птиц, легкой радости, легкой печали.

Вот один из примеров этих стихов (перевод проф. Мендрина):

Когда из мира я уйду,
И дом мой останется без хозяина,
Ты, слива, цветущая у моей кровли,
Не забывай своей весны *).

*) По-японски:

Идете инаба
Нуси наки ядо то
Нарину то мо
Нокиба но уме йо
Хару о васуруна

Ударений в японском языке нет.

Подробности о японской литературе читатель найдет в труде Астона «История японской литературы», переведенном проф. Владивосток-

Лишь в виде исключения попадаются среди стихов того времени такие, где говорится о бедности, о пищенской холщевой одежде, соленой рыбе, плаще без подкладки и налогах.

От Нарского периода не сохранилось поэтической прозы. Он составил лишь танка, да так наз. нага-ута, «длинные песни», впоследствии вышедшие из моды.

Наоборот, в дальнейшем японские поэты выработали еще более короткие стихотворения, еще более стеснившие творчество, еще более нуждающиеся в намеке, как необходимой принадлежности поэзии.

Лучшие стихотворения Нара дошли до нас в сборнике Ман'юсю, вместившем около 4000 этих произведений. Он был составлен уже в следующем веке.

Очень характерно, что и в других искусствах японцы того времени довольствовались миниатюрами. Так, в ваянии создались маленькие статуэтки, высотой всего в два дюйма, в живописи преобладала манера ограничиваться по возможности меньшим количеством черт, черт-намеков. Впрочем, бывали и исключения. Так, в 749 г. была воздвигнута в Нара сохранившаяся поныне грандиозная статуя Будды. Одна из нескольких, которыми гордится Япония. Но и эта статуя и живопись того времени созданы не столько самими японцами, а главным образом корейцами. Своя собственная живопись развилась в Японии уже в IX веке. Японское творчество того времени ограничивалось, гл. образом, поэзией *).

Астон отмечает странный недочет в нарской и позднейшей поэзии: в ней нет нигде упоминания о звездном небе, о закате и о многом другом, столь близком европейскому поэту. Нет в ней и больших поэм, поэтической сатиры, не было в период Нара и Хейан и драмы (она появилась в разгар феодальных смут), нет и олицетворений, столь обычных у европейцев.

Из других литературных памятников того времени заслуживают быть отмеченными так наз. «фудоки», описания различных областей с добавлением изложения местных легенд. Кроме того, тогдашние японцы упражнялись также в составлении китайских стихотворений, по своему типу сильно отличающихся от японских и имеющих не только рифму, но и считающихся той особенностью китайского языка, которая заключается в наличии тонов, под которыми произносятся разные сло-

ского Восточного Института Мендриным, а также в предисловии к переводу «Исе-моногатари», сделанном в 1923 или 1924 году проф. Конрадом.

*) «Японцы в живописи не создали художественного портрета, в религии—личного бога, в языке—личных местоимений»—говорит Астон.

ва, транскрибируемые нашей азбукой совершенно одинаково. По богатству содержания, по количеству затрагиваемых тем, эти китайские стихотворения, вероятно, гораздо выше японских *). Сами японцы того времени были патриотами не из важных: китайское творчество было в их глазах несравненно более высоким, чем их родное. Похоже на то, что писание японских стихов рассматривалось, как дело, не совсем достойное солидного человека. Однако, тогда же, в период Нара, Япония додумалась до того, что дало дальнейший толчок развитию японской литературы: в Японии появилась азбука, сделавшая писание по-японски занятием гораздо более легким, чем это было в те времена, когда для изображения японских звуков употреблялись китайские иероглифы, очень сложные по начертанию, да к тому же и не вполне соответствующие звукам японской речи (по другим данным азбука появилась столетием позже).

В 794 году столица Японии была перенесена в недалекое от Нары нынешнее Киото, по тогдашнему Хейан. Начинается Хейанский период, отмеченный в истории Японии, помимо прогрессирующего оформления феодализма, еще целым рядом явлений, свидетельствующих о росте японской духовной культуры.

Культура Хейанского периода.

(800—1186 г.г.).

По мнению многих знатоков японской литературы, нарская танка осталась непревзойденной в литературе островной империи; стихи из Ман'юсю, говорят, и поныне остаются верхом совершенства. Но поэзией и ограничилось творчество Нары. Период же Хейана оставил гораздо более обширное наследие, более обширное и по разнообразию литературных форм, и по культурным достижениям вообще.

Но, прежде чем говорить о хейанской культуре, вспомним еще раз, что начало этого периода относится к тому времени, когда еще существовала империя Карла Великого и когда не было еще Рюрика с его братьями на Руси (если они вообще были), т. е. ко времени достаточно варварскому для Европы.

*) Образцы китайских стихов имеются в книге Грубе «Духовная жизнь Китая» и в журнале «Восток» (последних годов), переводы для которого делал проф. Алексеев.

Таким образом, те представители японского народа, которым были доступны тогдашние достижения культуры, стояли несравненно выше по уровню своего развития, чем их современники в Англии, Франции, Германии и, тем более, России.

Однако, исторический процесс, происходивший в тогдашней Японии, во многом напоминал то, что наблюдалось одновременно в Западной Европе. Непрочная «централизованная» монархия медленно, но верно распадалась. Бюрократия, получавшая за службу земли, накапливала их все в большем и большем количестве. О переделах земель уже и думать не приходилось. Крупные землевладельцы, освобожденные за разные «заслуги» от податей, становились все сильнее, на мелких земледельцев налоговый пресс давил все больше и больше, зачастую заставляя их либо бросать землю, либо искать покровительства сильнейших. Развивались грабежи, и круговая порука уже не обеспечивала оседлости крестьянства. Стучалось, что целые пятки*) снимались с места сразу и уходили, куда глаза глядят. Усилились и восстания туземцев. А параллельно со всем этим чиновники на местах становились все независимее. Развивался феодализм.

Но весь этот процесс происходил настолько медленно по сравнению с тем, что наблюдалось во владениях Карла, что у японцев оказалось еще почти целых 4 столетия, в течение которых относительное спокойствие позволяло развивать своеобразную культуру классической до-феодалной эпохи.

Первые 50—70 лет Хейанского периода не отличались большим богатством в смысле выявления новых достижений. Это было время накопления сил, время более углубленного изучения китаизма, осваивания его и популяризации. Поэзия, столь процветавшая в Наре, была в застое. Зато вторая половина IX века и весь X век поистине были блестящими в истории японской культуры. К середине IX века (легендарное призвание варягов у нас) японцы перестают ученичествовать в живописи. У них развивается собственная школа Ямато-рю, которая в свою очередь начинает распадаться на несколько отдельных школ (Тоса, Касуга и др.). Большой прогресс наблюдался также и в искусстве лакирования, в резьбе по дереву и в изготовлении художественных изделий из металлов и перламутра. Понятно, искусство изготовления оружия должно было быстро развиваться в этот период, когда все предвещало наступление феодальных смут. По крайней мере,

*) Пять семейств, связанных обязательством следить друг за другом и отвечать за уплату налогов.

Чемберлен утверждает, что мечи, изготовленные в X веке, не уступают по качеству дамасским и даже превосходят их.

Ко второй же половине IX века относится и возрождение поэзии, отодвинутой было на задний план увлечением китаизмом, а уже в 905 году в Японии появляется вторая знаменитая антология — «Сборник древних и новых стихов» — Кокинсю. Историки говорят, что не вполне достаточное знакомство с этим сборником рассматривалось тогда, как нечто положительно позорное для девушек из дворянского сословия. Музыка и Кокинсю были для них «важнейшими» предметами обучения.

Человек, не знающий техники стихосложения, просто не мог вращаться среди тогдашних дам и кавалеров, чье излюбленное времяпровождение заключалось в составлении непрерывных стихов на заданную тему. Царский двор и дом правителей из среды Фудзивара — это был тогдашний Версаль, где каждый старался превзойти остальных в остроумии, в умении быстро схватить суть брошенной ему поэтической фразы и сейчас же ответить подходящим экспромтом, в умении вести себя не просто прилично, а именно красиво, эстетично. И если он не мог быть таким, каким его хотели видеть, его безжалостно отталкивали: он становился чужой для окружающих его эстетов.

Поэтические турниры, любованье цветами, составление из них букетов, подбор декоративных растений, убранство комнат и двора — было излюбленным делом тогдашнего аристократического общества. И они не были одиноки в этом. Им подражали другие. И эти эстетические привычки настолько прочно укоренились в Японии, что вы можете наблюдать их теперь даже среди наиболее бедных жителей Страны Восходящего Солнца. Кухарка, занимающаяся в минуты досуга художественным наклеиванием на картон опавших ярко-красных кленовых листьев, цветов и трав, или прачка, устраивающая поэтический турнир со своей товаркой — это самое обычное явление в Японии.

Утонченность и роскошь хейанского двора, его легкие и веселые нравы, огромная роль женщины в нем, совмещение в одном лице правителя и короля эстетизма — все это сильно напоминает прославленный двор Короля-Солнца. Но сходство это далеко не полное. Японским придворным Хейанского периода не приходило бы в голову вздыхать о жизни «аркадских пастухов и пастушек»: они сами жили в природе, любили и понимали ее. Этим пониманием природы, интимным знанием ее проникнута вся их поэзия. Они жили в природе,

наслаждались в ней, и их жилища сливались своими садами с окрестными лесами, горами и ручьями. Не было там каменных оград и массивных стен. И когда ветер завывал в полях, когда лил дождь и наступали холода, японские аристократы, казалось, имевшие достаточно средств, чтобы оградить себя от неприятной погоды, терпеливо переносили ненастье в своих домах-беседках и писали стихи о дожде, о снеге. Любопытно, что даже теперь японские финансовые магнаты, парламентские ловкачи, министры и генералы, имея собственные дома, построенные на европейский лад, предпочитают все же проводить свободное время не на «европейской» половине, а в красиво убранных «избушках на курьих ножках». Но о вкусах не спорят. Вернемся к «Сборнику старых и новых стихов» *).

Эта антология знаменита не только, как таковая, — как сборник, — но и как включающая, в виде предисловия, великолепный образец поэтической прозы, в которой составитель сборника дал свою теорию поэзии и первый образец литературной критики. Перевод ее звучит для нашего современника почти так же, как звучало бы произведение критика, писавшего, скажем, лет 80—100, не более тому назад.

Другое произведение, приписываемое тому же автору, Тоса-Никки, Тоса'ский дневник, написанный и, вероятно, напечатанный в 935 году. В этом произведении, послужившем образцом для многого множества других дневников, описывается, как автор, отбыв свой срок управления провинцией Тоса (на острове Сикоку), возвращается по внутреннему морю в столицу. Перед читателем проходят картины прощания с прибывшим из столицы заместителем, проводов до порта, несколько легкомысленного расходования запасов спиртного, нескольких «пьянок», тревожного плаванья, появления пиратов в угрожаемой близости, молитв божествам, одариваемым

*) Интересующихся эпохой Хейана и ее поэтическим творчеством отсылаем к книге проф. Конрада «Исе-моногатари» — переводу знаменитого произведения X в. и предисловию к этому переводу. Но проф. Конрад слишком любит своих хейанцев, чтобы удержаться от некоторой идеализации, и он единственный «повинный» в том. Лафкадио Херн пошел в своей влюбленности в Японию гораздо дальше. Он стал японским подданным, принял японское имя и фамилию, и, как говорят японцы, стал более японцем, чем они сами. Да и вообще немногие из серьезно бравшихся за изучение Японии не оставили в ней кусочка своего сердца. Быть может, без этой «влюбленности» к стране и невозможно ее изучение? Может быть! Так или иначе Японии в этом случае повезло больше, чем большинству других стран, изучавшихся европейцами.

бумажными (!!) изображениями денег, заходов в попутные порты, возвращения в столицу, где дом автора оказывается запущенным из-за нерадения домоправителя и т. д. Короче говоря, этот дневник может дать яркую картину быта и нравов того периода. Автор все время верен хейанскому духу: здесь легкий юмор, завуалированная грусть, легкость тонов и полное отсутствие даже намека на грубость или уклон в сторону ненужного в данном случае неправдоподобия.

Но в других произведениях того времени, в так называемых моногатари, элемент фантастичности вводится иногда умышленно. Это повести типа 1001 ночи, где много чудесного, невероятного и увлекательного. Но не все моногатари таковы. Те из них, которые рассматриваются как лучшие произведения эпохи, принадлежат, наоборот, к типу реалистически написанного романа. Самое знаменитое из них Гендзи-моногатари, огромное произведение, частично переведенное на русский язык проф. Конрадом *).

Автором этого знаменитого произведения, по своему языку уже мало понятного современному японцу, была придворная дама Мурасаки но Сикабу, не без основания считающаяся основоположницей японского романа. О ней лично известно сравнительно мало. Повидимому, ее жизнь при дворе окончилась сравнительно рано, и она нашла для себя лучшим удалиться в монастырь, где и закончила свой труд в 1004 году. Есть основания думать, что герой написанного ею романа был героем ее романа и в переносном смысле. Он был реально существовавшим сыном царя и его наложницы и получил ту фамилию, которая впоследствии в течение ряда веков не сходила со страниц японской истории. Эта фамилия — Минamoto. В длинном романе, посвященном ему, сравнительно мало драматических эпизодов, но зато много сцен и диалогов, в которых действующие лица, люди X века, выступают, как живые с их интересами, привычками, предрассудками, желаниями, горестями и радостями. Роман во многих местах фотографичен, и нельзя не повторить за Астоном, что нам приходится только пожалеть об отсутствии в европейской литературе того времени произведения, которое могло бы нам позволить так ясно и отчетливо представить себе жизнь той почти на 1000-летие отстоящей от нас эпохи. Что знаем мы — ну, скажем, — хотя бы о жизни людей Киевской Руси, если только не считать трудно понимаемые и мало выясняющие проповеди священников, речь Мономаха, тяжеловесные летописи,

*) См. «Восток» (журнал), Книга V.

бытовые отложения в былинах, да не слишком многочисленны вещественные памятники. У японцев же мы видим реалистический роман, в котором люди говорят свойственным им языком, беседуют на интересующие их темы, обмениваются письмами, высказывают свои суждения о знакомых и незнакомых, засиживаются в дружеской беседе до ночи и т. д. и т. д.

«Макура но соси» — другое знаменитое произведение, написанное тоже около 1000 года и тоже придворной дамой. По своему типу оно резко отличается от «Гендзи». Это не связанный роман, а более или менее случайные наброски на разные темы, занесенные в часы вечернего отдыха и положенные до другого случая под изголовье (макура — изголовье или подушка, если можно назвать «подушкой» орудие пытки, на которую ложатся шеей, оставляя голову на весу; это — во избежание каждодневного воздвигания прически). Многие из этих набросков — короткие изречения, вскользь брошенные мысли, порой без всякой связи одна с другой, иногда целые отрывки из воспоминаний или из слышанного от других. Это тот вид произведений, который известен у японцев под именем «следования за кистью» (предоставления себя капризам пера, если применить наши понятия; японцы пишут не пером, а тонкой кисточкой). Многие из этих отрывков дают очень много для уяснения жизни той эпохи. Вот одна из картинок.

«В одной из комнат дворца накрывают на стол. Дворецкий покрикивает на слуг. Торопит. Фрейлины заняты размещением собранных ими цветов. Появляется министр, ему нужно идти с докладом, но он увлекся разговором с дамами. Шутки, смех, любезности, остроты. Вдруг появляется кошечка, царская любимица, имеющая по сему случаю придворный титул. На нее шутя настраивают собаку, которая, переусердствовав, перепугала царскую любимицу. Ее наказывают чересчур основательно, и она надолго исчезает. Все жалеют и скучают о ней. Но она в конце концов возвращается, и все в восторге».

Конечно, такие сценки, ярко иллюстрирующие легкомысленный и пустой тон придворной жизни, полные деталей о костюмах, утвари, о прическах, способах передвижения, манере разговаривать, шутить, хитрить, веселиться, дают гораздо больше, чем множество мертвых вещественных памятников. А таких сценок в хейанской литературе множество.

Среди дневников несколько более позднего времени обращает на себя внимание проиллюстрированный грустью дневник дочери Мурасаки но Сикибу, подражавшей своей матери, но не нашедшей себе признания.

Другое ценное для изучения прошлого Японии — сборник подслушанных автором в «чайном домике» рассказов посетителей. По преданию, он сидел за ширмой и записывал все интересное. Здесь отразились нравы, взгляды и суеверия плебса — купцов, земледельцев, солдат и т. д.

Помимо огромного количества повестей, романов, сказок и стихов, эпоха Хейана дала ряд исторических трудов, охватывающих период до середины XI века, сборников узаконенных молитв, описаний административной организации, родословные и т. д. Некоторые из исторических трудов дают очень много анекдотов, описаний походов придворных, стихотворений, сложенных известными деятелями и т. д.

Одно из поэтических произведений Хейанского периода, как здесь уже указывалось, имеется в переводе на русский язык полностью. Это весьма своеобразно изложенный роман Исе-моногатари, в котором художественная проза все время чередуется со стихами, и где на первый взгляд отсутствует единство плана. Но о нем трудно говорить, не приводя многочисленных примеров и разъяснений. Гендзи-моногатари зато легко понятна.

Классический период японской литературы в сущности заканчивается уже к середине XI века. Это то время, когда централизация власти продолжала существовать лишь в теории. Военные, разбросанные на значительном пространстве от Кюсю до севера Хонсю (главного острова), уже превращались в маленьких государей, не считались с центром, не платили налогов и вообще делали то, что хотели, у царя собственных войск уже не было; то, что считалось армией, было в сущности личными дружинами феодалов и сильнее из них, дома Минамото и Таира, неизменно поставляли своих представителей на должности главкомов. Первым предостережением о приближении новых времен было восстание одного из Таира, сумевшего изгнать из района нынешнего Токио всех представителей власти. Мятеж был усмирён домом Минамото. Но когда в 1069 году двор издал распоряжение о ревизии земель, захваченных военными, ему этого не удалось сделать. А еще через 87 лет царь был фактически устранен от власти, и один из Таира стал диктатором. Хейанский период японской истории закончился.

Эпоха военных империй.

1192 год отмечен в истории Японии перенесением фактической столицы государства в ту, до тех пор малокультурную, область Канто, которая лежит по восточную сторону знаменитых в истории внутренних войн Японии Хаконейских гор. По отношению к японскому западу — к району Киото и землям, лежащим далее в сторону Кореи и Китая — эта область была тем же, чем Великоруссия была по отношению к территории Киевской Руси. Она была сходна с Великоруссией еще и тем, что основная масса населения была здесь, повидимому, этнически чуждой коренным японцам. Здесь не было воспоминаний о родовом строе, и связи между людьми устанавливались на иной основе: на основе службы, вассалитета.

Камакурский период, как называют время между 1192 и 1333 годами, часто рассматривается, как период культурного упадка, как век тьмы. Не осмеливаясь ни оспаривать, ни подкреплять этого положения, отметим все же, что именно при камакурской власти мы наблюдаем первые явные проявления распространения культуры верхов в массы, что проявилось, например, в деятельности таких людей, как почитаемый до сих пор основатель буддийской секты Ниндзирен, живший около времен нашествия Хубилая в 1273 и 1284 годах. Торговля в этот период медленно, очень медленно, но все же растет. На исторической арене появляются новые группы, неизвестные в Хейанский период.

После перерыва, связанного с восстанием царя, ставшим было у власти в 1333—35 годах и последовавшей за этим войной двух групп феодалов, во главе государства оказывается новый дом, дом Асикага. Но его власть гораздо менее сильна, чем у его предшественников, сёгуна Йоритомо и сиккенов (наследственных регентов) из дома Ходзю. Государство распадается на ряд фактически независимых княжеств, редко живущих в мире друг с другом. Земледельцы, конечно, все время остаются основой народного хозяйства, но наряду с ним повсюду вырастает под защитой замков и монастырских стен ремесло, растет и торговля, растет настолько, что сборы с путешествующих купцов становятся существенным источником дохода даймио (феодалов). Потребности последних быстро увеличиваются, и это служит причиной все новых и новых

упорных войн. Конец XV и почти весь XVI век — это почти сплошная война не только за земли, за доходы с них, но и за обладание торговыми путями. И когда эти войны, наконец, кончаются, Япония оказывается вполне централизованной страной. Хотя централизация эта задумана, главным образом, в интересах феодалов-землевладельцев, а не торговцев-ростовщиков, но объективно она обеспечивает купечеству возможность расширять свои дела и мало-по-малу перерастать экономической мощью феодалов.

Такова общая схема событий за период от 1192 года до XVII века.

В этой главе мы не будем заходить так далеко: предметом нашего обзора будет история Японии между возникновением Камакурского «бакуфу» (сёгуновского правительства) и появлением на исторической сцене Ода Нобунага, незначительного феодального барона, ставшего, однако, первым диктатором-объединителем Японии. Но вернемся к Камакуре.

Если вы имеете географический атлас средних размеров и если вы захотите найти в нем этот некогда славный город, вы, конечно, прощитесь безрезультатно. Его нет на большинстве русских карт, как нет и другого важного центра феодальной эпохи недалеко от него Одавара, бывшего сосредоточия могущественнейшего на Востоке лена. Только туристы да многочисленные иностранные «резиденты» Японии знают эти «кружком на карте генеральной» не всегда отмечаемые городки, где много отставных чиновников, много дачников, много скучающих англичан и обезьяничающих с них других представителей Запада, где много красивых видов и не мало достопримечательностей, среди которых особенно славится камакурская статуя Будды, но где нет ни крупной промышленности, ни городского шума, ни вечной снешки капиталистического города. Сюда приезжают отдыхать, купаться, кататься на лодках, а зимой — спастись от чувствительных в Токио зимних холодов*). Теперь — это дачный район. Жизнь же перешла в Токио и Йокохама, на места тогдашних болот.

Целых почти полтора столетия была Камакура фактической столицей Японии, и господство ее было не только номинальным; порядок, установленный ее властями, оказался достаточно подходящим для тогдашней Японии, и если не считать неудавшихся монголо-китайских нашествий (1271 и 1284 г.г.).

*) Средняя январская в Токио на 36 градусе с. ш. такая же, как в Лондоне на 51-ой. На берегах же залива Сагами, в Камакура, Одавара, а особенно Атами значительно теплее.

небольших «карательных экспедиций», предпринимавшихся сиккенами из дома Ходзио, несерьезной войны — прогулки против возмечтавшего о власти царя Го-Тоба (1221 г.), да не-крупных столкновений между отдельными феодалами, то период правления Ходзио может считаться мирным, во всяком случае гораздо более мирным, чем тот, начавшийся с 1335 года, период, когда во главе военной империи стояли сйогуны дома Асикага.

Этот Камакурский период (1292—1333 г.г.) не похож на позднейший период и во многом другом, в частности, в распределении земель, а также во внутренних формах организации и управления.

В период Камакура, говорит автор крупного труда о Японии, старая царская аристократия, хотя и уступившая власть т. наз. военным домам, еще обладала довольно обширными земельными владениями. Наряду с ними существовали и мелкие земельные владения свободных лиц, а владения военных родов, правда, более обширные, чем владения принцев, церкви и мелких независимых владельцев, имели все же характер своеобразных имений и притом не слишком крупных на русский масштаб, а не территориальных целостных княжеств. Такими же имениями были и монастырские земли. В области управления тоже не исчезли пережитки древности. Царский двор имел попрежнему своих «министров» и помощников из них, и эти «министры» назначали в провинции губернаторов, оставшихся там, по старинному обычаю, не более 4-х лет.

Но в таком случае, что же собственно отличает эпоху Камакура от предшествовавшей ей, — спросит читатель.

Разница эта заключалась в том, что губернаторы прежних времен имели, как базу своей власти, значительные земельные владения и имели под своим командованием войска, и при Иоритомо и сиккенах дома Ходзио у назначаемых из Киото губернаторов войск не было вовсе, ибо командование ими возлагалось теперь на провинциальных главкомов, которые назначались из Камакура. «Военкомы» (дзито) назначались из Камакура и для неофициального наблюдения за землями принцев и аристократов, в том числе, значит, и за землями тех из них, которые губернаторствовали, или, вернее, носили звание, пустое звание, губернаторов в провинциях^{*)}. Таким образом

^{*)} Официально дзито ведали только землями военных. Но это не меняло дела: они, конечно, вмешивались неофициально. Отметим, между прочим, что среди дзито была одна женщина. Женщина же была фактической преемницей Иоритомо.

провинциальный губернатор не только не имел вооруженных людей в своем распоряжении, но и не мог их иметь, ибо за его доходами — а, ведь, в те времена только земля могла быть источником солидного дохода — фактически наблюдал выходец из военной среды (это — нечто, напоминающее то положение, которое создано со времени падения маньчжурской династии в Китае, где генералы со своими солдатами — все, а законные администраторы, начальники областей, — ничто). Так или иначе, внешние формы царской власти были сохранены. Декорум до известной степени соблюдался. В частности, сохранились еще в качестве административных единиц старые провинции куни. Царский суд для невоенных тоже сохранился.

Как уже сказано, 1221 год, двадцать девятый год утверждения сйогуната в Камакура, был отмечен трагико-комическим восстанием царя, аристократии и части монашества против власти камакурского Ходзио. Восстание было усмирено без всякого труда, но с тех пор, вплоть до первого нашествия монголов (в 1247 г.), Япония жила очень мирной жизнью. Основой благосостояния оставалось земледелие. Торговля хотя и развивалась, но очень медленно. Об этом можно судить хотя бы по тому, что жизнь частного гражданина в Камакура была связана тысячами полицейских правил (напр., вечером все должны были сидеть по домам), число торговцев было ограничено минимумом и над их деятельностью был установлен тщательный контроль. Нужно отметить, что в этот период появляются уже торговые комиссионеры, корабельные агенты и векселя (с 1215 г.). Помимо внутренней торговли существовала и внешняя: в Китай вывозили немного риса и морских продуктов, оттуда привозили гончарные изделия, материи, плетеные изделия и т. д. Но эта торговля была все же настолько малой, что сиккены, не испугавшись перспективы ее прекращения, жестоко оскорбили Хубилая, чем и навлекли на себя удар со стороны монголо-китайцев. После этого торговля с Китаем прервалась лет на 100.

К этому же периоду относится значительный прогресс в изготовлении гончарных изделий: особенно прославился некто Като Сиродзаемон, поехавший в 1223 году в Китай и привезший оттуда многие секреты изготовления фарфора. Прогресс отмечен в Камакурский период и в живописи, гл. обр., в монастырях, в лакировании и особенно в изготовлении оружия. Что же касается литературы, то она в этот период не сделала в сущности никаких успехов: повторялось старое, хейанское, и повторялось не всегда удачно.

Иную картину взаимоотношений «военных домов» и царя наблюдаем мы после падения камакурской династии Ходзю (сиккенов) и непродолжительного рецидива, всего в 1½ года с небольшим, власти царя в лице венчанного мерзавца Го-Дайго.

Восстав против Камакуры, этот субъект не мог, конечно, рассчитывать на силы своих аристократических вассалов; дело в том, что даже в 1221 году, когда один из предшественников Го-Дайго, столь же не стеснявшийся в средствах, царь Го-Тоба, попробовал вернуть власть царскому дому, аристократам лишь с трудом удалось собрать несколько тысяч плохо вооруженных и плохо обученных солдат из числа своих слуг; лишь поддержка монастырей довела численность царской армии до 25 тысяч. При Го-Дайго тем более нельзя бы было собрать такую армию, ибо аристократы были за первый бунт наказаны камакурскими властями частичным отнятием земель. Го-Дайго осталось лишь призвать на помощь недовольные военные дома, что он и сделал. Ему, или вернее враждебным Камакуре военным, победа удалась, но выиграть от этого военные не выиграли. Го-Дайго начал раздавать земли придворным аристократам, и это его погубило. Восстановленная было царская власть была вновь уничтожена, и дальнейшая борьба, тянувшаяся до 1392 года, велась уже непосредственно между военными родами, для которых два соперничающих царских двора (один в Киото, другой верстах в 100 южнее в Йосино) были не больше, чем живыми знаменами. Они дрались за земли для себя, а вовсе не за удовлетворение честолюбивых претензий царей-знамен.

Аристократы дорого заплатили за свои временные удачи: они потеряли не только то, что получили указами Го-Дайго, но и то, чем они владели раньше, и их земли округлили владения военных домов. Вслед за аристократическими землевладельцами исчезли и мелкие независимые собственники, которые в период борьбы вынуждались просить защиты у сильных военных домов, т. е. превращаться в их вассалов. Что касается монастырей, то наиболее многочисленные из них предпочитали защищать свои владения самостоятельно, не идя на подчинение военным домам. Некоторые из них не только отделались от землезахватчиков, но даже расширили свои владения и оказались в состоянии содержать крупные армии, до 30—50 и более тысяч солдат (монахов и светских). Многие обзавелись собственными вассалами из мирян.

В результате всего этого Япония оказалась раздробленной на ряд крупных феодальных владений, гл. образом, светских,

но огнистых и монастырских, и между этими владениями уже почти не нашлось места ни для староаристократических имений, ни для мелких крестьянских владений, ни для самого царя, ни тем более для «губернаторов». Старые провинции были теперь не более, как географические понятия, их границы и границы феодальных владений уже не совпадали. Последние тоже не оставались неизменными. В процессе непрерывных войн княжества росли, княжества уменьшались, возникали, исчезали, поглощались и делились. Возглавление всех феодалов (даймино) сйогуну существовало уже во второй половине XV века лишь на бумаге. Больше значения имели «наместники» Запада (в Киото) и Востока (в Камакура), обладавшие большими землями, материальной базой своей силы. Но когда в ходе почти непрерывной вооруженной борьбы земли того или иного наместника (канрио) попадали в руки его врагов, терялась и сила наместника, и на сцене появлялся другой.

К середине XVI в. распад дошел до наибольшей степени. Власть сйогуна уже никем не признавалась ни практически, ни даже юридически; царь был просто вне поля зрения борющихся. Япония превратилась фактически в ряд совершенно независимых друг от друга феодальных государств. Характерно, между прочим, что первые попавшие в Японию образованные европейцы совершенно определенно называют известных им даймино не иначе, как «королями» («рекес»), а не «баронами», «князьями» и т. д.

Не нужно думать, что все эти «короли» были представителями «белой кости» и «синей крови». Правда, большинство из них всеми правдами и неправдами ухитрялось выводить свой род непосредственно от царей, но не мало было и таких, чье плебейское происхождение не возбуждало ничьих сомнений. Так, из четырех наиболее могучих домов даймино — восточной части страны — два имели более чем темное происхождение: один из них, Уесуги, имел своим родоначальником убийцу своего сюзерена, а другой, новый Ходзю (старый дом Ходзю был истреблен), был основан типичным авантюристом, рыцарем большой дороги. Это был не единственный случай: в те бурные времена, когда разоренные войной крестьяне, случалось, целыми десятками снимались со своих вытоптанных сражающимися войсками полей и превращались в разбойников, большинство феодалов могли только радоваться, если крупная шайка соглашалась усилить собою их дружину.

Многие разбойничьи атаманы (подобно небезызвестному нашему современнику, китайцу Чжан Цзо-гуну, превратив-

шемуся из хунхуза в фактического короля Маньчжурии), становились вассалами крупнейших феодалов, а то и в совершенном ни от кого независимых владельцев замков. Один из типичных авантюристов, некто Цйокей, человек самого низшего из сословий (если не считать париев), т. е. кунец, фактически превратился в наместника Киото, где диктовал свою волю и бессильному сёгуну, и уже совершенно ни во что не ставившемуся царю. Асакура, правивший в провинции, лежащей к северу от г. Цуруга (через который теперь поддерживается паромная связь между Японией и Владивостоком), стал даймио благодаря тому, что в подходящий момент отправил к протцам своего феодального господина. Третий, бывший монах, потом лавочник, начал карьеру с убийства приемного отца. Таких примеров можно было бы привести великое множество; они были бы очень полезны для тех, кто с легкой руки сознательных или бессознательных литературных обманщиков уверовал в какую-то сверхчеловеческую рыцарскую мораль Японии *).

По мнению проф. Мардок, положение крестьян той эпохи было лучше, чем при древней монархии, чем при наследниках Норитоми (т. е. в Камакурский период) и, тем более, чем при Токугава. Дело в том, что дурное обращение с крестьянами приводило к их уходу с земли и зачастую к превращению в солдат сильного соседа, в солдат озлобленных, мятежных. Развал государства крестьянам был не страшен. Но вот когда объединители Японии «спасли ее», как с наивностью институтки говорит один из русских составителей японской истории, тогда для крестьян наступили тяжкие времена. Не в развалив-

*) Речь идет о принципах так наз. «бусидо» (пути воина), якобы определявших поведение японских самураев. Проф. Нитобе написал об этом самом «бусидо» книжку на английском языке и ему верили. «Блажен кто верует!..». Однако, знакомясь с историей феодальной борьбы в Японии, случаи, подтверждающие теорию японолюбив, встречаешь не чаще, чем случаи подставления правой щеки, когда бьют по левой, в истории христианских стран. Зато случаи, когда прославленные деятели феодальной Японии совершали гнуснейшие злодеяния, заполняют собою повествования о ряде столетий. Этим мы вовсе не хотим сказать, что японцы, де, «азиатизмы». История европейского средневековья по части всяческих зверств, пожалуй, еще красочнее, чем японская.

В Европе все кумушки воображают, будто европеец—существо исключительно благородное, а негр, монгол, индеец—звери. Кто же смеет запретить монголоиду Нитобе творить легенду об исключительном благородстве японцев! Чем бы не тешился...

шейся на части Японии, а вот именно в Японии «спасенной», вспыхивают первые серьезные крестьянские восстания, — вспыхивают в правление знаменитого Хидеёси, который, кстати сказать, сам был крестьянином по рождению. А при Токугава крестьянские восстания не прекращались.

Читателю, который, ознакомившись с историей Японии по этой книжке, пожелает более основательно изучить ее, придется натолкнуться на одно серьезное затруднение. — на отсутствие в русской литературе о Японии исторических карт. Нелишним поэтому будет дать общую беглую картину распределения феодальных владений в Японии периода обостренной борьбы. Начнем с юга.

На острове Кюсю сильнейшими были даймио Симадзу и Отомо. Из девяти провинций в руках первого находилось к 60-ым годам XVI века две провинции (куни) целиком и одна наполовину. Граница его владений проходила несколько севернее 32 параллели. Сацума-куни, коренное владение дома, сыграло в позднейшей истории Японии большую роль: сацумцы и по сейчас — большая сила в японской политике.

Отомо владел почти половиной острова Кюсю. Этот дом первый из больших феодальных домов обратился в католичество.

Северная часть Кюсю и та часть главного острова, которая лежит западнее 134 меридиана, принадлежали к 60-ым годам XVI в. дому Мори (до тех пор Оуци, князю-кунцу). Это и есть то княжество Цюсю (по-японски Нагато), которое вместе с Сацума поднялось 300 лет позднее против сёгуна и которое с 1868 года стало рассадником японского генералитета и сановничества.

Восточная часть о-ва Сикоку была владением Хосокава, наследственного правителя Киото в период династии Асикага. Район близ Киото принадлежал союзнику Хосокава, Мийоси.

На востоке в первой половине XVI века господствовали следующие дома: Имагава — от Хаконе до нынешней Нагой (на Тихоокеанском побережье); Ходзиро — от Хаконе до нынешнего Токио; Уэсуги, который владел обширными землями вдоль Японского моря к востоку от полуострова Ното, а между владениями этих трех находились владения Такеда. Однако, в 60-х годах земли в этом районе распределились по новому. Это случилось благодаря возвышению до тех пор слабых домов Ода (с Нагой в центре) и ставшего его соседом прежнего вассала, другого даймио, Токугава.

Все упомянутые здесь имена постоянно мелькают в исторических трудах. Два последних особенно важны: Ода был

первым диктатором Японии, сумевшим объединить ее, Токугава третьим. (Вторым был Хидеёси).

Из других даймю заслуживают упоминания Хатакеяма (южнее 34 параллели на главном острове), Китабатаке (на побережье к юго-востоку от озера Бива), Дате и другие — на севере главного острова.

Районы между 136 меридианом и полуостровом Ното, на Японском море, а также район к югу от Киото принадлежали до середины XVI века монастырям.

Этот, пусть и скучный список, дает все же возможность разобраться в тех кровавых событиях, которые происходили в Японии в век «воюющих государств».

Следует пояснить, что владения отдельных даймю не оставались неизменными; они все время меняли свои границы. Это во-первых, а во-вторых, что, помимо названных домов даймю, было еще великое множество других, только их роль была менее заметна.

Читатель уже заметил вероятно, что здесь еще ни разу не отмечена роль городов, кроме, конечно, столичных Киото и Камакура. Объяснение этого кажущегося недосмотра простое: этих городов, за исключением одного единственного, не было. Не было Едо (теперь Токио), который возник лишь в самом начале XVII в., не было Осака, где в те времена были лишь жители, ютившиеся вокруг тамошнего монастыря, не было Нагоя и т. д. Конечно, если считать за города те поселения солдат и ремесленников, которые жаллись у феодальных замков или монастырей, то фраза «городов не было» покажется слишком решительной. Но мы говорим о городах, и игравших роль, о тех городах, где вырастали могильщики феодализма, городах, подобных западным ремесленно-торговым городам, где, по старинному выражению, «воздух делал человека свободным». Единственный город этого типа, город самоуправляющийся, имевший свои укрепления и войска, не боявшийся феодалов, был в XVI в. Сакаи, сосед Осака, о котором португальцы рассказывали, как о напоминающем по своим внутренним порядкам Венецию. Были, может быть, и другие волиные города, сведения о которых до нас не дошли, но достоверно мы знаем только о нем. Теперь это промышленный городок близ затмившей его Осака, некогда поселка при монастырском замке, а теперь первом по обширности и количеству населения города в Азии. Что касается обеих столиц, то Камакура оказалась настолько нежизнеспособной, что скоро после падения старого дома Ходзю и с приходом к власти Асикага, поселившегося в окрестностях Киото, она превратилась в некруный

рыбачий поселок. Киото был в лучших условиях, и, поэтому, все пронесенное над ним грозы прошли для него благополучно. Если верить тогдашней статистике, в Киото жило в XVI веке около 180.000 семей, т. е. «на глаз» по крайней мере около 900 тысяч жителей. Но Киото и Сакаи, да еще Ямагути и Цусю только подтверждали правило. Япония до середины XVI века оставалась страной деревень. Рост городов начался лишь в Токугавском периоде. Тогда же, при Токугава, становятся они и средоточием культурной жизни. При Асикага же такими сосредоточиями были, главным образом, монастыри. Эти монастыри играли тогда и политическую роль. Один из тогдашних буддийских прелатов мечтал даже о подчинении себе всей Японии.

Период Муромати (с 1392 г.), наступивший после властвования Го-Дайго (1333—35) и Намбокуно-дзидай (периода двух дворов: южного и северного — 1333—1392), отмечен значительным прогрессом во всех областях. Особенно быстро развивалось лакировальное и фарфоровое дело. По мнению знатоков, японское искусство того времени уже не только не уступало китайскому, но и во многом превосходило его. В живописи существовало много школ, особенно развивалась религиозная живопись и ландшафт. В ней, как и в возникшей тогда лирической драме («но»), явно сказались аристократический дух; искусство обслуживало ведь, гл. образом, феодалов и царскую аристократию.

О том, как к тому времени выросли потребности правящего класса, свидетельствует одно из описаний Киото, относящееся к первой половине XV века. Судя по этому описанию, в Киото жило тогда около 900 тысяч человек *). В городе находились дворцы не только царя и сйюгуна, но и многочисленных феодалов, царских родственников, родственников сйюгуна и т. д. В общем в городе насчитывалось до 230 домов, принадлежавших высшей знати и представлявших собою настоящие дворцы, с многочисленными пристройками и службами. Сйюгуновский дворец оценивался на наши деньги в 10 мил. рублей. Одна только дверь в нем стоила 320 тысяч рублей. Дворец был окружен садом, в котором были искусственные холмы, высеченные из скал изображения тигров, фениксов и драконов, и росли редкие растения. Современники говорили о нем, как о земном рае. При дворе сйюгуна процветали поэтические турниры, устраивались чайные церемонии и представления «но», которые настолько ценились сйюгунами, что один из антрепре-

*) Цифра вряд ли заслуживает доверия.

перов получил за свои услуги лен и превратился в даймю. Все это требовало, конечно, больших денег.

Откуда же брались эти деньги? Прежде всего, ясное дело, в виде налогов с крестьян, которым приходилось отдавать до 70% урожая; второй источник дохода был налог и принудительные займы с купечества. Мардок в своей истории Японии отмечает, что в начале периода Муромати сёгуновский бюджет составлялся раз в десять лет, а потом пять раз за девять лет, и что в начале принудительные займы заключались раз в два года, а потом чуть ли не без перерыва — один вслед за другим. Третий источник — внешняя торговля. Сёгуны Асикага в этом отношении мало напоминали сиккенов Ходзю: они не только не дерзили перед китайцами, но даже соглашались на признание себя вассалами Китая, лишь бы пользоваться выгодами торговли с ним. Торговля эта проходила при посредстве монахов секты Дзен, имевшей своих сторонников и в Китае. Вывозились уже теперь не только рис и морские продукты, но и оружие, изготовление которого достигло в Японии значительного совершенства. Велись крупные работы по оборудованию порта Хиого (теперь Хиого поглощен выросшим Кобе), через который Киото вел свою торговлю с Китаем.

Помимо коммерческих связей, сношение с Китаем поддерживали монахи и художники (обычно — монахи), а также, из песни слова не выкинешь, пираты. Последние, начиная с XIV века, стали решаться на все более и более дальние путешествия. Вначале их внимание ограничивалось берегами Кореи, потом направилось на Шаньдун и далее на берега Южного Китая, а затем мы встречаем японских морских разбойников уже далеко-далеко в Сиаме. В свою очередь и китайские пираты появлялись у берегов Японии. Так, первый европеец, попавший в Японию, португалец Пинто, добрался туда на китайском пиратском судне. Добрался он туда не по доброй воле, а из-за порчи его судна пиратами враждебной группировки: по словам Пинто, их столкновение имело характер настоящего морского сражения. Таким образом, пиратство того времени было, повидимому, довольно распространенным ремеслом и ремеслом, судя по материалам Мардока, совсем не непочтеным. По крайней мере Пинто, садясь на пиратское судно, получил от знакомых миссионеров сведения, что хозяин судна «честный пират». Это первое посещение Японии европейцем относится уже к 1542 году. Так, по крайней мере, говорил сам Пинто, но современники этого «открывателя Японии» не верили ему ни на грош, считая его хвастунишкой и лжецом выс-

шей марки. Во всяком случае открытие Японии относится приблизительно к этому периоду (1541—1543).

Когда Япония была открыта европейцами и когда (это было в 1549 г.) Киото был посещен миссионером Франциском Ксавье, эта сёгуновская и одновременно царская столица уже не была тем, чем она была сотней лет раньше. Да и не мудрено. Это столетие было сплошь заполнено жестокими войнами, в которых не принимали участие только некоторые северные даймю. Сравнительно мирный период господства Асикага *) продолжался только с 1392 по 1440 год, когда на севере началась ожесточенная борьба из-за земель. В то же время в Киото был страшный голод, после которого произошло восстание против ростовщиков.

С 1450-ых годов военные столкновения начались и в центральных областях и с 1467 года (как раз в тот период, когда расходы вельмож стали быстро расти) театром военных действий стал сам город Киото. Сражения происходили непосредственно на улицах, а постоянные позиции враждующих армий были устроены на возвышенностях по обе стороны столицы. В эту войну, начавшуюся по ничтожному поводу — из-за несогласий в доме одного из феодалов — мало-по-малу втянулись даймю всех окрестных княжеств, а затем и всей Западной Японии, исключая лишь Кюсю, где, впрочем, даймю тоже дрались, но из-за своих собственных кюсюских дел. Драка в эти годы шла и на севере.

Война вокруг Киото продолжалась немного немало 11 лет, а когда она кончилась, на месте доброй половины столицы

*) По словам проф. Murdoch (недавно умершего создателя Восточного факультета в Австралии, автора крупного исторического труда о Японии, доведенного до времени Токугава; наиболее внимания он посвятил истории первых сношений Японии с Европой, т. е. периоду с 1542 до 1634), сёгуны династии Асикага очень заботились о расширении торговых связей с Китаем и потратили много средств на оборудование пристаней города Хиого (нынешн. Кобе), служившего для Киото портом. Крупная торговля шла и в Одавара (близ нынешних Токио и Иокохама), а раньше и в Камакура, загложившей к XV веку. В торговле Киото и Хиого были заинтересованы сёгуны, а в торговле Одавары — дом Ходзю, вернее «эже-Ходзю»: старые Ходзю, правившие в Камакуре, были истреблены, а их фамилию принял основатель нового дома Ходзю авантюрист-грабитель, именвший сначала в своем распоряжении всего лишь шесть сорви-голов. Впоследствии дом «Ходзю» выдерживал борьбу с 200 тысячной армией Ода Нобунага.

тянулось обширное пространство, покрытое головешками. Впрочем, Киото скоро ожил опять.

После этой войны, смысл которой заключался, очевидно, в переделе земель (при возросших потребностях было из-за чего драться!), начался период повсеместных войн (эпоха Воюющих Государств — Сэнгоку-дзидай). Дрались между собой даймё, дрались монастыри (так монахи Хонгандзи воевали с монахами секты Хокке), дрались близ Киото, дрались около Осаки, соперники свергали друг друга, казнили, мучили; фактическими властями Киото становились то представители старых родов, то выскочки; сёгуны превращались в пешки, цари совсем как бы исчезли с поля зрения, и по всей Японии шел передел земель, при чем вчерашний вассал становился сегодня сильнее вчерашнего своего сюзерена, чтобы завтра же погибнуть от клинка своего соседа. Каждая смерть, каждый вопрос о наследовании делались предлогом для войны.

Войны тяжело ложились на плечи крестьян, которые не раз бросали насиженные места, превращались в разбойников и при случае становились в ряды войск того, кто нуждался в самураях. Резкой грани между последними и остальным населением тогда еще не было. В связи с этим более разумные из феодалов охотно ослабляли возжи, так как это был единственный способ удержать своих кормильцев-хлебопашцев на месте. Зато тем необходимее становилось принискивание средств иными путями. Отсюда непрерывное увеличение количества уже лет за 200 до того существовавших внутренних торговых застав, все новые и новые принудительные займы с купцов, сложение долгов займодавцам, короче говоря — открытая борьба между землевладением и купечеством за обладание продуктами прибавочного труда крестьян.

Еще два слова о царях.

Как уже известно читателю, из целой серии обитателей царского двора в Киото только двое проявили при феодализме активность и волю к власти, и оба поплатились за это ссылкой в места, на японский масштаб, отдаленные. Жалкой была их участь по сравнению с царями XI века, когда, по крайней мере, хоть один из них, Сиракава, был все-таки настолько силен, что даже бросил однажды с горделивой прощаньем:

— Только три неподвластны мне, — воды реки Йодогана, падение игральных костей, да монахи храма Хнейдзан.

Впрочем, Сиракава был все-таки единственным в своем роде: до него правили ставленники Фудзивара, после него царская власть ограничивалась военными домами.

При Асикага положение двора и материально и морально было из рук вон скверное: порой месяцы, даже годы, проходили у обитателей дворца в самой жестокой нужде; даже в самые лучшие времена весь доход двора, т. е. и самого царя и всей его аристократической своры не превышал одной сотой того, что получал один из названных выше феодалов. Ну, а в худшие годы двор элементарнейшим образом голодал, так как подвоза припасов не было, а голодавшие жители Киото переставали покупать фабрикуемые при дворе стихи, это основное производство жителей царских палат. К урчанию пустых желудков присоединялись возведенные в систему обиды. Сёгуны и киотоские наместники то и дело вмешивались во внутренние дела двора, устанавливали для него правила, контролировали его связь с внешним миром, цензурировали письма, приписывали царям делать то-то и то-то, не брезгая при этом даже мелочами, никакого отношения к политике не имеющими и т. д. Современники рассказывают, что киотоские дети сплошь и рядом забирались за дворцовую ограду, устраивали там игры, словом вели себя в царском дворе так, как не повели бы себя во дворе всякого иного домохозяина. Стучалось, что подгулявшие самураи (пиянство в Японии было тогда страшное), сталкиваясь лицом к лицу с царем, поднимали его на смех и, вдоволь нахохотавшись, уходили с сознанием своей полной безнаказанности. Лишь в одном случае жалоба царя довела весельчаков до эшафота. Короче говоря, создалось такое положение, что цари попросту не рисковали появляться вне своего дворца.

И все-таки было у японских царей одно право, которого их не смогли лишить. Это право — право давать придворные чины и звания.

Сильны и могучи были многие феодалы: какой-нибудь Оуци, например, мог, не обременяя себя, несколько лет подряд кормить всех придворных паразитов, отъедавшихся после длительного поста. Но любой из этих паразитов, даже самый распоследний, считал себя все же целой головой выше своего поплыца и кормильца. Он считал себя выше, ибо он был придворный, а Оуци, со всеми своими доходами (феодальными и торговыми) был все же не более, как простолюдин, плебей и должен был «знать свое место»: в лучшем случае он мог получить в награду за свои неусыпные заботы о придворных паразитах младший чин четвертого класса, не более. Даже сёгуны, фактические императоры Японии, никогда не получали от двора звания выше, чем второй чин второго класса, скажем, действительного статского советника, что ли, а большинство

даймио не имели придворного чина вовсе. Вот характерный случай. Хидейоси, зажавший в кулак всех даймио Японии и овладевший было Кореей, долгое время бесплодно добивался получения того звания, которое носили десятки бездарных, безвластных и бессильных Фудзивара. Не получил он и звания сйюгуна, ибо он не был из дома Минамото, а всего лишь «мужичий сын». А вот другой случай: дочь одного из Токугава стала царской женой, но, несмотря на то, что токугавский род шел от Минамото, а это значит от древних царей, новая царица не получила полного титула.

Любопытно, между прочим, что даймио, выдумав для себя свои собственные титулы, состоявшие из названия провинции, частицы «но», соответствующей французскому «де» или немецкому «фон», и слова камп и т. п., пользовались ими без всякого особого удовольствия. Если же они получали самый паршивенький придворный чин, то уже просто напросто опускали свой «военный» титул за ненадобностью. Он был для них слишком плебейским.

Конец периода правления Асикага отмечен в истории Японии событием колоссального значения; в 1842 году *) Япония была открыта европейцами. В связи с этим в Японии появляется огнестрельное оружие — аркебузы и пушки **, и в 70-х годах XVI столетия, т. е. уже через 30 лет, из 25 тысяч солдат одного из феодальных князей Кюсю 9 тысяч было вооружено аркебузами, изготовленными на месте по португальским образцам или же непосредственно купленными у португальцев.

Одновременно в Японию проникает католицизм. Нужно, однако, пояснить, что то, что называлось «распространением христианства в Японии», было ни чем иным, как одним из способов монополизации тем или иным «просветленным христовой верой» князем покупки оружия. Тот, кто уничтожал в своем княжестве «идолопоклонничество», к тому в порт плыли португальцы; тот, к кому они почему-либо переставали плавать, очень скоро «разочаровывался в новой вере» и впадал вновь в «язычество». Документы, собранные Мардоком, доказывают это яснее ясного.

*) Эта дата не считается вполне достоверной.

**) Есть основание думать, что первыми, ухватившимися за эту новинку, оказались воинствующие монастыри. По другим данным, огнестрельное оружие впервые употребил католический даймио Отомо в Кюсю. Во время японо-китайской войны из-за Кореи (1592—98 г.г.) артиллерия играла уже большую роль.

Другой способ собирания «чад христовых» заключался в благотворительности. Первые миссионеры в Кюсю озаботились устройством больниц для сифилитиков. Этим они собрали до 10.000 невообращенных. Но вместе с тем испортили свое же собственное дело: всякий невообращенный подозревался «язычниками» в том, что он стал носителем заразы.

Таково было начало христианской проповеди в Японии.

Вместе с христианством, идейной базой которого были иезуитские школы, врывается в Японию струя новых познаний, добытых в Европе. Япония, однако, не европеизировалась. Случилось то, что европейский читатель меньше всего склонен ожидать: огнестрельное оружие стало одним из средств быстрого объединения страны, а вслед за объединением происходит полнейшее утверждение господства китаизма — китайской философии, разработанной при династии Сун (960—1280), китайского права, китайских этических, политических и общественных идеалов, китайских вкусов, китайского языка. Из занесенного европейцами прочное место завоевала себе за почти столетний период первоначальных европейско-японских сношений, кажется, только астрономия *).

Но об этом периоде, периоде объединения, мы поговорим потом. Здесь достаточно будет сказать, что хотя в 1573 году Япония была сплошной мозаикой из взаимно-независимых феодальных владений, но всего лишь через 44 года после этого не нашлось бы уже ни одного смельчака, который позволил бы себе хоть намеком высказать свою нелояльность к сйюгуну из дома Токугава, главы централизованной феодальной империи.

Эта необычайная быстрота — лучшее доказательство того, что экономические предпосылки объединения за время господства Асикага сложились достаточно прочно.

*) Стоит отметить, что настольной книгой японских военных того времени стало произведение китайского философа Сонси (япон. чтение), учившего тому же, чему учил в Европе Макиавелли и что еще в XIV веке написана книга (одним из феодалов), в которой проповедывается идеал монархии.

Япония периода объединения.

Мы подошли к одному из самых интересных периодов японской истории.

Если сравнить политическую карту Японии, скажем, 1573 года с картой 1603 года, если оценить ту перемену во взглядах феодалов на свое собственное положение в отношении центрального правительства, которая произошла за короткий период между концом предпоследней четверти XVI века и концом первой четверти XVII века, то нам не может не броситься в глаза огромная разница. Переменилось все. Все стало иным от крайнего раздробления, от феодальной неразберихи с ее вечными войнами, изменами, перегруппировками, передвижением границ, феерическим возвышением одних, падением других и т. д. Япония на протяжении жизни одного только поколения переходит к системе строгой централизации, — централизации, правда, феодальной, но во всяком случае окончательно уничтожающей бывшие вольности недавних «королей» и «баронов». Япония вступает в период мирного развития, период сёгуната Токугава. Но нужно ли пояснять, что именно в этот мирный период, так много давший для развития японской культуры и создавший предпосылки для превращения Японии в великую державу, положение основной массы населения лучше не стало; наоборот, оно, если судить по все учащающимся восстаниям крестьянства, стало хуже. Впрочем, об этом мы подробнее скажем ниже.

Итак, в 1560 годах политическая карта Японии оставалась, на первый взгляд, такой же нестрой, разорванной и трудно понимаемой, какой она была во времена царя-бунтовщика Го-Дайго (1333 год), но некоторая разница все же была, и она заключалась в том, что в разных местах Японии появились те притягательные центры, вокруг которых начали собираться земли. Так, на Кюсю большая часть территории была в руках домов Отомо и Симадзу, почти вся та часть главного острова, которая находится западнее 134 меридиана, стала вотчиной дома Мори, а к северо-западу от нынешнего Токио (а тогда пустынного болота) находились феодальные государства Ходзю, Такеда и Уэсуги. Мелкие независимые «бароны» встречались теперь только в северо-восточной Японии (между

36° и 39° сев. шир.), гл. образом на Тихоокеанском побережье, на полуострове Ното, да в трех провинциях района Киото. Остальные мелкие даймио были вассалами более сильных домов. Таким образом, тенденция к объединению уже наметилась определенно. Очередная задача заключалась в объединении всей Японии. Ода Нобунага, Хидейоси и Токугава Иеясу — вот те три имени, с которыми связывается это объединение.

Войны Ода Нобунага.

Нобунага *) настолько типичная фигура для периода феодальной борьбы в Японии, что с его личной биографией стоит ознакомиться.

Нобунага было всего 13 лет, когда в 1551 году умер его отец, весьма хищный, но очень некрутный феодал района Нагоя. Наследство, оставленное умершим, было не из завидных: всего лишь замок, да прилегающие к нему 4 поселения. Честолюбивому юноше этого было слишком недостаточно, и он, по нашим временам пригодный по возрасту лишь к поступлению в школу второй ступени, занялся расширением своих владений. Талантливый подросток хорошо усвоил принципы рыцарской чести и благородства (см. выше — выноска о бусидо) и очень скоро сумел очистить окружающую область от мешавших ему родственников: он попросту истребил большинство из них. Отказать ему в смелости было бы трудно, но не смелость, а вот именно ловкость рук необыкновенная помогла ему в его отроческих предприятиях. Так, еще безусым мальчишкой он сделался владельцем всей провинции Овари и имя его стало ужасом для соседей. 23 лет он сумел уже уничтожить могущество одного из сильнейших в Японии домов, а в следующем году он был польщен просьбой самого царя о помощи против распорядившегося в Киото Цёкокея. Но многообещающий молодой человек не внял просьбам царя: ему предстояло еще справиться с другими соседями. До известной степени это ему удалось. Где военной силой, где хитростью, где браком, а где

*) Говоря о деятелях феодального периода, японцы называют их обычно не по фамилиям, а по именам. Эти имена у феодалов 4-х сложенные, а не короткие, как у простолюдинов. В данном случае Ода — фамилия, а Нобунага — имя. Что касается Хидейоси, то у него, как у простолюдин, фамилии сначала не было вовсе, а имя свое он переделал в аристократическое. Такого рода штучки бываюи сплошь и рядом и в современной Японии.

подосланными убийцами и прочими средствами, перечисленными в уголовном уложении, он обогатился присоединением еще одной провинции и уже только тогда принялся за осуществление более обширных планов.

Повод для похода скоро нашелся. Это была вторичная просьба о помощи одновременно и от царя и от претендента на сйогунат. Снабдив половину своей дружины огнестрельным оружием, Нобунага в 1568 году пошел на Киото, уничтожил по пути одного из враждебных ему даймпо и очень скоро очутился в столице, где всех поразили совершенно несвойственным ему до тех пор мягким отношением к остальным потерпевшим поражение феодалам. Еще более удивились «штатские» жители Киото; они ждали обычного разграбления, но дождались вместо этого всевозможных полезных для горожан мероприятий. Царю тоже дана была подачка, а союзники Нобунага получили новые земли. Все это сразу создало для завоевателя популярность и авторитет. Конечно, это не могло понравиться благодетельствованному Нобунагой сйогуну, и последний завязал сношения с теми противниками своего благодетеля, которые только что сильно побили союзника Нобунага, Токугава Иеясу.

Заговор был обнаружен, и сйогуну пришлось бы скверно, если бы Нобунага не считал за благо еще раз проявить милосердие. Но сйогун, конечно, не успокоился, выступив через три месяца вторично, был побит и свергнут. Это было в 1673 году.

Так закончился сйогунат Асикага. Наступил период личной диктатуры Ода Нобунага. Опорой для этой диктатуры был доход со сравнительно крупной территории, завоеванной Нобунагой и его союзниками.

Став сильнейшим из феодалов Японии, Нобунага сразу же повел себя так, как того требовали изменившиеся социально-экономические условия в стране. Средства, собираемые с занятых земель, Нобунага зря не тратил; он передавал их в рост киотоскому купечеству, убивая тем самым двух зайцев сразу: становился крупным банкиром и приобретал поддержку выросшего за период Муромати купечества. Кроме того, он повсюду уничтожал торговые заставы, увеличивавшие накладные расходы купцов, отменял натуральные налоги и подворные подати, а одновременно насаждал уважение к частной собственности путем введения за воровство и прочие виды покушений на чужое имущество таких наказаний, что обезглавление оказалось где-то в самом хвосте; зарывание по плечи в землю и отпиливание головы тушой пилой было в глазах этого «героя» еще не самым тяжким наказанием. «Венц, обро-

ценная на дороге во владениях Нобунага, и через много дней остается нетронутой», говорили современники.

Утвердив свою власть в Киото и поставив там правителем своего бывшего денщика Хидеёоси, Нобунага скоро опять был вовлечен в вооруженную борьбу. Его противниками были уже известные читателю дома Мори, Уесуги, Такеда, а также многие могущественные монастыри и светские феодалы. описа-

На пути к могилам первых сйогунов из дома Токугава. Аллея из криптомерий, хвойных деревьев, похожих на тую.

ние войн с ними для незнакомого с феодальной картой Японии дает немного, и мы не станем на них останавливаться. Достаточно будет сказать, что в общем и целом они были для Нобунага удачными, и что он и его вассалы в 1581 году овладели почти целой третью Японии (если не считать Хоккайдо и севера главного острова), но эта треть была лучшей частью

страны в смысле ее доходности. Однако, до конца было еще далеко, и Нобунага не переставал думать о приискании новых сторонников. Это было тем более необходимо, что на прежних союзников своих он полагаться не мог; в этом отношении опыт был у него богатейший, и он знал, что великий, кому представится случай изменить с выигрышем для себя, перейдет на вражескую сторону не моргнувши глазом. Со своей стороны и вассалы Нобунага не полагались на своего сюзерена. Так, Хидейоси, которому Нобунага предложил крупнейший лен, отказался от него лишь потому, что опасался, как бы хозяин впоследствии не раскаялся и не устранил награжденного ядом, кинжалом или каким-нибудь иным, принятом в благородном сословии, способом.

Пресловутое японское «бусидо», рыцарская мораль, в те времена еще не существовала: не родился еще тогда здравствующий поныне профессор Нитобе, чтобы ее выдумать! И не было еще заграничных поклонников Японии, чтобы растрезвонить о ней по всему белу свету.

Среди намеченных союзников были и христианские миссионеры, к которым Нобунага определенно благоволил: они были в его глазах хорошим противовесом против его заклятых врагов, буддийских монахов. К тому же через них он надеялся перетянуть на свою сторону новообращенных даймю. Немаловажную роль играло, конечно, и соображение об облегчении снабжения армии огнестрельным оружием. «Нобунага, — хвалялись миссионеры, — был даже склонен лично просветиться светом католической религии, хотя и сомневался в некоторых «мелочах» — в существовании бога, в бессмертии души и в учении об искуплении» *). Благодаря ему, думает Костылев (автор истории Японии), число христиан увеличилось до 150 тысяч.

Умер Нобунага в 1582 году, и смерть его может послужить еще одной лишней иллюстрацией к сочиненной проф. Нитобе «бусидо». Его зарезал облагодетельствованный им вассал, пень Карето, зарезал потому, что имел основание думать, что такого же рода операция задумана Нобунагой по отношению

*) Подробно об этом у Мардока (Murdoch, A. History of Japan). Судя по этому автору, бедные миссионеры вели себя далеко не умно, во всяком случае достаточно наивно, а Нобунага смотрел на них как на смешных чудаков, которые все же на что-нибудь могут пригодиться. Но миссионеры не понимали своей смешной роли. Вообще говоря — отцы иезуиты в Японии не сумели проявить приписываемых им талантов. Они вредили себе на каждом шагу.

к нему самому. Был ли он прав — неизвестно. Но зато хорошо известно, что убийство Нобунага произошло при обстановке, обусловленной страхом Хидейоси перед вероятными замыслами Нобунаги: Хидейоси боялся, что Нобунага устранил его, как слишком сильного, и потому попросил его о совершенно ненужной с военной точки зрения помощи. И Нобунага был убит по пути к Хидейоси.

Не лишне будет сказать, что впоследствии Хидейоси изменил его союзник Токугава Иеясу, но, примирившись, был назначен опекуном над сыном Хидейоси, Хидейори, затем устранил Хидейори и пытался его погубить. Хидейори, однако же, спасся, но спасся ценою предательства своих сторонников.

Список таких проявлений «бусидо» можно было бы продолжать до бесконечности, но мы остановимся на сказанном, отослав интересующихся к «Очеркам истории Японии» Костылева. Там, что ни страница, то минимум 2—3 убийства и столько же предательств. А Нитобе, Лафкадио Херн, и многое множество других рассказывают нам сказочки о самурайских доблестях.

Переходим к правлению Хидейоси, герою множества легенд, романов, сказок и исторических анекдотов, — к «Бонапарту Японии».

Правление Хидейоси.

То, что не доделал Ода Нобунага, довел почти до конца Хидейоси, сумевший не только подчинить себе всех феодалов Японии, но и объединить их в один кулак для задуманного им похода на материк. Правда, после его смерти феодалы опять попытались восстановить свою самостоятельность, но в 1603 г. эта последняя попытка была сломлена. Усиление эксплуатации крестьян было другим важным фактом периода правления Хидейоси. Кроме того, этот период отмечен первым эдиктом против христиан.

Но сначала — два слова о самом Хидейоси: он не менее Ода Нобунага заслуживает того, чтобы рассказать о его биографии — она достаточно типична для тех смутных времен.

Хидейоси не был аристократом по рождению, он не был даже сыном самурая. Правда, его отец служил одно время в войсках своего даймю, но скоро оставил армию и вернулся в родную деревню сеять рис. Нищета — обычное явление того времени, когда, по свидетельству иезуитов, детоубийство из-за голода не было редкостью, заставляла старого солдата отдавать сына в монастырские послушники. Но Хидейоси (тогда он

еще, впрочем, не назывался так) не ужился в монастыре. Своими хулиганскими выходками он заставил святых отцов вернуть его в семью. Мальчика отдали в обучение сначала к ремесленнику одной специальности, потом другой, потом третьей, но мирный труд не манил к себе буйного отрока: он быстро осваивался с делом, но потом оно ему надоело и он вновь возвращался под отчий кров. Но там для него не находилось лишней чашки риса, и будущий правитель Японии превратился в маленького бродяжку. Финалом его беспризорности было вступление в шайку «отокодаке».

Об отокодаке, как исторических предках современных японских фашистов, стоит сказать. Это было нечто похожее на английских Робин-Гудов, китайских хунхузов, отчасти на наших казаков. Бывшие крестьяне, бежавшие из разоренных войнами деревень, обнищавшие ремесленники или потерявшие хозяина самуран, они образовывали отряды рыцарей больших дорог, шатались по стране, иногда грабили, иногда защищали обиженных, иногда просто бездельничали, пьянствуя и играя в появившиеся из Европы карты. В сущности в те времена между ними и «регулярными» самураями разница была лишь в степени оседлости. Лишь при Токугава они окончательно превратились в бродяг, с которыми правительство вело борьбу. Во времена же феодальных войн они зачастую меняли большую дорогу на феодальный замок. Следует пояснить, что выражение применялось в токугавские времена к людям иного типа *).

Из всех учителей молодого Хидейоси только отокодаке оказались достаточно авторитетными для него. Будущий фактический император Японии выучился у них владению оружием, основам военного дела и искусству воровать. Но непоседливость и на этот раз сказала в талантливом юноше. Через некоторое время мы видим его уже в роли слуги чиновника феодального дома Имагава, врага Ода Нобунага. Заслужив здесь доверие, он получил однажды от хозяина деньги на покупку доспехов, купил их, но домой не вернулся, а, надевши доспехи на себя, отправился к Ода Нобунага и поступил

*) Хунхузы современного Китая во многом сходны с отокодаке, дотокугавских времен,—сходны и по происхождению и по своему умению менять разбойничью профессию на солдатскую. Чжан Цзо-лин, владыка Маньчжурии,—бывший разбойничий атаман; Лу Юн-тин, дунзюнь южной провинции Гуанси (тоже бывший разбойник), с 1920 года—почетный гость французской республики. Разбойниками же были и многие другие видные китайские генералы.

к нему в солдаты, точнее в его денщики. Находясь у Нобунага, Хидейоси не порывал дружбы со своими бывшими учителями, отокодаке. Ему удалось даже организовать из них отряд и влить его в армию Нобунага. После того, как он поймал одного известного в округе предводителя отокодаке, и, несмотря на приказание Нобунага казнить пойманного, пощадил его, искатели приключений, которых немало было кругом, начали стекаться к Хидейоси сотнями. В результате Хидейоси оказался во главе крупного отряда в несколько тысяч разбойников-солдат, и этот отряд стал обычным авангардом Нобу-

Гора Фудзи-сан со стороны озера Кавагути. На переднем плане «японская сосна» (разновидность кедр).

нага. В 1568 году тридцатидвухлетний Хидейоси был уже наместником Нобунага в Киото. В 1582 году он был главным опекуном малолетнего внука Нобунага, выбранного феодалами правителем за малолетством, а в 1585 году, после целой серии войн, в которых сегодняшние союзники завтра становились врагами, а враги союзниками, Хидейоси делается уже «кампаку», регентом и фактическим императором всей Японии (у царя хватило пахальства отказать ему в звании «сйогуна», на которое де имеют право лишь Минамото).

К этому времени Хидейоси распоряжался уже армиями больше, чем половины провинций Японии и имел ежегодный

доход в 2 мил. коку риса (по нынешним ценам около 60—70 мил. рублей), плюс поступления в виде денег.

Кстати сказать, в этот период в Японии впервые появляются в заметном количестве в обращении золотые и серебряные монеты; до тех пор пользовались исключительно медяками и иногда, по примеру Китая, ассигнациями, однако, в Японии они не прижились *). О значении этой перемены говорить много не приходится. Обмен, очевидно, становился все оживленнее и, значит, влияние торговой буржуазии все больше, а потребность в централизации государства все острее. Не приходится, значит, удивляться, что объединение страны, или, конкретнее, подчинение регенту феодалов осуществилось в чрезвычайно короткий срок, настолько короткий, что это может показаться похожим на сказку (не следует ведь забывать, что Япония не то, что российская равнина: она вся сплошь горная, вся сплошь трудно проходимая). Чтобы иллюстрировать сказанное, приведем факты.

В 1582—4 году Хидейоси «защищал права» наследника Нобунага (еще совсем несмышленыша) против взрослых сыновей Нобунага. В стане врагов Хидейоси были многие сильные феодалы, в том числе и овладевший целым Спкоку даймио Цюсокабе, владевший целой провинцией монастырь Негоро **), который имел в своем распоряжении сильнейшую по тому времени артиллерию, переметнувшийся по рыцарской традиции на другую сторону Токугава Иеясу, бывший союзник Хидейоси Ода Нобуо, сын Нобунага, и многие другие светские и духовные феодалы. Хидейоси справился с монахами Негоро при помощи сотысячной армии, разбил Цюсокабе и других, но с Нобуо и Иеясу ему пришлось пойти на компромисс.

В 1585—6 году Хидейоси уже не думал о компромиссах. Наоборот, он сам устраивал провокацию, чтобы обрушиться на сильнейшего из даймио о-ва Кюсю, Симадзу, разбил его, потребовал затем покорности от короля о-вов Рюкю и между делом занял город Нагасаки, где, судя по данным Костылева, по-

*) В Китае шелковые ассигнации впервые появились при Танской династии (618—906). При Юаньской (монгольской) династии (1280—1368) они выпускались в колоссальном количестве, и это было одной из причин падения династии. Минская династия (1368—1644) тоже злоупотребляла эмиссией. Но зато для любителя старины ее ассигнации ценны высокой художественностью их изготовления.

**) Храм Негоро сыграл большую роль в истории японского искусства.

требовал от португальцев достаточного количества кораблей для транспортирования своих войск в Корею. Не добившись этого, он издал свой первый эдикт против христиан *).

К 1588 году Япония к юго-западу от Хаконе была уже сплошь послушной Хидейоси. Сам царь съездил к нему на поклон, и собравшиеся у Хидейоси даймио разыграли комедию клятвы верности «монарху». Собственно центр тяжести этой клятвы заключался в обещании не отнимать у царя последнего огрызка его владений, но кому он был нужен этот жалкий остаточек былого величия? Разве только наиболее обиженным землями?

Но север (к северо-востоку от Хаконе) все еще обладал значительной долей самостоятельности, и сильнейшие там дома Ходзю и Дате по старому, по бывалому теснили своих соседей. Воспользовавшись, как поводом, просьбой мелких даймио о защите, Хидейоси обрушился на этих последних непокорных. В 1590 г. он во главе войск 47 провинций (всего 300 тысяч солдат) осадил замок Одавара, и когда глава дома Ходзю попросил мира, предложил ему зарезаться (по японскому обы-

*) Нагасаки был тогда совсем новым городом, основанным специально ради торговли с португальцами. Местный даймио и все население города считались католиками. Буддисты там не смели даже появляться. Отсюда, между прочим, выехало в 1582 году в Европу первое японское посольство, снаряженное католическими князьями острова Кюсю. В сопровождении иезуитов оно проследовало в Гоа (порт колонии в западной Индии), затем в Лиссабон, оттуда в Мадрид, где его с большой помпой принимал Филипп II, тогда правивший Португалией (с 1580 г.), оттуда в Рим, где оно присутствовало на торжестве возведения на папский престол Сикста V, принявшего молодых княжат «как патрицез», потом опять отправилось к Филиппу, но тут едва не попало в руки алжирских пиратов и только в 1590 году вернулось в Японию, куда оно прибыло вместе с индо-португальскими посланцами к Хидейоси. Впоследствии все члены первого японского (точнее кюсю'ского) посольства вступили в орден иезуитов. В португальских владениях побывал еще один родственник даймио Сацуми, впоследствии один из самых фанатичных миссионеров в Японии. Но ему не повезло в личной жизни, и в конце концов он променял католический алтарь на пиратское судно. Вообще японцы часто попадали в те времена в другие страны. Так матерью пирата Коксинга (как его звали португальцы), который правил о-вом Фернозой и в течение трех десятков лет боролся с маньчжурскими завоевателями Китая, была японка. Японцы появлялись даже в Мексике. Лишь при Токугава Япония оказалась запертой для внешнего мира и от него.

чаю в этом случае осужденный сам вскрывал себе живот. Это называется сеникуку, если читать пероглифы «по-китайски», или «харакири» в «вульгарном» чтении).

Дате, видя, что не сдобровать и ему, сам явился к Хидейоси с повинной. Перед его поездом (в старо-русском смысле этого слова), как рассказывают историки, несли распятие: Дате тоже успел стать католиком. Хидейоси его помиловал, но в том же году отнял у него почти все владения, обвинив его в подстрекательстве к восстанию тех крестьян, которые жили на конфискованных у Дате раньше землях.

Это восстание 1490 года было первым в серии восстаний, всегда безрезультатных в смысле улучшения положения трудящихся, всегда кончавшихся кровавыми расправами и всегда усмиряемых не только «пострадавшим» даймьо, но и его соседями, — серией, которая заканчивается лишь после уничтожения токугавской власти (1868 г.) и после проведения той земельной реформы, которая в принципе напоминала столыпинскую.

Лишь в 1591 г. с необычайной жестокостью было усмирено это восстание.

Итак, к 1590 году в Японии все феодалы были фактически послушны центру. Но полной централизации достигнуть все же не удалось: так с Токугава Иеясу, с которым Хидейоси примирился в 1584 году и чуть не поссорился опять в 1586 г. пришлось опять вступить в некоторое соглашение. Единственное, чего Хидейоси добился, заключалось в передвижении деда Токугава к северу и в передаче его прежней территории менее сильным феодалам.

Так или иначе Япония никогда не была раньше централизована в такой же степени, как при Хидейоси, и ему, фактическому императору Японии, стало уже возможно возмечтать о еще более широких планах.

Теперь попробуем оценить, насколько быстро шло объединение Японии.

Вспомним о походах Ода Нобунага. Он обладал всего только одной провинцией в 1562 году, двумя в 1568, и третью Японии в 1573 году. В 1582 году его фактический преемник Хидейоси еще не мог справиться со многими из своих соперников. В 1590 году он справился с последними из них. А в 1592 году объединенная японская армия выступила на борьбу с внешними соперниками — с королем (ваном) Кореи и с защищавшим его Китаем.

Всего, значит, от полного раздробления до окончательного фактического объединения страны протекло лишь 30 лет.

а от момента борьбы с главными противниками Хидейоси до окончательного поражения всех его противников — только 8 лет.

Между тем же хронологическими датами лежат уже упоминавшиеся крупные события: уничтожение натуральных повинностей для горожан, уничтожение торговых застав, отмена мешающих торговле налогов, начало массового производства золотой и серебряной монеты (1586), введение пушек в армии (до тех пор были только аркебузы) и, наконец, первые попытки фактического закрепощения крестьян (юридически в Японии крепостного права не было и при Токугава, но дело не в словах).

Следует еще прибавить, что в результате походов Ода Нобунага и Хидейоси духовные феодалы почти окончательно сходят со сцены. При Токугава буддистам отводится скромная роль «просветителей» неграмотных, малограмотных и всех тех, кому мыслить и иметь свое собственное суждение не полагается. Официальной же идеологией для служилого класса становится при Токугава приспособленное к нуждам абсолютизма неоконфуцианство китайских философов Сунской династии (960—1280).

При Хидейоси, несмотря на его частые столкновения с монастырями, буддизм пользовался даже некоторым покровительством правителя. Это выразилось в пожертвованиях в пользу храмов и в издании эдикта против христиан, во многих случаях выступавших в качестве серьезных конкурентов старой веры. Впрочем, с богословской стороны двух соперничавших религий и Хидейоси и другие феодалы того времени считались очень мало. Великолепной иллюстрацией этого равнодушия к догматам веры может служить вот хотя бы такой надпись, выданная португальским миссионером в качестве своего рода охранительной грамоты «королем» Цюосю («чех»): «Священники получают право проповедывать в целях более полного раскрытия истин учения Будды». И это после того, как бедные пастыри с пеной фанатизма у рта яростно доказывали «сатанинский обман» слуг «дьявола-Будды». Но «рексу» нужен был не Христос и не Будда, а удобства, даваемые торговлей. Этот феодал еще раньше не брезгал ведением торговли с Китаем, где он даже получил соответствующий патент от властей провинции Чжецзян. Кроме того, ему нужны были пушки.

Иллюстрацией отношения Хидейоси к вере может послужить один исторический анекдот: Хидейоси преподнес одному монастырю статую Будды, а потом, когда она была установлена, начал упражняться в стрельбе по ней из лука. Свои

эдикт против христиан он проводил в жизнь не слишком строго. Это видно из того, что он не обратил никакого внимания на принятие своим врагом Дате христианства, позволил собственному сыну креститься (потом он, правда, убил его, но по другой причине) и поручил главнокомандование в Корее ярому католику, Кониси, всецело находившемуся под влиянием своего духовника иезуита.

Перейдем теперь к этому знаменитому походу.

Японо-корейско-китайская война 1592—98 годов.

Эта первая в истории Японии внешняя война (если не считать древних и краткого эпизода с неудачным нашествием хубилаевой армии в 1234 году) началась всего за 52 года до падения Минской династии (1368—1644). Это было в период довольно развитой торговли. Уже начиная с первых годов XV века, китайские купцы сильно расширили область своего влияния в Индонезии и дальше к западу. Китайские экспедиции доходили тогда до восточных берегов Африки. Почти одновременно начались пиратские набеги японцев на Китай. Еще раньше, в конце XIV века, эти набеги заставили Китай озаботиться устройством обороны берегов. В 1419 году на Ляодунском полуострове (Южная Маньчжурия) между пиратским десантом и местными войсками произошло целое сражение. В XVI веке пиратские набеги продолжались, и в 1554 году пиратам удалось даже захватить сравнительно далекий от берега Нанкин, первую столицу Мин'ов (с 1421 г. столица, как и при монголах, была в Пекине), разграбить ее и без особых хлопот вернуться к своей базе, устроенной на островах Чушань, недалеко от материка. Затем они захватили приморский город Амой (в южной части провинции Фуцзянь, не очень далеко от Кантона) и занимали его в течение нескольких лет, вплоть до 1563 года. Не оставляли они в покое и Гуандун (гл. гор. Кантон), самую южную часть Китая.

Таким образом, дорожка в Китай, как северный, так и южный, была проторена, и то, что задумал Хидейоси, было лишь повторением делавшегося раньше, но только уже во всеяпонском масштабе *).

*) Не приходится тратить много слов на пояснение того, что не только японо-китайские, но и европейско-индийские, европейско-китайские, арабские и прочие легальные сношения по сути дела мало отличались от пиратства. История португальской торговли дает тысячу доказательств того, что между «честным» торговцем и пиратом разница бы-

За успех намеченного плана говорил тот развал, который на почве роста латифундий обнаружился в Минской империи еще в XV веке и который усиливался постепенными, в большинстве случаев неудачными войнами то с монголами, то с аннамитами. Императорская казна была пуста, ассигнации издавали в цене стремительно и в провинциях то и дело вспыхивали восстания. В следующем XVII веке они слились в одно сплошное восстание, которым и воспользовались маньчжуры, чтобы на триста почти лет обосноваться в Китае. Как уже сказано, поход Хидейоси имел место за 52 года до этого торжества маньчжур.

Конечной целью Хидейоси, не скрывая, называл завоевание Китая, и уже в 1590 году, едва покончив с последними из непокорных феодалов (Дате и Ходзиро), он через посланника королевства Рюкю грозил Китаю войной. Еще раньше, сейчас же после подчинения Кюсю, он затеял переговоры с Кореей, считавшейся официально вассальной Китаю, требуя, чтобы она приняла участие в походе на Китай. Переговоры эти, затянувшиеся до 1591 года включительно, не привели ни к чему: корейцы просто не верили в возможность выступления Японии, о которой они знали до тех пор, как о стране «воюющих государств» («Сенгоку»). Не добившись успеха, военный совет объединенных даймио вынес постановление ворваться в Корею силой.

События развивались быстро. В мае 1592 года собрана была в Нагоя 500-тысячная армия, из нее выделена действующая сила в 150 тысяч человек, разделена на 9 отрядов и отправлена в Корею. 11 июня первый отряд, командуемый фанатичным католиком Кониси, успел уже занять Фузан, а в начале следующего месяца вся Южная Корея, за исключением одной замкнутой горами области, была уже в японских руках, и начальники отрядов встретились в покинутой королем и войсками столице, в Сеуле. В 15 верстах севернее Сеула произошло новое сражение, где корейцы, обманутые мнимым отступлением японцев, двинулись вперед и, обнажив свои фланги, были

ла лишь в имени. Китайская экспедиция в Индию и далее, руководимая евнухом Чженхе, судя по всему, имела примерно такой же разбойничий характер, та «дань», которую он привез (за 3½ века до появления там португальцев) с Цейлона, с Явы и т. д. была повидимому продуктом грабежа. Японо-китайский обмен тоже имел по преимуществу пиратский характер. Во всяком случае слово «пират» не звучало тогда слишком уголовно. Выше мы отметили уже случаи, когда миссионеры отзывались об одном из китайцев, как о «честном пирате».

разбиты на голову. После этого японская армия была разделена на три отряда, из которых один взял штурмом последнюю корейскую твердыню, город Цхен'ян (по-японски Хейдзю, по-китайски Пин'ян; иероглифы одни, но чтение их различно), лежащий верстах в 150 — 180 от р. Ялу, нынешней границы китайской Маньчжурии. Тем временем другой отряд совершил далекий поход до самых северных окраин Кореи и захватил по пути все главные города, включая и недалекий от нынешнего Владивостока Хойрен. Затем он совершил короткий набег в Маньчжурию, тогда еще не связанную с Китаем сторону.

У могил трех первых сйюгунов дома Токугава.

Таким образом, в руках японцев была почти вся Корея. Вне их власти оставалась лишь крайняя северо-западная область. Во всех тыловых стратегических пунктах стояли гарнизоны, везде устраивались полевые укрепления и устанавливались орудия, и от Фузана до Пхен'яна тянулась линия сигнальщиков, державших связь фронта с глубочайшим тылом при помощи световых знаков и ракет. В самом Фузанае находился резервный отряд, численностью в 60 тысяч человек.

Однако, от дальнейшего похода в Китай фактический главнокомандующий армией, Кониси (помимо его был и почетный главнокомандующий), отказывался. На это у него были серьезные причины, из которой важнейшей было отсутствие продоволь-

ствия. Другими причинами было поражение, нанесенное японским морякам корейским флотом и наличие противника в тылу (вначале об этом не знали). Сам Хидеёси по разным поводам откладывал поездку на фронт. Быть может, он и не собирался туда вовсе; быть может, весь поход и был задуман лишь ради сцементирования Японии.

Так или иначе, японцы от наступления перешли к обороне и начали поджидать шедшие из далекой западной окраины (пров. Ганьсу) китайские войска, незадолго перед тем разбившие монголов.

Китайцы шли без соблюдения каких бы то ни было правил передвижения войск: без охранения, без достаточной разведки, но с большим презрением к своим врагам, «восточным варварам». И в результате японцы заставили их принять бой на болоте, где китайцы понесли страшное поражение. Таким образом, война на время прекратилась. Одни не могли двигаться из-за отсутствия припасов, другие из-за испытанного поражения.

Начался период дипломатических переговоров, партизанских набегов корейцев в тылу и на фронте, безделья и скуки в действующей армии. Тем временем (осенью 1592 года) подоспели свежие китайские войска, и японцы испытали первое серьезное поражение. Остатки доделали эпидемии, уничтожение корейцами запасов провизии, недоставление артиллерийского снаряжения и прочие причины, обусловленные в целом экономической слабостью Японии. Эпидемия отзывалась и на корейско-китайской армии, сделав и ее малобоеспособной.

Начались новые переговоры, в которых китайцы проявили большое искусство, а Кониси и Хидеёси элементарную безграмотность^{*)}. Так прошло целых три года, в течение которых японская армия, согласно соглашения о перемирии, сосредоточилась у Фузана, т.-е. у того пункта, где она была в первый день войны.

В 1597 году война возобновилась. Японцы имели несколько успехов на суше и на море, подходили опять к Сеулу, но недостаток продовольствия, ликвидаторские настроения, подход новых китайских сил и другие причины сделали успех невозможным.

^{*)} Китайцы предложили Хидеёси пустой титул, и он вообразил, будто это ни что иное, как предложение о занятии пекинского трона. Хидеёси был удовлетворен и занимался перестройкой дворцов, увеселениями и т. д. и меньше всего думал о своей армии. Так рассказывают японцы. Передаем, что слышали.

Ликвидаторское настроение овладело и самим Хидейоси, который в апреле следующего 1598 года отправил в Фузан двух даймю, приказав им подготовить все необходимое на случай эвакуации. Тем временем китайцы предприняли новое наступление и начавшаяся эвакуация превратилась для японцев в настоящее бегство. Последние транспорты с войсками должны были прорываться сквозь заградительную линию военного флота Китая и Кореи.

Речь шла теперь уже о подготовке к обороне берегов самой Японии. Война, начатая такими решительными победами, окончилась жестоким поражением. Но и победители не сумели воспользоваться своим успехом. Война усилила давно начавшийся развал Минской империи в 1631 году, местные восстания слились в одно, охватившее 5 провинций из 18-ти. В 1640 году предводитель восстания объявил себя императором. Но здесь появились маньчжур, уже давно тревожившие Минскую империю, и в 1644 году некий трон был занят их князем, а в 1680-х годах последние следы сопротивления китайцев были сломлены. С тех пор начался тот период территориального расширения маньчжурского Китая, который обрывается лишь появлением европейцев *).

Эвакуация японцев из Кореи совпала по времени со смертью Хидейоси.

Мы не будем останавливаться на событиях, последовавших после поражения японцев в Корее и смерти Хидейоси. Это было бы увеличением числа уже и без того достаточно обильных примеров, иллюстрирующих картину полнейшего пренебрежения к тому вот самому «бусидо», о котором такое множество сказочек рассказали прикрашители японского прошлого. Достаточно будет сказать, что все даймю интриговали, все вали, все изменяли и что в конце концов Токугава Иеясу нанес своим противникам решительное поражение под Секигахара (1600 г.) и фактически превратился в императора Японии. В этом бою главным противником Иеясу были дома Мори (Дзюсю) и Симадзу (Сацума), чьи кланы впоследствии свергли династию Токугава, вызвали из политического небытия

*) Существует мнение, будто китайцы легко подчинились власти маньчжур. На самом деле ничего подобного не было. Сопротивление было упорным и длительным. Точно также не основательно мнение о том, будто господство маньчжур было причиной упадка политической мощи Китая. Именно при маньчжурах Китай укрепил свою власть в Монголии, Тибете и Восточном Туркестане.

При Тавах и Хань господство там Китая бывало очень непрочным.

царский дом и по сию пору господствуют в бюрократии, армии и флоте японской империи.

Пятнадцатью годами позже Иеясу спровоцировал восстание лишившего им власти Хидейори, сына Хидейоси и своего подопечного, а затем разгромил верные последнему войска. Сам Хидейори бежал, скрываясь в Сацума и имел там сына, который, говорят, был впоследствии принят католиками за «вернувшегося на землю Христа» и стал во главе восставших крестьян Кюсю. Это было знаменитое восстание в Симабара (в 1637 г.), самое опасное из восстаний Токугавского периода. Оно потребовало от сёгуната огромных усилий и было усмирено не раньше, чем на помощь усмирителям пришли голландские артиллеристы, вообще немало потрудившиеся для искоренения в Японии «напеской ереси». За это они получили от сёгуна исключительное право поддерживать японо-европейскую торговлю.

С этого времени постоянно нарушаемое правило о воспрещении христианской проповеди начинает строго проводиться в жизнь; португальцы и появившиеся после них испанцы изгоняются; всякая связь с заграницей, за исключением поддерживаемой с голландской и китайской факториями в Нагасаки, воспрещается, постройка крупных судов, пригодных для моря, объявляется уголовным преступлением, и Япония вступает в период почти полной изолированности от внешнего мира.

Об этом времени нечего рассказывать тем историкам, для которых, кроме битв, измен, злодеяний, побед и поражений нет тем для описаний. Шум битв надолго затих в Японии, но было больше многотысячных армий, дравшихся за своих феодальных господ. Средневековый романтизм улетучился из Японии навсегда. И там, где недавно сражались войска и звенели мечи, бывали теперь лишь усмирения да казни бунтующих крестьян. Феодальные замки превратились в простые жилища бездельничающих даймю и стали обрастать все более и более расширяющимися, все более приобретающими значение городами. Былая безудержная вольность сменилась полицейской. Сословия разграничились. Бесконечные предписания, правила, распорядки ввели жизнь всех и каждого в узкие рамки, из которых не мог выйти ни царь, ни даймю, ни даже сам сёгун.

И тем не менее это время заслуживает самого пристального внимания. Это был тот период, когда сложились те условия, те группировки, которыми создана современная нам буржуазная Япония.

Япония эпохи династии Токугава (1603—1868 г.г.).

Место этой эпохи в истории.

Роберт Юнг, покойный редактор «Джапан Кроникл»*), отметил однажды огромную разницу в подходе к японцам европейцев в XVI веке и затем в XIX: в первом случае, как это видно из писем и воспоминаний миссионеров (главным образом, иезуитов) к японцам подходили, как к людям, во многом отличающимся от европейцев, но во всяком случае не стоящим ниже по культурности; в XIX же веке на них определенно смотрели сверху вниз.

Удивляться этому не приходится. Ведь, Япония была открыта португальцами в 1541—43 годах, т.е. когда со дня рождения Леонардо да Винчи прошло всего лишь 90 лет, когда книгопечатание применялось на протяжении еще меньшего времени (1455 г.), когда Бэкон, Кеплер, Галилей, Декарт и Ньютон еще не родились, кровообращение не было еще открыто, высшей математики еще не существовало, химии не было, Аугсбургский религиозный мир между протестантами и католиками еще не был заключен, костры инквизиции еще только разгорались, словом, когда средневековье, с его алхимией, ведьмами, монахами, бесконечным количеством враждующих феодалов, церковной нетерпимостью, а главное и основное—с его низким уровнем хозяйства, еще только начинало изживаться, только начинало отступать в историческое прошлое.

*) Среди иноязычных газет, издаваемых и издававшихся в Японии и Китае, «Джапан Кроникл» была несомненно наиболее «порядочной». Фритредерство, либерализм старой школы, враждебность к проявлению насилия, постоянные протесты против методов империализма, применяемых в Корее и Китае, резко отрицательное отношение к интервенции в России и Сибири—все это выделяло ее из массы других англо-американских и французских органов печати. Конечно, идеология газеты просто утопична (напр. мечты об уничтожении монополий и о возвращении к временам свободной торговли). Тем не менее она была полезна хотя бы тем, что рассказывала о мерзостях, которые скрывали другие, и постоянно выводила на свежую воду тех, кто врал о нас. К нам она относилась «нисходительно»: по устряловски.

1541—43 года—это как раз те, когда была учреждена инквизиция, умер Колерник и когда сожжены на костре люди, имевшие смелость мыслить не по старинным книжкам, рекомендованным понами.

А в 1854 году, когда Япония была открыта для международной торговли, Европа знала уже грандиозные завоевания в астрономии, химии, физике, имела среди людей не юношеского возраста Дарвина и Маркса, пользовалась телеграфом, фотографией и паровым котлом, испытала ряд буржуазных революций, имела в прошлом 48-ой год и насчитывала среди своих великих писателей не только представителей западных стран, но и наиболее отсталой части своей, России,—Пушкина, Тургенева, Толстого, Достоевского и меньших, в том числе и Гончарова, описавшего Нагасаки в своем «Фрегате Паллада».

Итак, между первой и второй встречей европейцев и японцев протекали как раз те годы и века, когда создавалась настоящая экспериментальная наука, разрушались церковные устои, исчез феодализм, развивалась машинная промышленность, свершилась буржуазная революция и создались предпосылки proletарской.

В 1542 г. Япония кое в чем стояла выше тогдашней Европы, в 1854 г. она отстала во всем решительно, кроме, конечно, того, что специфично для Японии, вроде лакированных изделий, вышивок шелком и т. д.

Основной причиной этой сравнительной отсталости было то, что, несмотря на довольно большой прогресс в области ремесел, искусств и внутренней торговли, в Японии не совершилось того перехода к мануфактуре, с которым в Европе был связан огромный прогресс в области точного знания. В течение всего Токугавского периода Япония оставалась в этом отношении почти вполне средневековой.

Что касается политического строя, то он во многом напоминал наблюдавшийся одновременно в тех странах Европы, в которых развивался королевский абсолютизм. Но в отличие от, допустим, Франции, потомки феодалов прежнего периода удержали в Японии не только свои помещичьи крепостнические права, но и отчасти политические, поскольку речь шла о их подданных. В отношении же центра они были теперь послушными овечками. При таких условиях и при отсутствии сильных городов худшие стороны абсолютизма вылились в Японии Токугавского времени особенно ярко. Это та полицейщина, которая 2½ века тяжелым гнетом лежала на Японии и результаты которой отчетливо видны в Японии и по-

ныне, она оставила глубокий след в национальном характере японцев, и вот именно он поражает, и неприятно поражает, каждого, впервые встречающегося с японцами. Допуская даже, что субъективная окраска впечатлений, вызываемых новыми людьми и встречами у европейцев XVI века и у европейца современного, делает недопустимым простое сопоставление тогдашних и нынешних отзывов европейцев о японцах, нельзя все же не заметить, что разница между японцем до-Токугавской эпохи и японцем времен Гончарова была громадная.

Так или иначе токугавское наследие крепко держится в виде множества идеологических пережитков и поныне. Вот почему о токугавской эпохе нельзя не сказать подробнее. Чтобы понять современного японца, японца 1926-го года, нужно хоть немного познакомиться с его предком, японцем токугавской династии. Не следует, ведь, забывать, что среди людей и до сих пор играющих активную роль в жизни нашей соседки, есть многие, юность которых протекала в старой обстановке. Пишущий эти строки лично встречал таких людей еще совсем недавно, в 1911—14 годах.

Но, прежде чем излагать историю Токугавского периода, не лишним будет ориентироваться во времени, возобновив в памяти важнейшие явления, происшедшие одновременно в других странах.

Конец войны с Китаем и Кореей (поход Хидейоси 1582—98 годов), смерть его зачинщика и начало фактической власти Токугава Иеясу совпадает год в год со смертью Филиппа II, отметившей конец мировой гегемонии Испании (как известно, в 1581 г. от Испании отделилась Голландия (Нидерланды), а в 1588 году погибла знаменитая Великая Армада). В том же 1598 году закончился 36-летний период религиозных войн во Франции. У нас это было начало «Смутного времени».

1600 год, когда Иеясу сломил под Секигахара своих противников, на первые роли мировой сцены, вместо старых знакомцев Японии, Португалии и Испании, выступают уже Голландия, Англия и Франция. Вторая из них основывает в этом году знаменитую впоследствии Ост-Индийскую Компанию. Почти одновременно такая же колония возникла и в Голландии. (Между прочим, в 1600 же году был сожжен на костре «за ересь» Джордано Бруно).

1603 год, официальное начало правления Токугава, отмечен на Западе смертью Елизаветы английской. Ее царствование — эпоха Шекспира и Бэкона.

Последняя попытка серьезного сопротивления режиму Иеясу происходит около времени начала Тридцатилетней вой-

ны (1618—1648), разорившей Германию и приведшей к распаду ее империи, времени правления Ришелье во Франции и митрополита Филарета в России.

В это время указом сёгунского правительства сношения с внешним миром сводятся до минимума и окончательно воспрещается христианство.

Резкое ухудшение финансового положения Японии, отметившее конец XVII, начало XVIII веков, совпадает по времени с развитием политики меркантилизма в Европе, с погоней за колониями, со стремлением побольше вывозить и поменьше ввозить, Япония в этом случае оказалась страдающей страной; ее обирала Голландия, кстати сказать, связанная в это время войнами с Людовиком XIV. В Европе в это время происходят знаменитые войны за испанское наследство (1700—1714 г.г.) и Великая Северная (1700—1721).

Одновременно Россия, которая уже в середине XVII века достигла берегов Охотского моря, появляется и на Камчатке, на островах, в угрожающе-близком расстоянии от Японии. А рядом с нею, на материке, идет продолжающееся до конца XVIII века расширение владений Китая, где с 1644 года правят маньчжуры.

В том же XVIII веке Англия, начавшая с 1600-х годов приобретать колонии, устраняет в Индии своего главного соперника, Францию, и начинает искать точек опоры на Дальнем Востоке.

В 1842 году она навязывает Китаю первый неравноправный договор в Нанкине. Россия тревожит Японию уже с конца XVIII века. А в XIX веке выдвигается третья сила — в лице Соединенных Штатов, в 1854 году пробивающих первую брешь в воздвигнутой Токугавами стене изоляции.

Тихий океан становится одним из важных мировых путей. Япония — станция на нем. Изолированность для нее уже невозможна.

Но до тех пор она была вполне осуществима. С японской точки зрения, она была объективно необходима.

Экономика токугавской Японии.

В большинстве популярных книжек о Японии, да и не в одних только популярных, причина, заставившая сёгунов династии Токугава свести внешние сношения до минимума (до полной изоляции дело все-таки не дошло), усматривается в страхе японских правителей перед могуществом Испании, которая де «владеет полумиром и может без труда присвоить

и Японию», как, якобы, хвастался один из испанских миссионеров или моряков.

Что опасения перед испанским могуществом в старом Едо (нынешнем Токио) могли быть, об этом можно судить хотя бы уже по тому факту, что Португалия, с которой Япония познакомилась раньше, чем с другими западными державами, вынуждена была подчиниться испанскому королю, и что некоторые японские феодалы, поддерживавшие связи с Римом, до известной степени были склонны пользоваться опекой двора Филиппа II. Захват испанцами Филиппин тоже мог наводить японцев на грустные размышления. Все это так.

Но, с другой стороны, Япония XVII в., пусть даже плохо осведомленная об европейских делах, не могла все же не услышать об ослаблении испанского могущества, а значит и не могла быть так панически настроена при упоминании «имени испанского короля». Причину добровольного самозаклочения Японии надо, очевидно, искать в чем-то другом, и это другое, как явствует из всего того, что мы знаем об экономической политике токугавской Японии, был, действительно, панический ужас перед возможными результатами для себя европейского меркантилизма. Япония ощущала себя слишком слабой, чтобы выдержать торговый натиск извне. А это ощущение слабости больше, чем исчерпывающе, объясняется состоянием ее производительных сил.

В самом деле. Если мы постараемся перейти от общих слов к конкретным фактам, то мы убедимся, что тот технический прогресс, который наблюдался в Японии токугавских времен, сводился, главным образом, к улучшениям в области изготовления предметов потребления эксплуатирующей верхушки. Это — прогресс в живописи, резьбе по дереву, в лакировании, в изготовлении фарфора, в вышивках по шелку, иллюстрировании книг (и то о живописи и фарфоре многие еще будут спорить), но не в деле изготовления того, в чем нуждалось большинство населения, которое не только не могло, но и не имело права покупать все эти чудеса японского ремесла.

Здесь, конечно, не удастся осветить затронутый вопрос даже на одну сотую, достаточно будет дать хотя бы только сведения о сборе риса и о численности населения, чтобы позволить читателю оценить степень застойности народного хозяйства Японии в течение ряда веков, предшествовавших революции 1868 года.

По данным, относящимся ко времени правления сёгунов из династии Асикага, площадь полей, занятых под рисом, оце-

нивалась в середине XV века, а это значит, за полтора столетия до Токугавского периода, в 1,037,920 цю, что почти равнозначуще такому же количеству гектаров (гектар — одна сотая квадратного километра или около 0,9 десятины). Обработка этих полей уже тогда требовала покупки удобрений, говорит Мардок. Судя по данным, приведенным у Костылева, и тогда и еще гораздо раньше, во времена Ёритомо, правившего в конце XII века, сбор риса был равен 25 миллионам коку. В данных Костылева можно, конечно, усомниться, ибо известно, что в XIII в. в Японии было поднято много нови и что на-

Буддийский храм в Нара, древней столице Японии. Теперь Нара — небольшой город.

селение в тот период росло сравнительно быстро. Любопытно, однако, что близкая цифра фигурирует и в статистике 1688 г., когда урожай, определить который требовалось достаточно точно в интересах фиска, оценивался в 25,3 милл. коку (по Бриккли).

И только в 1836 году, т.е. к тому времени, когда династия Токугава приблизилась к исторической могиле, размеры сбора поднялись до 30,5 милл. коку.

С тех пор за сравнительно ничтожный промежуток времени сбор риса в Японии увеличился вдвое, а посевная площадь под рисом достигла 3,000,000 цю.

Что при токугавском режиме увеличить продукцию риса не умели, об этом всего красноречивее говорят неоднократные указы, предписывавшие экономить рис. Так, в 1643 году ограничивалось количество риса при изготовлении саке (слабого спиртного напитка), в следующем, 1644, году воспрещено изготовление рисовых пирожных, в 1660 году предписывалось крестьянам питаться рисом лишь как дополнительной (на случай болезни), а не основной пищей и т. д. и т. д., вплоть до XIX в., когда подтверждались прежние постановления и издавались дополнительные, воспрещающие сажать сахарный тростник на рисовых полях.

Мы нарочно перечислили эти указы. Они — великолепный образчик токугавской полицейщины, — мелочного вмешательства во все решительно и еще лучший образец беззастенчивой, циничной «до отказа», эксплуатации кормильцев и подльцев господствующих классов, эксплуатации крестьян.

О застое говорят и цифры населения. В IX—X в. численность населения Японии определялась, приблизительно, в 3½ миллиона, что было не очень мало, если сравнить Японию со странами тогдашней Европы (в Англии около 2 миллионов в 1100 годах). К XVI веку, несмотря на все войны, эпидемии, голодовки и разорения, население Японии поднялось до очень почтенной по тому времени цифры, а именно: до 15—20 миллионов (против 16,5 мил. габсбургских подданных, 14,3 французских, 8,2 испанских и 4,6 мил. английских в 1580 году *).

При Токугава, когда впервые с 1322 года установился в стране длительный мир, лишь изредка прерывавшийся крестьянскими восстаниями местного значения, казалось, нужно было ожидать быстрого увеличения населения. Но этого не произошло. Правда, по переписи 1837 г., население Японии равнялось уже 28,400,000 человек (по Костылеву), но, сравни-

*) Эти и многие другие данные говорят о медленном темпе развития токугавской Японии. Но если бы мы стали сравнивать тогдашнюю Японию не с Европой XVII—XIX веков, а с какой-нибудь иной страной, или хотя бы и с Европой, но немного более ранних веков, то впечатление было бы иное. Тогда темп развития Японии показался бы нам очень быстрым. Во всяком случае, между Японией XV века и Японией начала XIX века разница была колоссальная.

О медленности, повторяем, можно здесь говорить лишь по сравнению с Западной Европой.

Беглый взгляд на историю японской торговли позволит нам оценить темп развития Японии при токугавской власти и до нее.

вая это с данными за 1721 год, мы убедимся, что прирост был всего лишь около 900 тысяч. (По Мардоку, увеличение за период 1721—1846 г.г. было всего лишь на 2½ процента). Оно было почти таким же небольшим и позже. Так, в 1875 году (через 7 лет после падения сёгуната) количество жителей Японии все еще оставалось на уровне 29 миллионов. Итак, значит, если при Токугава и происходил заметный рост населения, то лишь в начале его господства.

Любопытно сопоставить эти данные с относящимися к новому времени. Вот они: в 1875 году — 29 мил. жит., в 1903 — 45 мил., в 1920 — 55,961,140, в 1925 — 59,736,704 (не считая Кореи, Формозы, Сахалина и мандатных и маньчжурских владений; а с ними около 81—82 миллионов). Выходит, что в нашу эпоху прирост населения в течение одного года был немногим меньше, чем во времена Токугава в целое столетие *).

Как уже сказано раньше, начало японской торговли с Китаем и Кореей относится к сравнительно очень ранней эпохе. Эта торговля способствовала расцвету Киото и той хейанской культуры, о которой достаточно подробно рассказано выше. Но Киото, со своими «70-ью специальными видами магазинов», было исключением. Вся остальная Япония жила в условиях натурального хозяйства, и внутренняя торговля в VII, VIII, IX, X, XI и XII веках оставалась в зачаточном состоянии. В XIII в., в эпоху Камакура, внутренняя торговля расширяется, и купечество начинает уже играть хоть маленькую, но уже заслуживающую упоминания роль. Зато внешняя торговля прекращается почти вовсе. В эпоху сёгунов Асикага, Киото опять становится воротами для торговли с границей, а рядом с ним появляются другие ворота, гл. обр., в Кюсю и на юго-западе главного острова. Вместе с тем, внутренняя торговля приобретает настолько обширные размеры, что все феодалы и воинствующие монастыри соблазняются доходами с внутренних таможен. Под конец этой эпохи появляется в Японии первый вольный город.

*) Из приведенных здесь цифр, взятых у Костылева, Чемберлена, Мардока и Бринкли и, наконец, из статистических данных двух последних переписей, полного доверия заслуживают, однако, только две последние — за 1 окт. 1920 г. и 1 окт. 1925 года, — ибо только в этих двух случаях применялись современные методы исчисления жителей (ровно в 12 часов). Все остальные получались в результате полицейских участковых подсчетов; при этом замечалась манера не преуменьшать, а преувеличивать процентов на 5—6. Следует еще отметить, что между 1920 и 1925 г.г. Япония пережила сильную эпидемию испанки, унесшую много народа.

Но вот очень характерный факт. За все время от середины X по конец XVI в. Япония не испытывает нужды в отыскании новых медных рудников, которые заменили бы истощившиеся, и довольствуется той медной монетой, которая получается ею из Китая. Что же касается золота и серебра, то они на изготовление монет не идут: идут лишь для нужд храмов (личные украшения не были в моде ни тогда, ни позже). Лишь при Хидейоси возобновляется в Японии чеканка медной монеты и появляется в обращении, правда, в совсем ничтожных размерах — золото и серебро. Однако, вплоть до новых времен медь остается основным средством денежного обращения.

Еще характернее, что и при Хидейоси, т. е. уже после уничтожения внутренних застав (при Ода Нобунага) и позже, вплоть до 70-х годов XIX века, капитал и доходы обозначаются обычно в таком-то количестве коку риса, а не в деньгах. Не менее характерно, что и после падения Токугава земельный налог оставался в течение двух десятков лет главным источником дохода казны. Деньги во весь период Токугава были роскошью; 15 рублей в месяц семье «ниже-среднего класса», пользуясь английским выражением, вполне хватало; 20 тысяч рублей, которые сёгун соблаговолит подарить царю в 1603 году, были приняты с большой благодарностью, а позже, в XVIII в., средний годовой доход семьи царской аристократии равнялся 3170 рублям, а весь годовой расход царского двора, считая со всеми подачками от сёгуна, не превышал 750 тысяч рублей; двора и 133 семейств царской аристократии вместе — около 1½ миллионов.

Мы нарочно привели здесь цифры расходов царского двора, а не сёгуновского и даймьонских, так как только эти цифры дают представление о тратах «на себя». Те колоссальные доходы, которые приписывались у Николаева, например, военным домам, как называли феодалов, были не личными доходами их глав, а средним урожаем риса с подлежащих обложению земель в их владениях. Если говорят, что такой-то феодал «имел доход 1 мил. коку», то это означало лишь то, что в его владениях обычно производилось около миллиона коку риса. Если налог был, скажем, 60%, то это опять-таки не значит, что все 600 тысяч коку шли лично феодалу. Это было то количество, которое шло на прокормление и самого феодала, и всех его чиновников, и солдат, и рабочих, занятых предписанными выше сооружениями, и духовенства и т. д., и т. д.

Вот, между прочим, объяснение того странного, на первый взгляд, факта, что феодальные владыки с легким сердцем отказались 55 лет тому назад от своих владений и тем самым увеко-

вечили свою «жертвенность» на страницах казенных учебников. Все эти феодалы были по уши в долгах, и только их «патриотизм» избавил их от этого ига.

Но эта задолженность феодалов — явление уже более позднего периода токугавского владычества. В начале периода доход с земли был, несомненно, наиболее обеспечивающим, наиболее верным, и землевладелец оставался наиболее солидной фигурой среди эксплуататоров, а купечество еще не смело даже говорить о своих «правах». Япония в этом отношении была более отсталой, чем любая из западно-европейских стран, где голоса горожан все-таки были слышны в разных генеральных штатах, парламентах и т. д. Поскольку земля обеспечивала хорошо, между землевладельцами все время шла борьба из-за земель.

Но в отличие от периода Асикага, когда эта борьба решалась оружием, в эпоху Токугава она проявлялась в интригах, склоках, подлизывании к сёгуну или его любимчикам и в тому подобных «мирных» способах. И это не удивительно. Уже в самом начале правления Иеясу, т. е. во времена Лжедмитрия в Москве, обрабатываемая земельная площадь, подконтрольная сёгуну, относилась ко всей остальной посевной площади Японии, как 8 к 20, а это означало, что сёгун мог содержать по 8 солдат на каждые 20 солдат всех остальных феодалов вместе взятых, из которых большинство были за него, а не против него. К тому времени, когда Михаила посадили у нас на царство, это соотношение изменилось к еще большей выгоде сёгуна (отняты владения сына Хидейоси), а в 60 годах XVII века сёгун делает все от него зависящее, чтобы, придравшись к тому или иному феодалу, сослать или уничтожить его, а земли присвоить себе.

Конец XVII века отмечен уже явлениями иного порядка, свидетельствующими об увеличении значения торговли. Сёгуновское правительство сосредоточивает свое внимание уже не на собирании земель, а на извлечении выгоды от торговли. Это время быстрого роста купеческих гильдий, представлявших собою нечто вроде монополистских корпораций, деливших свои барыши с сёгуном и его бюрократией, время «порчи монеты», бешеной спекуляции, усиления класса менял, игравших одновременно роль банкиров, время быстрого обогащения кушцов и ростовщиков в городах Едо (нынешнем Токио) и Осака, с одной стороны, и обнищания масс, с другой.

Два описания Едо XVII в. дают ясное представление о совершившейся перемене. Первое описание, относящееся к началу века, рисует нам обширный город-деревню, где среди

жалких халуп, сплошь крытых соломой или тростником, одиноко возвышается большой дом всеяпонского помещика сёгуна. Но и там, в этом жилище повелителя Японии, еще не видно признаков такой безумной роскоши, какой прославился древний царский двор в Киото. Сёгунат еще скромен. А слуги его, воинственного вида бородатые самураи, мало похожи на лощеных гвардейцев и придворных чиновников.

А вот — Едо конца XVII века. Жилище сёгуна уже не дом, а великолепный дворец, достойный царя. Но он уже не одинок в своей роскоши. Кругом дворцы и парки семейств

Типичные ворота перед синтоистским храмом в городе Цуруга, первом на обычном пути из Владивостока в Японию. Справа не менее типичный дом с лавочкой внизу.

феодалов (постоянных заложников), а с ними, точно в насмешку над всеми законами против роскоши, исходящими из сёгуновского дворца, соперничают выросшие на месте недавних хижин дворцы купцов. Соломы и тростника уже не видно: их надо искать на окраине. Не видно и воинственных самураев. Их бороды тщательно сбриты, и их лица покрыты уже не волосами, а пудрой и красками.

Купец уже заметная фигура. Он уже твердо уверен в том, что его доля в отчужденном прибавочном труде крестьянина будет обеспечена. Но он еще не рискует требовать большего, чем ему уступил землевладелец, который и себя, конечно,

не обидел. Он возместил потерянное в пользу купца усилением нажима на крестьянина. Ведь, именно к этому времени относятся законодательные ограничения расходов крестьян. — вся эта серия до нелепости мелочных вмешательств в личную жизнь труженика земли.

Но вот проходит еще 80—85 лет, и купец переходит в наступление. Теперь он нашел уже способ воздействовать на землевладение основательнее. Теперь он требует для себя львиной доли. Почти все даймё оказываются к этому времени неспособными покрывать старые долги. Купечество объединяется и категорически заявляет, что феодалы не увидят от них ни копейки. Но вмешивается первый землевладелец страны, сам сёгун, и требует, чтобы купечество дало заем «правительству», да еще по низкому проценту. Хоть неохотно, но купечество деньги дает. А сёгуновское правительство тут же передает эти деньги феодалам и, конечно, выигрывает при этом на разнице в проценте. И вот, купечество, еще недавно представлявшее самое низшее сословие, находит в себе мужество категорически отказаться финансировать и самого всеильного сёгуна.

А еще 80-ью годами позже купечество финансирует восстание против сёгуна и доводит его до падения. Токугавский период окончен. Рождается новая Япония.

Итак, как видит читатель, Япония на месте не стояла. Значение города росло. Торговая буржуазия усиливалась. Землевладение все больше и больше отступало и отдавало ей все большую часть своей доли отчужденного у тружеников земли труда. Почему же мы все-таки имеем полное право говорить об отсталости Японии от тогдашней Западной Европы. Да просто потому, что представленная здесь картина соответствует не более, как той, которая была налицо в эпоху, скажем, Германии XVI в., в эпоху Карла V и его кредиторов — Аутсбургских Фуггеров, а, если сравнить с Италией, то и еще более ранней. Так или иначе, Япония пребывала еще в до-мануфактурном периоде. Из европейских стран в XVII в. от нее отставали, вероятно, только Россия, Пиренеи и Польша, Балканы, да, пожалуй, еще Южная Италия *).

*) Сравнивая те данные о размерах накопления капиталов в руках представителей торгового класса, которые приводит Бринкли (а с его слов Николаев), с такими же данными, собранными Тюменевым относительно до-Александрийской эпохи и эпохи процветания Ганзы и торговых государств Италии («Существовал ли капитализм в древней Греции»), вы не без удивления убедитесь, что соответствующие цифры окажутся для

Ясное дело, что при таких условиях Япония не могла не чувствовать себя слабой по сравнению с Европой и, значит, не могла не подумать о принятии известных мер против надвигавшейся угрозы.

Эта угроза, едва лишь почувствовавшаяся при Хидеёси (т. е. до 1598 года), который не только не препятствовал ведению внешних сношений, но и сам способствовал организации торговых связей со странами юга, при его преемниках из дома Токугава стала уже настолько определенной, что уже могла быть выражена в цифрах.

Как уже видно из сказанного, рост потребностей земледельцев и купечества, начиная с середины XVII в., происходил очень быстро и, зра Генроку-дзидай (конец XVII и начало XVIII века) вошла даже в пословицу. Хотя значительная часть потребностей покрывалась собственным производством Японии, оно все же не могло полностью снабдить верхушку общества всем ей необходимым. Ввоз из-за границы, естественно, возрастал, но среди ввозимых товаров было очень мало таких, которые могли способствовать росту производительных сил в стране. За самым ничтожным исключением, это были предметы потребления, и то, что принято называть «безделушками», играло среди них не последнюю роль. Со своей стороны Япония, когда-то вывозившая (в Китай) рис и морские продукты, а теперь сама уже чувствующая недостаток в зерне, могла отда-

Японии XVII века, раз в 30—40 большими. И это при наличии техники, уровень которой не был выше, чем в Германии XV века, при явном преобладании земледелия и при совершенно ничтожной внешней торговле. Не берясь выяснять этой странности, упоминаем здесь об этом лишь для того, чтобы показать, насколько неверно ходячее у нас представление о старой Японии, как о стране, якобы, находившейся чуть ли не на первобытном уровне развития и затем каким-то сверхъестественным путем скакнувшей сразу на ту же ступеньку, где находились старые капиталистические государства Европы.

Но чудес на свете, как известно, не бывает. Не случилось чуда и в Японии в XIX веке. «Страна Восходящего Солнца» совершила на самом деле совсем не такой уже невероятный громадный шаг, какой ей приписывается, а просто проделала довольно быструю эволюцию от эпохи сравнительно высоко развитого торгового капитала к эпохе промышленного капитализма, при чем по уровню развития производительных сил оказалась все же в наши дни не только далеко позади Англии и Соединенных Штатов, но и Франции. Ведь и по сей день единственная крупная отрасль машиностроения промышленности Японии—текстильная, все еще, по количеству веретен, стоит позади Советского Союза, и Индии, и Германии, и Франции.

вать иностранцам только один товар в сколько-нибудь значительном количестве. Этим товаром была медь, которой с 1609 по 1858 год голландцы вывезли свыше 200 тысяч тонн, и благородные металлы, вывезенные за то же время на 400 мил. руб. (по Бринкли). Имеются данные, что ко времени начала Петровских реформ у нас, Япония ежегодно теряла на внешней торговле $2\frac{1}{2}$ миллиона рублей, при чем среди ввозимых товаров, по мнению одного тогдашнего государственного деятеля, только лекарства и хирургические инструменты были Японии действительно необходимы. Если принять во внимание, что весь государственный бюджет Японии после революции 1868 г. равнялся всего лишь приблизительно 40 миллионам, что обороты внешней торговли в 1868 году измерялись всего лишь примерно 28 миллионами, и что со времени Токугава приходилось прибегать к таким героическим мерам, как превращение бронзовых Будд в деньги, то станет ясным, что сйогунат просто в интересах самосохранения должен был задержать этот поток золота, серебра и меди. Одним из выработанных сйогуновским правительством средств против этого было ограничение числа купцов, имевших право торговать с заграницей или, точнее, с голландской факторией в Нагасаки, другим средством было ограничение числа иностранных судов, допускавшихся в страну.

Между прочим, первое из этих средств борьбы с уходом денег за границу привело к усилению как раз тех фирм, которые впоследствии способствовали краху сйогуната.

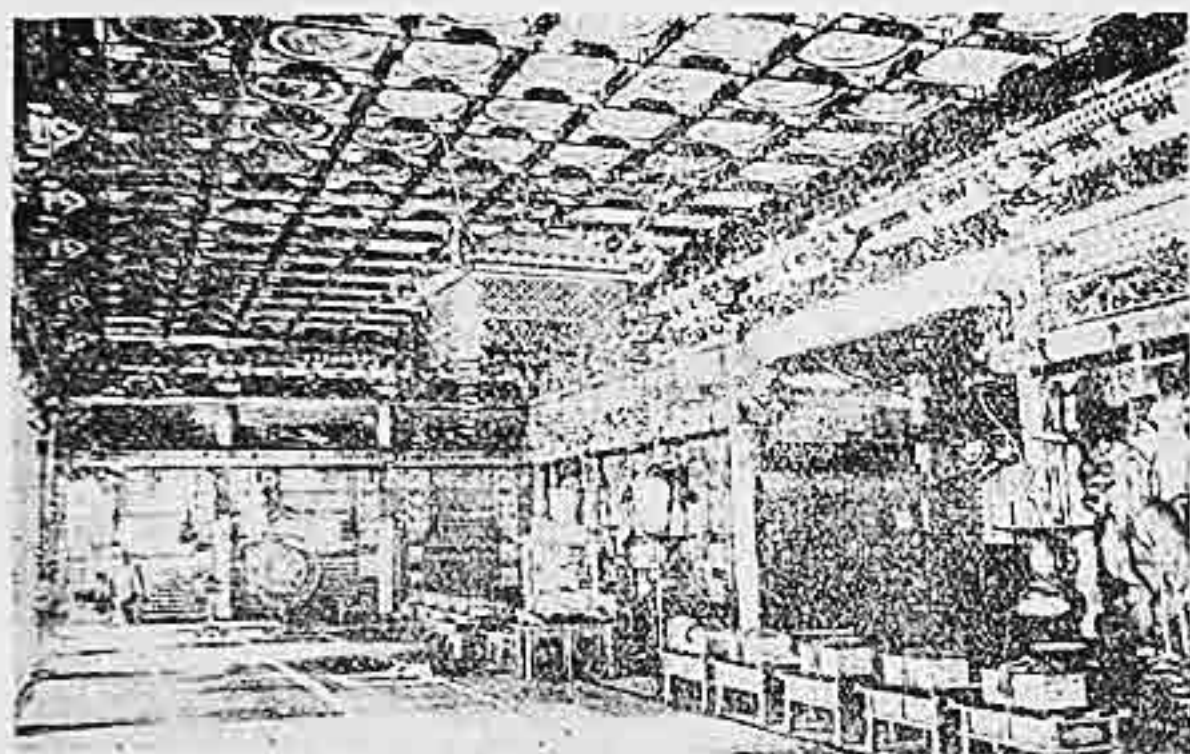
Что касается ограничения доступа иностранных судов, то оно было очень решительным. Так, по указу 1716 года число голландских судов, имевших право посещать Нагасаки, было понижено всего лишь до 2-х, а число китайских джонок до 30. При этом и голландцы (с 1604 года), а впоследствии (с 1689 г.) и Китай, имели права выходить за пределы своих факторий только в точно указанных случаях.

Само собой разумеется, что, несмотря на всю строгость сйогуновских законов, подобные драконовские правила о внешней торговле не соблюдались. Контрабанда процветала, и нелегальная торговля продолжалась. Так, еще в 1667 году высший представитель сйогуновской власти в Нагасаки, на обязанности которого лежало наблюдение за торговлей, был уличен в контрабандной торговле *). Затем в Едо за то же преступление

*) Тут был налицо и политический момент,—опасение перед внешними осложнениями. Губернатор торговал с Формозой, давшей тогда противникам только что овладевших властью в Китае маньчжуров.

был казнен славившийся своей безумной роскошью купец, конфискованное имущество которого оказалось будто бы стоимостью в 40 миллионов. Так, по крайней мере, пишет Бринкли. Не последним среди нарушителей закона было и само издававшее их правительство. Так, в 1763 году оно издало закон о том, что максимум вывозимой меди не должен превышать 105 тысяч англ. фунтов*), а в следующем, 1764 году, само допустило вывоз в 12 раз превысивший указанную властями сумму: сёгунат нуждался в деньгах.

Внутренняя часть храма-усыпальницы сёгунов Токугава в Никко. Это здание—чудо специфического японо-китайского искусства. Не величественность целого, а тщательность отделки мельчайших деталей—на первом месте.

В связи с борьбой против контрабанды находилось и воспрещение постройки судов свыше очень небольших, точно указанных размеров. Более того, правительство вмешивалось даже в такие вещи, как конструкция судна и предписывало совершенно точно выработанные модели,—модели нарочито непрактичные. (Это касалось даже прогулочных яхт). А между тем, незадолго перед тем японцы плавали в Мексику и на Филиппины, а еще гораздо ранее славилась, как пираты, вплоть

Перед тем Формоза была в руках голландцев, но вождь повстанцев против маньчжур выгнал их оттуда. Он был полу-японец—полу-китаец.

*) Фунт=1,125 фт.

до берегов Снама. Нужно все же сказать, что самым крупным из кораблей, плававших до тех пор под «японским флагом», был построенный англичанином Адамсом в начале XVII века 170-тонный «великан» (впрочем, у Колумба, когда он плыл в Америку, были суда еще меньших размеров). Так что в рассказах о том, как японцы были поражены при виде американских фрегатов в 1854 году ничего странного нет.

Здесь не хватит места даже для поверхностного обзора успехов японского ремесла и искусства в период Токугава. Достаточно будет сказать, что почти все то, что так специфично для Японии, достигло своего высшего расцвета именно при Токугава, а не в период «европеизации», а многое только зародилось тогда. Так, например, японские зонтики—продукт второй половины Токугавской эпохи. Современный женский костюм тоже порождение Токугавских времен.

Не будем мы останавливаться и на организации торговли, кредита, почты и т. д. Интересующиеся могут найти все это в приложении к 1-му тому «Очерков истории Японии» Николаева. Ограничимся лишь отмечением большого сходства всего этого с наблюдавшимся в период расцвета Венеции и Генуи.

Перейдем теперь к вопросу о социальных группах и политическом строе Токугавской эпохи.

Социальные взаимоотношения и политический строй.

И теперь, в 1826 году, почти половина населения Японии занимается земледелием, как основным своим промыслом. Грубо подсчитывая, мы найдем, что соотношение между не-земледельческими и по преимуществу земледельческими семьями равно теперь 23:22. В токугавской же Японии это соотношение было еще в гораздо большей степени «аграрным». Начнем, поэтому, наш краткий обзор с крестьян.

Для всякого человека, из мозгов которого еще не выветрился тот взгляд, будто государство есть орудие всеобщего благодетельствования,—а к числу таких принадлежит почтенный Бринкли и его переводчик, Николаев, история Японии представляет нечто необъяснимое. Дело в том, что там получалось всегда так, что чем прочнее была центральная власть и чем больше ее представители неизменным высоким штилем рассуждали о благе народном, тем объектам начальственного благоволения жилось хуже. А когда центральная власть шла, выражаясь словами английского бытописателя Японии, «к собакам», когда от центра оставалось одно лишь звание, а феодалы дрались друг с другом, и их солдаты огнем и мечом двига-

лись по стране, тогда крестьянин, которому хотя и худо приходилось порой из-за барских смут, все же облегченно вздыхал и поправлял свои дела. Но его положение резко портилось, когда, вместо самурайских банд, в окрестностях его жилища появлялся мирный сборщик легальных податей. Мардок, тоже склонный заниматься декламациями по поводу «просвещенных правителей», как человек добросовестный, приводит целую кучу доказательств сказанного.

Как мы уже отмечали раньше, положение крестьян в смутные годы Асикага далеко не всегда и не везде было плачевным, при объединителе Хидеёси оно стало хуже, а когда династия Токугава прочно захватила власть и подчинила себе всех потомков многобрачных баронов и «кородей» предыдущей эпохи, тогда крестьянин стал существом, уделом которого было вечное рабство без всякого проблеска, даже без права вволю есть то, что он сам же производил.

Одним из первых распоряжений Токугав было воспрещение феодалам «переманивать у соседей жителей», и это распоряжение, требовать выполнения которого у сёгунов была возможность, клало конец той системе, при которой каждый феодал чувствовал, что ему выгоднее не ссориться с хлеборобами. Фактически это было ни чем иным, как отменой Юрьева дня, первым шагом к закрепощению крестьян. Дальнейшие распоряжения Токугав были того же сорта. Они оживили древние японские «го нин кумиан» («пяти человек объединения») и довели практику круговой поруки до ее логического конца. Теперь 4 семьи отвечали не только за неуплату налогов пятой семьей, но и были поставлены в необходимость активно способствовать проведению планов и предначертаний начальства. Дело зашло настолько далеко, что пятерки и более крупные объединения несли ответственность даже за незадержку совершенно незнакомого человека, «бездельно бродящего по дороге», за незадержку вообще всякого «подозрительно выглядящего» (точной формулировки этого понятия не давалось), за появление в деревне «хорошо одетого человека, средства существования которого неизвестны» и т. д. и т. п. При этом законодатель даже не считал необходимым объяснить «простым людям» сущность своих распоряжений, и какой-нибудь деревенский простаки вечно жил с сознанием висящего над ним Дамоклова меча, — вечно опасался, не нарушил ли он чем-нибудь какого-нибудь неизвестного ему распоряжения.

Было бы просто скучно перечислять в деталях все то, до чего додумывались тогдашние «охранители порядка», достаточно лишь сказать, что каждый японец времен Токугава риско-

вал отутиться в тюрьме не только за то, что он совершил сам, или что совершили члены его семьи, но и за то, что только подумывал совершить случайно попавший в район его деревни или улицы чужой человек. Два с половиной столетия такого воспитания не пропадают даром. Навыки, прививавшиеся 8 или 10 поколениям, остались и поныне (ведь со времени токугавского режима сохранились еще живые люди), и, значит, не случайностью является то, что каждый, очутившийся в Японии, начинает чувствовать себя так, точно за ним следят тысячи шпионов. Слово «подозрительный», сравнительно редко употребляемое в русской живой речи, в японской речи и по сей день повторяется постоянно, а выражения «американский шпион», «русский шпион», переводятся на японский разговорный язык не двумя, а одним словом.

Японская вежливость тоже продукт той эпохи: люди опасались, как бы не нажать себе врага.

Пережитки системы коллективной ответственности тоже достаточно много в современной Японии, и они постоянно поражают иностранца. Так, например, когда юноша Намба, попавший затем в петлю палача (в 1924 году), совершил попытку пристрелить наследника-регента, то «позор» его разделила вся его семья и все жители его родного города: отец долго постился, все лавки в городе были закрыты, никаких увеселений не было. Другой пример — профессор, уходящий в отставку из-за того, что сын его пытался покончить жизнь самоубийством. Не первый попавшийся профессор, а видный ученый, обогативший науку новыми открытиями, — отец, видите ли, ответственен за поведение даже взрослого сына.

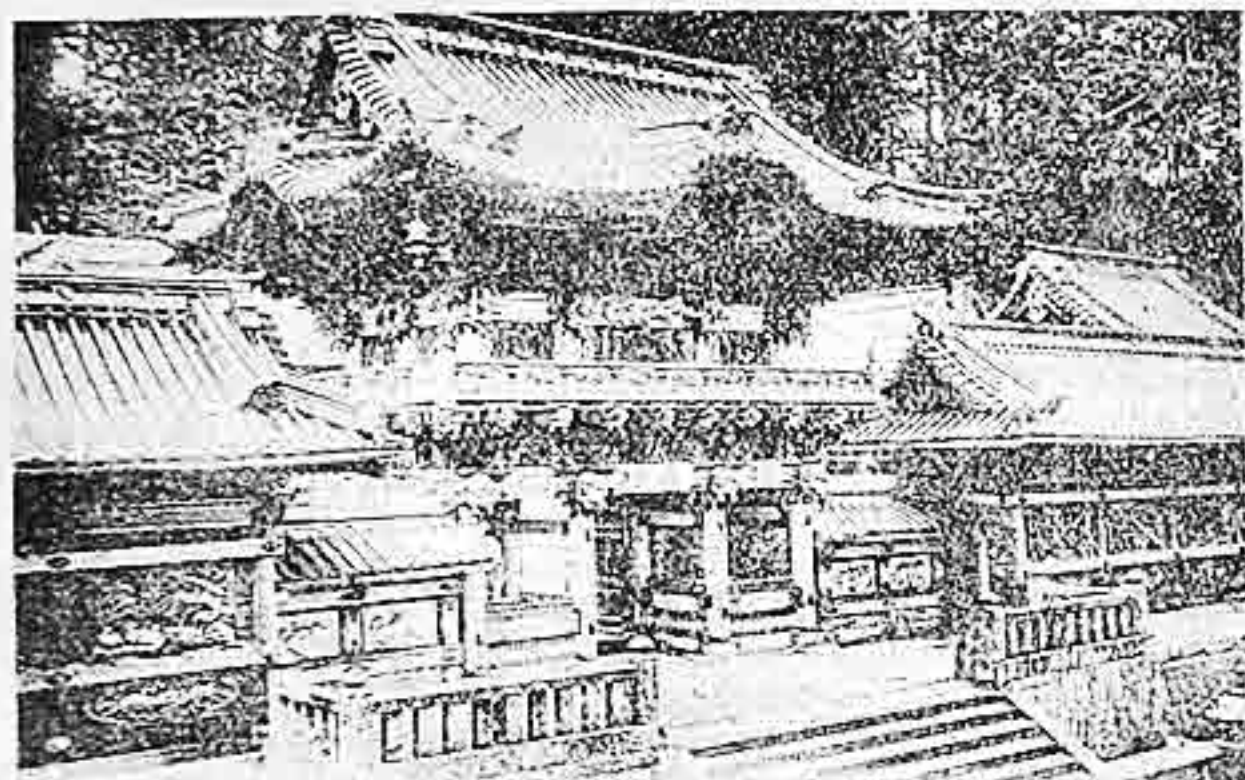
Нам это смешно. Но японцам совсем не смешно. Они не забыли еще тех времен, когда за петицию, неуважительно брошенную в паланкин сёгуна, был казнен не только бросающий, но и ничего не ведавшие об этом его жена, родители и малолетние дети. Это была петиция крестьянина, выступившего от имени всей деревни.

По тогдашним понятиям, он совершил огромное преступление: он оскорбил сёгуна — это раз, и, во-вторых, он позволил себе говорить от имени многих, а это само по себе было тяжчайшим грехом. Коллективно можно и должно было действовать, когда имелось в виду благо правящего класса, но когда дело шло о защите личности трудящегося, тогда у обиженого был только один путь, путь одиночной жалобы через начальника; чаще всего именно через того, на которого подавалась жалоба. Был, правда, еще один путь, — опускание жалобы в особый ящик, находившийся при дворце сё-

гуна; но чтобы до него добраться, надо было нарушить правила, воспрещавшие «бездельное шатание», правила об обязательности усердной работы и т. д.

Любопытной деталью тогдашних порядков является страх крестьян и остальных эксплуатируемых перед возбуждением гражданских дел. Каждый истец рисковал оказаться ответчиком за клевету; отсюда привычка к компромиссным решениям, достигавшимся при помощи членов «нятков» и «стариков».

Храм-усыпальница сёгунов в Никко. Никко — один из красивейших уголков в мире. Слово Никко означает «солнечное сияние».

Вообще говоря, суд в токугавские времена был не шуточным делом. Законы были невероятно суровы, гораздо более суровы, чем в Камакурский период (1198—1333) и чем даже в период первоначальной централизации. Из приблизительно 7.000 человек, посаженных в тюрьму в Едо в одном из годов XVIII века, только 4 тысячи получили наказание менее тяжкое, чем отрубание головы. Остальные 3.000 человек, в том числе и воры, отправились из тюрьмы на лобное место. Однако, Япония, повидимому, все-таки оказалась в этом отношении мягче Англии времен эпохи крестьян с земли и законов о бродягах.

Положение крестьян в позднейшем периоде династии Токугава несколько изменилось в том смысле, что для одних оно стало лучше, а для других хуже. Крестьянство расслоилось, и это произошло при определенной помощи сверху. Дело в том,

что в интересах фиска государство начало препятствовать дроблению земель и в конце концов совершенно воспретило деление участков, приносящих менее 10 коку риса. Младшим сыновьям оставалось теперь поступить в батраки, уходить в города (население Едо в 1787 году было по Бринкли равно 1368 тысячам человек*) или, оставаясь при старшем брате, вести бессемейную жизнь. Между прочим, это одна из причин застоя в населении Японии. С этим же, вероятно, связано брошенное в глаза европейцев развитие противозаконных пороков, развитие настолько большое, что порок перестал казаться пороком и вошел в обычай. Монастири еще и раньше были самыми крупными покупателями мальчиков.

Тяжелое положение крестьян, собственными боками расплачивавшихся за отсталость своей страны и за финансовую политику правительства, не раз доводило их до открытых восстаний. Наиболее крупным из них было Симабарское восстание в южном Кюсю, где к крестьянам присоединились гонимые христиане, оставшиеся без хозяев самураи и другие выбитые из колеи люди. Это восстание потребовало для своего умирения армии, численность которой лишь в 1½ раза уступала армии Хидейоси во время войны в Корее. Но все остальные восстания, длинной цепочкой тянувшиеся вплоть до падения сёгуната, имели чисто местное значение и умирались сравнительно легко.

Здесь следует все же подчеркнуть, что, несмотря на фактическое прикрепление к земле, крестьянин не превратился в собственность владельца земли. Вообще русской формы крепостного права в Японии не выработалось. Но рабы в Японии, правда, в незначительном количестве, все же были. А в начале династии Токугава торговля ими велась совершенно открыто, и существовали даже специальные конторы для этого. Впоследствии торговля людьми сделалась нелегальной, но фактически продолжалась (и продолжается поныне), поскольку речь идет о женщинах для публичных домов. Но хотя рабство ни в древности, ни в позднейший период никогда не достигало в Японии тех размеров и не имело того значения, какое оно имело, скажем, в Греции, не говоря уже о Риме, положение домашних

*) Можно ли верить этой цифре, если известно, что даже в 1898 году, когда города Японии стремительно росли, число жителей Токио (был Едо) было всего 1440 тыс. Но по внешнему виду эти старые данные производят впечатление правдоподобных. Что касается численности других городов бывшей Японии, то неточность прежних подсчетов уже замечена.

слуг все же по закону мало чем отличалось от рабского. В большинстве случаев слуги работали по контракту, и закон в этих случаях становился на сторону хозяина: последний, если он мог доказать, что в конфликте виноват слуга, мог потребовать, чтобы суд наложил на виновного слугу то наказание, которое угодно хозяину (конечно, в известных пределах). В отдельных случаях хозяин мог даже убить своего слугу (напр., пойманного при краже лошади). Впрочем, в интересах истины, нужно добавить, что, поскольку о положении слуг можно судить по нынешнему времени, оно несравненно лучше, чем было в России. Того третирования слуги, той грубости, даже того отдаления хозяев от прислуги, которое не исчезло у нас и теперь, в Японии не видно. Прислуга мало чем отличается от членов семьи, чувствует себя свободно, не подострастничает и работает обычно с прохладцей. Судя по литературным памятникам Токугавской эпохи (см. Астон — «История японской литературы», пер. Мендрина), отношения между хозяевами и прислугой были такие же, как теперь.

Приблизительно такими же рисует Бринкли и отношения мастеров и их учеников в эпоху Токугава, а также купцов и приказчиков. Ему, очевидно, не приходило в голову, что под покровом отеческих отношений может процветать самая бессовестная эксплуатация. По крайней мере в современной Японии мальчики в лавках и у ремесленников работают странно долго, по 12—13 часов, хотя зато, правду сказать, они почти не знают той безграничной грубости и пьяной жестокости, жертвой которой так часто бывали ремесленные ученики в России.

Отметим попутно, что к числу пережитков токугавского времени относится обычай выдачи увольняемому рабочим заштатных денег. Современный японский промышленник не прочь изобразить себя в чужих и собственных глазах отцом-благодателем своих рабочих. Поэтому он соблюдает обычай прежних ремесленников, обычно выдававших взрослым ученикам сумму на заведение собственного дела. Теперь в промышленных условиях эта сумма превращается при увольнении рабочего в заштатные. Конечно, она гораздо меньше, чем то, что рабочий мог бы сберечь сам, если бы ему платили не «по отечески».

Другой пережиток токугавских времен — своеобразный характер связей между богатыми фирмами и их бывшими доверенными служащими. Не считаться с этим своеобразием, довольствоваться лишь пониманием той общей схемы капиталистических взаимоотношений, которые в общем одинаковы и

в Польше, и в Аргентине, и в Англии, и в той же Японии, — это значит обречь себя на непонимание многого из того, что составляет детали политической и общественной жизни современной Японии. Взять хотя бы отношения между фирмой Мицубиси (кстати сказать, заинтересованной в сахалинских концессиях) и правительством.

О роли купечества во времена Токугава мы уже говорили достаточно много в связи с экономикой тогдашней Японии. Здесь остается подчеркнуть, что наиболее видную роль в дальнейшей истории Японии сыграли те купеческие семейства, которые соединяли коммерческую деятельность с ростовщичеством. Наиболее удачливой из них оказалась семья Мицуи, разросшаяся позже в целый род. Историю ее мы даем ниже. Эта семья играет колоссальную роль в жизни нашей соседки и в наши дни.

Многочисленное духовенство уже не имело в Токугавскую эпоху того огромного значения, какое оно имело в прежние века, когда богатые монастыри соперничали с военными родами в борьбе за землю. Времена монахов-вонтелей кончились. А к XVIII в. окончился и период руководящей роли буддистов в духовной жизни страны. Монахов вытеснили конфуцианцы. Но у монахов оставалась своя сфера деятельности. Прелебляемые в верхах общества, они оставались пастырями широких масс. Они соблюдали требы, хоронили, отпевали, и, наконец, были сельскими и отчасти городскими учителями. Что государство нуждалось в их услугах, это видно хотя бы из того, что многие секты сохранили при переделе 1600-ых годов свои земли, а некоторые получили даже прирезку к прежним владениям. Такой оказалась, например, секта (или, если хотите, «орден») Монто, владеющая храмами Хонгандзи (их наследственные настоятели и по сей день играют видную роль в политике и экономике Японии), но золотые денечки давно отошли для церкви. Тяжелая рука сёгуната чувствовалась и ею. Церкви подчинилась государство вполне. Даже на постройку нового храма и на ремонт старого требовалось при Токугава разрешение Едо.

Перейдем теперь к военному сословию, к самураям.

Выражение «сословие» мы употребляли здесь не случайно: именно сословием, а не классом, были при Токугава потомки военных предыдущей эпохи. Того превращения беглых крестьян в солдаты, тех рекрутированных полу-повстанцев-полу-разбойников в дружины феодалов, какие имели место в период непрерывных войн, ведшихся с 1333 года по конец XVI века, уже не было. Наоборот, теперь многие самураи, вчерашние

солдаты, по доброй воле или по воле других, садились на землю, брались за ремесло, за профессию учителя и т. д. и, таким образом, перемещались из класса военных в производительные классы. Но свое самурайское звание они сохраняли и передавали его по наследству, вместе с правом на ношение двух мечей и на другие, мало дающие в материальном отношении привилегии японских «шляхтичей». Многие из тогдашних самураев были чуть ли не нищими. Но, как говорили тогда, «самурай, и не пообедав, важно держит зубочистку во рту». «Самурай гордился своей бедностью»... когда он не мог пристроиться к хлебному месту и стать взяточником, каких было в те времена несчетное множество.

Среди таких обнищавших представителей тогдашнего самурайства были не только потомки бывших крестьян, но и такие люди, которые вели свою родословную от знаменитых людей древности. Так, в связи с попыткой восстания деклассированных самураев в середине XVII в., упоминается имя учителя фехтования, происходившего от Кусуноки Масасиге, начальника войск царя Го-Дайго в 1330-ых годах. Были среди них и непосредственные потомки древних тенно (царей).

В невозможности для всех самураев удержаться на высокой ступеньке общественной лестницы не было ничего удивительного: достаточно сказать, что из 28 миллионов жителей Японии в 1837 году самураев насчитывалось с членами их семейств не менее 1.200.000 человек, или около 5% всего населения страны. Феодалам и сёгуну было, конечно, просто не расчет кормить их всех, и они, действительно, старались при возможности избавиться от лишних ртов (тем самым увеличивая количество риса, которое можно было реализовать на рынке).

Пожимому самураев, фактически почти не получавших пайка или получавших урезанный паек, но все же числящихся за тем или иным феодалом, т. е. в том или ином «хан» (клане), были во времена Токугава и такие, у которых вообще никакого сюзерена и никакого кормильца не было. Это были потомки самураев, чьи феодальные вожди были лишены владений или просто истреблены. Для таких «беспризорных» существовал особый термин: «роппи», — «волна-человек», и эти роппи были не раз нарушителями токугавского мира и тишины, особенно заметно они проявили себя в предсмертные годы токугавского режима.

Итак, значит, самуран токугавских времен были людьми не одного и того же класса. Часть их представляла собой действительно военных, генералов, офицеров и солдат, передавав-

ших свои должности по наследству (неравенство было значит и здесь), другие стали чиновниками разных рангов, третьи были учителями, официальными куницами, противопоставленными феодалами настоящим куницам (напр., предок нынешних главных пайщиков фирмы Мицубиси), моряками и т. д. Это были самуран, связанные с феодальными денами или с сёгунатом непосредственно. Но вне этой группы было множество других, связанных с сёгунатом и денами лишь номинально или вовсе не связанные с ними. Это были представители той разнородной интеллигенции, полуинтеллигенции или, наконец, просто «задававшейся» части низов, которые, конечно, не могли не мечтать о возвращении блаженной старины, когда кредиторы не приставали к воинам с длинными неоплаченными счетами, когда рубакам хватало еды, когда не было погони за сухой коркой хлеба (вернее горшком риса), короче говоря, когда не было торгового капитала и всего того, что он с собой несет.

Само собой разумеется, что в мечтах самурайства прошлое окрашивалось самыми что ни на есть розовыми тонами и превращалось в золотой век, и чем отдаленнее было это прошлое, тем заманчивее оно казалось. Идеалом становилась для многих древняя централизованная монархия, а ее олицетворением, ее современным, во плоти существовавшим, способным возродиться к реальной деятельности, центром становилась жалкая фигура кiotского затворника, «законного царя». А личность действительного монарха, едоского сёгуна, начинала представляться олицетворением узурпации.

Так индивидуальное ощущение пустоты в самурайском желудке находило свое окончательное выражение в сложном рефлексе класса — в легитимизме, — в сознании «незаконности» сёгунатской власти.

Самуран были идеологами того движения, которое привело к перевороту 1868 г. Они же были и физическими свершителями его. Но львиную долю выгод от переворота получить не они, а те, кто финансировал их движение, т. е. купечество, для деятельности которого токугавский режим становился слишком стеснительным. Что же касается самураев, то переворот стоил большинству их окончательной потери даровой кормежки.

До сих пор мы говорили, главным образом, о нижнем слое военного сословия. Теперь поговорим о высшем.

Эта верхушка состояла отчасти из потомков прежних крупных самостоятельных феодалов («королей», по выражению португальских миссионеров), из которых следует упомянуть

Мори и Симадзу, отчасти из родственников и доверенных вассалов дома Токугава. Некоторые из них были владельческими князьями, некоторые же были губернаторами и градоначальниками в непосредственных владениях дома Токугава, которые в течение XVII века все больше и больше разрастались за счет земель других и в конце концов составили больше, чем треть коренной Японии и почти весь остров Хоккайдо.

Равенства между феодалами не было, и эта разница определялась количеством находившейся в их владении земли. Титул «даймио» в эпоху Токугава (раньше оно имело менее точный смысл) применялся только в отношении тех, чей «доход» (мы уже объясняли смысл этого выражения) был не меньше 60 тыс. рублей, обладатели меньших владений именовались «хатамото», а самых мелких — «канин». Они соответствовали по положению нашим дворянам.

Равенства не было и среди даймио: одни из них имели «доходы» до 6 миллионов рублей, а другие в 60 тысяч рублей. В общем мелких даймио (с доходом до миллиона) было 255, средних (от 1 до 2 миллионов) было 13 и крупных (от 2 до 6 м. рублей) — 14. Высшие должности в сёгуновской бюрократии занимались, как правило, представителями крупных родов из числа родственников сёгуна.

Номинально феодал оставался на своей земле государем и даже мог чеканить монету, издавать там собственные законы, казнить и миловать. В этом отношении управление времен Токугава было более децентрализовано, чем даже в Камакурский период. Но фактически токугавский режим было бы правильнее назвать типичным для сословной монархии. Действительно, в руках сёгуна находился не только самый крупный из родов, но и самый выгодный в стратегическом отношении. На его территории или на территории его верных вассалов находились все те пункты, откуда сёгун мог нанести быстрый и решительный удар каждому, кто бы попытался только подумать о непокорности. Те даймио, которые возбуждали малейшее подозрение, переводились в другие места, а то и просто сгонялись, ссылались или получали предложение разрезать себе живот, а их владения передавались другим или же брались Токугавами себе. Даймио не мог даже жить у себя в лене по настоящему. Его дом, семья, все наиболее ценное были в Едо, да и сам он не мог оставаться в собственной области постоянно. По меньшей мере раз в два года он должен был проживать в Едо по несколько месяцев. Он не имел права не только строить новый замок, но даже ремонтировать старый. Он обязан был испрашивать разрешение на брак у

сёгуна. И он обязан был выполнять те работы, которые ему поручались из центра. К числу таких работ относились постройки дамб, укрепление берегов рек, прокладка дорог и т. д. и все это, конечно, за свой собственный счет. Поручения этого рода бывали иногда крайне тяжелыми и были одной из причин роста задолженности даймио перед купечеством Осаки. Спорадические отчисления в пользу сёгуна, необходимость «приличного» содержания своего дома в Едо, участие в официальных праздниках и обязанность содержать самураев — все это делало положение многих (главным образом, чужих для династии) даймио настолько трудным, что им волей-неволей приходилось усиливать налоги на крестьян. Но в таком случае феодал рисковал быть наказанным потерей лена «за неумелое управление». Очень часто сёгуны сознательно толкали много нелюбимого даймио на крайности и тем самым создавали предлог для конфискации его земель. Но не было между 1615 годом и началом 50-х годов XIX века ни одного случая, чтобы хотя один феодал осмелился воспротивиться мероприятиям центра *).

Так или иначе, даже в этом «правлящем классе» существовали отдельные лица и группы, которые могли мечтать о перемене.

Любопытно, между прочим, что среди важнейших мероприятий, проводившихся одновременно во Франции, в годы правления Ришелье (с 1614 года) и Мазарини (с 1643 г.), отчасти при Людовике XIV, нет почти ни одного, к которому нельзя бы было подобрать аналогию в токугавской Японии. Такое же сходство мы найдем и в официальной и неофициальной идеологии этого времени во Франции и Японии. Для иллюстрации приведем несколько примеров.

Во Франции — институт полновластных интендантов

*) Нам не приходилось находить указания на факты сурового отношения к мелким феодалам, имевшим ранги ниже даймио, ни даже к тем даймио, которые имели звание «владельцев замка» или «владельцев урочища». Повидимому, сёгунат считал для себя вредным лишь «владельцев провинций», этих «бояр» старой Японии. Что же касается японских «детей боярских» и «дворян», то их положение было, повидимому, прочно. Сёгуновское правительство относилось хорошо и к тем крепким крестьянам, которые в течение 20 лет исправно платили налоги и «не замечались ни в чем предосудительном». По закону они имели право становиться вечными арендаторами, т. е. фактически собственниками своих участков.

в провинциях в противовес самостийничавшим дворянам, в Японии — бугйо и дайкан. Во Франции закон о срытии замков, в Японии — запрещение их постройки и ремонта. Во Франции — запрещение вооруженных столкновений, в Японии — запрещение военных приготовлений против соседей. Во Франции — подчинение государству католической церкви, в Японии — подчинение буддийской церкви. Сосредоточие всего в Париже — сосредоточие в Едо. Цензура во Франции — цензура в Японии. Открытие Парижской академии в интересах централизованной власти — открытие Едоской высшей школы с такими же цензорскими правами. Хаотическое разнообразие местных законов во Франции — то же в Японии. Официальное толкование о ненужности большой грамотности для масс во Франции (Ришелье) — то же в Японии при Цейсу, и т. д., вплоть до одновременного возникновения менцанской драмы.

Но была и разница, разница крупная. Она заключалась в том, что Франция придерживалась меркантилизма наступательного, а Япония — оборонительного. Франция активно вмешивалась в дела соседей, воевала, захватывала колонии (при Людовике), а Япония со времени поражения в Корее укрывалась за стеной запретов и пуще всего опасалась всяких внешних осложнений. Наконец, во Франции была Фронта, совпавшая по времени с бунтом парижан, а в Японии ее не было, так как общественные силы, которые могли бы поддерживать недовольное дворянство, были еще слабы. Суть этой разницы в том, о чем уже говорилось раньше, — она в сравнительной отсталости тогдашней Японии, и влияние этой разницы можно бы проследить на деталях любого из только что приведенных параллельных явлений.

Но основное сходство остается. И токугавский режим в Японии, и режим сословной монархии во Франции способствовали выращиванию в своих недрах могильщиков себе — буржуазию и ее орудие — массу не находящих себе подходящего применения разночинцев.

Из других общественных группировок токугавской Японии следует упомянуть о рыбаках, находившихся уже сравнительно очень рано в полном подчинении торгового капитала, точнее, у тех монополистских корпораций, которые захватили едоский рынок, о вольнонаемных рабочих, положение которых, судя по Бринкли (см. т. IV, стр. 16), было не хуже, а лучше нынешнего (но тот же автор сообщает, что еще в XVII веке существовал закон, устанавливающий определенный максимум, не минимум, заработка слуги и домашнего работника)

и, наконец, о так называемых «ета», о которых нужно сказать подробнее.

Ета — это было особое сословие, происхождение которого до сих пор остается совершенно невыясненным; всего вероятнее, что оно создано в результате довольно сложного и очень длительного процесса. Мардок думает, что одними из предков ета были военнопленные айно, расселенные в разных частях Японии в первом тысячелетии нашей эры и смешавшиеся затем с деклассированными элементами чисто японского происхождения. Это одна из многих других гипотез, быть может, наиболее удачная. Другая гипотеза о корейском происхождении ета не выдерживает критики: исторические факты говорят как раз о весьма почетном положении выходцев Кореи и Китая.

Каково бы ни было происхождение ета, факт все же остается, что при Токугава они были в Японии на положении евреев при Романовых. Они жили в особых гетто, имели свое сословное управление и абсолютно не смешивались с представителями других сословий. Характерными для них занятиями были обработка сырых шкур и кожи и вообще все те профессии, которые связаны со смертью (в Корее тоже существует такое сословие). Но, повторяем, это было сословие, а не класс: среди ета бывали и бедные, были и очень богатые. Существование подобного сословия при наличии сословной монархии было вполне естественно, и так же естественно было со стороны нового государства уничтожить его, что и было сделано в 1871 году.

Однако, бытовые предрассудки оказались более прочными, чем писанные законы. Ета, как особое сословие, продолжает по инерции существовать и теперь, хотя законы империи и не обособляют его. В большинстве случаев богатые ета, имеющие возможность продвигаться в такие места, где их не знают, скрывают свое происхождение, но большинство ета и поныне живет в особых кварталах и фактически ограничено в правах. Отсюда их революционность и склонность симпатизировать всем радикальным течениям. В настоящее время пролетарская и полупролетарская часть ета охотно идет за коммунистами, а остальные оказываются зачастую под влиянием по существу реакционной буржуазной верхушки и отчасти под влиянием попов из секты Монто (храм Хонгандзи), который в течение всего Токугавского периода эксплуатировал ета печально.

В сословном союзе ета, Суйхейся, все время идет борьба за влияние между пролетарским ядром и буржуазией.

Умственные течения и быт эпохи Токугава.

Всего лишь 57 лет прошло со времени падения Токугавской династии — совсем небольшой срок, — меньший, чем отделяющий нас от момента крестьянской реформы 1861 года, значительно меньший, чем протекший со времени напечатания «Коммунистического Манифеста». Япония за это время изменилась во многом до неузнаваемости: из недоступной, окутанной дымкой неизвестности, полусказочной страны, из страны-затворницы она превратилась в одно из наиболее хищных империалистических государств; на месте пешеходных троп появились в ней железные дороги, вместо пеленых по конструкции, жалкого вида джонок, возник третий в мире по размерам коммерческий флот; масляную копилку вытеснило широко распространенное электричество; паланкины уступили место автомобилям; трамвай, радио и автоматический телефон получили такое же широкое распространение, как в Западной Европе. Тираж ее газет измеряется такими же цифрами, как во Франции и Англии. По количеству почтовых пересылок она побивает рекорды. По числу грамотных она занимает одно из первых мест в мире.

Казалось бы, что может быть общего между этой новой Японией и той Японией, которую с борта Фрегата Паллады, до сих пор лежащего на дне Советской Гавани^{*}), рассматривал Гончаров!

Но стоит нам заглянуть в официальные школьные учебники, стоит ознакомиться с содержанием статей газет или с речами политических деятелей, стоит вдуматься в некоторые своеобразные черты японского суда или полицейской практики — и мы сразу убедимся, что старая истина о частом отставании идеологии от социально-экономической базы подтверждается в Японии на каждом шагу.

Пусть развалился сёгунат и в историческое прошлое ушли его законы, установления и порядки, пусть вымерло огромное большинство людей, собственными глазами видевших его последние годы, но те идеи, те традиции, которые выработались тогда, отчасти держатся и поныне, и нелегко будет нам понять многое множество обыденных явлений в жизни

^{*}) Малопосещаемый тихоокеанский порт, находящийся почти на той же широте, что Хабаровск. Вывозится оттуда лес.

современной Японии, если мы пренебрежем изучением умственных течений и быта Японии токугавской, т. к. именно в тот период развились многие из тех черт, которые своей своеобразностью особенно бросаются в глаза пришельцу извне. Для португальцев XVI века Япония была более понятной страной, чем для европейцев первой половины XIX века.

Чтобы не быть голословными, приведем в пример хотя бы положение женщин. В до-токугавской Японии оно мало чем отличалось от положения женщины в Европе. В Японии седой древности оно в высших классах было вполне почетным: ведь никто иной, как женщины, были творцами японской оригинальной литературы и центральными фигурами тогдашней культурной верхушки. В эпоху Камакура мы встречаем женщину среди лиц, отмеченных за заслуги в области земельного управления. Йоритомо назначил вдову одного из своих соратников на должность дзито, земельного комиссара, и она с честью выполняла порученные ей обязанности. Другая женщина, жена Йоритомо, была в течение ряда лет центральной фигурой камакурской администрации. Жена его брата сопровождала мужа в походах и сама командовала эскадроном. Многие другие женщины лично владели замками и, случалось, стояли во главе их обороны. В период проникновения христианства одна из южных феодалок, отличавшаяся начитанностью в богословии, диспутировала с иезуитами и ставила их в тупик (хотя, впрочем, впоследствии сама стала католичкой). А к XIX веку женщина оказалась (хотя это и преувеличено) «восточной затворницей», которой «неприлично» писать иероглифами, а нужно писать буквами, притворяясь малограмотной, неприлично идти рядом с мужчиной — нужно идти позади, неприлично лежать, когда он сидит, и для которой основа всех знаний — уяснение той «истины», что она-де продукт мрака, отрицательной, дурной, пассивной субстанции «Инъ», а мужчина порождение «Янъ», светлого, творческого, положительного начала.

Представление об отношениях подданного и государства, отца и сына, учения о монархии и т. д. — все это, если не возникло, то развилось в ту же токугавскую эпоху.

Вообще нет большого преувеличения в утверждении, что значительнейшая доля японской «азиатчины» — продукт токугавских времен. Португальцы, подчеркиваем это еще раз, не усмотрели в Японии ничего такого, чтобы показалось им слишком непонятным и несообразным.

Корень этой «азнатчины» в том универсальном закреплении, которое было сущностью токугавского режима. И эта «азнатчина» не могла исчезнуть сразу, ибо токугавский режим пал, не достигнув полной дряхлости. Его падение ускорило нажимом извне, и он погиб раньше, чем наряду с торговым капиталом развился промышленный. Кто знает, быть может, не будь толчка извне, дальнейший этап жизни Японии был бы этапом гниения и разложения. Ведь, во всей мировой истории только один единственный раз и только в одном месте совершился без влияния извне переход к господству промышленной буржуазии.

Итак, какой же характер имела идеология японского общества во времена Токугава?

Как уже известно читателю, начало достоверной истории Японии отстоит от нас, приблизительно, на 1500 лет и совпадает с моментом быстрого проникновения китайского влияния. Но как ни сильно было это влияние вначале, в дальнейшем оно, в силу целого ряда причин, проявлялось уже не с такой отчетливостью, как в Нарско-Хейанский период. Между тем, умственная жизнь Китая находила для себя новые формы выражения, о которых японцы либо совсем ничего не знали, либо знали очень мало. Но когда, с победой Токугава Иеясу, наступил в Японии период мирной жизни, китайское влияние проявилось в ней с новой силой. Оно и понятно: между Китаем и до-токугавской Японией, страной «воющих государств» (Сен-Гоку), страной, где быт, нравы и общественные связи были на том уровне, на котором они находились в Китае за 300 лет до нашей эры, взаимопонимания быть не могло. Но когда Япония превратилась в централизованное государство, во многом сходное с мандаринским Китаем, условия изменились. Взаимопонимание стало возможным. Плоды китайской мысли периода единства Китая могли оказаться полезными для правящего класса Японии. Параллельно с этим неизбежно должны были проникнуть и те идеи, которые находились в оппозиции к официальным. Так оно действительно и случилось, и уже в XVII веке Япония стала ареной борьбы двух взаимно враждебных направлений мысли, определившихся в Китае в тот период, когда новые волны его влияния доходили до Японии слишком ослабленными, чтобы быть заметными.

Эти два течения китайской мысли связаны с именами: первое — Чжу Си, одного из философов эпохи Сунской династии (960—1280 г. г.), второе — Ван Ян-мина, жившего

в 1472—1528 г. г., в эпоху предпоследней китайской династии Мин *).

В нашу задачу не входит подробное изложение учений двух названных философов, — мы остановимся, главным образом, на том, что имело прямое отношение к происходившей в Японии борьбе.

Знакомясь с историей Китая, мы сразу заметим, что учение Конфуция и в его первоначальном виде, и в истолковании талантливейшего из продолжателей конфуциева дела, Мэн-цзы, никогда не имело достаточно солидной поддержки в правящих сферах. Первый император Китая Цинь Ши-хуанди (3 века до нашей эры), так тот даже преследовал конфуцианцев, а их книги сжигал. При следующих династиях конфуциево учение академически уважалось, но предпочтение давалось буддистам. Но конфуцианство в истолковании (многие говорят: в результате порчи) Чжу Си было не только одобрено, но и стало основой для официальной идеологии при сильной династии маньчжуров (Циньской), которая, не обинуясь, честила буддистов обманщиками.

Такое же отношение учение Чжу Си встретило и в Японии со стороны династии Токугава. Оно одно считалось истинным, а все остальные зачислялись в число еретических. Тысячи книг были исписаны толкователями этого учения, десятки тысяч учителей вколачивали его в головы своих слушателей, и среди этих учителей был даже один из сёгунов, который изредка читал лекции своим чиновникам **). Та высшая школа, которая возникла во времена Токугава в Едо, была в сущности школой учения Чжу Си.

Ну, а что касается учения Ван Ян-мина, то изучение его

*) Японцы читают иероглифы «Чжу Си» «Сю си», а имя Ван Ян-мина превращается в их чтении иероглифов в «О йо мей». Письменные знаки у японцев и китайцев одинаковы, значение их одинаково, но соответствующий звук почти всего совершенно иной. В самом Китае произношение иероглифов довольно резко отличается по отдельным местностям. Так, например, пекинскому «сямынь» в провинции Фуцзянь, лежащей против Формозы, соответствует «Амой», пекинскому «дун» (восток) — кантонское «тон». Не будь у китайцев иероглифов, они не понимали бы друг друга.

**) Это Цунайоси, современник Петра I. Он начал свое правление с проповеди экономии, а кончил безумной роскошью. Его манерой было кормление собак, которых на иждивении у него было сто тысяч. Цунайоси умер под пожом жены, память которой долго являлась потом в народе.

не только не поощрялось, но иногда прямо преследовалось, наряду с теми «историческими изысканиями», которыми враги сёгуната подкапывались под основу существовавшего строя. О них ниже.

Чем же так угодил правителям Чжу Си, и что опасного усмотрели они у Вана?

Для того, чтобы понять это, разберемся лучше с учением последнего.

Ван Ян-мин, в чьих взглядах несомненно отразился китайский даосизм, был, так сказать, «демократическим» интуитивистом. Сердце (совесть) человека, — всякого человека вообще, без различия класса, национальности, религии и образования, — есть зеркало, в котором отражается, как в микрокосме, весь мир во всем его многообразии, во всей его многогранности. Поэтому для того, чтобы иметь суждение о добре и зле, справедливом и несправедливом, не нужно изучать мир — достаточно изучить собственное сердце, в котором заключены все законы, как законы природы, так и законы морали. Единственное различие между людьми — это различие между ищущими истину и неищущими ее, а единственный путь к открытию истины — размышление и самоуглубление.

Бог-творец, по учению Вана, существует не сам по себе, а лишь в своих проявлениях, а высшее из них — сердце — совесть человека, законы которого и законы бога одинаковы. Итак, в сущности бог и совесть одно и то же. Совесть является высшим судьей, — проявлением бога, карающего и награждающего. Всякая попытка иного искания бога не нужна и бессмысленна. Всякая догма излишня.

Эти суждения не были новы для японцев. Еще в IX веке нечто очень похожее проповедывалось монахами секты Дзен, не имевшими, впрочем, тогда большого успеха. Но те же дзен-цы, когда они возобновили свою проповедь в XIII веке, встретили самое отзывчивое отношение со стороны военного класса, а в XIV, XV и XVI веках их влияние было огромно, что объяснялось, между прочим, той ролью торговых посредников между Киото и Китаем, которую, благодаря своим связям с последним, они играли в редкие моменты сравнительной силы сёгуната династии Асикага *).

*) Превыспренние теории дзен-цев не мешали их монастырям стать главными убежищами самого откровенного разврата. Это они были насадителями педерастии в средневековой Японии. С другой стороны, они дали Японии один из лучших образцов живописи строгого стиля «черное и белое».

Если учение Дзен было полезно дравшимся друг с другом и с верховной властью феодалам, находившим в нем оправдание всем своим поступкам, то такую же роль могло в еще большей степени играть хорошо разработанное учение Вана, с его взглядами на индивидуальную совесть, как на высший авторитет. Именно, эта философия сделалась руководящей для исполнителей многих террористических актов, имевших место и в период Токугава, и при Мейдзи. И, что характерно, — очень многие из террористов рассматривались общественным мнением, как герои, как люди, достойные посмертных почестей. Таких почестей удостоилась жена сёгуна Цунайоси (собачника), зарезавшая его и зарезавшаяся тут же сама; некий Сано, убивший временщика Танума, обложившего в XVIII веке народ новыми налогами; один юноша, фанатик монархизма, зарезавший в 1890 году чересчур свободомыслящего министра и т. д. Знаменитый Окума, подвергшийся в 90 г. г. XIX века нападению террориста, тут же покончившего с собой, из собственных средств выплачивал его семье пенсию, так как считал, что поступок человека, лишившего его ноги, «был искренним». Поступок жандарма Амакасу, убившего анархо-синдикалиста Осути в 1923 году, тоже оправдывался многими, как «продиктованный искренним чувством», даже к поступку Намба отнеслись снисходительнее, чем этого можно было бы ожидать в такой монархической стране, как Япония.

Не нужно, конечно, доказывать, что в настоящее время идеология Вана служит гораздо чаще реакции, чем прогрессу, но во времена Токугава она была уделом тех элементов общества, которые прямо ли, косвенно ли — служили делу борьбы с застойным, крепостническим режимом, установленным династией Токугава. Отсюда антипатия последней к ее носителям и распространителям, роль которых в Японии была сходной с ролью пуритан, русских рационалистических сектантов и т. д. *).

Типичной в этом отношении фигурой является Кумадзан Бандзан, философ конца XVII и начала XVIII веков, который

*) Проповедь, подобная той, которую вели в Англии «люди пятой монархии», требовавшей устранения всяких властей и общности имущества, раздавалась в Японии еще в XV веке, и борьба с ее сторонниками заставила даже могущественного феодала Оуши (в Цусю-Нагато) увести своих солдат из Киото, где они обеспечивали влияние своего господина на двор.

в эпоху всевластия военных и жестоких гонений на христиан громко заявлял, что считает самураев настоящими паразитами, отличающимися от разбойников большой дороги лишь легальностью своего положения, а христианство рассматривает, как одно из многих суеверий, которое незачем преследовать. Из европейских деятелей он многим напоминает Мильтона.

Совершенно иного типа была философия Чжу Си, виднейшего из представителей той группы сун'ских (времени династии Сун) философов, которые, являясь номинально истолкователями классической конфуцианской литературы, на самом деле создавали свои собственные системы, которые, говорят знатоки, ничего общего не имеют с настоящим конфуцианством.

Мы не станем ни подтверждать, ни отвергать этого положения — займемся лишь разбором значения этой философии для эпохи Токугава.

В отличие от системы Ван Ян-мина система Чжу Си имеет определенно дуалистический характер. Природа в его глазах есть результат воздействия определяющего принципа на первобытную природу. Этот определяющий принцип, существующий извечно, совершенно независим от человеческого сознания, являющегося частью первобытной природы. Он руководит, природа же действует и изменяет. Никакого прирожденного знания у человека нет и не может быть. Единственное возможное знание — это знание реально существующих вещей и их отношений друг с другом. Следовательно, чем богаче и обширнее опыт, тем выше человеческое знание. Отношения между людьми, выражающиеся в нравственных представлениях, подобны отношениям между всеми остальными вещами, выражающимися в законах природы. Следовательно, нравственные инстинкты также мало могут быть познаны тем размышлением и самоуглублением, которое рекомендует Ван, как и все остальное в природе. Значит, и познание добра и зла, справедливого и несправедливого, вредного и полезного зависит, опять-таки, от степени опыта.

Приблизительно такова та теория, подробная разработка которой и в Китае и в Японии заняла множество людей и привела к созданию колоссального количества комментаторских сочинений. По мнению Грубе, одного из крупнейших знатоков Китая, эта философская система была последней по времени самостоятельной системой в Китае, появление которой отменило начало того периода, когда Китай в области отвлеченной мысли не двигался вперед, довольствуясь бесконечными ком-

ментариями и комментариями на комментарии*). Эти истолкования составили значительную часть той знаменитой энциклопедии, которая в рукописном виде представляла собою «том», толщиною превзошедший высоту Исаакиевского собора**). Толкования произведений Чжу Си занимали среди них немалое место, а в Японии ими были заполнены целые библиотеки. Но с 1868 года философия знаменитого китайца начала выходить из моды, и попытка возрождения ее в восьмидесятых годах окончилась безуспешно.

Но при Токугава она была не менее «официальной», чем даже в самом Китае во времена особенно ценившей ее маньчжурской (т.е. инородческой, чуждой Китаю) династии. И это неудивительно. В обоих случаях династии и тот класс, на который они опирались, пользовались властью не в силу чего-либо могущего быть истолкованным, как имеющее божественное происхождение, а по праву силы, и этот факт ничем прикрыть было невозможно. Следовательно, в обоих случаях нужна была философия, которая ставила бы во главе угла «действительное познание действительных вещей», а не мистико-монархические положения, которые могли бы завести совсем не туда, куда нужно было направить умы граждан.

С этой целью созданный в 1630 году Едо'ский университет (фактически — школа этики и философии) всячески поддерживался, а в 1789 году получил огромное обеспечение земель и деньгами и превратился в центральную высшую школу, в которую, однако, допускались одни только самураи. Такие же школы были открыты и во владениях многих феодалов. Никаких собственных суждений там не допускали; не только ученики, но и учителя были связаны обязательством строго руководиться уже написанным и известным. Режим для учащихся был страшно суров, а требования, предъявляемые к их памяти, были огромны. Последнее, скажем попутно, характерно и для современной японской средней и высшей школы.

Когда в токугавском режиме начали уже ощущаться тре-

*) То, что сказано выше о Ван Ян-мине, мало вяжется с мнением Грубе.

**) Эта энциклопедия, составленная при первых Мин'ах (с 1368 года), никогда не печаталась. В те времена китайцы еще плохо справлялись с разборным шрифтом, а на изготовление необходимого количества печатных досок не хватало средств. Рукописи, заготовленные в 3-х экземплярах, погибли от огня: два экземпляра в XVII веке, а последний в 1900 году, во время империалистических подвигов европейских усмирителей боксеров.

щины, правительство сочло нужным популяризовать Чжу Си и вне самурайского круга. Уже к середине XVIII века, сначала в Киото, а потом в Едо, открылись общедоступные школы этики, где опытные популяризаторы читали лекции, доступные пониманию не только безграмотных взрослых, но и детей. Однако, здесь преподносилась не философия, как таковая, а более или менее слаженные части с частью элементы буддизма, древнего синтоизма и официальной философии. Посещаемость этих школ была огромной.

Помимо этого, пронагандистами китаизма были нуждавшиеся в приработке голодные самураи. По данным середины XVIII века, в Едо было около 800 учителей, имевших в среднем по 50 учеников. Школы были и в деревнях, где, впрочем, учителями были, главным образом, священники. От оканчивающих такую школу требовалось умение читать буквенный текст, пользоваться важнейшими иероглифами, знание названий провинций и городов, умение написать письмо и понимание календаря. Была и специализация: сыновей купцов учили ведению торговых книг, сыновей рабочих начаткам мастерства, а девочек шитью и японскому «домострою». Обучать их иероглифам, без которых нельзя читать ничего, кроме легких романов, считали излишним. Чистописанье составляло один из главных, если только не самый главный предмет. Этика, в форме наставлений, занимала тоже немало времени. А так как время пребывания в школе измерялось 5—7 годами и процент детей, посещающих ее, был по тому времени достаточно высок, то китайское влияние успело широко распространиться в массах, и это сделало умственное воздействие верхов на низы достаточно прочным.

Не вдаваясь в оценку подобной школы, нельзя все же не отметить, что во времена Токугава процент умеющих пользоваться печатной книгой был в Японии выше, чем во многих странах Европы. Но если вспомнить, что мало-мальски серьезные книги печатались тогда почти сплошь иероглифами, а менее серьезные смесью иероглифов с буквами, то станет ясным, что сама по себе азбучная грамотность еще не была грамотностью в настоящем смысле этого слова. Постичь азбучную грамоту японскому ребенку в несколько раз легче, чем русскому, но выучиться читать любую книгу гораздо труднее. Так что усматривать в распространении элементарной грамоты демократизм токугавской монархии было бы просто неразумно.

Но в чем же заключалось то китайское влияние, которое разными способами насаждалось при Токугава и которое продолжает резко ощущаться в Японии и по сей день?

Прежде, чем ответить на этот вопрос, следует подчеркнуть, что Китай вовсе не является чем-то однообразным, однотонным и серым. Умственная жизнь Китая, как это видно уже из рассказанного о Чжу Си и Ван Ян-мине, знала множество оттенков и множество несогласий. В эпоху феодальной борьбы, охватывающей время с VII по III в. до нашей эры, в Китае шла не менее напряженная борьба и в области мысли. Эпоха Танской династии (618—906 г. г. н. э.) тоже была достаточно яркой и красочной. Между учением Лао Цзы и учением Конфуция нет ничего общего. Между толкователями Конфуция бывали самые резкие стычки по самым основным вопросам. Сочинения Мэн Цзы, случалось, выбрасывались из японских библиотек*). Однотонность, «сонливость» Китая — это уже продукт особых условий, возникших в период разложения мандаринского государства. Следовательно, говоря о китайском влиянии, нужно определенно выяснить, о каком именно влиянии идет речь.

Самый экономный ответ на этот вопрос может быть дан одним словом: закрепощение. То, что хотели насадить и что сравнительно основательно насаждали в Японии при Токугава, было сознание зависимости каждого человека по отношению к другому. Сын и дочь должны беспрекословно подчиниться отцу, жена — мужу, сестра — брату, младший брат — старшему, слуга — хозяину, вассал — господину, феодал — сёгуну. Интересы лиц должны приноситься в жертву интересам семьи, интересы семьи — интересам клана. Можно ухаживать за проституткой, можно заводить наложниц, но жениться можно только на том, кого выберут родители, которые лучше со-

*) Пишем это со слов Чемберлена. Мын Цзы (или Мэн Цзы) установил тот принцип, что права всякого носителя власти определяются его личными достоинствами. Эту мысль он доводил до логического конца, провозгласив безусловное право граждан на восстание против дурного монарха. (Мын Цзы жил в IV веке до нашей эры, т. е. до установления единодержавия). Отсюда выросла «китайская» идея монархии, противопоставляемая «японской», которая видит источник права монарха в его божественном происхождении. Нужно, однако, отметить, что элементы «японской» идеи были и в Китае. Так, династия Тан (618—906 г. г. нашей эры) производила себя от Лао Цзы, основоположника учения Дао, но и она, как и все другие династии, стала у власти исключительно благодаря грубой силе; это было слишком очевидно для самого не критического ума, и сторонникам каждой новой династии приходилось прибегать к объяснению успеха своих господ их «добродетелями». Так, постепенно китайская идея укрепилась.

образят, какая молодуха нужна для их семьи, — не для жениха. Нужно заботиться о своих детях, но если случится, что ради спасения хозяйского сына нужно убить своего, то это необходимо сделать (и такие случаи были). Если нужно отомстить за смерть господина, рискуя стать при этом уголовным преступником, то нужно пойти на такую крайность, потом спокойно разрезать себе живот и утешаться мыслью, что будешь за это после смерти провозглашен героем. Если нужно спасти родителей от банкротства, то можно и должно отправиться к торговцу живым товаром и осудить себя на болезни, преждевременное увядание и смерть. Если невозможно добиться родительского согласия на брак с любимым человеком, то лучше устроить совместное самоубийство (даже слово есть особое: синдзю), чем грубо нарушить запрещение. И так далее, — примеров можно привести множество.

Вот вся эта мерзость и называется воспитанной на китаизме японской этикой, и эта этика далеко еще не исчезла: в любом номере газеты можно натолкнуться на случай «синдзю»: один из популярных, почти современных романов посвящен трагедии разрыва любящих супругов, которых развела сварливая старуха — мать; в школах эта мораль и по сегодняшнему день служит «законом божьим» и, что самое скверное, все еще продолжает рассматриваться учащимися с почтением. Она вредит рабочему делу и способствует лакейской работе желтых союзов. Она создает семейные трагедии, которых у нас просто не могло бы быть. Она поддерживает всякую реакционную мерзость более успешно, чем пошлые проповеди христианских попов. Таково это отвратительное наследие токугавских времен. (Интересующимся этим вопросом подробнее рекомендуем брошюру профессора Спальвина «Конфуцианские идеи в этике японского народа»). Новая японская монархия, как видит читатель, многое удержала от идеологического оборудования Токугавского сёгуната, которому она в свое время противопоставила свою собственную идею.

Это была идея легитимизма, идея «законной» монархии.

Но сначала о положении тенно (царя) при сёгунах.

Чтобы понять, какую роль в политической жизни старой Японии играл двор царя, полезно вспомнить о значении римского папы, а еще лучше о роли патриарха российской церкви. Подобно тому, как выскочки-Романовы нуждались в патриархате, в качестве органа, легализирующего их власть и освящающего ее своим высшим, из глубины веков идущим непрерываемым авторитетом, так и точно такие же выскочки, такие же лишенные связи с исторической традицией, Токугава нужда-

лись в санкции какого-нибудь достаточно авторитетного института. Но как Романовы умели одернуть Никона, когда он слишком зазнался, так и Токугавы умели дать почувствовать царскому двору свою тяжелую лапу. Токугавы, как уже знает читатель, не первые сумели использовать, приручать и карать царей: Йоритомо, дом Ходзё, Асикага и диктаторы XVI века делали это не менее основательно, но только иногда грубее. Что все они никакого почтения к сменяемым им пешкам не питали, это уже известно. Но что они (подобно европейским государям в отношении пап) все-таки опасались просто дать царям по шапке, — это несомненно. Впрочем, один из кюотских канрио подумывал и об этом.

«Тенно совершенно бесполезен», — откровенно заявлял он, — «из-за него только зря тратятся средства. Но некоторые находят, что он все же необходим. Прекрасно. Сделайте деревянного идола, назовите его, как хотите, и служите ему, если это вам нравится».

Но дальше слов у него не пошло. Живая «деревяшка» сохранилась. Быть может, суждение, подобное этому, было не слишком обычным для того времени, но, с другой стороны, мы знаем, что когда Китабатаке, один из военачальников Го-Дайго-тенно, написал (в середине XIV века) памфлет о «божественном происхождении японских царей», то он не нашел читателей. Его труды были отпечатаны лишь через четверть тысячелетия. Да к тому, и самая страстность тона Китабатаке показывает, что проповедываемое им учение не было тогда общепризнанным.

Для династии Токугава «идол» был, пожалуй, еще нужнее, чем для прежних сёгуновских династий, и они сделали все возможное, чтобы царский двор исправно выполнял свои идольские обязанности. Царей и его придворных кормили хорошо, неприятностей, вроде испытанных Го-Дайго и Го-Тоба, им не причиняли, надлежащую обстановку им создали, но зато свободы их лишили окончательно. Если в Камакурском периоде власть царя была ограничена сёгуном на, скажем, 70—80%, если при Асикага царь был порой оскорбляем, то при Токугава он стал не более, как своего рода чиновником сёгуновского правительства. В его «праве» жаловать сёгуну звания и награды было не больше «суверенности», чем в праве русских митрополитов возлагать корону на очередного государя.

Лишь при Токугава дело зашло настолько далеко, что среди бесконечной вереницы всевозможных постановлений и указаний, в которых разъяснялось, что гражданам есть, сколь-

ко шить, какие шить платья для кукол, какой формы употреблять дорожные чемоданы и т. д. и т. п., появились и такие правила, которые регулировали всю внутреннюю жизнь царского двора и его обитателей. У сёгуната хватало даже времени обдумать, какого именно вида и цвета должен быть царский колпак.

Предусмотрено было и все, что касалось общения двора с внешним миром. Среди этих постановлений наиболее любопытным оказалось то, которое касалось поездок феодалов через Киото. Как правило, они воспрещались вовсе, и, таким образом, даймино, путь которого в Едо лежал через древнюю столицу и который не удосужился запастись особым удостоверением, вынужден был (с 1615 года) объезжать царский город стороной. Но если он и получил сёгунское разрешение на осмотр Киото, он все же не смел ходить дальше определенной улицы, иначе ему грозило обвинение в подготовке заговора. Целый ряд других таких же ограничений сводился в общем к тому, что тенно оказывался лишь в курсе тех событий, о которых ему считал нужным говорить находившийся при нем сёгунский комиссар. Придворные аристократы были приблизительно в таком же положении.

Но теоретически тенно все же был государем, хотя и было установлено, что ни одно его распоряжение, без печати сёгуна, не является действительным, и что все феодалы и чиновники исполняют распоряжения лишь сёгуна. Впрочем, все это имеет лишь академический интерес. Вернемся к основной теме, — об идее легитимизма.

Та идея, которую выдвинул в XIV веке никем тогда не услышанный и нецененный Китабатаке, сводилась в сущности к тому же, о чем со слов византийцев трактовал Курбскому Иоанн Грозный, и о чем теоретизировал при Людовике XIV Боссюэт, или что выдвигалось постоянно прусскими королями. Вся разница заключалась лишь в том, что европейские государи знали историю происхождения своих династий, а в Японии не знали. Поэтому в Европе навывдумывали разные пустяки о помазании миром, о соответствующих строках в апокалиптических посланиях и т. д., а в Японии просто валили, что царь, дескать, непосредственный пра-пра-пра и т. д., внук самого бога, точнее: богини, и что всякий, кто в этой истине сомневается, есть достойный всяческих наказаний преступник. При этом пояснялось, что и вообще японский народ, не в пример всем остальным, ведет свое происхождение от божественных предков, а потому может смотреть на весь остальной мир сверху вниз.

Подобная идея монархии, весьма реакционная на первый взгляд, в японских условиях имела совсем не такое значение, как Боссюэтовская. В конкретных условиях японской действительности, она, как это ни странно, имела значение революционизирующее. И когда Япония сбрасывала токугавские цепи, именно, лозунги легитимизма (исторической царской власти) собрали вокруг себя творцов новой Японии.

Чтобы понять это, нужно знать, что любой «кангакуся» (знаток китайской философии) токугавских времен, был склонен рассматривать все японское, настоящее и прошлое, как нечто варварское, достойное презрения; в большинстве случаев, он знал историю своей родной страны хуже, чем китайскую, своим родным языком в литературной речи не пользовался, а иногда доходил до таких крайностей, что вместо слова «японцы» писал «восточные варвары» (в отличие от европейцев — «западных варваров»), а о японских царях говорил, как о потомках беглого китайца. Примерно, так относились бы, вероятно, к своим народам европейские схоластики, если бы рядом с их странами сохранились во всем своем блеске Греция и Рим *).

Но кангакусы были официальными идеологами токугавского режима, и то, что они говорили и чему учили, не должно было опровергаться. Таким образом, непосредственная борьба была бы слишком опасной. Вот почему сторонникам изменения существующего строя пришлось пойти окольным путем, путем лже-научных исторических исследований, заранее намеченной целью которых было доказательство незакономерности самого существования сёгуната. А так как Япония еще не доросла тогда до того, чтобы противопоставить существовавшему режиму народовластие (ведь Япония не имела развитой городской жизни до XVII века), то оставалось только вытаскивать из забвения китоского статиста, а вместе с ним печатанную болтовню Китабатаке. Это был самый безопасный путь: сёгунат, как выяснено, и сам нуждался в наличии известного ореола вокруг послушного ему квази-государя.

Вот почему первые попытки в этом направлении не только не встретили отпора, но и получили поддержку со стороны одного из провинциальных членов токугавского дома — даймино района Мито. Но когда изготовленный в Мито труд «Дай

*) Из этого видно, что «кангакусы» XVIII века в своем подходе к древней истории Японии были гораздо менее наивны, чем многие из нас позволим сказать, «историков» нового времени. Впрочем, последние должны были наивничать по долгу службы.

Нихон си» (Великой Японии история) подходил к концу, сёгунат насторожился и стал смотреть на книгу с подозрением.

Такого же рода осторожным политическим памфлетом, написанным с очень малым уважением к истине, но зато с большой злобой против не-токугавских хотя, а давнишних сёгунов и временщиков, была «история Нихон Гайси» (перевод которой на русский язык сделал умерший профессор Владивостокского Восточного Института Мендрик). В ней тоже проводилась между строчками мысль о незаконности власти сёгунов.

Эта окольная, медленная работа, оказалась все же очень успешной, что объясняется, конечно, не каким-нибудь особенным глубокомыслием китаефобов и сёгуноненавистников (некоторые из них были, впрочем, очень талантливыми людьми, например, Мотоори, филолог, стилист и историк, философ и критик), а наличием в японском обществе тех элементов брожения, которые должны были либо довести дело до успешной революции, либо до бесплодного бунта, за которым начался бы период гниения.

История оказалась милостивой к Японии. Работа «вага-куся» (представитель японской науки, в противовес китайской) принесла желательные плоды. Их лозунги объединили недовольных, и режим токугавской казармы в конце концов пал.

Но прежде, чем перейти к описанию периода токугавского крушения, нам надо остановиться на некоторых других сторонах жизни японского народа Токугавского периода.

Наиболее существенным явлением токугавской Японии, явлением, обусловившим остальное, было выступление новых классов, до тех пор не игравших почти никакой роли в определении развития умственных течений, искусств, литературы и прочих элементов духовной культуры. Конечно, купечество и другие слои населения существовали гораздо раньше, но что они делали помимо выполнения своих рутинных дел, чем жили, что любили, — обо всем этом мы знаем очень мало.

Не то в Токугавский период. Теперь купечество, ростовщики, ремесленники, уже фактически не стояли на нижних ступенях общественной лестницы. Хотя, с точки зрения закона, их сословия были ниже, чем крестьянское, но другие, более сильные факторы заставляли гордых самураев искать дружбы с презираемыми торгашами, родниться с ними, вступать в деловую зависимость от них и вообще «опускаться до них». На этом дело не остановилось. Уже в середине XVIII века

ясно определилась склонность части самурайских семейств даже в быту подражать нравам остальных горожан, усваивать их вкусы, язык и привычки. Роли переменились. Еще в XVII веке каждый купеческий сынок хотел во что бы то ни стало походить на «буси» (воина), заводить длинейший меч, отращать традиционный самурайский шиньон, копировать жесты самураев, их походку и прочее. Теперь самурай и его жена незаметно для себя приобретали мещанский вид. Характерным продуктом такого взаимодействия были так называемые городские «отокодаке»*), по внешности подражавшие самураям, но вместе с тем противопоставлявшие себя тем из представителей военного сословия, которые имели скверную привычку относиться к невоенным, примерно, как ныне наши офицеры относились к «шпакам». Такой отокодаке усваивал себе кое-что из самурайского рыцарского кодекса, но применял его против самураев же. Этот тип был очень распространен в токугавские времена и это, главным образом, он был известен под кличкой Едо ко (сын Едо) — тип рубахи-парня, доброго товарища, не дурака выпить, не любящего копить деньги, компанейца и задиры. Этот тип живет и поныне, но в гораздо худшем издании, в виде фашиста, политического спекулянта, изобразителя (часто за деньги) «общественного негодования» и т. д. Обычно ему противопоставлялся тип кйтосца, слишком вежливого, сребролюбивого, лукавого и хитрого.

Таким образом, даже как тип рыцаря, самурай начал терять свою монополию. Даже в этом начале замечается «засилье» горожан. Тем менее приходится удивляться, что при той сравнительно высокой грамотности, какая была в Японии, вкусы горожан должны были сильнее и образнее отразиться на литературе, драме и изобразительном искусстве. И действительно, уже в XVIII веке совершившаяся в этой сфере перемена бросалась в глаза.

Японская литература Нарского и Хейанского периодов была сплошь аристократической, даже просто придворной. В период до-токугавского феодализма в общем довольно бедного по числу литературных произведений, наряду с древней аристократией, выступают представители военного сословия и, конечно, монахи, т. е. в сущности те же военные или аристо-

*) Слово «отокодаке» означает смельчак. И, повидимому, оно в разные эпохи имело неодинаковый смысл. Об отокодаке времен Ода Нобунага мы уже говорили. Эти же отокодаке были гораздо более мирным типом.

краты по происхождению. Но теперь на литературной арене появляются уже и дети города, хотя самуран, как наиболее грамотная часть населения, составляют все же большинство пишущей братии. Но и самые условия писательства, и способ распространения написанного теперь иной. Писатель пишет уже не для себя и не для ближайших друзей, а на рынок, и, написав, несет свое произведение к издателю, иногда своему же брату самураю, сменившему меч на более прибыльное занятие, а иногда просто купцу. Литературный материал становится товаром и подгоняется под вкусы массового читателя, а этот читатель желает иметь не собрание изящных афоризмов, не сантиментальную безделушку, а сенсационные убийства, страшные приключения в придорожной гостинице, смелые совпадения, привидения и ну еще всего порнографию. Именно порнография-то и была самой характерной стороной литературы Токугавской эпохи.

Но эпоха эта дала не только порнографию и сенсационность, она дала и хорошо выполненную реалистическую повесть, дала прекрасно изображенные литературные типы, дала быт.

Поэзия тоже обогатилась новыми формами, еще более короткими, чем древняя танка, и еще более вызывающими желания использовать свою силу.

Огромный шаг вперед сделан был в драме. До тех пор существовал лишь театр, понятный для избранных, театр аристократический, не знавший иных сюжетов, кроме заимствованных из мифологии и легенд. Теперь же создается народная драма, презираемая педантами, но захватывающая любого горожанина, от богатого купца до бедного кули. Трудно найти другой народ, у которого любовь к театру была бы такой распространенной, как в Японии. Это развилось при Токугава.

Помимо театра тогда же появился целый ряд других видов увеселений, быстро уничтожавших первоначальную военную суровость жизни Едо. Тогда же (в XVIII веке) появляется нечто вроде газеты.

Таким образом, весь облик жизни Японии, несмотря на все предписания, ограничения, рогатки и прочие прелести тогдашнего режима, быстро демократизируется. Это было признаком приближавшейся перемены. Но могла ли произойти она так скоро без толчка извне — это вопрос открытый. Нам, по крайней мере, кажется, что те силы, историческое предназначение которых заключалось в свержении токугавского режима, не укрепились достаточно к середине XIX века. Вмеша-

тельство Запада сыграло роль кесарева сечения, и новая Япония оказалась недоноском.

Чтобы яснее поставить этот вопрос, необходимо хотя бы вкратце рассказать о тех влияниях, которые проникли в токугавскую Японию с Запада. О китайских влияниях мы говорили уже достаточно.

Западные влияния и внешние сношения.

Как ни прочна была та стена запретов, которые выдвинули правители Японии в XVII веке, полного перерыва сообщений с внешним миром все же не было, и европейское влияние, хотя и слабо, продолжало проникать в Японию. Между прочим, многие из тех предметов, которые кажутся типично японскими, на самом деле были заимствованы у европейцев: вот как раз в этот период самоареста, или же до его начала. Таковы, например, японская «кая» (сетка от москитов), некоторые японские лакомства, затем архитектура феодальных замков и т. д. Проводниками европейского влияния были в ту эпоху служащие голландской фактории на Десима, островке в Нагасакской бухте. Хотя большинство этих людей было малокультурно и необразовано, но изредка между ними оказывались все же и такие, у которых японцам было чему поучиться. К их числу принадлежал некто Кемпфер (1651—1716), первый европеец, который заинтересовался Японией не только, как местом для христианской пропаганды. Чемберлен отзывается о нем, как о человеке «научно открывшем» Японию.

Кемпфер, вестфалец по месту рождения, успел до 1690 г. побывать в России, Польше, Швеции, Персии, Индии, Яве и Сиаме и, наконец, попал в Японию, где он жил до 1693 года, после чего вернулся к себе на родину, чтобы там заняться медицинской практикой и составлением обширного труда о Японии, в котором он дал очерки ее истории, географии, религий, бытовых особенностей, фауны, флоры, производств и т. д. Но произведение его увидело свет лишь после его смерти, да и то не в оригинале, а в переделках; своевременному изданию книги помешал ее совершенно исключительный по сухости стиль.

Во времена Кемпфера представители фактории еще допускались в Едо, куда они ездили поздравлять каждого нового сюгуна (по Чемберлену, их вызывали туда в качестве чего-то вроде шутов), с начала же XVIII века в Едо не проникал в течение полутора лет ни один европеец.

Но кое-какие книжки, обрывки разных наук, в столицу сёгуна все же попадали, хотя ищущим новых познаний приходилось иногда туго: цензура строго следила за тем, чтобы ничего опасного для режима из Десима не выходило. 1670 год отмечен переводом первой светской европейской книги — басен Эзопа. В период с 1717 по 1745 г.г. японцы знакомятся с основами европейской ботаники, географии, математики и астрономии. Один из сёгунов стал даже астрономом-любителем и лично наблюдал небо в приобретенный в Десима телескоп. Находились уже японцы, которые умели предсказывать

У входа в один из храмов в Никко.

солнечные и лунные затмения. В 1765 году в Едо открывается первая медицинская школа, пользующаяся теми отрывками знаний, которые были усвоены от голландцев.

Правительство не то, чтобы не желало допустить в страну «голландскую науку» — оно-то ничего не имело против нее, поскольку она могла быть полезной ему, — но оно боялось, чтобы знания голландцев не проникали в широкие массы, и вот «виновные» в контрабандном приобретении знаний или в покупке голландских книг (а они ценились тогда на вес золота) шли, случалось, на эшафот. С точки зрения сёгуновских юристов, Ито и Ииноуэ, которые впоследствии сыграли огромную роль в новой истории Японии, были уголовными преступниками: они самовольно отправились учиться в Европу,

Одной из любопытных черт сёгуновского режима было преследование всех тех авторов и книг, которые трактовали о возможных для Японии внешних опасностях. На первый взгляд это кажется просто идиотическим. Что, например, можно сказать о таком случае. В 1786 году у берегов Японии появилось русское судно, а вслед за ним, со сравнительно большими перерывами, появлялись другие суда, которые, отклонившись от своего пути из Охотска в Камчатку, должны были заходить в японские порты за водой, что было нелегально и поэтому приводило к столкновениям русских моряков с японцами. Некто Хаяси Сихей, один из тех, кого встревожила мысль о вероятном усилении требовательности русских, написал книгу, где говорилось о «северном хищнике», пожравшем много стран и народов и уже добирающемся до Японии, и выдвигалась необходимость озаботиться обороной берегов страны. Казалось бы, правительство Токугава, еще осноположник которого, Иеясу, позаботился перед смертью о принятии мер против вероятных нападений как с юга, так и с севера, должно было наградить автора за патриотическую заботу. Но на деле вышло иначе: несчастного автора засадили в тюрьму, из которой он уже больше не выходил; он умер в 1792 г. Разгадка столь странного поведения властей проста: каждый труд, вроде упомянутого, рассматривался правительством как своеобразный политический памфлет, направленный против существующего строя. И оно не всегда было неправо.

Между тем, признаки внешней опасности множились. В 1793 году на Хоккайдо (его звали тогда Ядзо, или по имени недолговечного феодального дома «Мацумае») произошло новое столкновение с русскими. В 1804 году русское судно без разрешения вошло в Нагасаки и простояло там почти пять месяцев, требуя права торговли. В 1806 году произошли новые столкновения на севере, при чем русские угрожали расправой. В 1807 году русские проникли на один островок на севере. А в 1808 году в Нагасаки очень развязно повели себя тоже без спроса забравшиеся в этот порт англичане.

Затем как будто бы полегчало. При всей своей оторванности от Запада, японцы все-таки знали, что там делается, и когда Наполеон занял Москву, они с торжеством сообщили об этом находившемуся у них в плену капитану Головину (автору книги о Японии) и его подчиненным. Действительно, поведение русских было с той поры более вежливым. Англичане тоже не тревожили больше японцев.

Тем временем дела в самой Японии были достаточно скверны. Произошел целый ряд крестьянских восстаний.

В 1821 году была чума. В тридцатых годах были неурожай и финансовые затруднения. В 1837 году в Осака произошел голодный бунт, во главе которого стал судебно-полицейский чиновник, до тех пор лояльный сёгуну и гроза жителей. Это был опасный признак.

А дальше — новые сюрпризы. В 1842 году предмет обожания Японии, великая Срединная Империя, до тех пор расширявшая свои владения, вынуждена подписать униженный договор с Англией, а в 1844 году дружественная Голландия официально предостерегает сёгуна, что если Япония сама не откроет для иностранной торговли своих портов, то с нею будет то же, что только-что случилось с Китаем, где условия торговли в Кантоне были в основном такие же, как в Нагасаки. В 1864 году с предложением открыть страну являются американцы, производящие своими «колоссальными» судами сильнейшее впечатление на японцев (что еще более усиливает это впечатление — это появление их не в Нагасаки, а в Урага, в нескольких верстах от столицы сёгуна). В 1847 году голландцы шлют новое дружественное предостережение, но ответа не получают. Правительство занято подготовкой своих войск. Оно все еще думает, что Япония может остаться при своих старых порядках и в то же время быть способной ограждать себя от западного хищничества. Но дальнейшие события рассеивают эту иллюзию. Это происходит семью годами позже. Об этом мы расскажем в соответствующем месте, а здесь дополним сказанное некоторыми данными о сношениях Японии с другими государствами *).

Речь идет о Китае, Корее и маленьком королевстве Рюкю (на островах между Японией и Формозой).

Получив неприятный урок в Корее в 1598 году, японцы семь лет подряд опасались нашествия мстителей. Но японцы боялись корейцев, а корейцы японцев. Дело закончилось вполне мирно. В 1605 г. корейское посольство явилось в Японию, привезло дары, и с тех пор оба государства считали себя в мире друг с другом. В 1609 году Япония опять была вовлечена во внешнюю войну, но только совсем маленькую. Ее противником было Рюкю, которое без труда было приведено в по-

*) Все приведенные здесь даты взяты из книги Костылева. Нужно предупредить, что данные о прежних японо-русских сношениях не совпадают в разных источниках. Проф. Позднеев занимался этим вопросом специально, но у нас, к сожалению, нет его книги. Интересно еще отметить, что в 1824 году в Японии напечатана первая книга, автор которой пытался дать общую картину жизни в России.

корность войсками даймбата Сацума. С тех пор Рюкю числилось на бумаге вассалом Сацумы и косвенно сёгуна. Но, насколько нам известно, Япония только раз осуществляла свои сюзеренные обязанности. Это случай с истребованием с голландцев сумм на покрытие ущерба, нанесенного ими жителям Рюкю. Лишь в 1873 году Рюкю перестало платить дань Китаю и стало частью Японской империи окончательно.

Дипломатические связи с Кореей продолжались и впредь, но в целях экономии ее представителей принимали не в Едо, а во владениях феодала Со, на Цусима.

В 1658 году из Китая прибыли представители сторонников Миньской династии, упорно защищавшиеся на юге и просили у сёгуна помощи против маньчжур. Но, очевидно, сёгунат не считал себя достаточно сильным, чтобы сразиться с этим, едва вышедшим из состояния варварства воинственным народцем. Быть может, правители Японии вспомнили о том сопротивлении, которое в 1592 году оказали маньчжуры, вторгшейся в их страну северной колонне, действовавшей в Корее японской армии. Так или иначе, Япония категорически отказалась от вмешательства в дела Китая и не допускала помощи даже сохранившим свою независимость жителям Формозы.

Отношение Японии к китайцам, ведшим торговлю с Японией через тот же порт, что и голландцы, — через Нагасаки, — было лучше, чем к их конкурентам... Следка за ними была слабее и жили они не на острове, а в самом городе, только в особом квартале. А еще раньше, до 1689 г., они даже имели право передвижения по стране. Помимо этого им позволяли торговать в больших размерах, чем голландцам. Некоторые из них оставались в Японии совсем.

Среди же европейцев натурализовавшийся был только один, да и то в тот период, когда страна еще не была окончательно закрыта. Это был английский моряк высокой квалификации Адамс, первый научивший японцев строить большие корабли, впоследствии, как известно, запрещенные к постройке. В Японию он попал в 1600 году и умер там в 1620. Он пользовался почетом и милостями, завел японскую семью и вообще не имел особых причин для жалоб. Его дневник и записки видевших его европейцев любопытны, как рисующие тогдашние нравы, какими они представлялись европейцам. Приведем маленькую выдержку из дневника одного из гостей Адамса.

«Хемп — ден, подаренный капитану Уилл Адамеу старым императором (это значит — сёгуном; о существовании другого «императора» гость, повидимому, не догадывался) на вечное

время и закрепленный за его сыном Иосифом. В нем имеется свыше ста ферм или домохозяйств, помимо других, подчиненных им. И все они — его вассалы. И он (Адамс) имеет власть над жизнью и смертью их. Они его рабы. И он имеет абсолютную власть над ними, как всякий тоно или король в Японии имеет над своими вассалами.

При Токугава бывали и случаи прибытия японцев в соседние страны. Обычно это бывало результатом аварии рыбачьего судна. Так, при Петре Первом попал в Россию японец, ставший впоследствии учителем неудачной школы японского языка в Иркутске. Через полстолетия два другие японца были доставлены в Петербург. Такого же сенсационного типа были и все остальные случаи попадания японцев за границу.

В общем и целом Япония эпохи Токугава была все же настоящей затворницей. Число европейцев, когда-либо вступивших на почву Японии (не считая Нагасаки и севера), было в XVIII веке немногим больше, чем в настоящее время людей, доходивших до Южного полюса.

Бурный период японской истории (1853—1877 г.г.).

Международное положение Японии.

В тот самый год, когда излишне дальновидный японский патриот умирал в тюрьме за свое предсказание о нависшей над его страной «северной опасности», очень скромная, очень почтительная британская дипломатическая миссия прибыла в Пекин, выполнила там все обряды, которые были обязательны для послов вассальных государств, но все же ничего не добилась и, не солоно хлебавши, вернулась на родину. Это было в 1793 году, на самой заре развития машинной промышленности в Европе. Япония, гораздо более далекая от Лондона, в десять раз менее населенная, чем Китай, а к тому же менее известная, повидимому, мало интересовала «царицу морей».

Но вот прогремели требовавшие так много внимания к себе наполеоновские войны, установилось в Европе политическое равновесие, быстро развилась фабричная промышленность, и Англия открывает новую страницу своей дальневосточной политики. Время любезничаний, просьб, а порой и добровольных унижений, кончилось. Англия настаивает и требует. А в 1839 году она обрушивает на Китай свою военную мощь и в 1842 году превращает гордую своей четырехтысячелетней культурой страну в полуколонию. Япония, однако, все еще вне внимания капиталистических держав. Ее пока только «предупреждают», «дают советы».

Наступают пятидесятые годы. Кривая экономического развития в Англии и вслед затем в ряде других стран резко поднимается вверх. Погоня за рынками обостряется, и населенные страны, могущие стать покупателями, уже не могут рассчитывать на незаинтересованность западных капиталистов в их делах.

К этому, к основному, присоединяется целый ряд частных, привходящих факторов. Среди них крупнейшее значение для судеб Японии приобретают три. Это — открытие золота в Калифорнии, развитие китобойного промысла в ближайших к Японии водах, и начинающееся в Тихом океане вытеснение парусного флота паровым, нуждающимся для своего нормального функционирования на этих колоссальных просторах в хо-

рошо устроенных угольных станциях. Перечисленного здесь было более чем достаточно, чтобы побудить наиболее заинтересованную в тихоокеанских водах страну приступить к разрушению той стены, которую так тщательно воздвигала в течение двухсот с лишним лет токугавская бюрократия. Эта страна — Соединенные Штаты Америки.

В 1853 году в Едоский залив входит незванный, непрощенный, 4-х корабельный отряд командора Перри и передает «императору» (сйогуну) Японии письмо президента С. Ш. А., в котором в очень мягкой и вежливой форме токугавскому правительству предъявляется ультиматум. В следующем, 1854, году под командой того же Перри, является уже десять кораблей. Корабли входят в Урага (близ Йокохама) 13-го февраля, а 31 марта правительство императора-сйогуна вынуждено уже подписать первый в истории Японии договор о торговле *).

Осенью того же года она подписывает договор с Англией, в 1855 году с Россией, а в 1856 году с Голландией, т.-е. с той страной, которую Япония рассматривала до сих пор, как своего «вассала», — наряду с Рюкю и Кореей.

Но это было только начало.

В 1857—58 г. г. англичане и американцы берут на себя инициативу вынуждения у сйогунского правительства новых договоров, составленных по типу уже испробованных в Китае, где в то же самое время англичанами и французами вырываются новые громадные уступки, и где Россия добивается территориального приращения на Амуре (одновременно происходит усмирение восстания сипаев в Индии, расширение английских владений в Африке и Юго-Западной Азии, подготовка французов к захватам в Индо-Китае, и ликвидируется англичанами ставшая помехой для основательной колониальной «работы» Ост-Индская Компания). Япония опять вынуждена уступить, но эта уступка дается в такой обстановке, когда сйогунату, подписывающему договоры одной рукой, приходится рубить другой рукой головы своим противникам, выступающим под лозунгом «долой сйогунат, долой иностранцев».

Как в тогдашнем Китае, где уступки вырывались от центрального правительства в момент его напряженной борьбы с Тайпинскими повстанцами, так впоследствии в 1900 году

*) Почти одновременно в Нагасаки пришел русский фрегат «Паллада», на котором был Гончаров. А вслед за «Палладой» прибыла «Диана», погибшая в Японии во время землетрясения. Детали этого читатель найдет в «Через 20 лет» — приложение к «Фрегату Палладе».

в том же Китае дальнейшие уступки капиталистическим странам делались под шум внутренней смуты, так и в Японии неравноправные договоры конца пятидесятих годов заключались в момент наивысшего напряжения внутренней борьбы. То, что Тайпинское восстание шло под более или менее прогрессивными лозунгами, а в Японии, как и в тогдашней Индии, под знаменем возвращения к старине, является в сущности только деталью, — деталью, о которой следует упомянуть, но которая, как показало дальнейшее развитие событий, не изменило основной линии.

Внутренние затруднения, испытанные сйогунатом в пятидесятых годах, в дальнейшем усиливаются еще более. Начинается обоюдный террор, жертвами которого являются и враги сйогуната, и высшие представители сйогунской бюрократии, и, наконец, те иностранцы, которые согласно договорам обосновались в Японии.

Иностранцы отвечают на террор против их представителей бомбардировкой города Кагосима, столицы того клана, членами которого совершено было убийство. Это первое применение оружия со стороны искателей рынков имело место 14-го августа 1863 года, и это событие сыграло огромную роль в дальнейшем развитии внутренней борьбы в Японии.

Движение против иностранцев усиливается. Непримириемые националисты берут верх, и в порту Симопосеки, в центре своего влияния, решаются на обстрел стоявших там американских, французских и голландских судов. Это происходит в день, «назначенный для изгнания иностранцев».

Расправа, конечно, не заставляет себя долго ждать, и 5 сентября 1864 года соединенные эскадры «оскорбленных держав» и пожелавшей «выказать свою солидарность» Великобритании устраивают вторую бомбардировку, — на этот раз Симопосеки.

Японии предъявляются новые требования, в том числе и о контрибуции, выплатить которую правительству сйогунов было трудно. Оно и без того испытывало серьезные денежные затруднения и уже не имело сил заставить феодалов вносить деньги в едоскую казну.

Между тем наглость насильников все увеличивалась. В 1866 году, предъявив требования об открытии для иностранной торговли портов Осака и Хиого (ныне Кобе), они подкрепляют свое требование морской демонстрацией в Хиого, т.-е. в морских воротах столицы самого царя, ставшего теперь живым знаменем националистов. Это было последним из тех крупных событий, которые способствовали собиранию анти-

сйогуновских сил. В Японии начинается открытая гражданская война, первая со времени Симабарского восстания в 1637 г. Результатом ее было падение сйогуната и превращение Японии в страну, управляемую представителями победивших его четырех феодальных кланов, выдвинувших в качестве номинального главы потомка древних царей Кйото (1868 г.). Столица была перенесена в Едо, переименованный теперь в Токно (правильнее Токё), что означает «восточная столица». Это событие имело то значение для дипломатии, что господствовавшая до тех пор путаница в деле ратификации договоров исчезла. Прежде «император», сидевший в Едо, нынешнем Токно, мог отвиливать, ссылаясь на безвольную фигуру другого «императора», коптившего небо в Кйото. Теперь император был один, и его подпись решала дело.

Император отметил эту перемену приглашением иностранных представителей во дворец, где был устроен прием на европейский лад. Затем начался тот период реформ, который окончился превращением Японии в государство «западного типа» и вступлением ее на арену империализма, что выявилось в войне 1894—5 года с Китаем.

Период японских реформ и подготовки к войне с Китаем почти точно совпадает с периодом мировой экономической депрессии, начавшейся грандиозным кризисом 1873 года и закончившейся лишь в 1894 году, году, когда разразилась японо-китайская война. В области колониальной деятельности он отмечен, правда, возникновением германской и итальянской колониальных империй и захватом англичанами Египта и Кипра. Но на Дальнем Востоке он был сравнительно мирным. Наступление на Китай, если не считать захвата его номинальных вассалов Тонкина и Бирмы, не выражалось в слишком резких формах, и Китай, подобно Японии, мог приступить к внутренним реформам, не испытывая больших помех извне. И он действительно приступил к ним, хотя и далеко не в таких радикальных формах, как Япония. Но они все-таки были.

Мы не случайно отклонились в эту сторону. Этот факт «пробуждения» Китая, приблизительно, в одно время с Японией, следует не только упомянуть, но и подчеркнуть. И в него нужно вдуматься. Пора, наконец, бросить нелепый предрассудок, выросший на полнейшем игнорировании действительности, будто японцы, что-то там поняли, а китайцы не поняли и будто из-за этого одни пострадали, а другие показали себя непохожими на «остальных азиатов». Все это жалкая чушь и больше ничего. Тайцины, которые выступили в Китае раньше, чем японские враги сйогуната, отлично понимали то,

что последние поняли гораздо позже. Их лозунги были прогрессивными. Их социальные и политические стремления шли дальше, и они умели драться за свои идеалы. Не их вина, что на помощь пекинской реакции пришла вооруженная до зубов черная сотня, не их вина, что в их распоряжении не было вооруженной силы, обладавшей наследственными традициями профессионалов солдат. Скорее приходится удивляться, что, несмотря на это, они имели огромные успехи в течение ряда лет в ряде провинций (а в Китае некоторые провинции соперничают со всей Японией по своим размерам). Но движение тайцинов было с помощью европейцев разбито*), и это само по себе было серьезным фактором задержки развития страны.

Затем, после поражения тайцинов, вопрос о реформах становится и в бюрократических слоях, среди их передовых элементов, и реформы начинают проводиться. Но в то время, как Японии для обеспечения внутреннего мира достаточно было провести некоторые мероприятия на сравнительно небольшой, легко поддающейся контролю территории, китайцы должны были употреблять колоссальные усилия для ликвидации громадных по охваченной территории восстаний в Юньнани, в Ганьсу, в Шаньси, вести тяжелую кампанию в Восточном Туркестане в 3—4 тысячах верстах от своих баз и разрешать бездну неоднородных конфликтов, возникавших в мало похожих одна на другую местностях.

Японию нельзя сравнить с Китаем, чьи размеры даже без внешних владений больше, чем Западная Европа, и где население приблизительно равно западно-европейскому. Японию можно сравнить с китайской провинцией. И вот возьмите провинцию Гуандун (Кантонскую) с ее 30 миллионами жителей (в Японии было 43 миллиона в 1868 г.) и сравните. Сравнение будет, пожалуй, не в пользу Японии. Или сравните ее с Шаньси, правда, значительно менее населенной, чем Япония (всего около 11 миллионов жителей). Там реформы сверху, подобные японским, проведены во всяком случае не с меньшим успехом. Впрочем, это слишком большой вопрос, чтобы обсуждать его между прочим. Достаточно и сказанного, чтобы понять, что та манера безмерно восхищаться «необычайно быстрыми успехами Японии», которая была у нас в большой моде после 1905 года (см. Николаева «Очерки истории японского народа»), не менее смешна, чем манера выискивать в японцах черты варварства, чуть ли не дикости (в период

*) О нем чудесная книга Шпильмана «Крестьянская революция в Китае» на русском языке (перевод).

интервенции у нас многие грешили этой последней). Япония — не страна рыцарей без страха и упрека, но она и не страна вампиров. В ней много хорошего и много плохого. Обыкновенная капиталистическая страна, где живут обыкновенные люди, среди которых отдельные люди могут быть действительно способными на великие жертвы, но где поведение классов в целом определяется потребностями коллективного желудка данного класса.

Скучно говорить об этом. Но что же поделаешь, если у нас выходит так, что везде и всюду действуют законы природы и законы общественного развития, а вот в Японии происходят чудеса в решете.

Итак, подчеркнув еще раз, что в Японии никаких таких невероятных чудес не бывает и не было, перейдем к рассмотрению соотношения борющихся в Японии сил в эпоху ее «борьбы и натиска».

О внешней политике Японии в этот период мы будем говорить попутно, ибо вся она теснейшим образом связана с происходившей в те дни внутренней борьбой. Проявление наступательной активности Японии во вне было до 1894 года тогда лишь, так сказать, «побочным продуктом». Япония еще оставалась полуколонией.

Здесь следует все же сказать, что некоторые пережитки того времени, когда Япония была «на китайском положении», удержались в тарифных правилах вплоть до 1911 года, когда Япония уже достаточно «самоопределилась». А в быту была «колоннальность» Японии удерживается в портовых городах и поныне. Это — особые места для поселения европейцев, особые кладбища, особые клубы, высокомерное «сверху вниз» любого англичанина и т. п. Легкий запашок старого еще держится, и полицейские мероприятия ничего против этого не сделают. Это может изжитись лишь через десятки лет. Даже во времена интервенции в Приморье в отношении русских людей к американцам и вообще белым, с одной стороны, и к японцам, с другой, ощущался привкус тех самых «расовых предрассудков», о которых так много говорят и пишут в тихоокеанских странах англо-саксонской культуры и в Японии.

Силы, борющиеся за свержение сёгуната.

Когда сёгунат уже был и все старые дены печали с лица японской земли, тогда новое императорское правительство, состоявшее, кстати сказать, исключительно из тех самураев, ко-

торые представляли наиболее мощные кланы, — отнюдь не из буржуа, — опубликовало в 1873 году замечательно интересный закон о довольствии самураев, интересный тем, что в нем отразились все происшедшие за 20 лет перемены, и подводился итог всему, до тех пор сделанному.

Не будем останавливаться на деталях этого закона, скажем только, что этот закон, усиленный через два года дополнительным разъяснением, фактически отменял освященное многими столетиями право самураев на получение казенного пайка и, таким образом, косвенно уничтожал и самое самурайство. Как мы видели раньше, самураи и раньше не представляли собою чего-либо однородного, их паек и раньше был иногда номинальным, они и раньше вынуждались к исканию заработка помимо пайкового. Но это были только цветочки. Теперь самураям пришлось вкушать и очень горьких ягодок. Последний слабый признак принадлежности их к одному классу исчез. Осталось только их сословие, — сословие «сидзоку», членам которого было предоставлено искать службу, становиться земледельцами, торговать, босячиться, умирать с голоду. — это их дело. Правительство уплачивало им отступное и умывало руки.

А между тем, ни кто иной, как именно эти самураи, были свершителями переворота, его идеологами и его жертвами.

Самураи голодали и, как мы увидим дальше, безуспешно бунтовали. А рядом с ними появились иные фигуры, фигуры сытые, довольные и верноподданные. Это были буржуа, — отчасти, те же буржуа, что жили и при Токугава, отчасти удачливые выходцы из низов, но отчасти и приспособившиеся к новым условиям самураи, те из них, у которых слабее всего были выражены старо-рыцарские наклонности.

И когда в 1890 году открылась первая сессия японского парламента, выбирать и избираться в который имели право только платящие не менее 15 сен прямых госналогов, то оказалось, что из 300 депутатов — выходцев из самого образованного сословия было только 110. Остальные 190 были из «простонародия».

Если прибавить еще, что новая власть положительно с материнской нежностью помогала становиться на ноги недоопривившимся купцам и промышленникам, если прибавить, что богат Мицун с самого начала стал своим человеком в домах министров и сановников и диктовал там свои желания, то сразу станет ясным, что переворот 1868 года принес пользу не тем, кто его так жаждал и кто его осуществлял.

Революция 1868 года была революцией буржуазной.

Но эта революция, как и все другие революции, приводившие к переходу власти от одной группы эксплуататоров к другой, не была доведена до конца. Она закончилась компромиссом между феодальным дворянством, т.е. высшим слоем прежнего самурайства, и представителями капитала. Результатом этого компромисса было в конечном счете то, что наиболее активные из представителей самурайства овладели всеми бюрократическими высотами, став вместе с тем и центральными фигурами в политических партиях; что бывшие даймы, получив основательные откупные, превратились в рантье, единственная обязанность которых — заседать в Верхней Палате и ленивыми поднятиями рук поддерживать бюрократию во время не слишком по существу враждебных натисков со стороны врагов «кланового правительства» (Хамбацу-сейфу), и что буржуазия, не гонимая за славой политических деятелей, удовлетворялась закулисным влиянием, но влиянием настолько сильным, что оно бросается в глаза всякому, кто хоть немного интересовался внутренними делами Японии.

Сила и влияние таких фирм, как Мицун, Мидубиси, Асахо, Окура и т. д. огромно. Заботы правительства о их благополучии беспредельны, и плутократический характер японской государственности несомненен.

Но на открытой сцене эти «нажиматели кнопок» не выступают. Они в тени, а то и прямо за кулисами или в суфлерской будке. На самой же сцене двигаются фигуры «лиц», вокруг которых образуются партии, — беспринципные, в 24 часа меняющие начисто свои немудреные «убеждения», беспрограммные, порой смешные и жалкие. Эти «лица» связаны с кланами, все еще не исчезнувшими с политической арены пережитками феодализма. Иногда эти лица кажутся всемогущими, и они действительно играют порой крупную роль при назначении чиновников, увольнении и назначении генералов и в даровании чинов и орденов. Газеты с жадностью ловят все слухи о их махинациях. Любители сенсаций заснуть не могут, не узнав, что нового задумали Цюсю и Сацума. Ругань по их адресу — неременная обязанность уважающего себя интеллигента. А разберитесь поосновательнее и окажется, что все эти пресловутые кланы и выдвинутое ими Генро ни что иное, как приводные ремни, заставляющие вертеться влево и вправо политических марионеток. Если они и имеют какое-либо самостоятельное значение, то лишь постольку, поскольку они сами слились с буржуазными группами, конкурирующими в плоскости экономики; в политике за них действуют другие.

Чтобы хоть несколько приблизиться к пониманию всей этой махинации с замещением невидимых видимыми, прямо так необходимо проследить ее историческое происхождение. А для этого надо обратиться ко времени борьбы против режима Токугава, отчасти даже к более раннему периоду.

В интересах большей связанности дальнейшего рассказа, выделим в начало ознакомление с теми группировками, которые тогда выступили на борьбу. Но раньше еще раз подчеркнем, что, если оставить в стороне финансирование революции, то среди действовавших лиц и группировок мы не найдем ни буржуа, ни крестьянина, ни ремесленника, словом никого, кроме самураев^{*)}. В этом отношении Япония представляет более резкий пример, чем Россия с ее гвардейскими офицерами-декабристами, делавшими буржуазное дело, и с разночинцами-народниками. По составу участников, а не по объективным целям, революция была самурайской. Самурайскими же были и те субъективные цели, которые ставились и о которых не всегда говорили вслух добивавшиеся их.

Итак, о действовавших тогда группах и отчасти лицах.

Мы остановимся на кланах Цюсю, Сацума, Тоса, Сага (последний в провинции Хидзен) и Кага и, персонально, на Ивакура, Ямагата, Сайго, Окубо, Ито, Окума и Итагики. Начнем о Сацуме.

Сацума — это название провинции, расположенной в южной части Кюсю, примерно, близ 32° с. ш. Княжество же, носившее это название, владело не только одноименной провинцией, но и прилегающими землями, как на Кюсю, так и на островах. Кроме того, оно считало королевство Рюкю своим вассальным владением. Во главе княжества стоял род Симадзу, династия которого была древнее, чем многие династии Европы. Отношение его к центру было обычно пренебрежительное. Один из Симадзу хвастался послу могущественного диктатора Хидейоси, что его-де предки никогда не платили никаких налогов в пользу Киото и не этой-де «обезьяне-Хидейоси»^{**)} добиться перемены. Оскорбленный Хидейоси непослушного Симадзу издур, но ден отобрать все-таки не решился. Не решились на это и Токугавы, хотя, не в пример прочим, Симадзу не считались с Едоским сёгуном и не раз грубо нарушали шедшие сверху распоряжения. Сила Симадзу была

^{*)} Р. Н. Ким в своей неопубликованной до сих пор работе говорит о некоторых исключениях, но исключение лишь подтверждает правило.

^{**)} Хидейоси был, по описаниям современников, необыкновенно уродлив.

в удивительной спаянности его самураев, предки которых еще в древние века имели монопольные права на несение гвардейской службы при царском дворе. Эта спайка выросла во время многочисленных войн, которые княжество вело со своими соседями. Впрочем, Сацума не только воевала, но и торговала и пиратствовала. Во времена португальских миссионеров владения Симадзу постоянно посещались китайскими судами. Есть указания на то, что сацумцы одно время пытались овладеть далекими Филиппинами.

В 1862 году в Сацума была построена первая в Японии прядильная фабрика.

Провинция Хидзен, состоящая из нескольких феодальных владений, лежит рядом с Сацума. Это тот район, который раньше других развил торговлю с португальцами в XVI веке. Активную роль в борьбе сыграли здесь самураи района Сага (город близ Нагасаки).

Цюсю (или Нагато в японском чтении) — провинция, расположенная на крайнем юго-западе главного острова, близ того пролива, который отделяет его от Кюсю. Подобно Сацума, пределы этого княжества были больше, чем одной основной провинции. Здесь еще в XVI веке существовал (редкое явление в тогдашней Японии) — крупный город Ямагути, насчитывавший несколько десятков тысяч жителей. Затем развился и другой крупный город, Симоносеки. Князя (даймё) Цюсю были не только землевладельцами, но и купцами. Они вели довольно бойкие сношения с Южным Китаем уже задолго до прибытия португальцев. Род Морн, с XVI века владевший этим княжеством (перед тем, при Асикага, владел Оуци, одно время командовавший всеми в Киото, но потом бросивший столицу ради борьбы с «уравнителями богатств»), был таким же бельмом в глазу у сёгунов, как сацумский Симадзу. Но сёгуны не решались его трогать.

Тоса — провинция и княжество на Сикоку, в той его части, которая обращена к Тихому океану (значит, к югу). О ней можно сказать только то, что по размерам доходов тамошних феодалов Тоса представляла большую силу.

Четыре перечисленных южных княжества (даймиата) приняли наиболее активную роль в борьбе с Токугава. Что же касается Кага, встарину владения монастырей, а во времена Токугава рода Маеда, то это, расположенное севернее Цуруги, княжество выдвинулось лишь богатством своего феодала, самого богатого из всех феодалов Японии XIX века.

Перейдем теперь к руководителям движения.

Японцы выделяют обычно 55 главных лидеров, но 11 из них, феодалов и придворных, попали в этот почтенный ряд лишь благодаря тому, что просто не мешали другим делать свое дело. Из остальных 44 только двое были из числа придворных аристократов. Это Ивакура и Саидзё, а все остальные (это стоит подчеркнуть) были простыми самураями, без поместий и чинов, — просто обыкновенные передовые интеллигентные молодые люди. Средний возраст их был около 30 лет. В современной нам Японии люди этого возраста едва-едва кончают высшую школу.

Сайго и Окубо, оба сацумские самураи, как и оба аристократы, были старшими среди них. Окубо выделялся, как один из талантливейших министров; Сайго же — сначала, как руководитель первой внешней войны новой Японии, маленькой войны на Формозе, потом как вождь самурайского восстания 1877 года.

Ито был из числа младших. Он и Иноуэ были теми двумя молодыми людьми, которые, «ненавидя европейцев, отправились изучать Европу». Этому Ито часто называют японским Бисмарком. Он был автором японской конституции, несколько раз выполнял обязанности премьера, был создателем партии Сейюкай, выполнял важнейшие дипломатические поручения, был первым фактическим наместником Кореи и т. д. Умер он от пули корейского националиста в Харбине. (Окубо тоже был убит, Сайго зарезался сам, Окума, о котором ниже, потерял, вследствие нападения на него террориста, ногу).

Итагаки, — самурай из Тоса, стал известен, как первый, поднявший вопрос о введении представительного строя. Впоследствии он основал либеральную партию. Он имел очень большое влияние на молодежь.

Окума, умерший совсем недавно, в 1922 году, был, пожалуй, наиболее интересной фигурой из всех, перечисленных здесь. Он родился в 1838 году в княжестве Сага (в Хидзен). Подобно Итагаки, он опирался на свою собственную партию, тоже выдвинувшую лозунг конституции. Бюрократ по положению, как и все остальные, названные здесь, он, как и Итагаки, ценил больше поддержку общественного мнения, чем карьеру сановника. Он был великолепным оратором, идолом учащейся молодежи и вообще человеком, который умел понравиться каждому. Индусы восторгались его речами, о пан-азиатизме и «белой опасности», англичане — его «английским складом ума», Брешко-Брешковская — «тонким пониманием русской революции», японские милитаристы — его расправой с Китаем в 1915 году (21 требование), а японские либералы —

его «ненавистью к насилию». Он постиг тонкое искусство богатеть, не беря взяток, и умер архи-миллионером, восхваляемый всеми за идеальную честность. Это был самый типичный представитель той части самурайства, которая в наибольшей степени приспособилась к буржуазному укладу. Он был бюрократ-капиталист. Между прочим, он основатель прославленного своим свободомыслием университета Васеда в Токио *).

К числу деятелей эпохи революции принадлежал также известный Ноги, начальник армии, осаждавшей Порт-Артур, «последовавший за своим императором» (он зарезался после смерти Муцухито), и Ямагата, самурай из Цюсю, организатор японских вооруженных сил и впоследствии «не коронованный император Японии», первый из генро. Он умер за год перед Окума, в 1921 году, умер всеми почитаемый, но никем не любимый.

Вот эти то лица, без знания имен которых невозможно читать ни одной книжки, трактующей о современной Японии, сыграли особенно крупную роль в событиях, к краткому изложению которых мы приступаем.

От появления эскадры Перри до падения сёгуната.

Основной смысл событий, происходивших в Японии между 1853—1868 годами и от 1868 до 1877 (т. е. того периода, который, приблизительно, начинается у нас Крымской кампанией, включает момент крестьянской реформы и заканчивается войной с Турцией), заключается в уничтожении феодализма.

Многие полагают, будто вся эта историческая драма происходила точно по заказу, и что с феодализмом было покончено сразу. На самом деле ничего подобного не было. Только теперь, когда события того времени отошли довольно далеко в прошлое, они могут показаться в исторической перспективе сходящимися в одной точке—1868 году. Но то, что произошло в 1868 году, было результатом длительных волнений, сначала бескровных, потом кровавых, при чем за все 15 лет ни у одного из тогдашних деятелей не было, повидимому, ясного сознания того, что же они будут делать, когда власть очутится в их руках. Более того, можно прямо утверждать, что подавляющее большинство их не шло в своих мечтах дальше замены сёгуна кiotоской куклой, при сохранении в основном всей старой системы феодальных отношений.

*) По словам одного японского товарища. Окума разбогател, главным образом, из спекуляции землей. Нам не удалось проверить это.

Далее. В 1868 году сёгунат уничтожается не сразу. Повидимому, участники событий думали не столько об его уничтожении, сколько об отнятии земель рода Токугава в свою собственную пользу. Лишь в 1869 году феодалы делают великодушный жест, «возвращая трону порученные им земли». Но эта передача на первых порах номинальна. Все феодалы остаются фактически на своих местах, лишь меняют свое звание. В следующем 1870 году сильнейшие из кланов добиваются создания правительства из своих ставленников и лишь в 1873 году происходит реформа, подрывающая привилегии самурайства. Самураи отвечают на это восстанием 1876 года, несколькими мелкими и, наконец, серьезным восстанием 1877 года.

Только с этого момента феодализм может считаться похороненным окончательно, хотя, впрочем, 1884 год был отмечен еще одной попыткой сопротивления. Но если даже считать заключительным моментом борьбы усмирение восстания 1877 года, мы насчитаем все же целых 25 лет борьбы. Целая четверть столетия.

Итак, значит, когда мы говорим о «революции 1868 года», мы должны помнить, что это выражение очень условное.

Но вернемся к исходной дате.

Перед тем, как подписать договор, вынужденный американцами, сёгун, не решаясь взять на себя всю ответственность, запросил мнение всех даймю. Большая часть этих владетельных князей и не подумала использовать этот шаг правительства, да они и не могли додуматься до чего-нибудь подобного. Уж свыше 200 лет они фактически не были хозяевами своих ленов. Они не были даже жителями их. Их семьи, их дома, их богатства были в Едо; в Едо же были и их интересы. В этом отношении они мало чем отличались от маркизов и графов, бездельничавших в Версале, при дворе «короля солнца». Многие из них даже не знали хорошенько, что там творится в их медвежьих углах, где всем заправляли так называемые каро, номинально уполномоченные своих господ, а фактически настоящие главы кланов *).

Но были и исключения, и к таким исключениям принадлежали даймю Цюсю, Сацума, Сага и Тоса или если не сами даймю, то их вассалы.

Мы уже достаточно говорили и раньше о тех элементах брожения, которые накопились в стране, и теперь не будем повторяться. Читателю и так ясно, что дурно рассчитанный

*) Каро соответствовали «сенешелям» во Франции и Англии.

шаг правительства мог легко быть подхвачен недовольными и использован во вред сёюгуну. Вензляла, конечно, излюбленная теория «вагакуся» о божественности царя. Вынужденное подписание договора стало истолковываться так, будто это прямой результат «узурпации власти у законного государя», — того самого, что сидел в Киото и ничегошеньки в происходящих событиях не смыслил.

Сёюгун сам испортил себе дело, дав своим противникам козырь в руки. Он вздумал послать в Киото доклад о происшедшем. Там, само собой разумеется, ничего разумного не придумали, да и придумать не могли, потому что бродили в потемках. Но недовольные элементы мигмом использовали этот второй ложный ход правительства, чтобы зашуметь еще громче. Поднимается вопрос о реформе сёюгуната, что, по крайней мере в сацумском истолковании, означало не более, не менее, как о предоставлении Симадзу более высокого места в феодальной иерархии. Иными словами, речь шла о том, чтобы спихнуть родичей сёюгуна и посадить на место одного из них своего человека, который бы, в свою очередь, не оставил своим попечением подведомственных ему самураев. Что касается Цюсю, то оно ставило вопрос еще радикальнее.

Положение осложнилось многочисленными ронинами, этими бесхозными самураями, которые увидели в происшедших событиях случай избавиться от своего невыносимого положения. Для них, как для лишенных кланов, единственное желательное решение вопроса было восстановление в правах «законного государя». Сёюгун для этой роли не подходил: ронины были для него лишними ртами; у него и так было много получателей пайков. А у Киото не было ни одного солдата.

Такова была «прозаическая» сторона дела. Но, конечно, это не значит, что на базе этой прозы не возникали у многих стремления действительно чуждые шкурничества. Такие люди действительно были. Среди них один заслуживает специального упоминания. Это некто Иосида Сёин, ненавистник иностранцев, горячий патриот, уже тогда возмечтавший о том времени, когда Япония не только изгонит наглых захватчиков, но и перейдет сама к наступлению. Житель страны, испытывавшей гнет ненавистных пришельцев, он создавал проекты изгнания русских за Байкал, покорения Кореи и Маньчжурии, занятия Филиппин и установления японской гегемонии в Китае. Ямагата, его ученик, многое сделал из задуманного им, но сам Иосида погиб на эшафоте за попытку убить английского дипломатического представителя. И таких людей, горевших

ненавистью к иностранцам, было много. Сёюгуновской бюрократии, на которую и без того, как из рога изобилия, сыпались все новые и новые, все более и более наглые требования иностранцев, эти патриоты были положительно страшны. После уступок 1858 года положение еще более обострилось. Правительство теперь было между молотом иностранцев и наковальней анти-иностранного движения. Но что можно было сделать с иностранцами? Правительство решается на террор. Жертвой его становятся одними из первых некоторые царские придворные, завязавшие было сношения с недовольными кланами. Киото терроризировано. Но патриоты отвечают на террор террором же, и в 1860 году Ии но Комон, вдохновитель и проводник правительственных репрессий, убит.

Проходит еще два года. Атмосфера попрежнему накалена. Сацума становится смелее и ставит вопросы так, что в Едо начинают догадываться об их истинных целях. Очевидно, Сацума желает не реформ, а замены Токугав своими Симадзу, — желает основать новую династию. Но не сразу, а путем постепенной замены лиц.

Цюсю со своей стороны выдвигает собственную программу, — программу уничтожения сёюгуната. Играл ли здесь роль страх перед соперниками из Сацумы, или же это было результатом влияния нахлынувших в Цюсю ронинов, гадать не стоит. Достаточно только сказать, что с этого момента ясно прощупывается соперничество между обоими могущественными кланами. Самурань обоих кланов появляются в Киото и ведут друг с другом борьбу за влияние на царский двор. А последний, все еще не разбираясь в событиях, пассивно склоняется то на одну, то на другую сторону. В это время Цюсю удается добиться от двора совершенно целого распоряжения, достойного обитателей желтого дома, — распоряжения, назначающего «день изгнания иностранцев». Этим днем было 25 июня 1863 года. Двор, поддерживаемый сацумами и Цюсю, теперь смел. Он доходит до того, что вызывает к себе сёюгуна и предлагает ему скрепить царское распоряжение своей подписью. Сёюгун всячески уклоняется, но на него уже не обращают внимания, и Мори, даймю Цюсю, отдает распоряжение обстрелять иностранные торговые суда, стоящие в Симаносеки.

Что из этого вышло — уже известно. Ответная бомбардировка Симаносеки и предшествовавшая ей бомбардировка Касима (в Сацума) кое чему научает двор. Мори и его самураям предлагается убраться из столицы. Тогда этот ярый защитник идеи законной монархии сжигает Киото, столицу

того, кого защитником он себя объявлял. Затем он отправляется к себе в лен и начинает готовить армию, в которую принимает не только самураев, но и всех желающих вообще. Это было по тому времени настоящей сенсацией.

Но еще сенсационнее было то, что за время всех этих событий даймио поразъехались из Едо, увезли оттуда все ценное и увезли свои многочисленные свиты. Система заложничества, державшаяся 2½ сотни лет, кончилась. И это подчеркнуло опасность положения для сёгуната.

Проходит еще два года. Они более или менее покойны. Но вот происходит военно-морская демонстрация в Хиого и это дает толчок для новых волнений. Клань прямо ставят вопрос об ограничении власти сёгуна феодалам. Цюсю, успевшее за это время подготовиться, провоцирует правительство на решительные действия, и действительно сёгун выступает в поход и неожиданно для себя терпит поражение. Его спасает лишь требование киотского двора о прекращении военных действий. Так создалось для сёгуна положение, из которого был только один выход: уйти добровольно.

14 октября 1867 года сёгун отрекается от власти в пользу 16-ти летнего мальчика из киотского дворца.

Но тут происходит совершенно невероятная на первый взгляд комедия. Киото не может воспользоваться удачей. У него нет ни средств, ни собственной армии, ни аппарата управления, ничего, кроме платонических симпатий противников Токугавского дома. И двору приходится обратиться с просьбой к отрекшемуся сёгуну поуправлять еще некоторое время. А через два с небольшим месяца тот же самый двор, конечно, по наущению феодалов, решает лишить сёгуна всех его земельных владений. Естественно, это приводит к новой вспышке гражданской войны. Она заканчивается лишь в 1869 году, когда вопрос о землях принимает совершенно иной характер. Но об этом мы скажем немного ниже.

Пока же оглянемся на то, что произошло за эти 15 лет (1854—1869 г.г.). Можно ли здесь найти хоть намек на сознательное проведение таких мер, которые бы клонились к уничтожению феодализма? Таких мер не было. Вопрос об изменении государственного строя практически не ставился (теоретическая, кабинетная постановка его, может быть, и была, но нас в данном случае она не интересует). Речь шла только об устранении Токугава или, —будем уже совсем точны,— о лишении их земель. Так вопрос не только ставился, но и решался и притом со скоростью прямо таки несуразной. Видно было, что люди торопились сильно.

Но что делать с этими землями дальше? Разделить их по старинному между победителями? Передать их новому императору, чтобы он занял место того, кого только что устранили? Или раздать их наиболее отличившимся в боях с самураями и ронинами?

Достаточно эти вопросы поставить, чтобы ответ получился сам собой. Ни один из этих способов ликвидации сёгуновского наследия при совершенно изменившихся экономических условиях внутри и при наличии угрозы извне ничего хорошего не обещал. Единственное возможное решение вопроса напрашивалось само. Положение было ясно: победили самураи 4-х кланов из 276. Эти кланы не имели достаточно силы, чтобы явно захватывать власть. Но у них хватало сил, чтобы занять руководящую роль в государстве... Но в каком государстве?—Ясное дело, таком, которое охватывало бы как можно большую территорию...

Дальше шло, как по писанному. Самурай-победитель убедил своих князей отречься от ленов в пользу короны, указав, что этот их поступок обязательно найдет подражателей среди всех остальных, гораздо более слабых, гораздо менее устойчивых. 5-го марта 1869 г. соответствующая петиция князьями Цюсю Тоса, Сацума, Сага и Кага была подана. А немного позднее к петиции присоединились 259 других; только у 17-ти хватило смелости не сделать этого.

А затем патриотические самураи 4-х княжеств (из 281) устраиваются в правительстве, разбирают портфели и кладут, таким образом, начало той системе кланового правительства, которое благополучно доживает вплоть до наших дней...

Но быть может пострадали даймио?

Даймио в сущности ничего не потеряли, кроме лишь звания, да в большинстве случаев чисто номинального права управления своими ленами. Накопленных богатств у них не отобрали, от обязанности делать взносы центру освободили, уволив их от разных дорогих стоивших обязанностей, обеспечили им целых 10% тех прежних их доходов, которые, как уже известно, никогда не использовывались феодалами только на свои личные нужды. Даже Бринкли, очень склонный преувеличивать «патриотическую жертвенность японцев» в эти годы ломки, вынужден признать, что «с чисто денежной точки зрения даймио не проиграли, а выиграли, перестав быть владельцами князьями». Но вот Николаев, который усердно переводил этого автора, не заметил такого пассажа и разразился целой серией высокопарных тирад о величии даймиоских душ.

В этом отношении он мог бы дать пару очков вперед даже японским официальным историкам. И все это только для того, чтобы доказать изумленному русскому читателю, что идея-де, «выношенная интеллигенцией», захватила, будто, всю Японию и заставила каждого жертвовать всем решительно. Это жалкие пустяки, которые начисто опровергаются данными того же Бринкли, у которого Николаев списывал.

Период ликвидации феодализма.

Восторженные поклонники Японии страшно любят говорить о той небывалой стремительности, которой, якобы, отмечен период начатых в 1868 году реформ. Обычно эти восторги или ничем решительно не подкрепляются, или же сопровождаются нарочито коротеньким пояснением, уснащенным деталями изданных тогда декретов. Но объективный человек, просматривая подобного рода пояснения, где сгужены в кучу события, разделенные не такими уж небольшими промежутками, скоро убедится, что никакой такой сверхъестественной стремительности в перестройке Японии не было. Наоборот, первые 3—4 года «эры Мейдзи» отличаются именно медленным ходом реформаторской деятельности. Да иначе и быть не могло. Не могло быть иначе потому, что буржуазия еще не была способной выступить, как класс, а те группы, которые стояли у власти, были представителями старого, феодального мира. О буржуазной государственности они и не думали. Единственное, что они хотели сделать, это довести до конца то, что не мог доделать сйогунат: создать сословную монархию. Впрочем, не будем голословными,—приведем факты.

Как мы уже видели, последний сйогун отрекся в конце 1867 года, а в самом начале 1868 года император Мейдзи официально стал во главе государства. Этот год, первый год «эры Мейдзи», отмечен, правда, рядом столкновений со сторонниками Токугав. Но было бы большим преувеличением рассматривать эти столкновения, как что-то очень серьезное. Во всяком случае они вряд ли исчерпывающе объясняют тот факт, что на протяжении всего этого года не было проведено ни одного мероприятия, которое бы действительно подрывало силу феодалов. То что было, сводилось целиком ко всякого рода благочестивым пожеланиям.

Скажут, пожалуй, что та знаменитая петиция пяти даймио, о которой мы говорили страницей выше, былз очень серьезным шагом вперед. С этим приходится согласиться. Но это не подрывает нашего утверждения. Действительно, петиция была по-

дана 5 марта 1869 года, а правительство раскаталось на ответный шаг только 25 июля,—почти через 5 месяцев. Мало этого, и пресловутые предложения феодалов^{*}), и ответные мероприятия власти в сущности ничего решительно не изменили. Вся перемена заключалась лишь в переименовании даймио в гу-

Статуя Будды в Камакура, близ Токио. Сооружена около 700 лет тому назад. В 1923 году она слегка пострадала. Перед статуей стоят люди.

бернаторов. Все остальное—финансовые дела, административные и прочие,—все оставалось в прежнем виде.

^{*}) Интересующиеся могут ознакомиться с текстом знаменитой петиции по Николаеву, часть I, стр. 136. Нам было тошно переписывать эту елейно-лживую мерзопакость, еще более противную, чем «отречение от прав на удельные земли» наших великих князей (в 1917 г.).

1870 год тоже не внес каких-нибудь особенно резко бросающихся в глаза перемен, если не считать введения по всей империи одинаковых законов,—старых законов, разве лишь кой в чем подновленных новыми распоряжениями, законов, которые и до этого «события» были в общем не столь уж разнородными в разных ленах. Скажем попутно, что до отмены пыток тогда еще не додумались.

Насколько старые порядки были еще прочны тогда, об этом свидетельствует один любопытный факт, о котором рассказывает Бринкли, но который, подобно всему остальному невыгодному для Японии, был незамечен Николаевым. Это случай с Симадзу, бывшим даймио, ныне «губернатором» Сацумы.

Симадзу был очень высокого мнения о заслугах своих самураев и о своих собственных. То, что в 1863 году они пригнали английских миссионеров и тем самым навлекли на Японию крупные неприятности, повидимому, ускользнуло у него из памяти. Симадзу помнил лишь о заслугах. И он потребовал, чтобы эти заслуги были вознаграждены. Не дешево просил за них глава сацумцев. Он хотел не более, не менее, как предоставления своим землякам всех командных высот в государстве, а для себя лично—высоты над высотами. Коротко говоря, человек хотел стать сйогуну, — пусть не по названию, а по положению. Едва-едва успокоили его, дав ему пост, второй после первого министра.

В непосредственной связи с претензиями этого господина стояло одно из тех событий, которые приводятся недоумками и официальными песнопевцами в доказательство «необмысленной проницательности и мудрости императора Мейдзи» (он же Муцухито). Мы говорим о знаменитом обещании этого, тогда еще незрелого юнца, даровать своему народу представительный строй. Желающих ознакомиться с извлечением из этой клятвы, мы отсылаем все к тому же Николаеву (стр. 133), который и на этот раз счел за благо пройти мимо объяснений Бринкли и еще раз проявить себя японофилом большим, чем сами японцы.

Эта клятва, произнесенная 11 апреля 1869 года, в сущности никакой конституции не предвещала и по смыслу дела обещать не могла, ибо тогда об этаких вещах никто в Японии и думать не начинал. Вся процедура сводилась лишь к тому, чтобы проучить зарвавшихся сацумцев и заставить их ограничить свои непомерные аппетиты.

Практическим выводом из хваленного обещания было создание правительства, в котором четыре активных клана полу-

чили более или менее одинаковую долю. Вот к чему сводилось императорское обещание «считаться с советами» и «привлекать все таланты, откуда бы они ни являлись». Клятва была нужна только для того, чтобы соперничавшие кланы не перервались. Не созрели тогда еще те силы, которые могли бы даже академически ставить вопрос об ограничении власти государя буржуазным «народом». Речь могла идти лишь о сохранении прав феодальной знати и верхов самурайства,—о «вольности дворянства», выражаясь екатерининским языком.

Из других «реформ» раннего периода правления Мейдзи можно назвать только уравнивание буке и куге,—военных родов с придворными. Это льстило самолюбию тех, кого называли в старину «варварами востока» (Камакуры), но нам распространяться об этой «реформе» не пристало. Разве только указать на нее, как на лишний пример медленного изменения допотопного сознания.

Наступает 1871 год, четвертый год после свержения сйогуната.

Это был первый год, когда обновленческая работа новой власти (власти 4-х кланов)—начинает сказываться в более реальных формах. Именно в этом году правительство обеспечило бывшим даймио 10% валового дохода их прежних ленов и, построив их, таким образом, на желание отдохнуть от дел (их дети и внуки и по сей день, как общее правило, бездельничают), вызвали их в общую их прежнюю резиденцию—в Едо, переименованное в Токио. Кстати, у каждого из них были там хоромы, парки и все прочее, необходимое для спокойного паразитирования. Эти «пожертвовавшие всем люди», чувствовали себя теперь еще лучше, чем в дни бездельничанья токугавского: тогда они были в долгах, а теперь нет. Долги были переложены на плечи плательщиков налогов: крестьян, ремесленников, купцов и т. д. Бывшим феодалам и в отношении налогов было относительно гораздо лучше, чем всем остальным, ибо процент обложения усадебной земли мал, а доход с правительственных облигаций, которые получили бывшие даймио, не облагался вовсе.

Дешево стала феодалам их пресловутая «жертвенность».

Места губернаторов переданы были теперь назначенцам,—главным образом, самураям привилегированных четырех кланов.

Проведены были и другие «великие реформы». Так, были уничтожены прежние сословия париев (ета и других), допущен выбор профессии по склонности и желанию, а не по происхождению, как до тех пор, допущены межсословные браки

и было объявлено о введении равных для всех судов и законов. Это, заметьте, на 4-ом году новой власти.

Более существенным было появление современной почты, первой железной дороги и телеграфа. Был открыт новый молотный двор, единый для всей империи, и уничтожены некоторые привилегии буддийской церкви (но о допущении запрещения при Токугава христианства еще не додумались).

В 1872 году, на пятом году новой власти, наконец, добрались до земельной реформы, сущность которой заключалась в признании права собственности крестьян на участки, обрабатывавшиеся ими при феодализме на началах вечной аренды. Этот закон положил предел прикреплению крестьян к земле и превратил землю в товар, который отныне мог переходить из рук в руки. Крестьяне, ставшие теперь хозяевами своих участков, превратились, благодаря этому, в тех, кого появления желал у нас Столыпин. Крестьянская реформа 1872 года — это тот экономический базис, на котором держится японский монархизм, достаточно сильный и в наши дни*). Не приходится, однако, доказывать, что базис этот не оставался неизменным. Задолженность крестьян росла быстро. Земля продавалась. Дифференциация росла. Особенно быстро этот процесс шел в 80-х годах. А теперь число крестьян, вовсе не владеющих землей, или имеющих настолько мало, что им приходится приарендовывать у обладателей больших участков**), составляет около $\frac{3}{4}$ всего крестьянского населения.

1873 год отмечен введением европейского календаря, еснопививанием и целым рядом других мероприятий, похожих на Петровское резание бород и длиннополых кафтанов. Единственной реформой, заслуживающей действительного внимания, была та, о которой мы говорили уже раньше — уничтожение самурайских пайков. Но, следует прибавить, в 1873 году было сделано только начало. Самураи могли соглашаться, могли и не соглашаться на предложенные правительством условия. Поскольку же очень многие из них не соглашались уступать своих исторических привилегий и поскольку госу-

*) Уже упоминавшийся японский товарищ утверждает, что за последние годы монархия теряет свой ореол даже у наиболее отсталых мешан. Возможно, что это так, но, может быть, это случай, когда «железное стало матерью веры».

**) Участок, десятины и 20 в Японии считается уже крупным. Обычно он целиком или частью сдается в аренду. Участки, свыше 70-и десятин сравнительно редки. Владельцев участков, свыше чем 500 десятин, насчитывают единицами.

дарство, находившееся тогда в отчаянных финансовых условиях, все-таки вынуждено было платить этим, совершенно бесполезным для него носителям двух мечей, тем самым увеличивая свой дефицит, постольку нельзя говорить о Японии 1873 года, как об освободившейся от феодальных пут. Кормление самураев все еще оставалось крупнейшей статьей расходов, а так как свободных средств у государства не было, то на-нет сводилась и провозглашенная на самом исходе предыдущего года всеобщая воинская повинность. Более того, Япония, как видно будет ниже, оказалась втянутой по милости этих паразитов в войну и понесла новые, дополнительные расходы. Но если даже исключить расходы на эту войну, то все-таки окажется, что из 230 миллионов ен долга Японии в 1877 году только небольшая часть была обусловлена постройкой железной дороги (4,9 миллионов ен) и на другие, действительно полезные траты; все же остальное пошло в карманы бывших даймю, хатамото, кани и самураев.

Но самураи все же были недовольны и в 1874 году под предводительством Ёто, уволенного министра юстиции, устроили вооруженное восстание. Восстание было кое как подавлено, но власть чувствовала себя настолько слабой, что решила устроить питательный пункт для всех тех неспособных к работе, но честолюбивых и могущих забунтовать самураев, которых следовало бы опасаться. Так возник совершенно смехотворный «предтеча парламента», так называемый Генроин *) состоявший исключительно из назначенцев, да притом из таких, о которых заведомо было известно, что им никакого дела поручить нельзя. Между прочим, этот удивительный предпарламент единогласно высказался против лишения самураев их прав, а также против отмены «харакири». (Харакири иногда предписывались виновным в чем либо перед властью).

Доведение анти-самурайского закона до конца относится уже к 1876 году, когда то, что в 1873 году предлагалось, уже предписывалось. Государство, таким образом, силой заставляло самураев получить отступное и больше не требовать ничего. Но это ему удалось не сразу.

В 1877 году (у нас это год войны с Турцией) самураи Сацумы, во главе с Сайго, бывшим военным, и с благословением Симадзу, устраивают второе крупное восстание (мелких было несколько), на борьбу с которым понадобилось целых 9 месяцев. С обеих сторон участвовала артиллерия, обученная по

*) Это не имеет ничего общего с генро, о котором будет речь ниже.

европейским образцам пехота, обе стороны имели штабы, долговременные и полевые укрепления, короче говоря, это была настоящая гражданская война, страшно опасная для новой государственности. Сацумы готовились к ней целых 4 года. Они подняли ее с совершенно определенными реакционными лозунгами, лозунгами восстановления феодальных прав и установления преобладания Сацумы. Но они были разбиты и большая часть их вождей по старому обычаю самураев перерезала себе животы. Армия, которая разбила их, состояла из солдат, взятых из всех сословий. Легенде о непобедимости самураев клался этой победой конец.

Самурайское восстание не было последней попыткой феодальных элементов (в 1884 году произошло еще одно вооруженное восстание), но оно было последним из опасных для буржуазной Японии.

С момента ликвидации сацумского восстания буржуазный прогресс пронесходит быстро и без особых трений. Возникают биржи, банки, пароходства, вводятся новые законы, реформируется школа, вырастает вокруг Итагики, первого бросившего лозунг конституционализма, либеральная партия. Появляются законы против агитаторов, возбуждаются политические дела, дается обещание ввести конституцию и, наконец, в 1890 году она провозглашена.

Остается еще сказать о некоторых внешних делах Японии периода ликвидации феодализма. Это поход на Формозу и конфликт с Кореей. В обоих случаях Япония добилась желаемого без всякого труда, и тем не менее в обоих случаях Сайго, находившийся еще тогда в составе правительства, и некоторые другие добивались во что бы то ни было войны, а не удовлетворения только. Любопытно, что если бы война скорее действительно произошла, то туда пришлось бы отправлять не армию, созданную по набору,—она была еще в зародыше,—а самурайские отряды. Война на Формозе, сводившаяся к экзекуции дикарей на восточном берегу, была проведена именно такой армией,—из сацумцев. Победная война самурайской армии была бы огромным козырем для феодальных элементов в их борьбе с силами нового. И когда Сайго не смог заставить своих коллег двинуться против Кореи, он обратил свой воинский пыл против них. В обоих случаях истинной целью «патриотов» было укрепление внутренней реакции *).

*) В связи с этим отметим один любопытный штришок, относящийся, впрочем, уже к нашему времени,—к декабрю 1925 г. В губ. Фукусима есть старинный замок, где погибли в 1869 г. юноши-самураи защит-

Резюмируем и дополняем.

Ускоренное, толчком извне, движение против сёгуната не имело планомерного характера. Идея легитимизма не была центральной. Таковой была идея свержения сёгуната династии Токугава. Добивавшиеся его свержения кланы не были единодушны ни до победы, ни после нее. Каждый из кланов искал победы для себя и только для себя. Но силы четырех кланов оказались, приблизительно, равными, и это заставило их пойти на компромисс. Соглашение было достигнуто за счет остальных кланов. Новое правительство оказалось правительством четырех кланов, представлявших интересы верхних слоев самурайства и феодальной аристократии, превратившейся после 1871 года из землевладельческой в зародыш финансовый.

При создавшемся положении огромная масса низшего самурайства (400 тысяч одних взрослых мужчин) стала обузой, от которой надо было избавиться. Самураям предлагается отступить. Потом оно навязывается им. Самураи отвечают на это рядом вооруженных восстаний, но все они терпят крах, и Япония вступает, наконец, на путь беспрепятственного буржуазного развития, выгодного как для выделившейся из самурайской массы бюрократии, так и для превратившихся в рантье бывших феодалов.

Никакого заранее обдуманного плана в этом не было. Ход событий определялся объективной необходимостью. Отсюда колебания, нерешительность и медлительность руководителей.

лики Токугав. Они зарезались, когда у них не было уже возможности пробиться. Об этом случае считал где-то Муссолини и вот в декабре 1925 года его посланец специально прибыл в Японию, чтобы там заложить памятник защитникам токугавской реакции. Деньги собраны были в Италии фашистами.

II.

Новая Япония

На положении полуколонии.

Говоря о том, что с момента усмирения недовольной части сацумцев Япония вступила на путь беспрепятственного буржуазного развития, мы имеем в виду лишь исчезновение серьезных внутренних препятствий. Но это еще не решало вопроса окончательно. На пути стояли еще те препятствия, которые были созданы договорами периода 1854—1869 годов. Эти договоры, навязанные Японии силой 16-ю державами, сводились к тем же основным чертам, которые и ныне удержались в договорах нескольких из этих держав с Китаем. Сводились они все вот к каким трем пунктам:

1) Для торговли и жительства иностранцев открыты порты Иокохама, Кобе, Осака, Нагасаки, Ниигата и Хакодате, в районе которых на площади с радиусом в 10 ри (36 $\frac{3}{4}$ версты) граждане договорных держав получают право передвигаться беспрепятственно без всяких паспортов. Остальная часть Японии считается закрытой.

2) Граждане договорных держав не подсудны японским судам, т. е. пользуются пресловутой «экс-территориальностью» или «капитуляциями», как это называлось в Турции.

3) Япония лишена права поднимать таможенные пошлины выше 5% стоимости ввозимых иностранцами товаров.

Если бы прибавить сюда заведывание иностранцами таможнями и другими источниками доходов, то мы имели бы то положение, которое в начале XX века создалось в Китае. Однако, в Японии до такой крайности дело все же не дошло. Но только причина этого заключалась вовсе не в каких-нибудь преимуществах «японского духа» перед китайским, а просто в том, что тогда не было еще империализма, как политики вывоза капиталов за границу. Китай к 1900 г. был опутан долгами, а Япония нет. Кроме того, тогда не было еще обостренной борьбы за новые территории и не было того, что называют «железнодорожной политикой». Не было также технической возможности осуществлять армейскую (но не флотскую) интервенцию: первый пароход пересек Тихий океан только в 1865 году, а кабели были проложены еще позже; Сибирская жел. дорога начала строиться только в 1891 году; Приморье было занято лишь в 1860 году, сухопутных телеграфных линий из Европы до конца семидесятых годов не было.

Все это шло на пользу Японии.

Способствовало ее мирному, по сравнению с нынешним Китаем, развитию и то очень важное обстоятельство, что ее тогдашняя экономика была на таком уровне развития, когда в стране не было еще и намек на рабочее движение, могущее заставить капиталиста искать компромисса с иностранным грабителем, ради возможности грабить соотечественника; не было сколько-нибудь сильной группы того типа торговых посредников (компрадоров), чьи интересы очень часто совпадают с интересами иностранцев. (Вспомните Кантон, Гонконг, Чень Цзюмина и «бумажных тигров», которых усмирять приходилось гоминданцам); не было и многого другого, что усиливает в Китае резкость столкновения классов и дает империалистам возможность вставлять свое веское слово.

Япония оказалась счастливее Китая в том смысле, что объективно сложившаяся обстановка облегчила ей муки родов нового буржуазного общества. Но зато Китай, переносящий все это гораздо дольше и тяжелее, подходит на наших глазах к тому моменту своей исторической жизни, когда на роль вождей национального движения выдвигаются объективным ходом событий не самураи и даже не буржуазная молодежь, а идеологи социалистической революции.

Сравнительно благоприятные внешние условия развития Японии позволили ей гораздо раньше, чем Китаю, добиться первых уступок со стороны империалистов. (Педантам этот термин, пожалуй, покажется здесь не подходящим). В 1879 г. через два года после ликвидации самурайского движения *) Япония получила почтовую автономию и подняла вопрос о ликвидации неравноправных договоров. Переговоры, однако, затянулись. Затягивали их, нужно сказать, не только империалисты, но и сами японцы, опасавшиеся того,

*) Следует кстати пояснить, что далеко не все сацумцы примыкали к движению, возглавлявшемуся Сайго и Симадзу. Окубо, наприм., был ярким противником повстанцев; за это он и был убит одним из поклонников Сайго. Вот причина того, что Сацума и после 1877 г. продолжала пользоваться властью в империи. В 1889 г. получили окончательное прощение и участники восстания. Верхушка получила даже все предоставленные бывшим феодальным землевладельцам права на выкупные платежи, а в память Сайго был воздвигнут умеренно-уродливый памятник. Пострадала, значит, только рядовая самурайщина, да плательщики налогов; они несли жертвы, связанные с усмирением, а теперь оплачивали «благородство императора». Все это, конечно, в порядке вещей и, как говорится, «вольтерьянцы напрасно против этого говорят».

как бы уничтожение «договорных зон» (радиусом в 10 ри) и открытие всей страны для торговли и жительства иностранцев, — а это логически вытекало из факта уничтожения прежних договорных ограничений, — не привело к засилью иностранцев во всех областях экономической жизни страны.

Однако, в 1894 году вопрос совершенно неожиданно разрешился, и разрешился на 100% в пользу японцев. Это объяснялось тем, что, в предвидении предстоявших в Азии затруднений, Англия подготавливала почву для будущего союза с Японией против России. За Англией волей неволей последовали и другие.

В 1899 году новый договор вошел в силу и Япония, успевшая к тому времени расправиться с Китаем (в 1894—5 гг.), окончательно «вошла в семью цивилизованных народов» и в 1900 году участвовала в усмирении китайских боксеров.

Вслед за тем между Японией и Великобританией заключается сначала более или менее растяжимое соглашение, а затем и формальный союз против России. В 1904 году разражается русско-японская война, первое из пяти военных предприятий Японии (Формозский поход 1874 г., морская демонстрация в Корее, японо-китайская война, боксерская — были четырьмя предыдущими), плодами которой Японии было позволено воспользоваться полностью; захватить Маньчжурию, усилиться в провинции Фуцзянь *) и аннексировать Корею. Англия, в свою очередь, воспользовалась случаем для расширения своей мощи на подступах к Индии.

Но только к 1911 году из таможенных правил Японии исчезают последние следы былой ее зависимости от европейско-американских диктовальщиков, и только в 1915 году она начинает себя вести, как настоящая «великая держава». Мы говорим о знаменитых 21 требовании, предъявленных Китаю.

Борьба за конституцию и первое десятилетие парламента.

Сравнивая общую картину жизни Японии в период борьбы за конституцию с тем, что наблюдалось в соответствующий (формально, а не по существу) период нашей собственной

*) Провинция Фуцзянь расположена приблизительно между 25° и 28° с. ш. на побережье Китая. Площадь ее — 120000 кв. км. Население — от 13 до 23 милл. (такова точность китайской статистики!) Главные города — Фучжау и Амой. Развито земледелие, ремесла и рыболовство. Есть немного фабрик. Язык фуцзянцев резко отличается от пекинского. Провинция отрезана от соседних горам.

истории, получаясь такое впечатление, точно в Японии происходили несерьезные дела, а так себе, шуточки развлекавшихся бюрократов.

Оба лагеря, лагерь бюрократов, и лагерь тех, кто кричал о бюрократическом засильи, возглавлялись людьми одного и того же происхождения, того же происхождения были и многие из тех, кто шел в первых рядах либеральной боевой ко-

Маршал князь Ямагата, организатор вооруженных сил Японии после переворота. Он был самым влиятельным из «генро».

лонии. Мало того, вожди обоих лагерей были еще очень недавно членами одних и тех же кабинетов, т. е. такими же сановниками, как и их противники. Разница была разве лишь в том, что среди вождей бюрократизма наиболее видные фигуры были представителями Цюсю и Сацума, а среди вождей противоположного лагеря — выходцы из Тоса и Сага. Персонально это были Итагати (Тоса) и Окума (Сага). Первый из них, как мы уже говорили, был первым в Японии человеком,

провозгласившим необходимость создания представительного строя, второй был тем министром, чья добровольная отставка заставило правительство объявить в 1881 году свою готовность ввести через 10 лет конституцию и отправить Ито в Европу для изучения тамошних конституционных образцов.

Это обещание было дано приблизительно через 7—8 лет после того, как Итагати впервые заговорил о конституции, и за все эти 7—8 лет его наиболее горячими последователями были все те же самураи и притом по преимуществу самураи из Тоса.

Когда обещание было, наконец, дано, антибюрократические элементы, ведшие себя достаточно шумно и не брезговавшие такими средствами, как наем так называемых «соси», профессиональных крикунов, срывателей митингов, скандалистов, вообще, прямых потомков токугавских отокодаке, являли все же фигуры, мало напоминавшие серьезных революционеров. По нашему русскому масштабу эти люди были скорей похожи на винтеров, способных за игрой ругаться и собачиться с противниками, а потом, поигравши, мирно беседовать с ними за ужином. Правительственные репрессии, выдвигавшиеся против либералов, тоже мало напоминали харьковские, туруханские и якутские отдаленные места. Они тоже были похожи на шуточки.

Другой характерной чертой предконституционных дней было то, что ораторы оппозиции гораздо меньше говорили о своих принципах, чем о персональных делах тех, кто занимал министерские посты. Полиция во многих случаях довольно спокойно взирала на то, как поднималась температура собрания, и даже не препятствовала иногда устраивать легкие погромы полицейских будок и тому подобных хрупких строений. Обычно это разряжало атмосферу, все успокаивалось и после отеческого внушения десятку — другому арестованных будка восстанавливалась до нового такого же случая.

Знакомясь с теми программами, которые выдвигались враждовавшими сторонами, мы отчасти поймем причины такого философского спокойствия охранителей тишины и порядка. Мы не будем приводить здесь этих программ, удовольствуемся лишь указанием на то, что первоначальные требования Итагати — Тоса не шли дальше однопалатного парламента, в котором только половина избираемых, а другая половина назначаемая. Разве это не хуже, чем детище будапештской комиссии? И не напоминает ли это то «принятие во внимание общественного мнения», о котором мы говорили выше в связи с пресловутой «императорской клятвой»?

И если мы станем сравнивать этот проект с конституцией, которую в конце концов состряпали Ито и его помощники, то окажется, что они были как будто несравненно более либеральны, чем был в свое время Итагаки. Либеральны, впрочем, лишь сравнительно, по-Бисмарковски, да и то без всеобщего избирательного права.

Вернемся еще раз к Итагаки и к его программам.

Итагаки в 1880 году уже успел пересмотреть свои прежние взгляды и стать заправским либералом. Вокруг него выросла партия либералов «Дзюто». А рядом с ней выросла другая партия, тоже антиправительственная, о которой можно сказать только то, что она называлась не Дзюто, а Кайсинто, и что во главе ее стоял не Итагаки, а Окума. Обе партии существовали рядом, иногда действовали совместно, иногда ссорились, но из-за чего именно ссорились, объяснить не всегда легко.

Впоследствии обе эти партии создали коалицию и в 1898 г. выдвинули кабинет Окума — Итагаки. Собственно, не столько выдвинули они, сколько их выдвинул Ито, желавший, как говорят, продемонстрировать «неподготовленность Японии к парламентскому строю». Его тактика оказалась вполне успешной: кабинет Окума — Итагаки, придя к власти в июне 1898 года, в ноябре того же года подал в отставку из-за своих внутренних разногласий, — не принципиальных, а возникших между министрами и членами партии на почве использования возможностей личного обогащения. С тех пор в течение 20 лет никаких партийных кабинетов не было. У власти стояли исключительно бюрократы, в числе которых были те же Окума и Итагаки, но уже не как «представители общественного мнения», а просто как их превосходительства сановники.

В заключение еще одна черточка. Ито был заядлейшим из бюрократов. Партия Итагаки была заядлейшей противницей бюрократии. А когда кабинет Итагаки — Окума пал и когда после 2-х летнего промежутка Ито опять стал премьером (он был им до июня 1898 года), он поманил своих врагов пальцем и спросил: а не желаете ли вы быть правящей партией? Те ответили: желаем, бросили свою программу в мусор, признали программу Ито и образовали новую партию, партию Сейюкай, партию премьер-министра *).

Этим исчерпывается политическая история Японии за последнюю четверть XIX века.

*) Вся программа Ито сводилась к нескольким, ничего конкретного не выражавшим, фразам.

Мы попробуем теперь найти социально-экономические корни подобной прямо-таки ослепительной беспринципности.

Экономика и социальные отношения в Японии конца XIX века.

В период династии Токугава Япония была типично аграрной страной. 85% доходов сёгуната и даймё доставлял земельный налог и только 15% давали торговля, ремесло и т. д. Единственная крупная отрасль торговли была торговля рисом, доставлявшимся феодалам в форме натуральной подати. Первая фабрика построена только в 1862 году. Единственной отраслью крупного производства была тогда добыча меди. Внешняя торговля была ничтожна по размерам.

Те же черты аграрной страны Япония удерживала и во весь период, предшествовавший японо-китайской войне 1894—95 г.г., когда экономическое развитие страны сделало сразу заметный шаг вперед и когда Япония из страны аграрной начала повышаться до типа аграрно-промышленной.

У нас нет возможности осветить взятую тему во всей полноте, но нам кажется, что те немногие цифры, которые мы здесь приведем, все же дадут читателю более или менее ясное представление о той Японии, которая нанесла царской империи памятные удары в Маньчжурии. С тех пор Япония изменилась очень сильно.

Начнем с земледелия, главного занятия Японии XIX века. Земледелие было источником заработка большинства населения, и, как и при Токугава, основным источником доходов. Но прогресс в этой области не был особенно заметным. Расширение посевной площади происходило сравнительно медленно, и урожайность не увеличивалась. Это объяснялось прежде всего тем, что в Японии только около 18% земель могут быть приспособлены к нуждам земледелия, без затраты очень больших капиталов. Заметное расширение посевной площади имело тогда место на северном острове, на Хоккайдо, который в Токугавский период оставался почти совершенно пустынным. В 1877 году хоккайдское население возросло уже до 191 тысячи жителей, в 1887 до 321 тыс. жит. и затем удваивалось через каждые 10 лет, дойдя до 2-х с лишним миллионов в 1917 г. (теперь там около 2½ миллионов жителей). Что касается урожая, то, поскольку можно судить по цифрам, даваемым т. Кэтайама («Новый Восток» № 2), он в последнее 15-летие прошлого века не увеличивался, а, наоборот, падал. Лишь применение химических и других искусственных удобрений заметно уве-

личило урожайность тех приблизительно $5\frac{1}{2}$ миллионов десятин, которые обрабатываются в Японии, но этот шаг был сделан уже в XX веке (с 14 коку до $19\frac{1}{2}$ коку на десятину). Несмотря, однако, на рост населения, Япония в XIX веке еще не нуждалась в привозе зерна, наоборот, она сама фигурировала в качестве поставщицы риса на мировой рынок. Впрочем, это не значит, что у нее могли быть большие излишки. Во всяком случае строить на вывозе зерна свою внешнюю торговлю она не могла.

Как говорилось раньше, крестьяне уже с середины 80-х годов начали терять свою землю и превращаться в арендаторов земельных скупщиков, положение которых было очень выгодное: они взимали с арендатора тем больше, чем дороже становилась земля, но платили налогов не на много больше, чем тот, который был определен во время земельной реформы 1872 г. Так вырос в Японии класс земельных паразитов, представители которых до начала XX века составляли самую многочисленную группу в Нижней Палате парламента. Даже в 1902 году они занимали там 32% всех мест, против 19% мест, занятых торгово-промышленной группой, второй по числу голосов (в 1920 году соотношение между ними было уже 14% и 40%; паразиты стали уже самой малочисленной группой). Землевладение в городах, тоже находившееся под особым покровительством законов, не было таким же прибыльным, как раньше, но зато оно обогатило многих на исходе века, когда в течение всего лишь трех — четырех лет земельная рента в Токио возросла в 3 раза (говорит Чемберлен). Тип городского земельного паразита характерен уже для XX в., а не для XIX.

Сказанное выше уже дает кое-что для понимания тех постыдных фактов, которые составляли канву истории японского парламента. Паразитам незачем был прогресс, не нужны были условия, способствующие развитию производительных сил.

Мелкое ремесло и кустарные промыслы были развиты в Японии и в Токугавскую эпоху. Улучшение в этой области при Мейдзи наблюдалось лишь в смысле частичного, очень слабого перехода к пользованию механическими двигателями. Но качество производимых товаров не улучшилось, оно, как правило, ухудшилось, как ухудшилось и положение занятых в них рабочих. Число последних увеличилось значительно благодаря резкому увеличению производства шелка, при Токугавах распространенного лишь на сравнительно небольшой территории, а теперь развившегося во многих других местах и создавшего спрос на работающих на дому, помимо занятых

в предприятиях. 15 часовой рабочий день был в этих предприятиях в конце XIX века нормальным явлением. Случалось, что работали и по 18 часов. Шелководство усиленно поддерживалось властью. Однако, не Япония, а Китай, был тогда главным поставщиком шелка на мировой рынок.

Некоторые виды кустарной промышленности в эпоху Мейдзи возникли из ничего, как, например, изготовление шляп, некоторые, — как изготовление стальных цыновок, развились в связи со спросом в Америке и Англии.

Из отраслей крупной индустрии большая часть в XIX веке была в зачаточном состоянии или даже не существовала вовсе. Так, кожевенное производство двинулось вперед лишь с уничтожением последних стеснительных таможенных правил (старо-договорных) в 1911 году. Между прочим, эта отрасль очень многим обязана русским военнопленным 1904—5 г. Мукомольное дело стало развиваться лишь со времени русско-японской войны. Целлюлозное развилось в последние годы. Химическое во время войны с Россией только еще возникло. Вообще говоря, большая часть людей, писавших тогда о Японии, говорила о японской промышленности, как о «молодой», как о «появившейся» и т. д., при чем Чемберлен имел еще смелость уверять, что для Англии эта промышленность не конкурент. (Он писал об этом в 1905 году).

И, действительно, крупная промышленность была тогда новостью в Японии. Большая часть ее отраслей зародилась в виде одной — двух фабрик, открытых «для опыта» лишь в середине 80-х годов; более старыми были только бумажная фабрика, построенная в 1872 году, прядильно-ткацкие (с 1862 г. в Кагосима, столице Сацума), цементные и некоторые другие, но бумажное *) производство развивалось очень медленно, а прядильное оборудование лишь в 1889 году стало измеряться 115-ю тысячами веретен в Осацком районе (в других районах эта промышленность еще только нарождалась). Это значило, что прядильная промышленность единственная, заслуживавшая уже беглого упоминания, была в Японии в год объявления конституции, почти в 40 раз меньшей, чем теперь, и почти в 70 раз более слабой, чем в 1913 году в России. Лишь в следующем, 1890 году, была сделана первая попытка вывозить пряжу за границу. Но ввоз ее еще и до 1907 года превышал вывоз.

*) Имеется в виду газетная бумага. Тонкая японская бумага изготовлялась на много столетий раньше кустарным способом.

Таким образом, даже старейшие и крупнейшие отрасли японской промышленности до начала XX века могли рассматриваться, как зародышевые. Аграрный характер страны все еще сохранялся. Аграрно-промышленной Япония становится лишь после русско-японской войны.

Перейдем к внешней торговле.

Ускорение ее развития относится к тому же времени, к которому относится появление в Японии первых фабрик разных отраслей промышленности, т. е. к середине 80-х годов. Но только к 93-му году обороты внешней торговли Японии (ввоз плюс вывоз) начинают измеряться почтенной сравнительно цифрой — приблизительно в 180 миллионов ен, а к следующему году, году войны с Китаем, мы видим еще больший скачок: до 130 миллионов ен по вывозу и 117 миллионов по ввозу, итого до 230 с лишним миллионов ен всего оборота.

Чтобы оценить эту цифру, нужно знать, что наш средний оборот в 90-х годах был равен (по Огановскому) 713 миллионам рублей или, скажем примерно, 750 миллионам ен. Наше население равнялось тогда приблизительно 130 миллионам человек, а Японии приблизительно 43-м. Таким образом, обороты на душу у нас и в Японии оказались почти одинаковы.

Не то было раньше.

В годы, предшествовавшие промышленному строительству 80-х годов, рост внешней торговли Японии оставался все время очень небольшим, тогда как у нас он происходил очень быстро: от 225 миллионов рублей в среднем в 50-х годах до 369 миллионов рублей в 60-х и 707 м. р. в 70-х (в 80-х у нас было падение до 642 миллионов рублей).

В Японии же мы видим такую картину: 26 мил. ен в 1868 г., 51 мил. ен в 1877 и 63 мил. ен в 1884 году. Это было почти что топтанием на месте. И на очень низком месте. Мощный рост начался, оказывается, только тогда, когда Япония стала хозяйкой своих таможен, своей торговой политики. Впрочем, не будем делать отсюда преждевременных выводов.

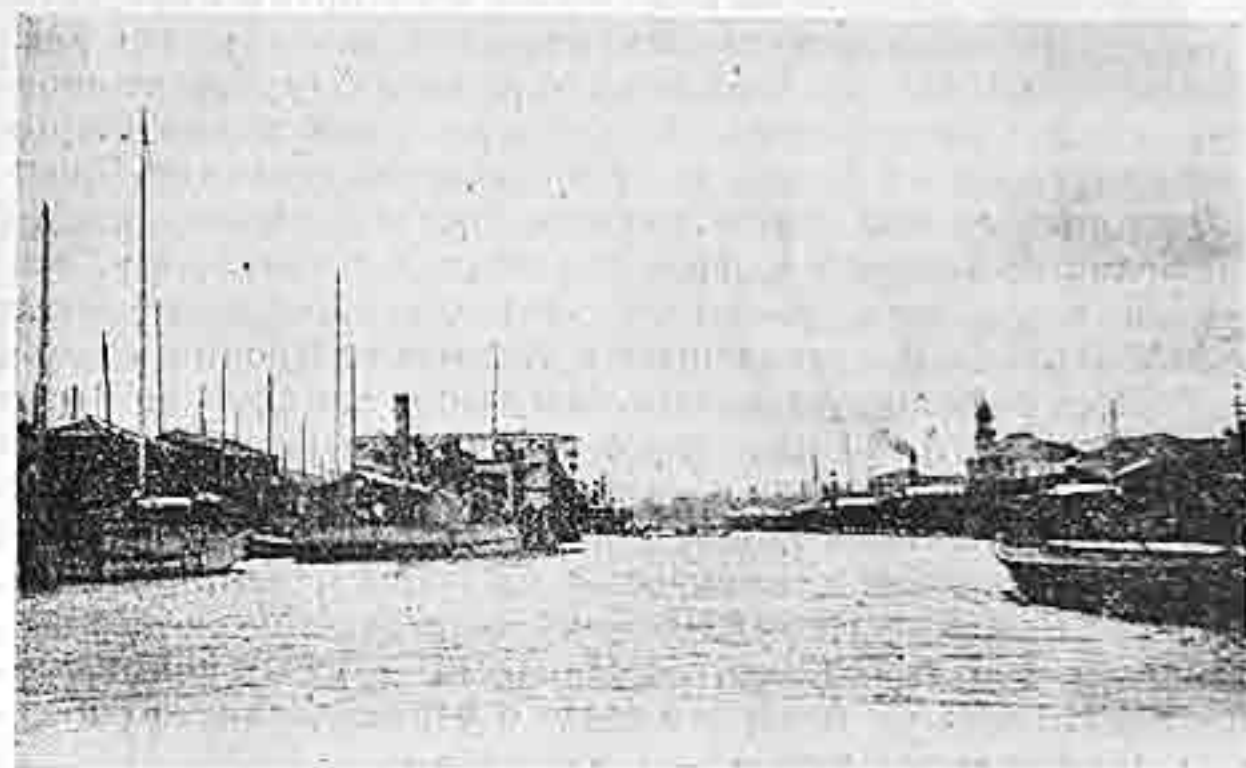
Забегая вперед, прибавим, что в 1904 году торговый оборот Японии поднялся уже до 690 м., а в 1907 до 916 миллионов ен и 1.186.000.000 ен в 1914 году. Дальнейших цифр приводить нет смысла, так как в последующие годы в увеличении оборотов сыграло роль колоссальное вздорожание.

К 1904 году характер японской торговли еще не вполне определился. Ввоз фабрикатов для потребления уже не играл тогда первенствующей роли, но и промышленное сырье не занимало особенно крупного места, а в вывозе преобладали предметы кустарного производства, не сырье. В наше же время

японский обмен с внешним миром имеет уже определенно «промышленный», а не «аграрный» характер.

Здесь следует остановиться на одном, очень любопытном процессе, который происходил и происходит ныне при наличии самого попечительного сочувствия власти жмутих. Это процесс вытеснения из внешней торговли страны иностранных посредников.

В 1868 году (по данным «Кроникл») почти вся внешняя торговля Японии шла через тех иностранцев, которые или жили лично, или имели свои представительства в ее договорных пор-

Верфь в Осака.

тах. В 70-х годах, и затем в 80-х, в руках иностранцев было попрежнему от 100 до 95% всех оборотов. В 1893 году доля иностранца падает впервые до 83%, а японская доля от 0% в 1868 году возрастает до 17%. О дальнейшем ходе дела ни у нас, ни у нашего информатора сведений нет, а потому мы вынуждены перескочить в XX век, прямо к 1907 году.

Иностранная доля сократилась уже до 60%, японская поднялась до 40%. Еще пять лет, и в 1912 году японцы и иностранцы меняются местами. Теперь 60% у японцев, а 40% у иностранцев, а еще через 6 лет, в 1918 г., японская доля равна уже 80%, а иностранная 20%.

Следовательно, вытеснение иностранного капитала в торговле приняло отчетливые формы лишь в XX веке, но началось оно уже в XIX веке. Иностранные капиталисты, имеющие свои

предприятия в Японии, постоянно жалуются на то, что правительство и все его агенты, вплоть до городского, делают все возможное и невозможное, чтобы помочь японскому купцу или промышленнику в ущерб иностранному. Приводились в пример случаи задержки осмотра товаров в таможнях, опаздываний деловых телеграмм, внезапных возникновений совершенно неожиданных, сопровождаемых тысячами извинений, формальных затруднений, необыкновенной забывчивости чиновников и низших служащих и, наконец, даже подстрекательства к забастовкам.

Конечно, во всех этих жалобах не мало прямых преувеличений, но опыт маньчжурских порядков показал, что доля правды в жалобах на опаздывание срочных грузов не-японских купцов имела место. Планомерное вытеснение старых концессионеров из Кореи тоже вне всякого сомнения. Вообще же система всемерных поддержек своих дельцов против иностранных несомненно ярче выражена в Японии, чем, скажем, в английских колониях. Это был достойный ответ на мероприятия, применявшиеся в отношении Японии в целом периоде ее полуколониальности. Мы затронули здесь этот факт лишь потому, что он дает ключ к пониманию той привычки японского купца обивать начальнические пороги, которые делают его и в частных делах, и в коллективных выступлениях более покладистым в отношении бюрократа, чем, положим, купца или промышленника старых капиталистических стран. Манчестерское «лессе фер, лессе пассе» — чуждо пониманию японца. Но об этом ниже — в главе о партии Дзидзюто Досикай и о ее лидере Муро.

В рассматриваемый период заботливость правительства о купечестве и других предпринимателях проявилась в особенно яркой форме во время войны с Китаем и после нее, когда 230 миллионов таелей (около 300 миллионов рублей) контрибуции, полученной с побитого Китая в форме ссуд, субсидий и т. д. принесло gründерам колоссальные барышни. Фирмы Мицубиси, Окура, Асано, Мицун и т. д. (о них мы расскажем подробнее ниже) росли именно в тот период.

Эта война, обогатившая немногих, ухудшила положение очень многих. Цены быстро возросли, бешено взвилась кверху земельная рента, страшно вздорожали квартиры, возрос бюджет, равнявшийся в 1895 году 85 миллионам ен, но поднявшийся сразу до 186 миллионов ен уже в 1896 году, возросли налоги, число дивизий увеличилось с 6 до 12 и обеспечило своим существованием упрочение сравнительно высокой цифра бюджета и на будущее время. Во избежание недовольств и пре-

реканий опытные проагандисты принялись «сделать общественное мнение» в духе подозрительности к иностранцам и ненависти к ним. Недопущение Японии до захвата Ляодуна, и последовавший захват заступниками за Китай Порт-Артура и Дайрена (Дальнего), Цзяочжоу (Германией), Гуанчжоу-вана на юге (Францией) и Вэй-хай-вея (англичанами) облегчило пропагандистам их работу. А правительству, которое могло быть уверено в патриотизме граждан, легче было теперь провести «в интересах обороны государства» новые полезные для плутократии законы, из которых отметим закон о субсидировании пароходств в 1896 году *). В следующем, 1897, году Япония сделала важный шаг на пути к укреплению своей финансовой устойчивости: ввела золотую валюту. Через два года Япония праздновала по поводу проведения в жизнь новых, равноправных договоров. Это подчеркнуло превращение Японии в нормального типа капиталистическую страну. В XX век она вступает уже в качестве равноправной с европейскими державами, равноправной и в смысле возможности увеличивать пошлины и способствовать, таким образом, росту цен.

Нам остается еще сказать несколько слов о рабочем движении, первые проблески которого относятся к периоду, когда наметился переход Японии из числа аграрных стран к аграрно-промышленным. Но это были только проблески. Власть потропилась ликвидировать их и только ко времени мировой войны мы видим новый, на этот раз уже не поддающийся примитивным методам полицейской ликвидации подъем.

По необходимости мы будем кратки. Интересующихся же подробностями отсылаем к работам Шаллэ, Эпштейна, Тани и Носака (все на русском языке).

Как мы уже сказали, после японо-китайской войны широкие массы японского населения стали жертвой быстро растущей дороговизны, увеличивавшейся в отношении некоторых товаров в геометрической прогрессии. Политика субсидий, поощрений, дешевого кредита для изблюбленных фирм, и, наконец, введение, на основании пересмотренных договоров, защитительных тарифов, — все это, столь много сделавшее для обогащения буржуазных верхушек и, кстати сказать, еще более распроститутировавшее так называемых «японских либералов».

*) К 1900 году японский торговый флот измерялся 534 тысячами тонн. Что касается железных дорог, постройка которых начата с 1870 года, то к 1903 году их протяжение равнялось 6355 верстам. (К 1921 году их стало приблизительно в 1½ раза больше. Кроме того, в 1921 году было 3000 верст трамваем и узкоколеек).

сделало положение масс настолько плохим, что феодальные времена начали уже представляться чем-то весьма привлекательным. Но основная масса населения, крестьянская, еще далеко не изжила своей веры в «царя-батюшку», который ознаменовал начало своего правления земельной реформой 1872 г. А рабочие, тогда еще сравнительно малочисленные, были в значительной части связаны с крестьянством гораздо прочнее, чем с городом. Об этом говорят такие, например, цифры: в Осаке, центре японской промышленности, население равнялось в 1895 году всего 487 тысячам, а в 1898 — 821 тысяче. Рабочие во многих случаях были таковыми лишь временно, — на отхожих промыслах. Отсюда вера в возможность добиться улучшений петициями и просьбами, отсюда — слабый успех начавшейся тогда пропаганды социализма. С подъемом, отметившим конец новой войны, войны с Россией, начавшееся тогда движение пошло на убыль, и в 1909 году по внешности прекратилось почти вовсе.

К концу XIX века и началу XX относится в Японии деятельность тов. Катаяма.

Последние 25 лет.

25 лет тому назад Япония была в глазах европейца каким-то международным курьезом.

«Маленькая страна удивительных, вежливых и смелых людей», «страна цветущей вишни», «родина самых женственных женщин», «страна солнца, цветов и улыбок», «страна бездушка», «страна изящества», «страна парадокс». Как только не называли тогда Японию восторженные ее описатели, с юных лет воображавшие, что культурной может быть только Европа, и что все, что не Европа, то дичь, грязь и мусор, и неожиданно натолкнувшиеся на факт существования культурной страны на Востоке!

«Япония — талантливый ученик Запада», — говорили менее восторженные, и снисходительно хлопали ее по плечу.

«Япония — обезьяна», — веско говорили просто глупые люди, делая умное лицо.

20 лет тому назад Япония стала для русских людей предметом зависти и почтительного уважения. Ее «свободы», ее конституция, ее всеобщая обязательная грамотность, ее «европеизм» так были хороши по сравнению с нашим собственным политическим и бытовым варварством! Но завидовали и почтительно уважали Японию не потому, что знали ее внутреннее состояние, а потому лишь, что хотели предполагавшихся там благ для себя. Описания Японии были по существу лишь политическими памфлетами против самодержавия, как памфлетами были и те описания «варварства Японии», которые невольно, сами собой, появлялись из-под пера тех, кто писал о ней в недавние тяжелые дни, когда по сонмам и падам русского Востока щелкали пули интервентов.

В сущности ни тогда, ни раньше русский читатель не знал о Японии ничего определенного. Слишком много было своего наболелшего, требовавшего разрешения и борьбы, чтобы оставалось время на изучение соседки русской далекой окраины. Плохо знали Японию и на Западе, даже в Англии.

В этом нет ничего удивительного. Чтобы разбираться в делах Японии, недостаточно было общего подхода, недостаточно, с другой стороны, и специфически ориенталистского знакомства со страной. Слишком много в Японии своеобразного,

чтобы судить о ней по аналогии, но и слишком быстр стал темп ее развития, чтобы человек, занятый детальным изучением языка, истории и духовной культуры Японии, успевал осмысливать совершившиеся перемены.

25 лет — это тот срок, которого не вполне достаточно, чтобы стать глубоким знатоком столь своеобразной страны в ее да и не для определенной момента и предшествовавших ему видах. А 25 последних лет были для Японии, да и не для одной только Японии, а для всех вне-западно-европейских стран, — периодом необыкновенно быстрых изменений. «Период бури и натиска» — это слишком слабое выражение. Буря и натиск надвинулись в квадрате, в кубе.

Оставим пока Японию в стороне. Возьмем Россию. Что общего между чеховской Россией, пусть даже Россией горьковской, России предбурной, с той Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой, в которой зрелая молодежь плохо помнит о столыпинско-распутинских днях и ничего не помнит о том времени, когда «Боже, царя храни» еще не звучало смешно, и когда петербургские рабочие не хотели, чтобы оратор затрагивал «царя-батюшку».

Остальные не на десятилетия, а на века, Турция и Персия пережили по две революции. Застраивший в раннем средневековьи Афганистан испытал освежительные бури и решительно двинулся вперед. Индия, Египет, Ява напряженно рвутся к новой жизни. Огромный Китай резко порвал с обветшалыми преданиями седой старины, и если не материально, то идеологически обгоняет Европу.

Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, еще недавно географические понятия, играют теперь роль великих держав. Аргентина и Бразилия выросли за несколько лет во всех отношениях. Даже Монголия успела совершить колоссальную эволюцию. Даже в глуши Африки начались заметные сдвиги.

И за те же 25 лет Соединенные Штаты Америки, о которых в конце XIX века говорили всего лишь, как о, правда, процветающей и богатой, но все же колонии Европы, заняли в капиталистическом мире первое место, первое и в промышленности, и в финансах, и по международному своему весу.

Эти 25 лет были тем временем, когда в планетарном масштабе повторился тот процесс, который 2200 лет назад переживал древний мир в узком масштабе Средиземного моря. — процесс «эллинизации», процесс перемещения осей международной торговли, политики, культуры.

Прогресс Японии в XX веке не был чудом. Он был, пожалуй, не более стремительным, чем в других вне-европейских странах в тот же период. Но по сравнению с прошлыми временами, он был колоссален.

Возможно ли уложить в таком случае историю этих годов в несколько страниц? Конечно, нет. Можно лишь ограничиться зарисовкой общей картины и указанием на важнейшие исторические моменты. Но для нашей цели этого будет достаточно. Все-таки этот период жизни Японии в русской литературе освещен достаточно подробно и мы имеем возможность просто сослаться на уже имеющиеся работы. Ограничимся поэтому лишь самым важным и по возможности будем избегать того, о чем уже рассказано или что будет рассказано в других главах.

Вернемся теперь к исходному моменту.

Как было сказано раньше, те годы, когда Япония боролась за равноправие между державами, отмечено в международном масштабе одновременным расширением на Азиатском материке двух колоссов: царской России, действовавшей в согласии с французскими банкирами, стремившимися к созданию железнодорожной русско-французской магистрали от Балтики до Индо-Китая через Китай, и Великобритании, которая, имея базу в Индии, стремилась к захвату Тибета. Персии и т. д. где, как и на Дальнем Востоке, ее интересы тоже сталкивались с интересами России. К числу претендентов на Азию присоединились еще Германия и Франция непосредственно.

Япония победила Китай в 1894—5 г.г., но была разбита державами на дипломатическом фронте. Единственное, чего она добилась, это контрибуции в 230 миллионов таелей и обладание Формозой (Тайваном), который заканчивает собою японскую цепь островов, блокирующую подходы к Китаю.

Но в самом Китае взятый японцами с боя Порт-Артур попал в руки России, Вэй-хай-вей, лежащий насупротив, в Шаньдуне, в руки Великобритании; еще южнее, но в том же вождельном Шаньдуне, засели в Цзяочжоу (Циндао) германцы; дальше, у Гонгконга, англичане расширили свою территорию за счет китайского побережья, а Гуанчжоу-ван, что близ острова Хайнань, попал французам, хозяевам соседнего Тонкина *).

*) Гуанчжоу-ван находится в восточном углу, образованном береговой линией материка и полуострова, который вытянут в направлении острова Хайнань, самой южной части китайской территории.

Началась лихорадка железнодорожных концессий. Россия строила сплошной рельсовый путь к Порт-Артуру и Дальнему (ныне Дайрену), а французы, действуя согласно с Россией, намечали дальнейший план строительства до Гуанжоуван на крайнем юге Китая и до Тонкина. Германия построила в перпендикулярном к этому направлению Шаньдунскую дорогу. Китай превращался в колонию континентальной Европы.

Этого не могла допустить Япония. Этого не могла допустить и Англия, у которой и с Россией, и с Францией, и с Германией были к тому же противоположные интересы и в Западной Азии. Естественно, что Англия начинала тяготеть к Японии, а Япония к Англии. Еще за 4 года до того, Англия, как расчетливый торговец, поняла, что ей выгоднее поступиться кое-чем в пользу Японии, но зато обеспечить все остальные интересы в Азии. Поэтому она поторопилась признать равноправие Японии. Теперь же дело шло уже о союзе с Японией, который и был заключен 12-го августа 1902 года, а в декабре следующего года английская экспедиция полковника Юнгхобенда вторгается, несмотря на протесты России, в Тибет.

Через месяц — полтора после этого выступает против России и Япония и наносит ей неслыханное до тех пор поражение. Россия выгнана из Южной Маньчжурии. Южно-Маньчжурская дорога попадает в руки Японии. Квантунский район с Дайреном и Порт-Артуром становится японским генерал-губернаторством. Япония приобретает Южный Сахалин. Заодно с Южной Маньчжурией попадает в руки Японии и Корея, — пока еще негласно, неофициально. Англия и С. Ш. А., в лице Рузвельта, благословляют Японию на этот грабеж. Англия — потому, что она получает, благодаря ослаблению России, возможность утвердиться в Тибете и Южной Персии и начать готовиться против главного врага, Германии (что находит себе частичное выражение в англо-русском договоре 1907 года о разграничении в Азии), С. Ш. А. — потому, что возвышение Японии означало ослабление России в Тихом океане.

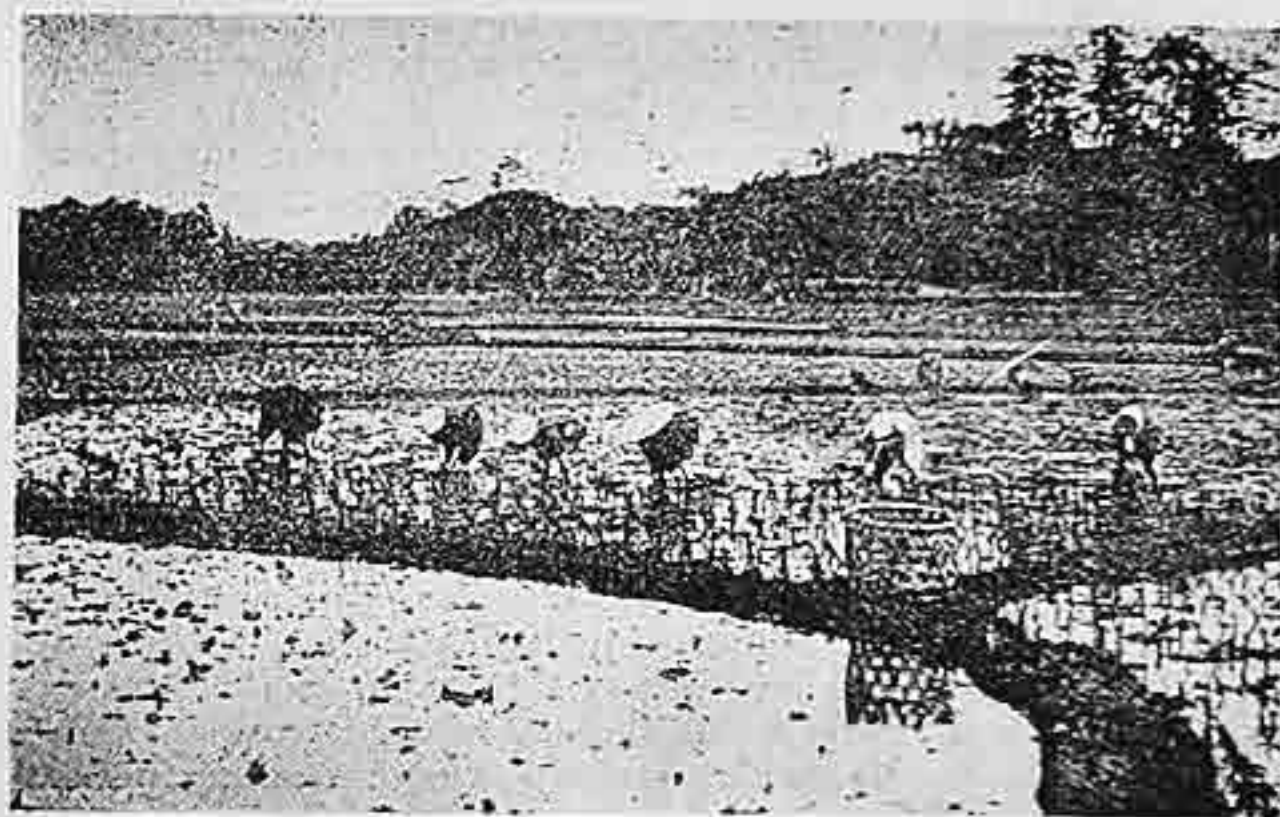
Но для кого была нужна война 1904—5 г. в Японии?

Для «стонущих от перенаселения» крестьян? Нет. Они впоследствии упорно бойкотировали Корею и Маньчжурию и если шли туда, то лишь для того, чтобы спекулировать получаемыми участками. Но это крестьяне — лишь по имени. «Стонущие от перенаселения», как выражались любители патетических выражений, великолепнейшим образом продолжают «стонать» и по сей день у себя в Японии. Как область для переселения японцев, Корея, вместе с Маньчжурией, дали

крестьянству Японии во много раз меньше, чем один Алжир крестьянам Франции.

Для владельцев фабрик? Да, конечно. Но Корея, как рынок, ничего особенно завидного не представляет, а как источник сырья, безусловно уступает Индии и Китаю. Маньчжурия, как рынок, тоже уступает Северному Китаю и Китаю центральному.

Но несомненную и немедленную пользу война принесла тем фирмам, которые уже тогда были кандидатами в крупные

На рисовом поле работают, стоя по колено в воде. Это труд, не требующий большой физической силы, но мучительный: жара, москиты, пиявки, необходимость усиленного внимания — удел крестьянина.

объединения. Их можно перечислить по пальцам. Это Мицубиси, Окура, Асао, Сумитомо, Мицун и Ясуда, о которых речь будет ниже. Выиграли, конечно, и все те, кто был связан с возникшими тогда полуправительственными предприятиями, как Ю.-М. ж. д. К.-о, Восточное Колониальное Общество, Банк Кореи и т. д., т. е. в конце концов те же Мицун, Мицубиси и прочие.

Их доходы выросли бешено. Выросли за счет корейцев и жителей Маньчжурии, а также за счет японской массы, сразу почувствовавшей увеличение налогового бремени. Численность армии удвоилась. Флот рос. Рос бюджет. Влияние мильта-

ристов не ослабело, а увеличилось. Три кабинета министров из пяти занимаются с 1905 года по 1914 год военными. Из них два возглавляются генералом Кацура, ставленником всемогущего маршала Ямагата, «создателя» японской армии, и вождем клана Циносю, а третий адмиралом Ямамото, фактическим главой клана Сацума. А что касается двух штатских кабинетов, то один возглавляется Сайондзи, братом главы фирмы Сумитомо, а другой Окума, лидером той партии, которая была основана генералом Кацура, ставленником клана Циносю. Это нынешняя партия Кенсейкай.

В 1910 году Корея была формально аннексирована Японией. И это событие стоило немало жертв со стороны корейцев. Раненых не было, были только убитые.

Одновременно в Японии были разгромлены последние остатки ранних профсоюзных объединений, социалисты ушли в подполье, и были казнены анархист Котоку и его одиннадцать друзей. В чем, собственно, заключалась их вина, это неясно и по сей день.

Экономическая депрессия несколько ослабила поступательные движения Японии. Но с 1911 года началось новое оживление. Между прочим, это сказалось и в появлении того зародыша нынешней федерации труда (Содомей), который носил тогда название Юайкай. Он осуществил, однако, свое право на жизнь не с боя. У него была участливая акушерка, в лице миллионера Сибусава, убедившего, кого следует, что лучше самим создавать профсоюзы, чем ждать, пока они возникнут сами собой. Результатом было появление «Дружеского Общества», в высокой степени безвредного объединения (в первое время).

Но вот подошла мировая война, в которой Япония должна была выступить, если только она хотела занять место великой державы. Но с кем и против кого?

Это было решено не вдруг. Япония не сразу решила, «на какого коня ставить»: даже много позже, во время боев под Верденом, вся японская пресса единодушно жалела, что в 1914 г. была сделана ошибка, издевалась над «брежущимися в окопах», «изнеженными» англичанами и восторгалась «германскими героями». Очевидно, подготавливался путь к измене союзникам.

Выступление Японии в 1914 году состоялось все же в пользу английских союзников и объяснялось официально, якобы, обязательством Японии помогать англичанам. (На самом деле такого обязательства из текста англо-японского договора не вытекало). Эта война дала Японии не слишком много воен-

ных дивров. «Охрана морей», на которых не было немецких судов, захват беззащитных островов в Тихом океане, усмирение индийского полка в Сингапуре (совместно с русскими усмирителями, моряками) и — самое крупное — осада Циндао — вот и все японские «подвиги». Все это обошлось ей что-то приблизительно в 200 жизней. Зато приобрела она много. Она стала хозяйкой Марианских, Каролинских и Маршалловых островов, и, став твердой ногой в Циндао, конечном пункте Шаньдунской жел. дороги, также обладательницей всех тех прав, которые имели германцы. Конкретно это значило, что она получила всю железную дорогу до ее пересечения с меридиональной магистралью, идущей от Тяньцзиня на Шанхай, получила ряд важнейших железнодорожных концессий, права на разработку горных богатств и обладание Циндаоским портом. Нужно пояснить, что провинция Шаньдун по числу жителей и по размерам приближается к Италии, а по горным богатствам превосходит ее *).

Но Япония не довольствовалась уже Шаньдуном. Ей нужен был весь Китай. Она понимала, что положение на русском фронте не блестяще, что война в Европе затягивается, что союзникам не до Китая, и она повела смелую политику.

В мае 1915 года она предъявила Китаю свой знаменитый ультиматум из 21 пункта, которые, в частности, 5-ая группа их, означали не более, не менее, как требование признания сюзеренитета Японии над Китаем. Это было слишком много даже в условиях занятости европейцев, и китайцев «спасли».

Но нажим на Китай со стороны Японии не прекращался. То по одному, то по другому поводу Япония «обижается», требует удовлетворения, получает его, требует еще большего, вмешивается во внутренние дела Китая, поддерживает в Пекине известное своею преданностью Японии правительство Дуань Ци-жуя, снабжает его займами и т. д.

Любопытно, что при штатском премьере Окума Япония потрясала оружием и угрожала, а при военном премьере Тераути изъяснялась Китаю в любви и одождивала ему или точнее — клубу Аньфу, в котором лидерствовал Дуань, деньги. (Эти займы, так называемые займы Нисихара, общей суммой в 150—180 миллионов, остались не погашенными и проценты по ним не вносятся. Но казна выручила капиталистов и переложила их тяготы на народ).

* Эти данные о Шаньдуне, как и вообще все данные о Китае, требуют, однако, строгой проверки.

Тем временем Япония быстро росла экономически, увеличивала обороты своей торговли, строила все новые и новые предприятия, создавала целые новые отрасли промышленности (главным образом, из отдела «химические»), поднималась на 3-е место в мире по кораблестроению и пароходству, накапливала золото, расширяла операции своих банков, получала, помимо торговых, внеторговые доходы из-за границы и проникала на все новые и новые рынки.

Чтобы представить отчетливее этот рост, полезно ознакомиться со следующей, взятой из «Таймса» сводкой. Его данные, быть может, и не отличаются безусловной точностью, но общая картина, рисуемая им, верна.

В декабре 1914 года Япония имела золотой запас 341 миллион ен, в 1920 году — 2.183.000.000.

В течение пяти лет излишки доходов казны равнялись в общей сложности 1266 миллионам ен. Тем временем японцы выкупили по дешевой цене своих обязательств за границей на 50 миллионов фунтов стерлингов.

Японский вывоз в 1914 году измерялся 591 миллионом ен, в 1919 году — 2.098 миллионами.

В 1913 году общий капитал вновь зарегистрированных компаний равнялся 355 миллионам ен, в 1920 году — 4988 миллионам ен.

Через расчетные палаты в 1914 году прошло счетов на 10.269 миллионов ен, в 1919 году — на 6.786 миллионов.

В 1913 году тоннаж торговых судов равнялся 1593 тысячам тонн. В 1921 г. — 3011 т. т., при чем в одном только 1918 году прирост за год измерялся 23 процентами.

Национальное богатство с 32 миллионов в 1913 году возросло до 86 миллионов ен.

Такова картина, зарисованная «Таймсом».

Из страны классической простоты и умеренности, из страны, где 10-ти копеечный подарок не считался неприличным даже в зажиточных семьях, где «на чай» платили по ниточке и меньше и где женский пояс был самым дорогим, переходившим от поколения к поколению, украшением, Япония превратилась в страну «нарикинов», новых богачей, с заманками бывших московских саирасов. Спекуляция процветала. Цены бешено росли. Зарплата до 1918 года безнадежно отставала. Беднота вспоминала о «сытых днях эпохи Токугава, когда никто не умирал от голода».

Наконец, затуманенное стало явным, и пресловутое «национальное единство» Японии приказало долго жить. Рисовые беспорядки 1918 года ярко вскрыли назревшие классовые

противоречия. Толпы полупролетариата, отчасти пролетариата, громили в ряде городов рисовые склады. Дома богачей горели. Вызывались войска. Это было первое проявление резкого недовольства масс. Неорганизованное, стихийное, лишнее какого бы то ни было руководства, оно, конечно, было скоро подавлено. Но рядом с этим движением росло и развивалось другое, менее бурное, но более опасное — движение рабочих.

Смешно вспомнить, что еще в 1917 году японские публицисты писали, что забастовки рабочих — это, дескать, наносное и временное, а вот школьные беспорядки — дело серьезное, о котором следует подумать. Однако, после 1918 года такие глупости в печати больше уже не появлялись.

К тому же времени в Японии отмечаются первые признаки нарастающего недовольства крестьян-арендаторов, которые позже — в начале 20 годов — принимают уже размеры, внушающие серьезные опасения. Быть может, хоть не основной, но одной из причин начатой в 1918 году интервенции в Сибирь было стремление отвлечь внимание недовольных от внутренних неурядиц.

Уже в 1917 году, во время развала царской армии, «Кокумин» и другие газеты не стеснялись писать, что поскольку-де ослабленная Россия не способна «выполнить свои обязанности на своей обширной территории», постольку на Японию «ложится ответственность перед историей и человечеством за судьбу Сибири до Байкала». Некоторые договаривались и до «Сибири от Урала до океана». Чехи и американские предложения послужили подходящими оправданиями, и в 1918 году в мае, почти одновременно с рисовыми беспорядками внутри Японии, ее армия входит в Приморье и доходит до Цркутека. Но вместо 7.000, о которых говорилось в американском предложении, послано было 70 тысяч. Япония, очевидно, и не собиралась уходить из занятой территории.

Начинается длительная борьба в горах и лесах Дальнего Востока, борьба, героизмом которой восторгались даже буржуазные английские газеты в Китае*), но о которой, к сожалению, мало знают в европейской части нашего Союза. Даже о кровавых днях 4—5 апреля 1920 года, когда подлое выступление сирятавших было свои когти японских наемников привело к гибели сотен людей на всем пространстве между Хаба-

*) Конечно, по своему. Их радовало, что горстка «белых людей» способна бороться против огромной силы государства «желтых элитов».

ровском и границей Кореи, не упоминается во многих справочниках и календарях.

Но интервенция была лишь частью обширной империалистической работы Японии. Тот же 1918 год отмечен также усилением нажима на Китай, который под видом военного соглашения с Японией против большевиков вынужден допустить расширение сферы японского влияния на всю Маньчжурию и на Монголию. А в Пекине правят в это время члены клуба Аньфу, Дуань Ци-жуй и его друзья.

Некоторая неудача в 1915 году не обескуражила Японию, и в 1917—20 г.г. ее влияние в Китае достигло зенитной точки. Даже С. Ш. А. должны были признать факт «особого положения Японии в Китае», а во время переговоров представителей Моргана (Александера, Ламонта и др.) о международном консорциуме для Китая с представителями японской банковской группы, последним удалось отстоять «принцип» невключения Маньчжурии в сферу деятельности консорциума. Тогда же было признано желательным сотрудничество между Японией и Америкой по формуле «американские капиталы, японские мозги». О японских интиках из лицемерия молчали.

Но героическое сопротивление дальневосточных партизан, стремительный рост национального движения в Корее, свержение Аньфу в Китае, приближение Красной армии к Тихому океану, возвращение европейцев на китайский рынок, продолжающийся рост могущества С. Ш. А. и разразившийся с марта 1920 года экономический кризис в Японии (раньше чем в других странах) изменили положение Японии к худшему.

Япония начинает сокращать пределы своей оккупации в Сибири, и с 1921 года ограничивается только Южным Приморьем и Сахалином. Она оставляет также в покое Монголию и соглашается в Вашингтоне на вывод своих войск из Шаньдуня; но зато тем упорнее цепляется она за Маньчжурию, где, воспользовавшись случаем, фактически захватывает заселенную корейцами область Канто или Цзяндао, предварительное устройство там проавую баню, и упорно поддерживает Чжан Цзо-лина во всех его попытках захвата внутрикитайского Китая. Проходит еще год, и японская армия бесславно оставляет 26 октября 1922 года Владивосток, четыре года подряд игравший роль политического центра целой огромной страны *).

< *) Тем, кто не бывал на Дальнем Востоке или кто побывал здесь до революции или после 1922 года, трудно представить себе Владивосток времен интервенции. Этот скромный окраинный город был тогда похож

Еще через три года очищен, наконец, и Сахалин, последнее прибежище на 7 лет затянувшейся интервенции. Почти одновременно с ликвидацией авантюры в Приморье, японские империалисты имели неудовольствие видеть поражение Чжан Цзо-лина под стенами Пекина. Кроме того, они очистили Шаньдун, где, впрочем, сохранили владение недвижимым имуществом, в виде жилых домов, фабрик с полумиллионном новоустановленных веретен и т. д. *), а к довершению всего, они испытали жестокий щелчок в связи с антияпонским законодательством в Калифорнии.

< на какую-нибудь балканскую столицу по напряженности жизни, на военный лагерь по обилию мундиров. Кафе, притоны, дома христианских мальчиков, бесчисленные, как клопы в скверном доме, спекулянты, торгующие деньгами обеих полушарий и товарами всех наименований; газеты восьми направлений и еще большего количества различных источников дохода; морфий и кокаин; проституция и шантаж; внезапные обогащения и нищета; мчащиеся автомобили; кинематографическая смена лиц; литературные кабачки; литературные споры; литературная и проч. бегема. Напряженное ожидание то одного, то другого переворота. Мексиканские политические нравы. Парламенты. Военные диктатуры. Речи с балконов. Обилие газет и книг из Шанхая, Сан-Франциско и откуда угодно. Английский язык. «Интервентские девки». Мундиры чуть ли не всех королевств, империй и республик. Лица всех оттенков, всех рас, до американских индейцев включительно. Белогвардейцы и партизаны. Монархический клуб рядом с митингом левых. Взаимное напряженное недоверие. Американские благотворители. Шпики. Взлетающие на воздух поезда и окрестностях. Пропадающие неведомо куда люди. Проекты и прожектеры. Бесконечные слухи, то радостные, то пугающие, слухи, которыми, казалось, был пропитан даже воздух. И полная изолированность от Москвы, превратившейся во что-то сказочное, недоступное, более далекое, чем Нью-Йорк и Лондон...

А над всем этим интервентский кулак.

Вообразите себе ухудшенный тип прежней Одессы, вообразите себе горы вместо степи, и изрезанный, как прихотливое кружево, берег, вместо прямой линии, перенесите все это куда-нибудь на 8 тысяч верст от советской земли, отведите одну улицу белым, а другую красным, прибавьте сюда по полку, по роте солдат разных наций, от голоколенных шотландцев до аямитов и каких-то неведомых чернокожих — и вот вам Владивосток переходных моментов. Таким же, с изменениями то в одну, то в другую сторону, он оставался все время, с 1918 по 1922 год.

*) По другим сведениям число веретен в Циндао всего лишь около 200 тысяч.

Таким образом, в области внешней политики Япония испытала жестокие разочарования даже в Китае, который привыкла рассматривать, как свою законную добычу. Правда, географическая близость и наличие оккупационной армии в Корее и Маньчжурии позволяет ей и поныне играть в Китае выдающуюся роль. Но силы ее и ее соперников все же оказались там настолько уравновешенными, что японофильские правительства не удерживались там. Так, например, правительство Цао Куна было явно американофильским. Впрочем, об этом периоде борьбы у нас писалось достаточно и в «Правде» и в других органах. Интересующихся же недавним прошлым японской империалистической политики отсылаем к работам т. т. Павловича, Виленского, Войтинского и Ходорова, а не имеющих времени читать подробности — к справочнику «Япония» О. Плетнера.

Вернемся к внутреннему положению Японии.

Второй год интервенции в Сибирь был годом наибольшего подъема забастовочной волны в Японии, а ее третий год, когда, кстати сказать, Япония боролась с начинавшимся в Корее освободительным движением (1920 год), отмечен в Японии повсеместным почти распространением крестьянских волнений.

Это был год кризиса.

С тех пор кривая благосостояния Японии начинает падать, не непрерывно, а с некоторыми подъемами, совпадавшими с моментами усиления спроса на шелк в С. Ш. А. Приостановка строительства крупных судов (после Вашингтона) приводит к резкому сокращению числа рабочих в тяжелой промышленности. Легкая индустрия работает при сокращенном рабочем дне: часть фабричных корпусов консервируется; многие закупленные уже машины устанавливаются не в Японии, а в Китае. В связи с падением фрахтов сокращаются внеоборотные доходы. Внешняя торговля падает. «Новые богачи» вылетают в трубу. Во всех слоях общества усиливается недовольство. Обаяние милитаристов, которые были, якобы, единственными виновниками 800 миллионного расхода на оказавшуюся безрезультатной интервенцию, тускнеет. Число желающих поступать в военно-учебные заведения, несмотря на безработицу, падает. Но калифорнийский и вообще «расовый» вопрос продолжает гальванизировать чудящее патриотизма.

Особенно сильное развитие безработицы среди интеллигенции, носительницы идей патриотизма и национализма, приводит к постепенному ослаблению монархизма и способствует развитию «опасных идей» уже не только среди рабочих. Более умные среди командующего класса начинают понимать, что не-

довольным можно заткнуть рот всеобщим избирательным правом. И вот лозунг избирательной реформы подхватывается партиями, до тех пор относившимися к нему определенно враждебно.

После 1923 года, когда общее недовольство существующим положением проявилось чрезвычайно остро (об этом — в главе о революционном движении), необходимость реформ стала ясна для всех. События, последовавшие за великим землетрясением 1-го сентября 1923 года, еще сильнее подчер-

Типичная японская улица в г. Цуруга, связанном с Владивостоком постоянными рейсами. На второй слева вывеске видны японские буквы. На других — иероглифы.

нули накопившиеся противоречия. Адмирал Ямамото, ставший после этого премьером, признал это и пригласил в состав своего кабинета тех, кто называл себя сторонником избирательной реформы. Но Ямамото не долго был у власти.

Его заставило уйти «сознание своей ответственности» за покушение на наследника-регента. Однако, истинная причина заключалась, повидимому, в желании реакционеров испробовать, не удастся ли более прямотечная тактика, — тактика обуздания.

На пост премьера встает отъявленный реакционер, типичный бюрократ Кийоура, бывший протеже и ставленник Ямагата, которому Кийоура был обязан всем и которому ста-

рался подражать во всем (Киёура был прежде рядовым школьным учителем). Но у нового премьера не было никакой иной поддержки, кроме поддержки таких же, как и он, бюрократов из Верхней Палаты. Мало того, он даже рассорился со своими же бывшими коллегами из Тайного Совета, где он председательствовал до тех пор. И вот Киёура пытается, приличия ради, создать для себя собственную партию из наличных членов Нижней Палаты. Ему это удалось. Он отколол от Сейюкай ее большинство и затем распустил парламент.

Но он был слишком реакционер, чтобы понять, что реакционные меры не выгодны при создавшихся условиях для буржуазии, — не выгодны, ибо только усиливают брожение, становящееся уже опасным. Буржуазия понимала, что действовать нужно не только дубьем, но и хитростью.

И Киёура, первый из всех премьеров, пускавшихся на подобную аферу, потерпел неудачу. Его «собственная» партия, Сейюхонто, провалилась на выборах. Ее поведение и тактика не соответствовали действительным потребностям класса.

Восторжествовала партия Кенсейкай («партия Мицубиси»), но она получила лишь относительное большинство голосов и потому ей пришлось пойти на коалицию с Сейюкай и Какуэни-Курабу. Это было в 1924 году, в июле.

Кенсейкайский кабинет осуществил, наконец, избирательную реформу, сократил армию на четыре дивизии и провел кое-какие бюджетные сокращения. Но нужно долго пояснять, как все эти реформы, подобно другим, не упомянутым здесь, были обезврежены их же осуществителями. По крайней мере, большая часть японской «демократии» еще далеко не разобралась в этом обмане, и она восставила Кенсейкай.

Кенсейкай стала самой популярной партией Японии. Ей уже не нужна была коалиция. И она порвала со своими союзниками и стала править сама, заручившись для верности покровительством изров из Верхней Палаты. С той поры Япония управляется коалицией из трестированной буржуазии, заинтересованной, главным образом, в пароходстве, кораблестроении, металлургии и, само собой разумеется, банковском деле, и бюрократическо-военной клики, представленной как кланом Цусю, так и Сацума.

Замазав реформами рты части недовольных, обеспечив себе поддержку, избавившись от ненужных попутчиков и, укрепивши свои позиции со всех сторон, эта коалиция приступила с еще большим усердием к настоящему серьезным делам — к подавлению трудящихся, и поскольку это возможно, к обеспечению интересов Японии на материке.

Этим мы и закончим наш краткий обзор последних 25 лет истории Японии. Подробности, упущенные здесь, мы дадим в соответствующих местах ниже. Пока же бросим еще один раз взгляд на прошлое.

В 1853 году фрегат «Паллада» прибыл в порт Нагасаки. То, что бывший на нем Гончаров описал в посвященных своему путешествию трех томах об Англии, еще не заплеснелось. Некоторые страницы кажутся совсем свежими.

Но для Японии это был только первый год движения против сёгуната Токугава, первый год торговых сношений уже не только с голландцами и китайцами. Для Японии это время — еще почти средневековье.

Идя из Нагасаки на север, «Паллада» прошла на высоте той бухты, где семью годами позже возник Владивосток. Но экипаж «Паллады» не знал еще о существовании того, что позже названо было «Золотым Рогом». Быть может, по нынешней Ленинской прогуливался тогда семейство тигров или барсов.

Когда нынешние 75-ти летние старики были молодыми, Япония, хотя избавившаяся от сёгунов, внешне оставалась прежней, была такой же полуколонией иностранцев, как теперь Китай.

Когда народолюбцы уничтожили Александра II, Япония была еще вполне аграрной страной. Промышленность в ней только нарождалась.

23 года тому назад на Японию смотрели, как на нечто весьма экзотическое, и грозили закидать ее шапками.

Через 12 лет после этого она стала несомненной великой державой.

В 1917 году, в год Февральской и Октябрьской революций, японские, далеко незаурядные публицисты, писали еще, что японские забастовки, нечто случайное и настолько мало серьезное, что неяска гимназиста на урок или рисование чортиков на спине нелюбимого педагога заслуживает большего внимания *).

*) К чести японцев нужно сказать, что в их отношении к школьникам нет ничего подобного тому, что описывалось у Помыловского, Куприна и даже Чехова. Детей в японских школах калечат умелым внушением патриотических чувств, а не кулаком и грубостью. Впрочем, теперь замечается известный сдвиг к худшему. Это стоит в связи с пронизывающей военизацией школ.

5—6 лет тому назад японское рабочее движение было еще совсем оторвано от мирового, хотя уже было настолько сильно, что не считаться с ним было невозможно. Но монархизм был еще очень прочен.

4 года тому назад даже самые левые из рабочих думали, что Бертрам Расселл—самый настоящий революционер и коммунист. Его встречали с флагами и речами.

А современная нам Япония, хотя и растерявшая кое-что от своего великодержавия, выдвигается, как одно из тех государств, где монархизм изгнивает быстро и несомненно, где буржуазия смыкает свои ряды против отчетливо и определенно левеющего пролетариата, где царствует трестированная буржуазия, где правительство просится на страницы политграмоты в качестве «идеала современности», где субъективные предпосылки пролетарской революции назревают на глазах.

Япония сегодняшнего дня — лишнее доказательство того, что мы не одни на арене мировой борьбы Труда с Капиталом.

Гончаров не поверил бы, что Япония будет держать в 1919 году гарнизон в Иркутске и соперничать с Англией на африканских рынках.

Но жизнь, чем дальше, тем стремительней.

Кто поручится, что для наших детей, когда они вырастут, зачена бело-красного флага — красным над старым едосским замком не будет смутным воспоминанием ранних лет?

Японская конституция.

Если вы хотите иметь наиболее краткое и вместе с тем наиболее верное представление о том, что такое не бумажная, а действительная японская конституция, откройте бухаринское «Мировое хозяйство и империализм», издание IV, найдите страницу 124 и прочтите, что там написано о государственной власти вообще, — во всех современных империалистических странах. Япония будет лишь одним из частных примеров.

Чтобы не затруднять читателей, вынншем наиболее существенное:

«Правительство де-факто превращается, таким образом, в комитет, выбранный представителями предпринимательских организаций и становится высшим руководителем государственно-капиталистического треста... Раньше парламент служил ареной борьбы различных фракций господствующих групп (буржуазии и землевладельцев, разных слоев буржуазии и т. п.). Финансовый капитал сылотил почти все их оттенки в «сплошную реакционную массу», объединенную в централизованных организациях... Парламент служит теперь в значительной степени лишь декорацией, где проводятся уже заранее заготовленные в предпринимательских организациях решения, и где коллективная воля всей сплоченной буржуазии находит лишь свое формальное закрепление. Идеал «сильной власти», опирающейся на гигантскую армию и флот, — вот идеал современного буржуа. Это вовсе не «остатки юнкерства», как полагают некоторые. Это не обломки прошлого, случайные свидетели старины. Это совершенно новое социально-политическое образование, вызванное ростом финансового капитала...

...Само являясь крупнейшим пайщиком государственно-капиталистического треста, современное государство является высшей и всеобъемлющей организационной инстанцией этого последнего.

Вставьте сюда слово «Япония», где оно синтаксически подходит, и бухаринский текст даст вам все то существенное, что необходимо знать о Японии, чтобы раз навсегда оставить нехорошую привычку искать те «ростки либерализма», «духи

демократизма» и прочие штучки, о которых в Японии говорят лишь для красоты слога, но в реальное существование которых верят лишь наши публицисты и информаторы.

Перейдем теперь к бумажной конституции Японии.

Вот оно, детище Ито, «японского Бисмарка».

Начнем с основного закона империи.

Глава первая. Она определяет право императора, особа которого признается «священной и неприкосновенной». За императором признается право назначения и смещения всех гражданских и военных чинов и установления их окладов. Он имеет право объявлять в течение большей части года (ибо сессия парламента продолжается обычно всего лишь... около трех месяцев!) издавать имеющие силу законов указы. Объявление войны, осадного положения, верховное командование вооруженными силами, определение состава и организации армии и даже заключение договоров и их отмена — все это является его исключительными прерогативами. Самое понятие об ограничении его власти остается не подтвержденным. Более того, параграф четвертый этой главы может быть истолкован, как признающий императора самодержавным и неограниченным никем.

Таким образом, по тексту основных законов, народное представительство не может ни в какой степени направлять внешнюю политику страны, невластно вмешиваться в дела армии и флота и не может контролировать аппарата исполнительной власти, представители которой зависят, таким образом, исключительно от носителя верховной власти.

Глава вторая говорит о правах и обязанностях граждан. Элементарные свободы, — свобода передвижения, вероисповедания, слова, печати, переноски, собраний, союзов, неприкосновенность собственности, жилища и воспрещение ареста «без законного основания» здесь указаны, но это указание сопровождается в каждом из соответствующих параграфов неизбежными «постольку-поскольку», сводящими их (как это показала вся история рабочего движения, движения ета, секты Охото-кио и т. д.), если не к нулю, то во всяком случае к бесконечно малой величине. Впрочем, до таких геркулесовых столбов, как царская Россия, Япония в этом отношении все-таки не доходит. Свобода для буржуазии в известной степени все-таки обеспечена там.

Глава третья, касающаяся парламента, не включает закона об избрании в нижнюю палату, но зато определенно говорит о том, что верхняя палата должна состоять из представителей аристократии и из лиц, назначенных императором.

В этой главе указано, что парламент должен созываться ежегодно на три месяца. Обеим палатам предоставлено право инициативы. Предписывается обязательный созыв и роспуск палат. Указано, что чрезвычайные сессии и продолжительность их определяются не самим парламентом, а императором, и что за свои речи и писания, вне стен парламента, депутаты, с согласия палаты, обязаны отвечать по закону, наравне с обычными нарушителями постановлений о печати и речах. Не подчеркнуто, но косвенно вытекает из текста этой главы, что роспуску может подлежать одна только нижняя палата, отнюдь не верхняя, которая, таким образом, является обеспеченной от всех неприятностей.

Последнее является той легальной базой, на основе которой выросла большая, по сравнению с нижней, сила верхней палаты. Поэтому большинство японских премьеров, гораздо больше заботилось об обеспечении себя поддержкой пэров, чем депутатов. А один из них, Кийоура (в первой половине 1924 года), был просто ставленником верхней палаты. И это определило его удачу в деле создания для себя новой «партии» в нижней палате, — партии Сейюхонто.

Один из параграфов этой главы устанавливает обязательный созыв нового состава парламента, в случае роспуска старого, не позже, как через пять месяцев.

Глава четвертая состоит из двух всего параграфов: один о министрах, другой о тайном совете. Текст обоих параграфов не соответствует укоренившейся практике, а потому мы будем говорить здесь не о том, что написано в параграфе 55 и параграфе 56, а о том, что есть на самом деле.

Хотя в этом 55 параграфе нет ни намека на существование кабинета министров, но на самом деле таковой в Японии существует. Несогласия между министрами, как правило, разрешаются отставкой их всех; назначение нового министра в случае смерти или болезни старого, делается по рекомендации председателя совета министров; отставка председателя сопровождается отставкой всех его коллег; смена уходящим приходит опять таки в виде уже готовой, сменяемой группы. Далее, — партийных кабинетов, как и ответственности министров перед парламентом, японская конституция не признает. Но фактически, начиная с 1918 года, у власти стояли сначала представители партии Сейюкай, затем, после короткого перерыва, ставленники Кенкюкай, группы в верхней палате, затем выдвинутые коалицией из трех партий и, наконец (1925—26 г.), ставленники Кенсейкай. Во всех этих случаях кабинет министров фактически существовал, и председатель его был дожде-

чиком не по своему только ведомству, но и по делам, касающимся его коллег. Но, нужно прибавить, военный и морской министры пользуются автономностью в своих делах. Отсюда их самостоятельность.

Обязанности тайного совета*) определены параграфом 56-м довольно неопределенно и расплывчато. Выходит, что если император не захочет, то может и не советоваться с этим учреждением; может также внести туда какой-нибудь вопрос, выслушать мнение, а поступить все же по своему. На самом же деле все дела, касающиеся толкования конституции, издания указов, дела внешней политики, а также почти все, подведомственное министерству императорского двора, разбирается тайным советом (Сумицу). Когда при правлении адмирала Като (это было в январе 1923 года) кабинет, не спросившись у Сумицу, самостоятельно разрешил вопрос о почтовом соглашении с Китаем, это было воспринято, как «нарушение конституции». Сумицу обсуждает обычно и все сколько-нибудь важные законопроекты. Этот обычай является результатом того, что Сумицу принадлежит право выяснять, соответствует ли тот или иной законопроект конституции или же противоречит ей. Существование такого обычая превращает Сумицу в своего рода дополнительную верхнюю палату, а двухпалатную систему превращает в трехпалатную.

Поскольку все министры являются экс-официо и членами Сумицу и поскольку заседания Сумицу происходят каждый раз по специальному приглашению императора, постольку кабинет является все же сильнее, чем этот совет.

Глава пятая касается суда. Она допускает лишение судей их полномочий не только в порядке привлечения к суду самих судей, но и в порядке дисциплинарном. Другая статья дает ряд исключений, допускающих неприменение принципа гласности судопроизводства. Последняя из статей этой главы выделяет дела об административных преступлениях в ведение особых судов.

В главе шестой, говорящей о финансах, бросается в глаза вытекающая из главы первой невозможность для парламента пересматривать установление для чиновников оклады, а также ограниченность его прав в делах, касающихся армии и флота. Большое практическое значение имеет статья, предусматривающая автоматическое применение исполнительной властью прошлогоднего бюджета в тех случаях, когда парла-

*) «Тайный совет» не нужно смешивать с «генро», нелегальным, но могущественным советом влиятельных старцев.

мент не успел принять новый бюджет. Выражение «не успел» может показаться странным, но, как читатель уже знает, сессии парламента в Японии до смешного коротки, и откладывание времени окончания сессии является довольно сложным делом. Кроме того, отсрочка, если и дается, то не на недели, а лишь на дни. Эта скупость на время — могучее орудие в руках тех, кто хочет добиться компромисса в свою пользу, в частности, в бюджетных вопросах. Но это касается не только бюджета: урезание в интересах реакции первоначального проекта реформы избирательного права было произведено при помощи той же системы запугивания недостатком времени.

Глава седьмая трактует о порядке изменения конституции. Эти изменения могут делаться лишь по инициативе императора и лишь при наличии, при обсуждении изменения закона, $\frac{2}{3}$ всего списочного состава депутатов и пэров. Других ограничений, вроде обязательных перед пересмотром основных законов перевыборов палаты, нет. Важной для данного времени деталью является недопустимость изменения конституции в период регентства. В настоящее время Японией управляет наследный принц. Его отец уже давно страдает психическим расстройством, от которого, повидимому, никогда не избавится. Но больной еще далеко не стар; он может прожить и 30 и 40 лет, а тем временем будет бесконечное регентство и вечные ссылки на невозможность пересмотра.

Избирательными правами пользовались при введении конституции лишь те граждане, которые платили прямых государственных (земские не в счет) налогов 15 ен. Впоследствии эта сумма была понижена до 10 ен и лишь пять лет тому назад — до 3 ен. Нынешний состав нижней палаты избирается уже после этого последнего уменьшения цензовой суммы. Но действующий избирательный закон, который был изменен и утвержден верховной властью в 1925 году, предусматривает уже право избирать за всеми японцами-мужчинами, достигшими 25 лет, относительно которых нет никаких оговорок. В случае, если нынешний состав палаты не будет распущен до истечения срока своих полномочий, новые выборы будут происходить лишь в 1928 году.

Нужно сказать, что этот новый закон далек даже от номинальной всеобщности. Он исключает всех корейцев, всех формозцев, всех «пользующихся из-за бедности помощью» и предусматривает ценз оседлости. Впрочем, суть не в этом ограничении, а в том, что нижняя палата, как видно из изложенного, совершенно бессильна. В лучшем случае представители трудящихся смогут использовать ее лишь, как трибуну.

Что касается верхней палаты, то она по своему строению хуже любой верхней палаты на свете. Она состоит из наследственно и пожизненно сидящих там потомков крупных феодалов (князей и маркизов) и принцев крови, из представителей носителей трех низших титулов, из избранных плательщиков самых больших налогов и из назначенцев. Последние, обычно заслуженные чиновники, являются наиболее активными членами палаты, и почти все они так или иначе связаны не только с бюрократическими кланками, но и с крупными фирмами. Председательствует в верхней палате потомок сёгунов Токугава.

Это подчеркивает, и сильно подчеркивает, номинальное «юнкерство» верхней палаты. Она по замыслу орган политической власти феодалов, но по сути последние превратились в современных капиталистов.

О местном «самоуправлении» много говорить не приходится. Самое характерное для него — это отсутствие именно того, что принято понимать под выражением самоуправление. Земства не более, чем совещания при губернаторах, да и то лишь по делам о местном бюджете. Они не имеют ни права инициативы, ни права контроля над администрацией. Право городских самоуправлений немного шире, но демократизмом там до сих пор, по крайней мере, и не пахло. Лишь в 1925 году с введением всеобщего избирательного права, в Явата и в других городах прошли члены рабоче-крестьянских партий (социалистических), создавшихся в местном масштабе. Но проявить себя они еще не успели.

Всесильные губернаторов, обычно ставленников правящей партии и друзей местных крупных землевладельцев и фабрикантов, всеялтые полиции, сующей свой нос решительно во все, вплоть до запрещений фильм с поцелуями, — полиция, воображающей себя учительницей, воспитательницей и покровительницей всех граждан, берущейся за третейские разбирательства, заботящейся о чистоте не только дворов, но и матов в комнатах жителей, делающей девушкам выговоры за курение на улице или за «неприличный костюм» и наставляющей на путь истинный расшалившихся ребят — вот что характерно для Японии.

Японские бюрократы и их технические помощники, нужно признаться, все-таки далеко не так грубы внешне, как романовские. В 1911—14 г. г. азиатская Япония казалась по сравнению с европейской Россией несомненным «Западом». Но по своей извечной «азиатскости» японский «чужак» хуже всякого

унтера Пришибеева, от которого он отличается лишь условной вежливостью и внешне коррективным видом.

Но эти плюсы не мешают японскому полицейскому устраивать в участках допросы с пристрастием, добиваться признаний, избивать демонстрантов и вообще проделывать все то, что от него приходится ожидать.

А в Корее и на Формозе он распоясывается во-всю. Там он похуже, чем был его русский коллега в Польше.

Улица в Токио, на которой расположены здания министерств. Посредине улицы виден рикша.

Жандармерии, в русском смысле слова, в Японии официально нет. Есть только военная полиция при дивизиях (вроде «нолевых жандармов» в России). Но на практике жандармы не раз выполняли те же обязанности, что и наши. А что касается жандармерии в Корее, то она уже несомненно представляет собою то же, что и русская, и имеет к тому же другие обязанности, как несение охраны границ, выполнение общеполцейских обязанностей в пограничных местах и т. д.

Японский суд — не прикрытый фразеологией о «великих традициях эпохи великих реформ» (как у нас до 1905 года) — орган той же бюрократической машины. Судьи — те же чиновники. Институт присяжных только вводится, но энтузиазма это ни в ком не вызывает и никаких иллюзий не создает. Даже так называемые «либералы» из партии Какуэни-Курабу отме-

чати в своих парламентских речах, что введение присяжных лишь усилит влияние скупщиков и земельных паразитов.

Уголовные законы в Японии довольно суровы. Смертная казнь применяется гораздо чаще, чем в Англии или во Франции или чем в России до 1905 года. Чтобы применить ее, не требуется введения военного положения и передачи дела в военный суд. С другой стороны, тюремный режим для совершивших менее тяжкие преступления мягче, чем во многих европейских странах (зато в Корее он гораздо хуже, чем был даже в царской России). Условное осуждение, досрочное освобождение и прочие новшества практикуются широко. В этом отношении Японию нельзя назвать отсталой.

В отношении политических «преступников» (колонии и тут кричащее исключение) японские законы были до 1925 года мягче, чем русские. Так, например, за пропаганду в войсках давали по 8—14 месяцев тюрьмы. Но, когда рабочее движение усилилось, старые законы были пересмотрены, и размеры наказания были увеличены в несколько раз: то, что каралось раньше годом заключения, теперь повлечет за собой десять лет тюрьмы.

Новый закон проведен одновременно с признанием СССР.

В общем и целом, суд, полиция, административные правы и проч. имеют в Японии определенно бюрократический характер. Но этот бюрократизм не нужно истолковывать, как пережиток крепостничества. Это бюрократизм современный и империалистический, а не царский. Ничего подобного нашим земским начальникам, волостным судам, телесному наказанию для «податных сословий», наконец, самих сословий, в российском смысле, в Японии нет.

Это приходится сказать, ибо от периода интервенции у многих из нас осталась привычка смотреть на Японию, как на вторую Россию.

Япония во многом гораздо более «Европа», чем империя Романовых.

Существуют ли в Японии политические партии.

Когда в 1904—5 году выступили на арену легальной или, вернее, полуполигальной деятельности русские политические партии, первое, что они сделали, — это было обнародование своих программ. Политическая партия без программы, политическая партия, члены которой, говоря о конкурирующей партии, критикуют не ее взгляды, не ее отношение к основным вопросам государственного строительства, а личные качества ее лидера, — политическая партия без философии, без принципов, без мировоззрения — это, в глазах русского человека, нечто, вовсе не оправдывающее своего названия. Он назовет это кружком, группой — как угодно, только не «политической партией». Но вот, именно, такими могут показаться японские партии при поверхностном знакомстве с их деятельностью. Да и не только — при поверхностном... Вот что говорит о них член японского парламента, доктор Лондонского университета Уэхара:

«Политические партии в Японии не являются политическими партиями в строгом смысле этого термина. Их следовало бы точнее называть политическими фракциями. То, что попускает членов парламента входить в ту или иную группировку, — это не одинаковое понимание политических проблем и это не общие принципы: личность вождя или соображения относительно персональной выгоды играют гораздо большую роль. Конечно, каждая партия имеет, собственную программу, но программы разных партий легко могут быть обмелены одна на другую. Все они не более, как совершенно общие суждения относительно общей политики государства».

Еще более решительно высказывался по этому поводу умерший в 1923 году редактор лучшей в Японии английской газеты «Джанан Кроникл», Роберт Юнг, большой знаток страны и типичный либерал, со взглядами и симпатиями периода фритредерства (свободной торговли, а не монополий). Для него японские партии были ничем иным, как случайным объединением людей, вступивших в организацию с единственной целью завести выгодные связи и, пользуясь ими, добратся либо до выгодных должностей, либо до положения правительственных агентов по поставкам: все остальное было, по

его мнению, не более, как «манерой говорить», да и к тому же и манерой, постоянно меняющейся, порой до неузнаваемости, до собственной противоположности. «Шайка, отпавившаяся за добычей», — было любимым выражением Юнга.

Немногим отличается от приведенного и мнение виднейшего из представителей текстильной индустрии, некоего Муро Сандзи, пытавшегося (и неудачно) в 1923 году организовать новую сильную политическую партию торгово-промышленников. Не обинуясь, он называл все существующие партии «группами политиканов», от которых-де необходимо как можно скорее «очистить японскую политическую жизнь». Выступления Муро имели огромный успех. Пресса его приветствовала. Число членов новой организации быстро росло. Но когда дело дошло до выборов в парламент, новая партия — ее называли Дзингундо Досикай (союз деловых людей) — довольно бесславно провалилась! — в палату прошло всего лишь 8 человек, в том числе и сам Муро. Деятельность их в парламенте протекала в незавидных условиях.

Мнение о японских партиях, как о беспринципных группах, поддерживается и в большей части японских газет. Примерно, так же высказывался и известный русским читателям Гото Симпей, инициатор приглашения т. Поффе в Токио. Гото, как он заявил в одной из своих бесед по вопросу о торговле с Советским Союзом, гордится тем, что всегда «действует независимо от соображений о выгодах для той или иной партии, а исключительно лишь в интересах государства», он отрицал ту, свою, якобы, близость к партии Сейюхоито, о которой летом 1925 года писали многие газеты и настаивал, чтобы выгоды от советско-японской торговли не перешли «какой-нибудь одной политической партии» — он, конечно, имел в виду партию Кенсейкай, стоявшую в то время у власти (разговор происходил в июле 1925 г.). Несомненно, — все это очень близко к обычному определению Юнга.

Чем же объясняется такой взгляд на японские партии? На это лучше всего ответить несколькими примерами из жизни, — примерами, не умышленно подобранными, а просто первыми пришедшими на память.

В парламенте, в нижней палате, голосуется в 1923 году проект всеобщего избирательного права. Партия Сейюкай, имеющая в палате несомненное большинство, единодушно его проваливает. Разнобоя никакого. Единогласие полное. Проходят после этого всего лишь около года, и партия Сейюкай разлагается, разваливается при обстоятельствах, которые во всяком случае не говорят в пользу «принципиальности» ни от-

коловшихся, ни оставшихся в старой организации. И что же? — партия Сейюкай вступает в коалицию со сторонниками всеобщего избирательного права и притом именно с целью проведения его. Так, по крайней мере, она сама заявляла тогда.

Другой случай. Лидер той же Сейюкай, спед-финансист Такахаси, подает в отставку. Должность лидера (это выражение, как будет выяснено ниже, вполне подходит здесь) оказывается вакантной. Но в партии соответствующего кандидата не оказывается. И что же делает партия? — Она приглашает на эту «должность» человека со стороны, приглашает беспартийного генерала, бывшего военнина Танака, главу клана Цюсю. И это никого решительно не поражает, не шокирует и не возмущает. Это — естественно.

А вот и третий случай, имеющий связь с только что приведенным. Генерал Танака, человек очень влиятельный, быть может, даже самый влиятельный из не стоящих непосредственно у власти бюрократов, превратившись в лидера партии, оказывается таким сильным магнитом, что привлекает на свою сторону целую партию, почти в полном составе, которая, оповестив всех о своей кончине, вливается в нововозглавленную Танакой партию Сейюкай.

Эта влившаяся в Сейюкай партия, или, как она официально называлась, — Клуб Какусени (Какусени-Курабу), многими рассматривалась, как более чем либеральная и даже, якобы, приближавшаяся по своим взглядам и по составу к нашим землемерам и трудникам. Это была единственная в Японии партия, обладавшая чем-то похожим на настоящую, а не «абстрактную», программу, а вождь ее, семидесятилетний Инукаи, славился среди политических деятелей Японии своей «принципиальностью», выдержкой, преданностью делу конституционализма и прочими хорошими чертами. Особенно нравились его выступления против Сейюкай, которую он не уставал упрекать в реакционности. И вот, эта, якобы, архи-либеральная партия, ничтоже сумняшеся, этак совсем просто и легко, отказалась от своей самобытности и вошла в состав многообразной ею Сейюкай. И опять-таки это событие никого особенно не возмутило и нельзя даже сказать, чтобы удивило. Произошло естественное событие: численно слабая Какусени сочла более практичным пойти под покровительство сильного человека, вероятного кандидата в премьеры. Для большей полноты следует добавить, что тот же Инукаи в 1923 году, как раз после землетрясения, пошел в министры в кабинет адмирала Ямамото, вождя другого клана, — клана Сакума, т.е. пошел в заведомо бюрократический кабинет, видимо, совершенно за-

быв о своих выступлениях против бюрократии. Правда, он оговорился, что идет туда персонально, а не как член партии.

Любопытно, между прочим, что и Инукаи и Танака в интервью с журналистами выдвигали в объяснение своих шагов личную дружбу: Танака говорил, что, будучи в дружбе с Такахаши, прежним лидером Сейюкай, он сблизился с сейюкайцами, Инукаи же заявлял, что он очень доверяет Танака, а потому не видит ничего дурного в слиянии своей партии с партией Танака. Представьте себе, какой бы шум поднялся, если бы, скажем, Милюков из личной симпатии к Гучкову объявил бы, не уведомляя предварительно провинциальных кадет, о том, что кадетская партия ликвидирована и слита с октябристской. А в Японии ничего: сошло довольно гладко.

Или еще один случай. От Сейюкай в 1924 году отпочковалась партия Сейюхонто. Сейюкай пошла в коалицию с Кенсейкай; Сейюхонто осталась в оппозиции. Но вот коалиция лопнула. Сейюкайцы, желая во что бы то ни стало свалить своих недавних коллег по коалиции, сейчас же приступили к переговорам с Сейюхонто о восстановлении прерванного год назад единства. Состоялись банкеты, встречи и все, что в этих случаях полагается, и ораторы наперерыв торопились объяснить друг другу, что у них, дескать, никаких разногласий нет и в сущности не было. Да и вправду, когда они «разводились» и писали по этому поводу свои декларации, то из последних все-таки никак нельзя было понять, чего же они собственно хотят, из-за чего ссорятся.

Пятый случай — с появившейся после слияния Какусин-Курабу и Сейюкай новой партией Синсейкай. В нее вошли не пожелавшие пойти по стопам вождя какусинцы и члены клуба Цюсин, тоже довольно расплывчатой организации. И опять — та же беспрограммность, те же общие слова, то же отсутствие определенной физиономии. Получается впечатление: точно люди, случайно оказавшиеся в одном и том же вагоне, что называется, «взяли и организовались», а зачем организовались, вокруг какого знамени? — неизвестно.

Совершенно правильно говорят, что о партиях нужно судить не по тому, что они сами о себе говорят, а по тому, что они делают. Но японские партии не грешат вовсе многословием, так что, если братья судить о них по их словам, то материалов окажется недостаточно много. Что же касается их действий, то разницу между отдельными партиями до сих пор оказывалось возможным определить отнюдь не путем изучения отношения партий к большим проблемам, а лишь к «не делающим историю» вопросам будничного характера. Лишь на

50-ой сессии, имевшей место в первые месяцы 1925 года, перед парламентом стал вопрос крупного значения — вопрос о том, что почему-то называют «всеобщим» избирательным правом, но что на самом деле является не более как распространением избирательных прав на большую часть мужчин, достигших 25 летнего возраста. Против проекта высказались тогда члены партии Сейюхонто, все же остальные голосовали за него.

Но, как уже сказано, с проведением этого законопроекта в жизнь и с последовавшим через три месяца после этого развалом коалиции, встал вопрос о слиянии этой Сейюхонто со стоящей во время сессии «на другой стороне баррикады» («баррикады» довольно безвредной для здоровья «борцов») партией Сейюкай. Значит, не здесь надо искать определителя социальных корней партий. Вот почему тот вопрос, из-за которого произошел раскол коалиции Сейюкай—Кенсейкай (третий член, Какусин, — к тому времени уже не существовал), является, пожалуй, более интересным в этом разрезе. Это был вопрос о передаче казной права сбора земельного налога органам земств и городов. Этот вопрос, и другой более широкий — вопрос о так наз. «позитивной» или наоборот «негативной» политике в области финансов, в частности, о трате или не-трате средств на проведение новых железных дорог, и послужили камнем преткновения. Из-за этого и распалась коалиция. Этот инцидент был одним из (не слишком, впрочем, сильных) подтверждений того взгляда, что Сейюкай приходится все-таки рассматривать, как, главным образом, представляющую аграрные интересы и противоположную Кенсейкай, носительнице интересов городской буржуазии.

Нужно, однако, прибавить, что ни о какой четкой границе между ними говорить не приходится, хотя бы уже потому, что такой четкости нет в группировках буржуазии. Вообще говоря, втискивание живой жизни в рамки излишне упрощенных схем — дело безнадежное во всех случаях: безнадежно оно и здесь. Аграрные, торговые и промышленные интересы переплетены в Японии не меньше, чем в любой иной стране.

Землевладение лишь в редких случаях является единственным источником дохода того или иного имеющего действительный вес буржуа; в большинстве случаев земля является для него обеспечением верного и постоянного, но далеко не такого уже крупного дохода. Крупные же прибыли он имеет не с земли, а с промышленных и торговых акций, с фабрик, с пароходов, со складов и т. д. И доля ренты в Японии, несомненно, отстает мало-помалу перед долей прибыли. Об этом можно говорить и в отношении всего государ-

ства в целом, и в отношении всех тех, кто имеет достаточно денег, чтобы добраться до депутатского кресла.

Достаточно денег,—говорим мы,—ибо в Японии выступить на выборах, имея пустые карманы,—дело невозможное. Тысячные расходы на выборах—это мизерная сумма, десятки тысяч—только обычная, но бывали случаи, и не редкие, когда депутат затрачивал по несколько сот тысяч и терпел все же неудачу. Чаще, однако, сотни тысяч, затраченные на выборную кампанию, на письма к избирателям, на проезд их квартир, на банкеты и на прямой подкуп, в конце концов оправдывали себя, и удачливый кандидат понадел в палату, чтобы впоследствии найти через добрых знакомых способ вернуть истраченное.

При сравнительно небольших размерах землевладельческих участков (только 4.200 человек имеет больше 50 гектаров и только 4 больше 500 гектаров*), человеку, даже жесточайшим образом пригнетившему своих арендаторов, много скопить не удастся. О землевладельцах типа восточно-прусских и померанских юнкеров, румынских бояр и магнатов Венгрии и Польши, в Японии говорить не приходится.

Так или иначе, борьба за долю между прибылью и рентой в Японии происходит, и мало-по-малу победа склоняется на сторону первой. Но поскольку обладатели ренты становятся все менее и менее опасными для хозяев прибыли, постольку у последних все меньше и меньше замечается охоты оказывать хоть сколько-нибудь стоящую внимания моральную поддержку левым элементам. «Буржуа, жертвующий на революцию» (помните о Морозове?)—такой тип в Японии вряд ли мыслим. Ожидать от тех элементов, которые имели избирательные права до реформы 1925 года, самой малейшей лояльности к существующему строю было бы просто непрактично. Японский буржуа не прочь поругать правительство, не прочь изругать верхнюю палату «собранием вратов народа», а бранить бюрократов, кланов и министров он просто считает признаком хорошего тона. Даже та газета, которая определенно связана с милитаристами (такой и до сих пор можно считать издаваемую известным Токутоми «Кокумин»), не прочь иногда пофрондировать против кланов и военщины. Но попробуйте найти в японской прессе или в речах представителя любой партии требование полного уничтожения верхней палаты, попробуйте обнаружить хоть намек на республиканизм.

* По данным газеты «Мияко» крупных землевладельцев 40 человек.

Или хотя бы, например, серьезную защиту политического равноправия женщин. Вы, конечно, не найдете этого.

Когда депутат Одзакэ, один из красноречивейших и талантливейших, позволил себе однажды сказать в парламенте: «Если бы в Японии была республика...», то ему не дали докончить, исключили на несколько заседаний и чуть ли не обвинили его в оскорблении величества.

Когда велел за законопроектом и расширением избирательного права рассматривался законопроект об увеличении ответственности за революционную деятельность, все партии голосовали единодушно. Протестантов нашлось очень немного.

В обществах, от которых за десять верст пахнет самой махровой реакцией, нередкость встретить рядом с заведомыми реакционерами из Сейюхонто «либералов» из бывшего Какусин-Курабу.

Разница между партиями Японии, конечно, существует, хотя ее и не всегда легко обнаружить. Эта разница—в большей или меньшей близости к аграрным или, наоборот, промышленным кругам. Именно: в большей или меньшей, а вовсе не в такой, например, как у нас, в России, где рядом с культурными помещиками-буржуа уживались осколки самого неприкрашенного крепостничества и где рядом с Милюковым и Родичевым «законодательствовал» Пурешкевич и Валий-Марков.

Разница между японскими партиями есть, но нет среди них ни одной, которая была бы серьезно недовольна существующим строем, нет ни одной, представители которой не побывали бы у власти, но меньшей мере не были бы близки к ней. Ни одна из них коренных реформ добиваться не станет, да и не желает их. И у всех у них есть одно общее. Это общее—ненависть к левым «смутьянам». В этом отношении между Сейюхонто, с одной стороны, и Какусин-Курабу, с другой, нет никаких серьезных разногласий. До недавнего времени антипатия к левым имела довольно распылчатый характер; они не заострялись в направлении какой-нибудь определенной группы. Но, по всем признакам, это острее рано или поздно окончательно направится на коммунистов. Собственно, это уже наблюдается.

Япония вышла из своего средневековья всего лишь около 60 лет тому назад и почти сразу окунулась в атмосферу позднекапиталистического окружения, а начало процветания Японии совпало с периодом уже окончательно обнаружившегося империализма. Подходящее ли это время для роста либерализма

и либеральных партий? Либерализм уже разлагается и на своей родине. Асквит и его друзья — это уже последние мопикане. В России либерализм жил лишь до тех пор, пока был царский курут, теперь же от всего российского либерализма остался только заграничный «Рудь». В Японии в свое время тоже существовала партия, именовавшая себя «либеральной» (Дзюто). Это было до введения конституции. Но введена была конституция, и либералы превратились в конце концов в Сейюкай, что может быть переведено: «Партия друзей правительства».

Но и эта Сейюкай, и отколовшаяся от нее Сейюхонто, и Кенсейкай никаким либерализмом в сущности не отличались и не отличаются. Консерватизм — их общая черта. Все это подгруппы одной консервативной партии, которая до сих пор не имела в парламенте своего оппонента. Он придет лишь теперь, когда число избирателей из прежних 3 миллионов резко поднялось до 12—13 миллионов человек.

Покровители и хозяева.

Когда Инукаи, лидер слившейся с Сейюкай партии Какусин-Курабу, решил оставить политику, он выставил в качестве одной из главных причин этого своего шага отсутствие у него средств. Остальное — желание распространять политические знания среди молодежи, укрепление дружбы с Китаем и, наконец, старость — все это имело либо декларативный характер, либо второстепенное значение, ибо если нет главного, если нет денег, то лидер перестает быть лидером, перестает быть «президентом» (сосай или сори) своей партии; таковым в Японии может быть тот, кто либо сам располагает крупными средствами, либо является доверенным лицом негласного покровителя. А какую роль играют эти покровители, об этом косвенно можно составить себе мнение хотя бы, например, по тем данным, которые газета «Дзидзи» сообщает относительно расходов исполкомов партий.

Годичный расход самой немногочисленной из политических партий, существовавшей до середины 1925 года, а именно: Какусин-Курабу, которая имела в палате только около 30 человек, равнялся в год, когда не было ни выборов, ни других причин исключительных расходов, 30.000 ен. Кенсейкай же и Сейюкай, по расчетам «Дзидзи», затрачивают в год от 400 до 500 тысяч, а дохода имеют всего лишь — первая 16 тысяч, а вторая 13 тысяч в год. Это — поступления со взносов партийных членов нижней палаты (в верхней палате по традиции

«беспартийны» все: там есть только фракции). Откуда же берутся остальные суммы? Это, как говорится, «покрыто мраком неизвестности». Известно только то, что обычные расходы партии покрываются взносами членов не более, как на десять процентов. А откуда берутся огромные средства, необходимые на экстренные расходы, главным образом, на проведение избирательных кампаний, если известно, что на проведение каждого кандидата партия тратит в среднем до 5 тысяч, при чем это только часть расходов: помимо их каждый кандидат тратит «свои собственные» деньги? По данным «Дзидзи», партия Кенсейкай, чтобы появиться у власти, пришлось затратить что-то около 10 миллионов ен. Откуда же берутся эти громадные деньги?

Некоторое указание дает на этот счет крупный скандал, происшедший в 1924 году в связи с попытками тогдашнего премьера Кийоура провести в парламент послушное себе большинство. Кийоура не был в этом отношении новатором: «делание выборов» — явление обычное в Японии, и до 1924 года почти не было случая, чтобы стоявший у власти премьер не сумел добиться на выборах победы своей собственной партии; «собственной» — не в том смысле, что к ней принадлежит сам премьер. Правильнее было бы сказать, что партия принадлежит премьеру, ибо и Сейюкай и Кенсейкай, а, наконец, и Сейюхонто при Кийоуре, — все они возникли по мановению руки того или иного премьера, не хотевшего иметь лишних хлопот в парламенте.

Кийоура был всего лишь подражателем князя Ито, «сделавшего» партию Сейюкай, и Кацура, вызвавшего к жизни Кенсейкай (тогда она называлась Досикай). Кийоуре это удалось. Он расколол партию Сейюкай, выделив из ее среды Сейюхонто, что значит: истинных Сейю, истинных друзей правительства, и распустил палату. Дело было только за выборами, т.е., во-первых, за мобилизацией энергии местной администрации, начиная с губернаторов и кончая «дзюнсэ» (городовыми), а, во-вторых, в прискакивании необходимых денежных средств.

И средства были найдены. Но как? Да просто напросто министр внутренних дел предложил полуправительственной (в сущности просто правительственной) Южно-Маньчжурской железной дороге вынуть из кассы полмиллиона и передать его на ведение выборных махинаций в верной премьеру повороченной Сейюхонто. Но Кийоура что-то не доделал, в чем-то просчитался, и в результате его детище оказалось в меньшинстве, и ему самому, и его министру пришлось уйти в от-

ставку; деньги оказались выброшенными на ветер. Пришедший к власти коалиционный кабинет, с Като (кенсейкайцем) во главе, оказался, однако, сговорчивым, и южно-жаньчжурская проделка оказалась бы похороненной в тиши канцелярий, если бы не пресса, поднявшая по этому поводу шум на всю Японию.

Так обстояло дело с новоорганизованной партией, имевшей друзей среди бюрократов, но не имевшей их среди крупных финансистов и королей индустрии. Как же обстояло дело в старых партиях?

Когда одного японца спросили, чем отличается партия Сейюкай от партии Кенсейкай, он отвечал кратко, но обстоятельно. «Партия Сейюкай, — сказал он, — это партия Мицубиси, а Кенсейкай — партия Мицубиси».

Конечно, это определение излишне упрощенное, но доля правды в этом есть, и доля крупная.

Взять хотя бы стоящую теперь в 1925 году *) у власти партию Кенсейкай. Всякому известно, что когда у этой партии не хватает свободных средств, «директора» ее, или там другие должностные лица, отправляются к своему «президенту», который вынимает из бокового кармана нужную сумму и выдает прибывшим. Если же у него у самого нет нужных денег, то он обращается за ними к своему тестю, Ивасаки, являющемуся главой фирмы Мицубиси, в руках которой имеется банк со 100 миллионным основным капиталом, акции крупнейшего в Японии субсидируемого пароходства, рудники, угольные копи, громадные кораблестроительные заводы, склады, трамваи и т. д., плюс к тому торговые и иные связи за границей.

Като не единственный в кабинете зять архимиллионера Ивасаки. Министр иностранных дел, Сидехара, тоже женат на дочке главы Мицубиси. Инукаи, бывший министром путей сообщения в кабинете Като, как говорят, тоже пользовался кредитом у Мицубиси. То же самое говорили и еще об одном из министров.

Что фирма Мицубиси поддерживает Кенсейкай не из-за ее принципов и других высоких вещей, об этом свидетельствует много данных, перечислять которые будет, пожалуй, обременительным. Приведем, вместо этого, краткую выписку из биографии президента Кенсейкай. Она даст некоторое представление о степени влияния Ивасаки.

44 года тому назад Като был только что окончившим юридический факультет 22-летним молодым человеком, устроив-

*) Эта глава написана перед смертью Като.

шимся на службе у выросшего на пароходстве Ивасаки (Мицубиси). Но всего лишь полтора года провед молодой Като у своего покровителя-тестя. Окума, тогдашний министр иностранных дел, популярный оратор, которого одни награждали за его речи аплодисментами, а другие вилами, домами и ценными бумагами, сделал его своим личным секретарем, т. е.

Хара, премьер в период интервенции в Сибири и лидер партии Сейюкай. Был убит фанатиком-патриотом за «допущение политической деморализации».

сразу открыл ему широчайшую дорогу к бюрократическим верхам. 34 лет Като был уже японским послом в Англии, куда он поехал после того, как побывал на высоких должностях в министерстве финансов. А сорока лет он был министром иностранных дел, будучи предварительно избран членом палаты пэров. Но в 1905 году его карьера была прервана. В этом, столь памятном в истории Японии году, когда Япония тратила свои небольшие тогда силы в борьбе с царским колоссом, Като едва

не взорвал кабинет изнутри своей яростной защитой интересов владельцев желдорго, которые тогда решено было национализировать. Это — Като отстаивал кошелек своего тестя, одного из крупнейших акционеров. И Като со скандалом ушел в отставку. Но уже в 1913 году он опять посол в Англии, а затем опять министр при своем старом патроне Окума. Между прочим, тогда-то (в мае 1915 года) он и преподнес Китаю знаменитые 21 требование. А в 1924—25 году он выгораживал интересы своего тестя в Сахалинском вопросе. Теперь он был уже премьером, а министром иностранных дел в его кабинете был Сидехара, другой зять Ивасаки.

Приведенные факты дают ясную картину связанности верхушки партии Кенсейкай с Мицубиси, фирмой, которая, как уже сказано, находила возможность поддерживать и лидера другой партии, но потом, повидимому, отказалась. Характерно, что, лишившись поддержки Мицубиси, Инукаи, не долго думая, нашел общий язык с Сейюкай.

К сожалению, у нас нет конкретных данных относительно связей с золотыми мешками партии Сейюкай, но то, что эта партия до последнего времени не жалела денег и что она близка к, пожалуй, еще более богатой, чем Мицубиси, фирме Мицун, а также к «королю меди», Фурукава, этого до сих пор никто не опровергал. Связь с Мицун имеет, как сообщают газеты, и ее новый лидер, генерал Танака, сменивший Такахаши, которому в последнее время «было трудно поддерживать свою партию». Почему именно — трудно сказать; вероятно денежные тузы просто лишили его своего покровительства. Один из прежних «президентов» Сейюкай, единственный из до сих пор не умерших генро (это пишется в августе 1925 года), Сайондзи, тоже был связан с крупной фирмой: родной его брат был главой огромного концерна Сумитомо, имеющего интересы в самых различных областях.

Кстати, еще раз о принципиальности, убеждениях и идеалах. Сайондзи был президентом партии Сейюкай, а в 1925 году, в качестве генро, оказал поддержку Кенсейкай и подставил ножку своему же детищу.

Теперь еще раз — о «президентах» партии, уже не однажды упомянутых (сосай или сори).

Ясное дело, что если вождь партии является не только выразителем ее мнения, но и одновременно ее казначеем, человеком, держащим связь с сильными мира сего, — с бюрократией и с финансистами, то его роль будет, естественно, гораздо большей, чем, скажем, у нынешнего редактора «Руля».

«Обычно лидер партии пользуется в ведении ее дел абсолютной властью, — пишет, уже упомянутый прежде, Уехара. — Результатом этого является то, что политпартии Японии действуют в парламенте с точностью и послушанием обученных солдат. Партия в парламенте имеет твердый и единый фронт. Никакой свободы суждений отдельному члену не предоставляется. Обсуждение законопроектов сводится, таким образом, к простой формальности. Лишь изредка партии позволяют своим членам высказываться по поводу какого-нибудь безобидного законопроекта свободно. Обычно же каждый законопроект обсуждается предварительно на собрании парламентской фракции, а затем, когда партия вынесет свое суждение, избираются определенные ораторы, которым и поручается защищать с трибуны разработанное решение. Понятно, что, вследствие этого, все речи в парламенте пусты, безжизненны и формальны».

И далее.

«Можно поражаться, как при таком абсолютизме партия может не растерять своих членов. Это объясняется отчасти личным влиянием лидера, отчасти той помощью, которую партия оказывает своим членам во время выборов, и, наконец, нелицеприятностью, царящей между партиями. Если партия поддерживает правительство, тогда правительство имеет множество тех соблазнов, при помощи которых держит членов в подчинении. Это — должности, особые привилегии, поддержка специальных интересов. Партии, дружественные правительству, поставлены в чрезвычайно выгодное положение, и не раз случилось, что оно оказывало мощное влияние на политиков с целью убедить их объединиться вокруг него и усилить численность поддерживающих его партий».

Лидерами (президентами) японских партий бывали до сих пор обычно либо сами премьер-министры, теснейшим образом связанные с финансовым капиталом, либо люди, побывавшие в бюрократии, но затем связавшие свою судьбу с деловыми кругами. В обоих случаях это люди, располагающие очень большими средствами, — сотнями тысяч ен во всяком случае, но миллионами чаще.

Кстати, на основании того, что почти все они, как и очень многие министры и все, за исключением убитого Хара, премьеры носят и носили титулы, не надо делать того поспешного заключения, будто в политической жизни Японии действуют одни лишь аристократы. Титул в Японии, за исключением двух высших, князя и маркиза, — это скорее добавочный чин, чем титул в европейском смысле слова. Расторговался человек

или выслужился — смотришь он уже барон, наторговал или послужил еще — виконт, а там и в графы попадает. В России до такой чести доживали немногие, да и то лишь сановники, а не купцы, в Японии же редкий из заслуженных чиновников или разжившийся до десятков миллионов купчина не становится бароном. Отсюда и обилие этих титулованных. Среди видных политических деятелей Японии, имеющих титулы, нет и не было, насколько помнится, ни одного чистокровного аристократа, если не считать князя Токугава, которому из уважения к его роду дали пост председателя верхней палаты. Большинство потомков феодальных князей или играют роль статистов в верхней палате или служат в войсках. Их не особенно много. Остальные титулованные — это «аристократы-плебеи», вчерашние «коллежские регистраторы», торговцы с лотка (например, Окура), народные учителя (Кийоура) и представители многочисленного, как шляхта в Польше, самурайства.

Дом Мицуи.

«Вы можете приехать в Японию на пароходе, принадлежащем Мицуи и отапливаемом углем из копей Мицуи, высадиться в порту, оборудованном Мицуи, доехать в принадлежащем Мицуи трамвае до гостиницы, построенной все тем же Мицуи и, лежа на кровати, купленной у Мицуи, читать изданную Мицуи книгу при свете лампочки, изготовленной на Мицусевском заводе. А утром, напившись чаю, из складов Мицуи, с сахаром из его плантаций, отправиться в универсальный магазин Мицуи и приобрести там все, начиная от домашней обстановки до драгоценностей».

Так, пусть даже и слегка прикрашивая, говорит о Мицуи один путешествовавший по Японии американский делец. В основном рассказчик был все же прав, ибо вряд ли все же найдется хоть бы одна отрасль промышленности или торговли, в которой бы не имел прямых или косвенных интересов торговый дом Мицуи. В его руках, во всяком случае, не меньше четверти угольных запасов коренной Японии и три четверти запасов Формозы. Его банк, один из самых крупных, если не самый крупный, после двух или трех полуправительственных. И через его руки проходит, говорят, чуть ли не треть оборотов внешней торговли страны. А если вы начнете разбираться в биографиях видных деятелей Японии, промышленных, торговых и политических, то вы убедитесь, что очень многие из них, пожалуй, не менее трети, а то и больше, имели или имеют связи с этой могущественной фирмой.

Но сказать, что Мицуи — это японский Стилес, значит преуменьшить его значение в жизни Японии. Мицуи больше, чем был Стилес. На катастрофе вырос Стилес, метеором просверкал на европейском горизонте и потерпел крах. А Мицуи вырастал постепенно, сыграл огромную роль в старой Японии, активно участвовал в создании новой Японии и стал играть в ней не меньшую роль, чем в старой. И он продолжает играть огромную роль и до сих пор.

Мицуи — не просто торговый дом в обычном «деловом» смысле этого выражения. Мицуи — это государство в государстве, — государство со своей особой, исторически сложившейся конституцией, со своими писаными и неписаными законами,

со своей аристократией, с судами, даже со своей «государственной религией». И это государство является по своему типу отражением старой феодальной монархии Японии, с ее верховной властью, с крупными феодалами и их вассалами.

Вот — то, что отличает фирму Мицун от всех других крупных фирм, участвующих в мировом обмене, в том числе и от соперничающих с нею японских Мицубиси, Окура, Асано, Сумитомо и других, менее крупных.

Все эти японские фирмы, не исключая и могущественной Мицубиси, появились и выросли в атмосфере европеизации, начавшейся, если говорить только о явных признаках ее, в совсем недавний период, — в тот период, когда Маркс писал свой «Капитал», когда печаталось «Происхождение видов» и когда Тургенев, Толстой, Достоевский были уже признанными писателями. Основатели их частью еще живы, частью умерли, но не очень давно. Если в них есть что-нибудь феодальное, то не в большей, а в гораздо меньшей дозе, чем в жизни Японии вообще.

Мицун же вырос из недр феодализма.

Это было свыше трехсот лет тому назад. Япония только что вышла из длительного периода княжеских междоусобиц, только что пережила свою первую в пределах достоверной истории наступательную войну, которую под предводительством Хидейоси она вела против Кореи и, косвенно, Китая, и начала объединяться внутри. Ода Нобунага был первым объединителем раздробленной на части страны. Хидейоси, который умер в 1598 году, — был вторым. Но только Токугава Иеясу удалось упрочить верховную власть за своим родом. Начался период Токугава.

За 60 лет перед тем, в самый разгар военных бурь, а именно, в 1542 году. Япония впервые была посещена европейцами, — открыта ими. Она не представляла для них большого интереса в первое время: здесь не было ни восточных пряностей, ни больших месторождений драгоценных металлов, а к тому же она была чуть ли не самой далекой из новооткрытых стран. Тем не менее торговля Японии с Западом постепенно налаживалась, и после того, когда Ода, а за ним Хидейоси зажали страну в железный кулак, эта торговля достигла уже, сравнительно, крупных размеров. Быстро росла тогда и внутренняя торговля, освобожденная от вечного страха перед феодалами-грабителями и перед грабителями просто. Объединители Японии позаботились об этом.

Вот тогда-то и выдвигается среди торговцев Осака (тогда Осака называлась Нанива) фирма Мицун.

1624 год сыграл роковую роль в истории японо-иностранных сношений. Страна была «закрыта». Въезд иностранцев был воспрещен. Воспрещены были и путешествия японцев за границу. А внутри создались условия, которые после периода непрерывных войн, быть может, и казались благоприятными для купечества, но которые рано или поздно должны были привести, и в середине XIX века действительно привели к восстанию против токугавского режима.

Все было регулировано, все предусмотрено, предуказано и поставлено на свое место. Законы против роскоши, правило о том, что лицо такого-то сословия может покупать и что не может, монополии, недопущение новых изобретений, все — вплоть до правил о разрешении и неразрешении той или иной вещи для лиц определенного положения — все это мешало дальнейшему быстрому росту торговли.

И все же, несмотря на все рогатки, она кое-как развивалась, — развивалась и внутри, развивалась и с внешним миром. Так, около 1700 года, Япония, по словам Вада Цунасиры, вывозила ежегодно почти 150.000 пудов меди, тогда как внутреннее потребление этого металла не превышало в те времена 50.000 пудов в год. Помимо этого, вывозились шелк, фарфор, различные «редкости» и немного другое. В свою очередь, и Япония приобретала некоторые иноземные товары (шерстяные и бумажные ткани, сахар, химические товары и т. д.), среди них предметы вооружения играли не последнюю роль. Все это шло через Нагасаки, тогда единственный открытый для европейцев и китайцев порт Японии. Теперь он играет второстепенную роль.

Наряду с другими, дом Мицун уже в 1708 году завел постоянную агентуру в этом порту и играл роль крупнейшего экспортера-импортера. «История того времени, — говорит Чемберлен, — рассказывает нам о существовании, подобных нынешним, коносаментов, векселей, чеков и расчетных палат». И Мицун умели пользоваться ими. Более того, они уже додумались до подобия современной двойной бухгалтерии, и в их семейном архиве до сих пор хранятся ее почти трехсотлетние образцы.

Иностранная торговля играла, однако, для Мицун второстепенную роль; гораздо больше давали им те операции, которые характеризовали хозяйственную жизнь и европейского позднего средневековья. Они были поставщиками дворов феодалов, были банкирами владельцев князей и центральной власти, и они принимали очень видное участие в хранении, перевозке и продаже того риса, который в качестве

продналога поступал в казну сйогуна и его вассалов.

Мицуи были простыми кунцами, что по тогдашнему времени означало, если не на практике, то в теории, нечто позорное. Тогда первым сословием было военное, крестьянство — вторым; за крестьянами шли ремесленники, и только после ремесленников — кунцы, ниже которых стояли лишь те, кто официально именовался «не-людьми» (это предки так называемых, сословия, до сих пор не избавившегося от наследственного позорного клейма. Но о них в другом месте). Но богатство делало свое дело, и уже Мицуи Хациробей, глава фирмы, умерший в 1694 году, пользовался положением настоящего джентльмена. Его портрет и портрет его жены попали даже на страницы официальной школьной хрестоматии, где они фигурируют наряду с богами, героями и великими людьми.

Да и не удивительно. Не было в XVIII веке ни одного князя, который не был бы в долгу у купцов, и как ни презирали купцов аристократы, они все же знали, что насилие над одним из них или неуплата ему долга приведут к фактическому закрытию кредита: у купцов была в этом отношении стоворенность полная.

Хациробей был тем из Мицуи, который особенно успешно расширял дела фирмы. И это объясняется не только случайными успехами. Этот, умерший 227 лет тому назад, купец сумел додуматься до таких вещей, о которых в те времена вряд ли слыхивали и на Западе. Так, например, в его магазине было заведено такое правило: когда начинался дождливый сезон, его универсальный магазин заготовлял бесконечное количество зонтиков с бросающейся в глаза рекламой торгового дома. Конечно, всегда оказывалось достаточное количество непредусмотрительных покупателей, которых ливень заставлял в магазине. Всем им презентовали по зонтику, и они отирались домой, волей-неволей рекламируя щедрую фирму. Надписи на домах и перекрестках, пение слепцов и даже театральные представления — все это тоже превращалось Мицуи в рекламу, — все, кроме газет, ибо их тогда еще не было.

XVIII век был периодом расцвета дома Мицуи. Мицуи были покровителями наук и искусств, художников, резчиков по дереву, актеров и т. д. Одна из пьес, популярных в те времена, была написана одним из Мицуи. Дом Мицуи уже тогда охватывал своею деятельностью огромный район: Киото — был его официальным центром; Осака и Токио (тогда Едо) — центрами рисовых и ссудных операций; Нага-

саки — воротами внешней торговли. Их влияние ощущалось везде и всегда.

Хациробей был не только удачливым купцом; он был и законодателем для своего дома, — творцом его конституции, в верности которой обязан поклясться каждый, достигший совершеннолетия член его рода. Вот он текст этой клятвы:

«Во исполнения предания отцов наших и дабы укрепить навеки нерушимую основу дома нашего и дабы расширить дело, завещанное предками нашими, я торжественно клянусь здесь, в присутствии великих духов наших предков, что я, как член дома Мицуи, буду соблюдать и следовать предписаниям, переданным нам в правилах дома нашего, и что я не буду легкомысленно пытаться изменить их. В утверждение моего обещания я присягаю и прикладываю свою печать в присутствии величайших духов предков наших».

Это произносится в торжественной обстановке вслух, а затем текст присяги скрепляется подписью и личной печатью. По словам Марвина, вся эта церемония имеет вполне религиозный характер, напоминающей рыцарское посвящение времени европейского средневековья. Религиозный характер имеет и дальнейшее «служение» каждого молодого Мицуи: он не просто спекулирует и пользуется прибавочной стоимостью — торгуя, финансируя, управляя предприятиями, он тем самым «служит духам своих предков».

И все это совершенно серьезно.

Конституция «Хациробей Первого» была несколько изменена после свержения династии Токугава и переработана окончательно в 1900 году. Но в основном она не отошла от родового принципа. Попрежнему акционером фирмы Мицуи может быть лишь тот, кто по крови или по праву усыновления (а в Японии это одно и то же) является членом рода Мицуи. Со стороны может быть принят лишь тот, кто женился на одной из Мицуи. Но этой чести удостоиваются немногие: обычно стараются, чтобы подростки девицы вышли за Мицуи же, а не за «приемыша».

Весь род разделяется на 11 «семейств» (вернее ветвей рода), число которых, по возможности, не должно увеличиваться. Старший в роде выполняет обязанности председателя родового совета, членами которого состоят главы «семейств» и их удалившиеся от дел отцы, дяди или вообще бывшие официальные семейные главы.

Этот родовой совет представляет собою настоящую олигархию, которая ведает всеми делами рода, — не только касаю-

щимся его в целом, но такими, в которые европеец никогда не позволил бы другим совать нос.

Если, например, дело идет о женитьбе, — это дело родового совета. Усыновление — тоже. Назначение опеки, отход от дел, удаление нарушителей традиций и т. д. — все это решается тем же советом. Разводы не допускаются совсем. Члены дома Мицун не властны и в вопросах о ликвидации и расширении вверенных им предприятий. Даже их личный бюджет регулируется все тем же советом старейших, и совет же решает дела, касающиеся парадных обедов, банкетов и прочего. Короче говоря, вся общественная и личная жизнь каждого из многочисленных Мицун направляется не так, как это желательно ему, а так, как ему будет предписано его родом.

Совет разрешает и все главнейшие вопросы, которые касаются дочерних фирм, которыми основная фирма обросла, как дно морского судна раковинами. Но среди этих фирм нет убыточных и рискованных; Мицун консервативны и осторожны и предпочитают обеспеченные дела. Установить точно, какие именно предприятия подчинены Мицун, трудно, да и вряд ли вообще возможно непосвященному. Иногда об этом можно судить по именам директоров дочерних предприятий, иногда по другим, косвенным указаниям. Но если принять во внимание только те предприятия, связь которых с Мицун вне всякого сомнения, то приведенные выше данные о доле Мицун в «народном» хозяйстве Японии придется посчитать во всяком уж случае не преувеличенными, а вернее всего преуменьшенными.

Еще труднее делать заключения о политических связях Мицун. Рассуждая а-приори, они должны быть огромны. Демонстрацией этого является хотя бы уже то, что в 1868 году дом Мицун, которому к тому времени стало тесно в рамках феодального регулирования, выгодного для него раньше, принял самое деятельное участие в свержении Токугава. Говорят, что все те многочисленные толпы обнищавших или близких к обнищанию самураев, которые в 1867—1869 годах боролись «за восстановление в правах законного монарха», очень скоро протянули бы ноги, не будь у них покровителя в лице архимиллионеров Мицун, а также, впрочем, некоторых других, главным образом, осакских купцов (Коноке и др.). Мицун прямо называли казначеем императора. А такой казначей был необходим, ибо «законный» императорский дом получал от официально преклонявшихся перед ним, а на деле ни в грош его не ставивших фактических монархов из династии Токугава, ровно столько, сколько двору было нужно, чтобы подерживать «достойное существование», — а это значит, есть,

лечь, одеваться и справлять религиозные и иные церемонии, но никак не организовывать войска, хотя бы и самые малочисленные. Но в решительный момент эти столь необходимые войска явились. Физическую силу для них поставили 4 княжества и бесприютные самуран (так назыв. ронин), но, чтобы прокормить и вооружить их, понадобилось участие Мицун. И он помог.

Конечно, помогал он не даром, и, кто знает, быть может влиянием Мицун нужно объяснить тот перелом, который произошел в головах кое-кого из вчерашних сторонников возвращения к старому, к до-сёёгуновскому. Вчерашние заядлые реакционеры, кричавшие: «долой иностранцев, да здравствует верность императору», отбросили первую часть формулы и принялись за европеизацию страны. Они хотели возвращения на 1000 лет вспять. Но сделать они сделали то, что нужно было переросшей из феодального стеснения буржуазии. Дом Мицун был руководящим в ней, и он получил максимум выгод. Но каких и как?

Вот здесь то остается неясным многое. Что все «творцы новой Японии» поддерживали контакт с Мицун и, поддерживая его, не оставались без наград, об этом можно сказать почти уверенно. Что партия Сейюкай получает теперь подачки от Мицун, об этом говорит вся Япония. Но конкретных доказательств этого, таких же убедительных, как, например, относительно связей партии Кенсейкай и фирмы Мицубиси, привести не удастся.

Отметим, между прочим, что в так называемой конституции дома Мицун есть одна статья, содержание которой составляет тайну, в которую посвящены лишь старейшины, а не все члены рода. Впрочем, быть может, по своему содержанию она не больше, чем один из многочисленных феодальных пережитков, свойственных дому Мицун, — одна из тех «тайн Мадридского двора», которые могут нам показаться просто смешными или, в лучшем случае, придающими лишние локальные штришки этой полу-средневековой фирме.

Теперь — о том, что не составляет своеобразности занимающей нас фирмы, — о том, что делает ее «японским Стигнесом».

Во главе всей хозяйственной (а не родовой) организации рода Мицун стоит Мицун Гомей Кайсэ, прозаический торговый дом, возглавляемый председателем правления Дан, одним из приемных, мужем одной из Мицун. Он одновременно состоит председателем правления крупнейшего на Хоккайдо угольного предприятия и членом правления многих других,

якобы, независимых, компаний. М. Г. К. является деловым контролирующим центром всех многочисленных предприятий рода Мицун. Вот краткий список их, включая и те, в которых Мицун участвуют лишь как пайщики:

Двенадцать страховых обществ, банк Мицун с 60 млн. упл. капитала и 40 млн. запасного, отделения его в Лондоне, Нью-Йорке, Париже и т. д., цементное производство, консервирование молока, три сахарных компании, краски и проч. химические товары — три различных фирмы, цинковое производство, электро-технический и машиностроительный завод Сибаура, трикотажное и прядильное предприятие, кожевенное производство, пивоваренное, канатное, целлюлозное, изготовление ткацких станков, фирма «Японская сталь» (30 млн. основн. капит.), кокосовое дело, лесное дело, уголь в Японии и на Формозе, электро-силовые станции, торговля шелком, лесом, машинами, металлами, пряжей, тканями, хлопком, пивом, женьшенем и т. д., универсальные магазины Мицукоси (существуют 3 столетия), товарные склады во всех главных портах и торговых центрах, спец. нефтехранилища для флота (собственное пароходство, размерами в наш Добровольный), сахалинская нефть, разведка нефти в Восточном Туркестане (под сомнением), связь с текстильными предприятиями Фудзи и, вероятно, Канегафуци и другими, радио в Китае.

Но это далеко неполный список. Он только характеризует широту охвата Мицун.

Дом Мицун является компаньоном Армстронга и Вилера по добыче угля на Хоккайдо, Генеральной Компанией Электричества С. Ш. А., по заводу Сибаура в Токио и имеет связи с другими могущественными иностранными компаниями. Личное имущество главы фирмы, с которого он платит подоходный налог, оценивается в триста миллионов ен («Осака Майници»).

Сообщенных здесь данных, конечно, слишком недостаточно, чтобы сделать по ним определенные выводы о содержании и объеме интересов этой гигантской, со множеством разветвляющихся отростков древней фирмы; для этого понадобилось бы целое специальное исследование, которое мог бы сделать лишь тот, кто находится в самой гуще японской деловой жизни.

И все же мы, на основании даже нашей пусть и очень малой информации, можем с большой долей уверенности говорить, что не в промышленной прибыли, а в посредническом барыше нужно искать центр тяжести интересов дома Мицун.

Можно сказать даже больше: этот центр тяжести нужно искать в торговле товарами, которые производятся не на заводах и фабриках, а в ремесленных предприятиях и в крестьянском хозяйстве, — в торговле, гл. образом, шелком-сырцом, важнейшим рынком для которого является Америка, затем лакированными изделиями, циновками и т. д.

Это как раз те товары, дешевизна которых в Японии объясняется невозможностью для крестьянина поддерживать свой голодный минимум потребления без помощи подсобных

Город Фукуока на Кюсю, центр угольной промышленности, в которой господствуют Мицун. Типичное смешение японского и европейского типа построек.

промыслов, а, следовательно, без скупщика, без тьмы мелких, крупных и крупнейших посредников. Такими скупщиками являются не только кулцы-специалисты, но и землевладельцы, которые не могут или не хотят удовлетвориться одной только земельной рентой. А крупнейшим скупщиком, — скупщиком у скупщиков является дом Мицун.

Уже это одно предвещает реакционный характер общественно-политической роли этой фирмы, ее связь с землевладением, ее готовность помогать партиям Сейюкай и Сейюхонто, опирающимся, главным образом, на село и, наконец, ее верность своим традициям, «конституции», родовому принципу

и т. д. Отсюда и ее осторожность в коммерческих делах, ее любовь к риску.

Это одна сторона деятельности фирмы, выросшей на феодальных монополиях. Но связанная тысячами нитей с революцией 1868 года и новой государственностью, она пользуется монополиями и в другой области, уже вполне современной — в области внешней торговли, в вывозе капитала за границу. Это из-за ее контракта на радио в Китае тянутся уже не первый год переговоры с защищающими интересы своих монополистов С. Ш. А. Из-за нее же японское правительство заинтересовалось далеким, малоисследованным и малодоступным китайским (Восточным) Туркестаном. Есть у Мицуй интересы и в Индонезии, есть и в Индии, есть и на Филиппинах. Формоза наполовину — ее колония.

Нужно еще прибавить, что Мицуй, принявшие деятельное участие в вытеснении иностранцев из посредничества в импорте-экспорте Японии (доля последних за 30 лет с 80% упала до 20%), сумели в конце концов войти с ними в деловые связи, использовать их опыт и разграничить сферу деятельности. Электротехнический завод Сибаура, снабжающий Китай и динамо и лампочками, является в этом отношении особенно ярким примером. Этой стоворенностью объясняется и миролюбие во «внешней политике фирмы». У нее хорошие, добрососедские интересы с Морганом, и она охотно поддерживает ту идею японо-американского сотрудничества, которая выражалась в формуле «японские мозги, американские капиталы». Это означало то, что японцы, как культурно близкие к Китаю, понимающие его письменный язык (общий для китайцев, корейцев, аннамитов и японцев язык иероглифов), знающие его коммерческие обычаи и не нуждающиеся, вследствие этого, в посредничестве т. наз. компрадоров, — материально ответственных агентов-переводчиков, получающих определенную долю в деле, должны играть роль промышленников, техников и служащих, а американцы должны дать кредиты; китайцам в этой схеме отводилась физическая работа. Эта идея, благодаря Ламонту (из Моргановского концерна), японцу Сибусава и другим, до известной степени, претворилась в жизнь, но пока в сравнительно небольших размерах. Так, например, грабящее Корею Вост.-Колонизационное Общество получило 40 миллионный заем у Моргана. Получила заем в Америке и Южно-Маньчжурская железная дорога. Были и другие займы и опять-таки при участии Моргана.

В данное время Мицуй «не у власти». Во главе правительства стоит кабинет, поставленный ее конкурентом Мицуби

биси *). Прежний кабинет, возглавляемый тем же лицом, что и нынешний, был все-таки менее обидный для Мицуй. В нем был все-таки хоть один из ставленников Мицуй, а именно, Нода. Но его «ушли» вместе с остальными не кеисейкайцами. Однако, это не означает, что Мицуй забыты. Наоборот. Так, например, в 1924 году ряд мероприятий правительства привел к вздутию акций двух крупных предприятий Мицуй (сталь и пиво), а после разрешения вопроса о Сахалине, тамошняя нефть была предоставлена Мицуй же. Таким образом, если нынешнее правительство является «правительством Мицубиси», то Мицуй свою долю «отступного» получают.

Перед тем Мицуй, наравне с Мицубиси и тремя другими фирмами, получили монополию на поставку строительных материалов в районы, разрушенные землетрясением.

В качестве директоров представители Мицуй заседают во всех полуправительственных банках.

Одним словом, влияние Мицуй, на первый взгляд несколько ослабленное конкурентами, продолжает ощущаться в Японии в достаточной мере. В лице генерала Танака, возможного преемника кеисейкайского премьера, это влияние может проявиться в недалеком будущем и в конкретных формах.

*) Это писалось до смерти Каго.

Мицубиси—правлящая фирма.

Компания Мицубиси является уже детищем новой Японии; в отличие от Мицун, центр тяжести ее интересов лежит не в торговле, а в промышленности и в транспорте. Понятно, это-то и делает ее, до известной степени, более прогрессивной, чем Мицун. Но из этого никак нельзя делать того, например, вывода, будто субсидируемая ею партия Кенсейкай склонна к серьезным реформам. И эта партия и финансирующая ее фирма более чем лояльно настроены по отношению к существующему строю. К тому же, они теснейшим образом связаны с милитаризмом, маринизмом и колониальным расширением. Фирма Мицубиси типична для переживаемой нами империалистической эпохи.

Рождение Мицубиси относится к 1870 году, когда некий Ивасаки Ятаро, самурай княжества Тоса, одного из боровшихся за легитимную (исторически-законную) монархию, получил в свое собственное распоряжение дела упраздненной компании, основанной владетельным князем провинции Тоса и его вассалами. Эта компания создавалась, как противовес купеческим, скупавшим в разных княжествах рис и перевозившим его в большие города.

Став хозяином предприятия, Ивасаки реорганизовал и расширил его и занялся, помимо торговли и транспорта, добычей камфоры, изготовлением ниток и добычей угля и руд. С 1875 г. мореходный отдел компании выделяется в особую компанию Юбин Кисен Мицубиси Кайся, начавшую мало-помалу отвоевывать себе место, занятое до тех пор британскими Пасифик Стившип К-о и Пасифик Орайентал Стившип К-о. При поддержке власти дела молодого пароходства, совсем еще жалкого, по сравнению с иноземными гигантами, пошли хорошо, и уже к середине 80-х годов ему удалось поглотить другую японскую компанию, конкурировавшую с ним. Это произошло при непосредственном участии правительства, постаравшегося покончить с внутрияпонской конкуренцией. Так, из слияния двух компаний возникло нынешнее Ниппон Юсен Кайся, к которому официально и перешло все транспортное дело Мицубиси. Но Мицубиси остается и теперь в этом, насчитывавшем в 1924 г. свыше 500.000 тонн, пароходстве основной силой.

Его компаньонами являются царствующий дом, семья умершего генро Мацуката и вообще влиятельные в политике и экономике лица.

Связь компании Мицубиси с правительством проявилась также и передаче ей последним казенного кораблестроительного предприятия в Нагасаки. Это было сделано сначала в форме аренды в 1884 году. В 1885 году Мицубиси приобретает в собственность существовавший уже банк. В том же году основатель фирмы умер, и дело перешло к его ближайшим родственникам.

Компания начала особенно быстро расти в связи с транспортированием и перевозкой войск во время войны с Китаем (1894—95), это было через год после ее реорганизации, произведенной в соответствии с вновь введенным коммерческим кодексом. Мицубиси продолжала расти и после, особенно в период войны с Россией (1904—5). А когда, в 1908 году, умер второй председатель компании, преемник основателя, положение ее было уже прочно установленным, и Мицубиси начала развиваться вширь.

В 1917 году выделена в особую компанию с 50 миллионами основного капитала Мицубиси Дзосен Кайся (кораблестроительная и механическая) и Мицубиси Сейтецу Кайся (сталь, железо) с 30 миллионами основного капитала. В 1918 г. появляются Мицубиси Соко Кайся (товар. складов) с 10 миллионами основного капитала и Мицубиси Горнопром. К-о с 100 мил. основного капитала. В 1919 году выделяются Компания страхования от огня и на море (Мицубиси Кайдзо Касай Хокеи Кабусики Кайся) и создается Мицубиси Гинко (банк) с 50 миллионами подписанного капитала с тремя отделениями в Токио, тремя в Осака, двумя в Кобе, в Нагоя, Отаву, Шанхае, Нью-Йорке и Лондоне. В 1920 году создается Компания Мицубиси по изготовлению Машии Внутреннего Сгорания (5 мил. основного капитала) и Мицубиси Электротехническая (15 мил. осн. кап.). Торговые дела Мицубиси ведут через Мицубиси Сяодзи Кайся (15 мил. осн. кап.), владеющую собственными пароходами и имеющую отделения в 14 городах Японии, в трех Маньчжурии, 5 главных портах собственно Китая, в Сингапуре, Сурубая (на Яве), Лондоне, Париже, Марселе, Берлине, Нью-Йорке и Сياتле (штате Вашингтон, на тихоок. побережье С. Ш. А.), и агентствами во многих других местах, даже в Африке.

Дела всех этих официально обособленных компаний контролируются компанией Мицубиси Госи Кайся, обладающей 80 мил. осн. кап. и играющей по отношению к перечисленным выше компаниям роль землевладельца. Земли этой компании разбросаны во всех важнейших центрах Японии и в главных портах Китая. На участке, принадлежащем ей в Токио, расположены главные правления всех названных выше компаний, затем компаний Кухара, Фурукава, Ниппон Юсен Кайся и 420 других компаний и контор, в которых работает свыше 12 тысяч служащих.

Из крупных предприятий, принадлежащих компаниям Мицубиси, многие заслуживают упоминания отдельно. Сюда относится, например, самое крупное на Даль Востоке кораблестроительное предприятие в Нагасаки с тремя доками в 523, 371 и 729 футов макс. длины. Это предприятие не только строит и ремонтирует суда, но и изготавливает мины, электр. приборы, котлы, машины, орудия, лафеты и льет чугун и сталь. На заводе в 1920 году было занято 17 тысяч рабочих и 1300 служащих.

Другое крупное кораблестроительное предприятие Мицубиси находится в Хиросима, а третье в Кобе, где один из плавучих доков способен поднять судно в 16.000 тонн.

В 1921 г. в нем, на соседнем кораблестроительном заводе Кавасаки и на железоделательном заводе, разыгралась забастовка, в которой приняло участие свыше 35 тысяч рабочих, продолжавшихся свыше месяца и в конце концов потерпевших поражение, несмотря на то, что на их стороне была вся переакционная часть Японии. Эту забастовку разбили не штыки, не полиция и не лисья хитрость губернатора Арийоси, а соглашательская тактика некоторых вождей, к счастью, теперь уже не сующихся не в свое дело. Один из них предпочел деятельность протестантского пона-благотворителя, другой где-то пристроился при капиталистах, остальные тоже как-то постепенно рассосались.

В период оживления на этих трех предприятиях чинилось в год по 400 пароходов в среднем. Что касается новых судов, то к концу 1920 года Нагасакские верфи спустили на воду 91 стальной пароход, в том числе 6 с тоннажем свыше 10-ти тысяч и 22 военных судна, в том числе два сверх-дредноута.

Отделение в Кобе специализировалось, помимо кораблестроения, на изготовлении двигателей внутреннего сгорания, самолетов, автомобилей и электротехнике.

В Нагасаки Мицубиси Дзосен Кайся владеет, кроме того сталелитейным заводом и оружейным.

К владениям Мицубиси Сейтецу Кайся (железо и сталь) принадлежат железорудные месторождения Кендзику в Корее, в губ. Хоккайдо (с 1911 года), где с 1918 года зажжена первая домна, и прилегающие к нему другие месторождения.

Помимо железа, в Кендзику производится серная кислота, нашатырь, тяжелые масла и нафталин, добывается уголь и изготовляются брикеты.

О размерах предприятий Мицубиси Соко Кайся (складочного) можно судить по следующим цифрам. В 1919 году они обслуживались портовыми плавучими средствами с общим тоннажем в 50.000 тонн и хранили в среднем в день товаров на 300 миллионов ен, они обслужили в 1919 году 3.000 пароходов с общим водоизмещением в 2½ миллиона тонн. Длина железнодорожных путей на территории складов около 23 верст. М. С. К. имеет дочернюю фирму Кйодо Ун'ю Кабусики Кайся (транспортную компанию).

Мицубиси Сподзи К-о (торговое) выросла из прежнего торгового отдела прежней неразделенной компании «Мицубиси-ся». Торговля, как таковая, не была самоцелью для Мицубиси — она явилась лишь как нечто приходящее к транспортному и горному делу. Лишь с 1917 года Мицубиси, торговая до тех пор лишь собственной медью и углем, начала заниматься и посредническими операциями, но и теперь ее экспорт состоит в значительной части из товаров собственного производства компании Мицубиси. М. Сподзи К-я имеет собственный океанский флот общим водоизмещением в 24 тысячи тонн. Ее пароходы совершают рейсы в Китай, Северную Америку, Индонезию и Австралию. С Ниппон Юсен Кайся это пароходство общего не имеет.

Мицубиси горнопромышленная (М. Когйо Кайся) выросла из прежнего отделения, начавшего функционировать с самого зарождения фирмы. Она владеет теперь приблизительно 600 кв. верст угленосной площади в Японии и 320 кв. верст рудоносной площади, не считая непрактичного при нынешних ценах железного песка (он содержит какие-то сложные сочетания магнитного железа и танталовых окислов). В 1919 году компания добыла свыше 9.000 метр. тонн меди, около 7.000 кило золота и серебра, 69 метр. тонн олова (олова значительно меньше, чем в другие годы) и около 3½ мил. тонн угля. Очистка и обработка производится на предприятиях самой компании. По цене своей продукции эта компания занимает среди горнопромышленных компаний Японии первое место.

К менее крупным предприятиям компании Мицубиси относятся: мукомольный завод, 2 бумажных фабрики, две крупнейших в Японии текстильных фабрики и другие. Косвенно (через Ниппон Юсен Кайся) Мицубиси контролирует, помимо собственных кораблестроительных предприятий, Иокохамские верфи и дочернюю фирму Н. Ю. К., Кинкай Кисен Кайся, пароходство, обслуживающее ближние рейсы.

Список предприятий, принадлежащих Мицубиси или подконтрольных ей, можно было бы продолжить долго, но это не имеет смысла. Но о трех, не упомянутых до сих пор, придется напомнить. Это — Сахалинские угольные месторождения, о которых наши читатели более или менее осведомлены, затем огромная компания, со 150 мил. ен. основного капитала, готовящаяся электрифицировать значительную часть Кореи — приблизительно $\frac{1}{2}$ ее и, наконец, «лесное дело» на Формозе. О последнем — немного подробнее.

Формозское лесничество, точнее довольно значительная площадь бамбуковых насаждений, в течение трехсот с лишним лет служило источником существования для множества ремесленников и кустарей, изготовлявших из этого дерева-злака самые разнообразные предметы; ведь бамбук — это не только материал для мебели, но и для водопроводов, крыш, коромысел, бумаги, землемерных знаков и т. д. вплоть до средств «юридического воздействия» и для изготовления очень вкусного блюда, напоминающего спаржу.

Китайские администраторы на Формозе были людьми далеко не идеальной честности; в половине случаев, если говорить без излишних смягчений, они были наноткровеннейшие воры, грабившие живого и мертвого. Формоза, тогда китайская окраина, недаром слыла страной восстаний. Но китайские чиновники, обкрадывая крестьян и кустарей, все же не доходили до того, чтобы лишать их источников сырья, и бамбуковый лес оставался в руках тех, кто им пользовался.

Но вот после своей победы в 1895 году пришли на Формозу японцы. Пришли и начали насаждать культуру. Лес был объявлен «имеющим общественное значение», он был взят под охрану и в конце концов при помощи культурно-колонизаторских крючкотворств передан в казну. А казна взяла и уступила его за гроши фирме Мицубиси, уступила с довольно громкими декларациями относительно каких-то там интересов потомства, упоминали о науке, о сохранении редких разновидностей и вообще обо всем, что в этих случаях принято говорить. Представители Мицубиси, со своей стороны, тоже что-то там обещали и тоже «выражали надежды».

Но на деле получилось не то. Никаких улучшений К-о Мицубиси там не завела, ни о чем не позаботилась и ничего решительно из наобещанного не сделала. Она просто окружила заросли колючей проволокой и теперь берет за все: за стволы, за ветки, за опавшие гнилые листья, за проход, за проезд, чуть ли не за просмотр. Все это страшно накаливало атмосферу и уже не раз приводило обездоленных людей к тюрьме и петле. О возвращении леса писали в парламент петиции, подавались с риском уголовного наказания просьбы государю, составлялись всевозможные бумаги и т. д. Но все это не впрок. Из года в год пишутся петиции. Из года в год происходят серьезные эксцессы и садятся в тюрьмы люди, и из года в год ловят агенты Мицубиси «воров». Доход, получаемый компанией с этого заграбленного ею владения, конечно, ничтожен на ее масштаб. Но принцип священной собственности должен быть соблюден. И он соблюдается.

Это один из принципов хозяйничанья Мицубиси на Формозе. Но их было больше — вот точно таких же возмутительных фактов. «Прогрессивная» К-о Мицубиси, конечно, ведет себя в колониях ничем не лучше, чем консервативная фирма Мицуи. Тамашнее бытие ее агентов определяет в них явно крепостническое, чтобы не сказать рабовладельческое сознание.

Перейдем теперь к политической роли Мицубиси.

О том, что всякое правительство является орудием господствующего класса — об этом не знают теперь только маленькие дети да специалисты в кавычках. Но обычно всякое правительство умеет соблюдать декорум национального, демократического или там какого-нибудь иного приличия, и трудно указать пример, когда бы этот азбучный факт настолько бросался в глаза, чтобы о нем затрубила вся буржуазная пресса, да еще в один голос. Подобный случай мы имеем в Японии. Не будем поэтому доказывать уже всем известное и перейдем прямо к той оценке взаимоотношений нынешнего правительства и фирмы Мицубиси, которая еще в середине 1924 года, через два месяца после формирования первого кабинета Като, дана была японцами.

Пишет либерал Тагава, быв. член парламента, в журнале «Тайо»:

Начинает он свою статью с заявления, что он, де, разочарован в Като. Он думал, что Като сыграет роль Гладстона, а на деле оказывается, что предполагавшийся Гладстон выдвигает на все завидные посты реакционеров и «подделывается к бюрократам, пэрам, милитаристам и капиталистам», что, впрочем, — об этом заявляет тут же сам Тагава — «должен де-

дать при нынешних условиях всякий премьер, чтобы удержаться у власти». Но не перегибает ли Като палку? — задается вопросом Тагава.

«Очень обидно и для кабинета и для страны, — продолжает он, — что, по циркулирующим теперь слухам, Кенсейкай является партией Мицубиси, и что эта фирма снабдила партию большими средствами на проведение избирательной кампании и, наконец, что кабинет Като является по существу кабинетом Мицубиси».

Далее автор пытается доказать, что в настоящее время имеется (вернее имелось в 1924 году) три типа правительств: капиталистическое — в Америке, антикапиталистическое — в России и среднее между двумя крайностями — правительство Макдональда в Англии. Последнее нашему автору нравится больше всех. Он хотел бы видеть такое же «народное», как он выражается, правительство и в Японии, но он с сожалением констатирует, что в ней правит кабинет, который, «пусть хотя бы только по слухам» (осторожничает он), «связан с крупнейшей в Японии капиталистической семьей» *), и что премьер даже не стыдится признаваться в том, что его партия получала податки от крупных капиталистов.

Автор отмечает далее, что из 7.900 миллионов ен британского бюджета обложением капитала покрывается 3.600 миллионов, т. е. около 46%, в Америке почти такой же процент, а в Японии эти поступления дают всего 200 мил. из 1.610 миллионов всей доходной сметы, т. е. всего лишь 13%. Остальное покрывается, гл. образом, косвенными налогами, давящими бедноту. В этом Тагава усматривает явное доказательство «капиталистичности» кабинета и считает, что самым демократическим членом его является не какой-нибудь из прославившихся прогрессистами кенсейкайцев, а Такахаси, лидер входившей тогда в коалицию партии Сейюкай.

То, о чем «Тайо» говорило осторожно, в «Кайдзо» (журнале с социалистическим налетом) выражено резче и прямее:

«Кабинет Кийоура принято было называть кабинетом привилегированных групп. Но о кабинете Като нужно сказать то же самое. Это тоже кабинет привилегированных, но в еще большей степени и в еще более неприкрытом виде, ибо политическая сила соединяется здесь с силой денежной. Премьер — зять Ивасаки (главы Мицубиси), министр иностранных дел — тоже, а министр путей сообщения является одновременно и

*) О том, кто всех богаче в Японии, мнения расходятся: одни говорят, что Мицуи, другие — банкир Ясуда, третьи Ивасаки, глава Мицубиси.

приказчиком Мицубиси и казначеем партии Кенсейкай. Это — правительство Мицубиси. Политические представители Мицубиси стали представителями Японской империи. Нет больше японской империи, есть империя Мицубиси», — пишет «Кайдзо».

Удзак в «Нихон Ойоби Нихондзин» даже не останавливается на связях кабинета с Мицубиси, повидимому, считая это не требующим доказательства. Его интересует та уступка, которую Като (читай Мицубиси) должен был сделать двору и родственникам прежнего главы генро, маршала Ямагата, не коронованного властителя Японии.

«Хара, лидер Сейюкай, стоя у власти, поставил на должность председателя правления Южно-Маньчжурской жел. дороги некоего Хаякава, человека из гнезда Мицуи. Для Като было бы естественно поставить туда представителя Мицубиси. Но он не рискнул. Желая подслужиться к графу Хирата, хранителю императорской печати, он назначил Ясухиро, свойственника Хирата (Хирата женат на племяннице Ямагата, а Ясухиро на другой родственнице умершего могущественного маршала)».

Читатель, уже знающий, какую роль играют семейные связи у Мицуи и как силен там японский «Домострой», не удивится соображениям, приведенным в статье Удзак. Ведь Япония все еще полна пережитками родового быта. В следующем отрывке читатель встретит и еще более домостроевские черточки и мотивы. Кстати сказать, в соседнем с Японией Китае подобные же соображения играют еще большую и притом бесспорную роль. Там министра, не пристроившего к общественному пирогу всех своих чад и домочадцев, пожалуй, скорее выругают, чем похвалят. Однако, перейдем к следующему отрывку. Он взят из статьи Мута в том же журнале «Нихон Ойоби Нихондзин».

Мута пишет, что Хирата был тем человеком, который один на один выступил против всемогущей партии Сейюкай и с целью недопущения ее к власти выдвинул на должность премьера сначала адмирала Ямамото, который ушел в отставку после покушения на наследника-регента (это тоже локальный штрих: Ямамото «брал на себя вину»), затем бюрократа из бюрократов Кийоура, а затем Като. И Като должен был отблагодарить Хирата приглашением в свой кабинет ставленника Хирата, некоего Окада, и назначить председателем Ю.-М. ж. д. Ясухиро, свойственника того же Хирата.

Среди же остальных министров мы видим ставленников Мицубиси. Это — сам премьер*), министр железных дорог Сэнгоку. Но этими лицами список не исчерпан. Министр почт и телеграфов Инукаи, как и его друг Оиси, когда-то оказавшие Мицубиси важную услугу, состоят у этой фирмы на жаловании. Министр финансов, Хамагути, быть может, и чист в этом отношении, но (тут опять локальный мотив и мотив очень сильный в Японии) он земляк Ивасаки, основателя фирмы Мицубиси. Оба они выходцы из княжества Тоса.

Читатель, у которого хватило терпения проследить все эти нестрые и запутанные взаимоотношения, заметит, пожалуй, что родовой момент выступает чуть ли не сильнее, чем современный, капиталистический. Но это не так. Родовые и земляческие связи в Японии достаточно сильны, правда, и теперь, — пренебрегать ими нельзя ни в коем случае, иначе мы никогда не поймем, что такое кланы, генро и прочие пережитки средневековья, — но следует иметь в виду, что очень часто родовой момент является лишь шелухой, прикрывающей чисто капиталистические отношения. Так, очень часто принадлежность к тому или иному клану оказывается на поверку совершенно фиктивной. Для клана он чужой по крови, он лишь приемный, как бывают в семье приемными усыновленные и приемнышники. Но если мы начнем разбираться, отчего он стал приемным для клана, то окажется, что корень надо искать в чисто родовых связях. Конечно, в более старых капиталистических странах подобные феодальные оболочки уже давно иссохли и превратились в пыль. В Японии же, несмотря на ее быстрое развитие, эти оболочки еще целы. Не следует, ведь, забывать, что среди деятелей современной Японии и до сих пор встречаются люди, не только юношеские, но и зрелые впечатления которых относятся к тому периоду, когда мужчины носили шишку на голове, таскали с собой повсюду два меча (один на врага, другой для самоубийства), когда не было еще железных дорог, не было телеграфа и когда путешествие за границу рассматривалось, как уголовное преступление. Ямагата, Мануката, Сайондзи, Асано, Окура, Ясуда — все они выросли и достигли зрелости еще в те времена.

В заключение — необходимое дополнение о «кабинете Мицубиси». Он не был чисто Мицубисевским, как не был он и кенсейкайским. Кабинет был коалиционным, представителем от Сейюкай в котором был Такахаси. Но Такахаси по чьей-то

*) О нем, в этой же книжке, в главе о политических партиях. Ко времени печатания настоящей работы Като умер.

воле (об этом можно только строить более или менее правдоподобные догадки) ушел, возглавлявшееся им ведомство было разделено к тому времени на два, и оба поста были заняты другими сейюкайцами. Один у них, Нода, был ставленником Мицубиси, другой Окадзак. Пост морского министра занимал (и занимает) представитель клана Сацума, а Окада является ставленником Цусю.

Такутоми, очень влиятельный японский журналист, щеголяющий иногда враждебностью к режиму плутократии.

Таким образом, налицо были «все живые силы страны», как выражались при Колчаке. Но вот, когда коалиция лопнула и когда во главе ушедшей Сейюкай стал собственной своей персоной глава Цусю (это было в июле 1925 года), тогда картина изменилась. Нынешний кабинет уже чисто кенсейкайский с одним министром из Сацума (Такарабе, морской министр). Мицубиси и Сацумцы — это довольно удачная смесь. Это комбинация из поставщика военного флота и силь-

нейшего из паромщиков с военным флотом. Но Мицубиси, вдобавок, связан со двором через Ниппон Юсен Кайся. А Сацума с тем же двором — через жену регента. Гармония наступила полная.

И еще об одном. Есть искушение истолковать победу Кенсейкая, как победу промышленного капитала над реакционным-торговым и над землевладением (Мицубиси над Мицуи и партией Сейюкай). Действительно, за это многое говорит. Но этот вывод может оказаться чересчур поспешным; не намеренным, а именно поспешным; «интуитивным», опростительским.

Дело в том, что та материальная база, на которой держится Мицубиси, гораздо менее прочна, чем Мицуи и ему подобных. Какова бы ни была общая картина на мировом рынке, Япония, по крайней мере в ближайшие десятилетия, вряд ли утратит роль первой в мире шелкопроизводящей страны. Иное дело металлургия. Ее развитие не может проходить без государственной опеки, без свирепых таможенных пошлин. Кораблестроение в Японии испытывает жесточайший кризис. С паромством дело тоже не блестяще. Одно только торговое дело Мицубиси не испытывает последствий депрессии в сильной степени.

Уже один тот факт, что Япония обделена и углем и железом, делает ее металлургическую промышленность и родственные ей отрасли непрочными.

Вот почему о победе Мицубиси над Мицуи приходится говорить осторожно.

Весьма интересными в связи с этим будут будущие выборы в парламент.

Типы японских плутократов.

Короли меди.

Медь — единственный металл, который встречается в Японии в количестве не только достаточном для ее нужд, но и для вывоза за границу. Как страна, экспортирующая медь, Япония известна не одну сотню лет. Но за последнее время, в связи с огромным ростом потребления меди на внутреннем рынке, экспорт меди упал очень сильно, и Япония сама стала ввозить более дешевую иностранную, гл. обр., американскую медь. Это объясняется не истощением медных месторождений, а той тарифной политикой государства, о которой достаточно хорошо известно по элементарным учебникам политграмоты. Монополисты вольны, как хотят, грабить внутреннего потребителя, а государство приходит им на помощь все повышающимися ставками на ввозимую медь. Ясное дело, что при подобных условиях вывоз японской меди уже не может иметь места. Но вывоз медной проволоки из Японии растет. В 1914 г. он равнялся 524 тоннам, а за последние годы войны достиг более чем 6.000 тонн, т. е. увеличился почти в 12 раз. Что касается необработанной меди, то ее месячная добыча равняется в Японии 5.000 тоннам.

Около девяти десятых всего этого количества добывается в 53 главных месторождениях, и из этих 53-х — 11, в том числе и лучшее в Японии Асио, принадлежит медному магнату Фурукава. Остальные распределены между фирмами Кухара, Сумитомо (упоминаемом здесь в связи с Сайондзи), затем — Мицубиси, Таката и Окура.

Фирма Фурукава имеет тенденцию расти по вертикали: имея, как основную специальность, добычу меди, она завела потом медноочистительные заводы, с одной стороны, и угольные копи, с другой (добывает около $1\frac{1}{2}$ миллионов тонн); следующей стадией было изготовление бронзовых и латунных изделий и телефонных проводов, а позже она основала отдельную дочернюю компанию Фурукава Денки Когё (электро-технич.) с основным капиталом в 20 миллионов ен и начала производить проволоку не только из меди, но и из стали. Банк Фурукава не отличается особенно большим капиталом.

Фурукава, как и Мицуи, связан с партией Сейюкай, где его представителем является Окадзакки, один из министров первого кабинета виконта Като (в 1925 году). В конце июля этот Окадзакки вместе со своим однопартийцем Нода, ставленником Мицуи, ушли в отставку, вызвав тем самым кризис кабинета. Но этот кризис в конце концов еще больше усилил Кенсейкай и его покровителя Мицубиси.

Окадзакки и сам является крупным капиталистом (в электротехнике).

Рудники Асио памятливы одной из самых крупных стачек в истории рабочего движения. Она послужила темой популярной в Японии драмы, написанной пролетарским писателем^{*)}. А что касается Фурукава, то он проявил себя особенно неговорчивым.

Фирма Фурукава в недавние годы вошла в соглашение с Сименсом.

Следующее по богатству после Асио месторождение меди находится в руках Кухара, одного из новых представителей японской плутократии. До 1898 года он был сначала мелким служащим, потом управляющим на медных приисках Косака, и лишь с 1905 года стал собственником приисков сам. Это — рудники Хитацци.

Горнопромышленная К-о Кухара основана в 1912 году и реорганизована в 1915 году. Ее основной капитал, равнявшийся в начале всего лишь 10 миллионам ен, был к 1918 году доведен уже до 75 миллионов. Компания, помимо горного дела, занимается химическим производством и изготовлением горнопромышленных машин. В 1921 году она владела кроме Хитацци целым рядом других горных предприятий и добывала около 26 мил. английских фунтов меди, 80 тыс. унций золота, 655 тыс. унций серебра и нужной для нее уголь. С 1917 года компания построила металлургические заводы в Мукдене и Фушуне в Маньчжурии. С 1920 года Кухара заинтересовался сахалинской нефтью и заинтересовал в ней Мицубиси, Мицуи, Окура и Судзуки.

Сумитомо, о котором мы скажем ниже, является хозяином третьего по богатству медного месторождения. Мицубиси — четвертого. Большая часть остальных месторождений в несколько раз меньше, чем первые пять.

*) Была сыграна по-японски студентами Востфака Гос. Датей-Универс. во Владивостоке в день 25-летнего юбилея Востфака.

В заключение не мешает дать представление об относительном значении названных здесь лиц и фирм не только в медном, но и в горном деле коренной Японии вообще (о колониальных предприятиях достоверных сведений найти не удалось). Об этом можно судить по цене продукции за определенный год, — в данном случае в 1919 г.

Оказывается следующее (в миллионах ен):

Мицуи — 61,7 (не считая дочерней компании, Хоккайдской угольной и паровой).

Хоккайд. угольн. и паровод. К-о	38,7
Мицубиси	67,3
Фурукава	37,1
Кухара	29,1
Кодзима горнопром. К-о	24,9
Ниппон нефть	20,2
Сумитомо	15,4
Ходен нефть К-о	15,1
Фудзита	10,6
Танака горнопром. К-о	14,8

Таким образом, Мицуи принадлежит несомненное превосходство. Но Мицубиси близка к Мицуи. Фурукава и Кухара отстают от них далеко, а остальные — тем более. Следует иметь в виду, что среди акционеров нефтяной К-о Ниппон видное место занимает Мацуката (о нем ниже).

В компании, созданные для эксплуатации Сахалина, входят своими капиталами все названные здесь.

Дельцы-сановники и корни их влияния.

В 1924 году умер хранитель императорской печати маркиз Мацуката Масайоси, — умер, окруженный огромным семейством, огромным богатством и совершенно чуждым пониманию незнакомого с жизнью Японии почестями. Правда, он и официально занимал очень высокую должность, — должность «хранителя печати императора», но не только это определяло его могущество. Мацуката — был «генро», т. е. один из тех высоковознесенных старцев, чье слово решало вопросы войны и мира, назначение премьеров, браки императорских сыновей и прочую высокую политику, короче говоря, он был один из трех фактических носителей верховной власти. Ямагата умер раньше его, а пережил его только Сайондзи.

По своему происхождению Мацуката был самураем княжества Сацума, одного из тех четырех княжеств, которые выступили в шестидесятых годах в защиту легитимной монархии

против сёгуната. К моменту свержения старого режима он имел уже 28 лет, возраст, который в те годы всеобщей ломки не был слишком молодым — это только теперь управление делами государства стало привилегией стариков, а 28 лет стало тем возрастом, когда студенты университета едва добредают, наконец, до желанного диплома.

Мацуката выдвинулся еще в самом начале эпохи Мейдзи, как хороший работник государственного казначейства, испытывавшего в 1872—1881 годах сильнейшие затруднения, обусловленные невозможностью быстро централизовать финансовый аппарат. Мацуката же считается основоположником существующей банковской системы Японии. Перед введением конституции, как раз в тот период, когда массы японского крестьянства (о пролетариате тогда еще не приходилось говорить) переживали результаты «столипнинской» реформы предыдущего десятилетия и когда Япония перестраивалась сверху до низу на капиталистический лад, Мацуката был в течение 10 лет бессменным министром финансов. Ему приписывается заслуга приведения в порядок запутанных государственных финансов. Скоро после введения конституции он стал премьером, затем опять попал на прежний пост минфина, который занимал во время японско-китайской войны; был премьером после нее, ввел золотое обращение и сблизился с прогрессистами, но потерпел поражение и подал в отставку. В 1903 году Мацуката стал членом Сумицу (верховного совета, — официального, а не неофициального, каким является неконституционное «генро») и мало-по-малу достиг положения генро.

Все это отчасти напоминает биографию Витте. Но только Витте должен был уйти, чтобы уступить место зубрам, а Мацуката и после неудач шел все время в гору.

Такова была официальная служебная карьера этого будущего полудержавного властелина Японии, но, помимо ее, он делал и другую карьеру, подготовляя ею материальную базу своего полудержавства.

Еще в 1877 году у некоторых членов феодальной аристократии, незадолго перед тем получившей выкупные платежи за свое «жертвенное отречение» *) от исторических привилегий, явилась мысль создать свой собственный банк. — банкиэров. Плебей Мацуката охотно пришел к ним на помощь в ка-

*) Об этой прославленной японскими историками и публицистами «жертвенности» мы уже говорили в соответствующем месте исторического обзора.

честве «спеца высокого напряжения» и в конце концов стал фактическим главой аристократического банка, получившего название «Пятнадцатого». В настоящее время этот банк имеет 100 миллионов подписанного капитала (49 миллионов уплаченного) и является «хранителем имущества императорского двора». Банк имеет 35 отделений в стране и ведет очень крупные операции. Так, в 1923 году он сразу же получил в свое распоряжение около 35 тысяч тонн новых пароходов, до тех пор принадлежавших его задолжавшимся клиентам.

В 1878 году Мацуката стал хозяином другого банка, возникшего в результате слияния «Пятого», «Тридцать Второго» и 4-х поглощенных ими. Мало-по-малу его деятельность расширялась все больше и больше и охватывала все новые и новые отрасли, из которых пароходство в период его быстрого развития сыграло большую роль. Мацуката стал акционером Ниппон Юсен Кайся и закрепил эту связь с Ивасаки (Мицубиси) браком своего сына на одной из Ивасаки.

Говорят, что, достигнув 80 лет, Мацуката жаловался иногда на ослабление памяти: «я забываю, — говорил он, — сколько у меня внуков и сколько разнообразных забот».

А забот у него было действительно много. Вот перечень некоторых из предприятий, которые или непосредственно принадлежали семье Мацуката или же в которых она была крупной пайщицей: Гидро-электрическая К-о Инавасиро (с 1911 г.); Кобе-ская компания газа (с 1913 г.); Тейкоку — сахарная (с 1910 г.); Токко — газовое и электрическое предприятие (с 1910 г.), производит газ, газовые установки и печи, железные трубы, электрические приборы и в последнее время пулеметы; Кавасаки — кораблестроительная верфь в Кобе (17 тыс. рабочих в 1921 г., теперь около 11 тысяч), строит военные суда, вплоть до сверх-дредноутов, производит железо, сталь, чугун, вагоны, трамваи, краны и электрические аппараты, имеет собственное пароходство.

Мацуката являются также довольно крупными для Японии землевладельцами и собственниками торгового дела.

Среди сыновей Мацуката — один, ставший после смерти отца маркизом, занимал пост председателя правления Пятнадцатого Банка (Дзюго Гинко) и был вице-председателем Токко-ской Ассоциации Банкиров. Второй сын состоит директором электротехнич. компании, третий, Кадзиро, председателем правления торгового дома Мацуката (Такива Сюкай) и предс. правления акционерного общества кораб. завода Кавасаки. Он известен, как один из самых ловких и хитрых врагов рабочего движения, как собиратель картин и как человек, не

останавливающийся перед грандиозными проектами. В сентябре 1925 года он посетил Советский Дальний Восток, где вел переговоры о концессиях и об установлении связи с Европой при помощи возглавляемого им пароходства «Кавасаки». Четвертый сын — председатель Нанива Гинко (банка), директор страховой компании и член Осакиской торговой палаты. Наконец, пятый сын — один из организаторов нефтяной компании Ниппон.

Два старших были когда-то на государственной службе, потом бросили ее ради более выгодных профессий, хотя карьера им предстояла блестящая: один был посланником в Спассе, другой тоже дипломатом, четвертый сын был когда-то вице-адмиралом, но тоже бросил военное дело, предпочтя банк. Два остальных вообще чиновниками никогда не были, хотя и кончили училище, соответствующее российским лицей или правоведения.

В царской России, где каждый сыночек снотельного родителя считал каждую службу, кроме службы в гвардии или в дипломатии, чем-то униженным для его достоинства и где купец, не взирая на быстрый капиталистический прогресс последнего времени, остался все же «Тит Титычем», «жидом», или в лучшем случае выскочкой, к которому милостиво снисходили, — там семья, вроде описанной, была, если не невозможной, то во всяком случае не типичной, исключительной.

Япония же, сохранившая много пережитков феодализма в остальном, в этом отношении, в смысле разрыва со средневековым подходом к кунцу, ушла куда дальше, чем Россия времен царей. Впрочем, как уже отмечалось раньше, ни Мацуката, ни подавляющее большинство остальных сановных японцев, ни даже князь Ямагата, бывший некоронованный король Японии, ни Хирата, ни Ямамото и т. д. не были аристократами по крови. Это просто самураи, которых даже дворянами нельзя назвать. Это было просто сословие служилых или военных людей, среди которых некоторые были, правда, более знатные, чем другие. В феодальной Японии, с ее едва 30 с небольшим миллионами жителей, самураев было в четыре раза больше, чем потомственных дворян в царской России, где жило 132 миллиона в 1897 году.

Но и чистокровные аристократы отчасти прониклись новыми веяниями. Так, например, маркиз Сайондзи, выходец даже не из поземельной аристократии, а из придворных, т. е. из родственников царского рода, и тот оказался, если не прямо то косвенно, связанным с купеческим делом. Его родной брат усыновленный кунцом и носящий поэтому фамилию Сумито-

томо, ведет большие коммерческие дела. Однако, большинство природных аристократов явное участие в торговых делах принимать гнушаются. Но у них есть различные уловки, вплоть до фальшивых фамилий, которые позволяют им проникать в воспрещенную для них старыми традициями сферу. На это толкает их сам закон, сделавший невозможным ношение титула для не имеющих достаточных средств, чтобы «поддерживать свое достоинство».

По торгашеской части пошел и сам дом «потомка богов», которому принадлежат не только леса и горы, недра и поля на Хоккайдо и в других местах, но и многие акции многих компаний, главным образом, Ниппон Юсен Кайся. Не гнушается царский дом и содержанием гостиницы в Токио, — гостиницы благоустроенной, хорошей и сравнительно не такой уже дорогой. Ее можно рекомендовать всем едущим в Токио.

Теперь подробнее о Сумитомо.

Сумитомо — это крупные кунцы еще до-революционной эпохи, которые, сумев, подобно Мицун, Коноке и некоторым другим, приспособиться к новым условиям, сохранили свое влияние и в современной Японии. Во главе их дома стоит теперь младший брат, маркиз Сайондзи, которого настолько окучивали его усыновители, что у него даже имя, а не только фамилия, оказалось плебейским. Его зовут Кицидзаемон. — типичное имя торговца, плохо вяжущееся с его благоприобретенным титулом барона.

Эти строки для русского читателя, быть может, не совсем понятны. Также, вероятно, и японцу было бы непонятно, почему в старой удельной Руси смерд не мог быть Изяславом, Мстиславом или Ярославом, а князь не мог носить смердского имени. Или почему деревенская Авдотья, став женой человека «не податного сословия», превращалась, ни с того ни с сего, в Евдокию, а Матрена в Матрону, Авксенья в Ксению. В Японии различие между аристократическими и плебейскими именами идет еще дальше: там имена царских родственников звучат по одному (Йосихото, Мацухато), имена бывших феодалов по иному (Йоринори, Акирака), типичные имена купцов оканчиваются на «емон», а имена остальных, главным образом, на «аро», «иро» и т. д. Случается, что иной честолюбец, заполучив титул, начинает произносить свое имя по-аристократически, пользуясь разночтением иероглифов, а его враги усердно в газетах выписывают его плебейское имя фонетической азбукой.

Ограничившись этим попутным экскурсом в область быта, посмотрим, что же представляет собою современная фирма

Сумитомо, столь близкая к единственному после смерти Мацуката генро. Ограничимся сухим перечислением ее предприятий.

Банк Сумитомо, уплаченный капитал—50 мил., отделения в Японии, Китае, Лондоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Бомбее, Сياتтле, на Гавайях и т. д.

Медные рудники Бесси, третьи по размерам в Японии.

Два завода литейных и кораблестроительный в Осака.

Завод искусственных удобрений.

Поставка чугунов и стальных товаров для желдороз. И т. д.

Некоторые считают, что Сумитомо принадлежит огромная часть акций японских предприятий в Корее, но нам не удалось найти подтверждения этого. Во всяком случае, это очень вероятно.

Сообщенное в этой главе дает ясное представление об экономической подоплеке генроизма. Не мешает, однако, сделать несколько заключительных мазков. С 1921 года было два генро—Мацуката и Сайондзи. А связи у них были такие:

Мацуката. Вождь клана Сацума. Крупный промышленник и банкир. Друг партии Кенсейкай. Как вождь клана, связан браком с одной из Сацума со двором. Через невестку связан свойством с Мицубиси. Через клан с флотом. Через сыновей со снабжением флота и кораблестроением. Через банк держал в руках землевладельцев.

Сайондзи. Сам выходец из придворных. Бывший председатель партии Сейюкай. Через нее связан с Мицубиси. Через брата—с Сумитомо.

А возвышавшийся над ними обоими Ямагата был вождем клана Цусою и имел, несомненно, связи со всеми крупными фирмами Японии, из коих две, Асао и Окура, в сущности, только благодаря его покровительству и выросли.

Основа власти генро, феодально-отеческая по видимости, была чисто капиталистической по существу.

Банкир Ясуда и его отношение к русско-японской войне.

Начало деятельности Ясуда относится к 1863 году. Это было время, когда режим Токугава уже определенно клонился к упадку. Попытки правительства укрепить свое положение разбивались напором иностранцев, пытавшихся обосноваться в Японии так же прочно, как перед тем они обосновались в Китае.

и о массовое недовольство самураев и вообще почти всех элементов тогдашнего общества «Соин дзюн». («Лояльность императору, вон варваров!» раздавалось тогда по всей Японии).

25-летний Ясуда Дзендзиро, прибывший тогда в Едо (будущее Токио), уже имел некоторые средства. Он скопил их на своей родине в кене (губернии) Тояма. На них он открыл в столице сйогунов свое первое солидное предприятие—меняльную контору Ясуда Спотен, превратившуюся в 1880 году в Ясуда Гинко (банк Ясуда). Помимо собственного банка, он принимал деятельное участие в создании или управлении рядом других банков: в 1879 году он был назначен председателем Третьего Национального Банка, состоял в Комиссии по организации Иокохамского Монетного Банка (Иокохам Спешл Банка), потом—Нихон Гинко (Банка Японии), в котором стал директором, потом Хоккайдского переселенческого, Формозского и Семнадцатого. Тогда же, в 1880 году, он был хозяином товарных складов и железной дороги на Хоккайдо и главой крупного страхового общества Тейкоку. Он возглавлял собою и названную его именем Торговую Компанию.

Ясуда родился в 1838 г. и, дожив до глубокой старости, умер в сентябре 1921 года под ножом террориста,—террориста не революционера, а «сентименталиста», мстившего ему за его невероятную черствость и «материализм», выделявшие его даже среди коллег. Один инцидент замечательно характерен. Когда ему был предложен баронский титул в обмен на сравнительно небольшое для него пожертвование в пользу покровительствуемого монархом благотворительного учреждения, он отказался так грубо, точно у него просили милостыню. Ясуда не жертвовал вообще никогда и ничего: по его мнению, это были «невыгодные сделки».

Но он был решителен в тех случаях, когда дело давало шансы на удачу. Одним из таких дел была война с Россией 1904—05 годов, которую Ясуда благословил после очень недолгого размышления. В одних снотельных мемуарах, описывающих подготовку к этой войне, прямо говорится, что не будь Ясуды, японское правительство еще не раз примерило бы прежде, чем отрезать. Но Ясуда сказал: «да», и полилась кровь.

На крови 1904—05 годов выросло могущество фирм Асао и Окура, выросли и богатства финансировавшего их Ясуда.

Когда, никем не оплаканный, он умер, то газеты, вероятно, сильно преувеличивая, утверждали, будто он контролировал капитал в 2 миллиарда ен, иными словами уступал по богатству только Государственному Банку (Нихон Гинко). Так или

иначе, число предприятий, которые контролировались его банком, было очень велико.

Наследниками Ясуда Дзендзиро являются Ясуда Дзендзабуро, избранный в верхнюю палату от плательщиков налогов Токиоского района, председатель Ясуда Гинко и глава вообще всех дел Ясуда (он стал членом семьи, как усыновленный зять, но в Японии это не меняет дела), и несколько сыновей. Все они и их ближайшие родственники принимают в делах фирмы активное участие. Их специальность — банки (всего числом 28), страховое дело, торговля и электроэнергия. Кроме того, они контролируют много других предприятий, например, Токиоскую строительную К-о (председатель Ясуда), крупное субсидируемое пароходство Тойо Кисен Кайся, Тейкоку, льготкацкое, банки и др. предприятия в Маньчжурии.

Вообще же дом Ясуда непосредственное отношение к производству и торговле имеет сравнительно малое. Его влияние осуществляется, главным образом, через банковские операции. В политике явного участия оно тоже не принимает. Иное дело — закулисное влияние; приведенное выше о роли Ясуда во время русско-японской войны в этом отношении достаточно красноречиво.

Из разносчиков в миллионеры.

Просматривая любой номер любой японской газеты, вы почти наверняка наткнетесь рядом с Мицуи и Мицубиси на имя Асано, японского «короля цемента», имеющего широкие и многообразные интересы также и в других отраслях промышленности.

Пятьдесят пять лет тому назад покупатели печенки и легких на труппных улицах Токио вряд ли думали, что их постоянный поставщик, бегавший с бамбуковым коромыслом по улицам, станет когда-нибудь одним из богатейших людей Японии. Но что было делать 23-летнему сыну провинциального врача-знахаря, не имевшему в столице ни знакомых, ни друзей, ни денег. Но Асано был предприимчив и смел, и скоро мы видим его уже хозяином маленького предприятия, которое занималось переработкой отбросов газового завода. В 1875 году, через четыре года после прибытия из родной Тойама, он имел уже достаточно средств, чтобы приобрести, правда, бездоходный, казенный цементный завод. С этого и началось его быстрое обогащение. Он сумел спасти гибнущее предприятие, расширить его и в конце концов занять в этой отрасли произ-

водства исключительную роль (550.000 баррелей в месяц). Спрос на его товар особенно быстро рос в связи с широким развитием электротехники, с портовыми, кораблестроительными и железнодорожными работами. И вот внимание Асано обращается на другие отрасли промышленности.

В настоящее время компания Асано владеет названными по имени хозяина верфями, владеет многими акциями пароходства Тойо Кисен Кайся (компаньоны Асано — фирмы Ясуда и Окура), является совладельцем бумажных фабрик в Токио и Осака, владеет сталелитейным заводом, имеет свой собственный банк (Асано Цюя Гинко) и совладеет «Сотым Банком». Она имеет и другие предприятия. Недавно компания Асано объявила о своем решении взять на себя засыпку части бухты в Фузани (в Южной Корее) с целью возведения на полученном, таким образом, участке портовых сооружений, ангара, аэродрома и аэропланного завода.

Своим быстрым возвышением Асано был обязан, главным образом, банкиру Ясуда, который, как уже сказано, был жаден и прижимист, но охотно кредитовал тех, в ком находил способность «делать деньги».

При нынешней ситуации, когда кораблестроение переживает жесточайшую депрессию, строительство в городах не процветает, а пароходство Тойо Кисен Кайся терпит убытки, дела Асано вряд ли идут особенно хорошо. Зато у него есть нечто очень ценное — это тесная связь с милитаристами: Асано рос на войнах, которые вела Япония.

«Господин — Консервированная Галька».

Окура — другой представитель той породы людей, которая отличается умением пробивать себе дорогу. Он родился в 1837 году и, значит, ко времени переворота 1868 года был уже вполне зрелым человеком. До тех пор он был и грузчиком и мелким торгашом. Но когда в Японии начался период грядущего, он быстро разбогател, главным образом, на торговле оружием и военными припасами. В 1873 году он уже создает свою нынешнюю фирму, а в 1874 открывает свое агентство в Лондоне.

Вначале его фирма занималась по преимуществу торговлей (машинами, электрическими установками и т. д.), а впоследствии Окура занял видное место и в промышленности. К 1921 г. Окура был председателем правления К-о химических заводов (сущ. с 1918 г.), владельцем кожевенного завода (с 1907 г.), был совладельцем пароходства Тойо Кисен Кайся и компа-

нином императорского двора по владению отелем в Токио, поставял железнодорогам лес из Хоккайдо, владел пароходами, имел горные предприятия. Помимо этого, он имел крупные интересы в Маньчжурии, где он после общества Ю.-М. ж. д. (в сущности правит. предприятия) был, пожалуй, обладателем крупнейшего капитала. Окура, как и Асано, был постоянным клиентом финансиста Ясуда.

Временем быстрого расцвета Окура были войны. Особенно много он заработал на тех поставках в армию в 1904—05 г.г., когда он получил столь неслыханное прозвище, как «г-н Консервированная Галька». Японские солдаты дрались на совесть, тысячами трупов устилали подступы к Порт-Артуру, но чтобы есть консервы Окура — на это у них героизма не хватало.

В конце концов, Окура за это пострадал: он получил долгожданный баронский титул не сразу после войны, а лишь к 1915 году... Недавно один наивный патриот, узнав, что Окура добивается новых прав по поставкам, считал своим долгом убить его за художества 1904—05 годов, но не убил, что-то помешало.

Была у «г-на Консервированная Галька» и другая неприятность со стороны патриотически-мыслящих. Это было в 1924 году, когда старик собрался праздновать свой 88-й год. Но как праздновать?

8 тысяч гостей предполагалось пригласить. 1½ мил. ен было ассигновано. Ожидалось нечто из ряда вон выходящее. Вся Япония говорила об ожидаемом празднестве. А незадолго перед тем императорский двор «из уважения к всенародному бедствию», постигшему Японию 1 сентября 1923 г., проафишировал свое желание отпраздновать свадьбу регента как можно скромнее и экономнее.

Чувства патриотов были задеты. Допустить, чтобы Окура справлял свой праздник помпезнее, чем наследник, потомок богов, они никак не могли. Окура было послано предупреждение. Потом к нему явилась делегация на дом и решительно потребовала через заведывающего домом, чтобы затея была отменена. Эти патриоты были достаточно организованы и боеиспособны, чтобы заставить архи-миллионера дать им ответ в очень вежливой, даже несколько подобострастной форме. Но вышло все-таки не так, как хотели обидевшиеся, а так, как желал Окура.

Он поступил просто. Он поручил охрану дома другой, тоже патриотической организации, еще более крепкой, еще более боеспособной, а главное, имеющей длительный стаж по борьбе

с забастовками, демонстрациями и прочими нежелательными вещами.

Такое противопоставление одних патриотических объединений против других — дело обычное в Японии. Своих собственных дружинников имеют и партии и фирмы. А если им не по карману иметь постоянное войнство, то они нанимают хулиганов на время.

Теперь старику Окура уже немало лет. Поэтому он передал дела сыну, а сам по примеру Диоклетиана занялся садами, полями и огородами. Он увлекается мыслью превратить Восточную Монголию в рисопроизводящую страну. Недавно он отправился туда сам («для размышлений и созерцания», как он объяснил). Газеты связывают его поездку с какими-то грандиозными замыслами, не то о переселении туда корейцев, не то имеющими отношение к постройке железной дороги Таонань—Цицикар. Старик все еще бодр и энергичен.

Связь Окура с милитаристами и их континентальной политикой — самая тесная. Окура фигурировал в интервентских делах в Приморьи, когда он хотел купить у Меркулова *) Уссурийскую железную дорогу. Имел он самое близкое отношение и ко всем японским замыслам в Шаньдуне и в Китае вообще.

Дела Окура разделены между несколькими компаниями, как и у Мицубиси и у Мицуи; главное из них Окурагуми и Окура горнопромышленная. Последняя ведает горными правами Окура как в Японии, так и в Китае, откуда Япония получает большую часть нужной ей железной руды.

Сибусава — «патриарх коммерческого мира».

Имя Сибусава известно каждому японцу, и вряд ли найдется хоть одна сторона жизни Японии, в которой бы не проявилось в той или иной степени его влияние. О Сибусава говорят в связи со школами, о нем вспоминают, когда толкуют о слиянии банков, пароходств, торговых домов, имя Сибусава постоянно упоминается в разговорах о Калифорнийском законодательстве. Многие иностранцы считали, что он «Морган Японии», другие, что он был прежде видным сановником. Его

*) Меркулов, бывший владелец промышленных предприятий в Приморьи, стоял в 1921 году во главе поддерживавшегося японскими интервентами правительства во Владивостоке и его районе. Этого типичного афериста сменил потом полупомешанный черносотенец и мистик Дидерикс.

баронский титул заставляет многих полагать, будто он представитель аристократии.

Но все это недоразумения. Сибусава не аристократ, не исключительный богатый и уже менее всего чиновник. Его популярность объясняется его ранним выступлением на аренуivotипной торговой и банковской деятельности и отчасти тем, что за ним, в отличие от других ранних представителей японского капитализма, не числится скандальных историй.

Подобно Асано, Окура, Ясуда, трем генро и многим другим, Сибусава делом опровергал легенду о недолговечности японцев. Он родился в 1840 году и благополучно дожил до наших дней. При Токугава он состоял на государственной службе и был одним из тех немногих японцев, которым еще тогда удалось поехать в Европу. После свержения сёгунов, он поступил на службу к императору в качестве знатока финансов. Но не долго ужился он там. Уже в 1873 году, разойдясь во взглядах с министром финансов, он подал в отставку, чтобы уже больше никогда не возвращаться в ряды чиновников, хотя ему не раз предлагали самые видные посты, в том числе и пост министра. Честь приведения в порядок японских финансов, до нельзя запутанных в семидесятых годах, выпала, таким образом, на долю Мацуката, быстро поднявшегося до высших ступеней бюрократической лестницы.

Зато Сибусава был основателем первого из современных банков Японии, сначала имевшего полуофициальный характер, а теперь являющегося частным предприятием. Этот основанный в 1873 году банк носит название «Первого» (Дай Ич). В настоящее время он имеет 43 миллиона уплаченного капитала и, например, в 1920 году стоял среди частных банков на первом месте, после Сумитомо Гинко, по общей сумме займов. По размерам уплаченного капитала он уступал тогда только банкам Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, «34-му» и «15-му» (где главенствуют наследники Мацуката). Сибусава стоял, кроме того, и во главе еще одного банка в Токио. До 1915 года он был бессменным председателем Токиоской торговой палаты и председателем Ассоциации Банкиров.

Имя Сибусавы упоминалось особенно часто в связи с его неоднократными поездками в Америку, «другом» которой он считался. Ему приписывается авторство знаменитой формулы «японские мозги, американские капиталы». Известен он также, как благотворитель, автор статей в журналах и газетах и как общественный деятель. Влияние его было всегда очень велико. Даже когда он отказался от официального участия в делах, к его совету или посредничеству обращались постоянно.

Так, когда пароходство Тойо Кисен Кайся (Ясуда, Асано и другие) оказалось в 1925 году в тяжелом положении, Сибусава принял деятельное участие в обсуждении плана его слияния с Ниппон Юсен Кайся.

Кстати, об «уходе от дел», о котором мы говорили здесь и о котором упоминали раньше в связи с «конституцией Мицуи».

Этот уход от дел — превращение в никёо — очень старый обычай в Японии, объясняемый Чемберленом влиянием буддизма. Сущность его заключается в том, что человек, достигший, скажем, 50—60 лет, передавал главенство в семье старшему сыну, передавал ему все имущество и права, а сам, получая от детей щедрое вспомоществование, посвящал себя размышлениям — это в теории, а на практике — чтению, хождению по театрам, сплетням, пьезству, разврату и т. д., смотря по вкусам. Был в истории Японии такой период, когда чуть ли не все без исключения государи уходили в никёо чуть ли не в детстве*). То же наблюдалось отчасти и у аристократов. Затем обычай «ухода» распространился и на другие группы населения.

В настоящее время обычай уходить в никёо определенно исчезает. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться хотя бы с тем, из кого состоят Сумицу (верховный совет), кабинет министров и верхняя палата или, например, с тем, кто занимал посты премьеров и «сори» (лидеров партий).

В большинстве случаев — это старцы. Особенно бросается в глаза «старческая» состава Сумицу, где в 1923 году самому юному из членов шел 60 лет. Япония на руководящих местах имела очень молодых людей в первые годы Мейдзи (годы первого «восстановленного в правах» императора), но эти тогдашние юнцы возмужали, состарились, а от власти, если не умерли, не ушли, и нынешняя Япония отличается именно высоким возрастным цензом своих правителей. Теперь они стары и консервативны.

Как мы видели выше, уход от дел не слишком-то соблюдается и в крупной буржуазии. Старый Окура, о чем-то хлопотующий в Монголии (он тоже поехал туда для «размышлений и созерцания»), Асано, на 8 десятке мечтавший стать Восточным Стиффесом, Сибусава, — советующий и посреднича-

*) Об этом смотри проф. Конрад «Япония — государство и народ». Эта книга дает скатый, но очень богатый по качеству материал из истории Японии от древнейших времен до периода Мейдзи. К сожалению автор затронул лишь надстройку, мало сообщив о базисе.

ющий, несмотря на уход от дел, — все это люди, видимо, с большой жизненной энергией и с малой склонностью следовать буддийским заветам.

Сибусава — один из интереснейших типов современной Японии. Это человек, который по своей деятельности, по своим публичным выступлениям, по своим статьям, например, о Лиге Наций, по своим связям и т. д. «европеец» вполне. А когда ему было почти 30 лет, он служил при дворе, где официальной идеологией был 2½ тысячелетний конфуцианизм, где взаимоотношения между высшими и низшими были подобны наблюдавшимся в Европе в XV—XVI веках и где всякий иностранец был «варваром».

Но Сибусава был не единственным в своем роде.

Нужно еще отметить, что с именем Сибусавы связаны все наиболее солидные по замыслу и масштабу попытки японской зубатовщины.

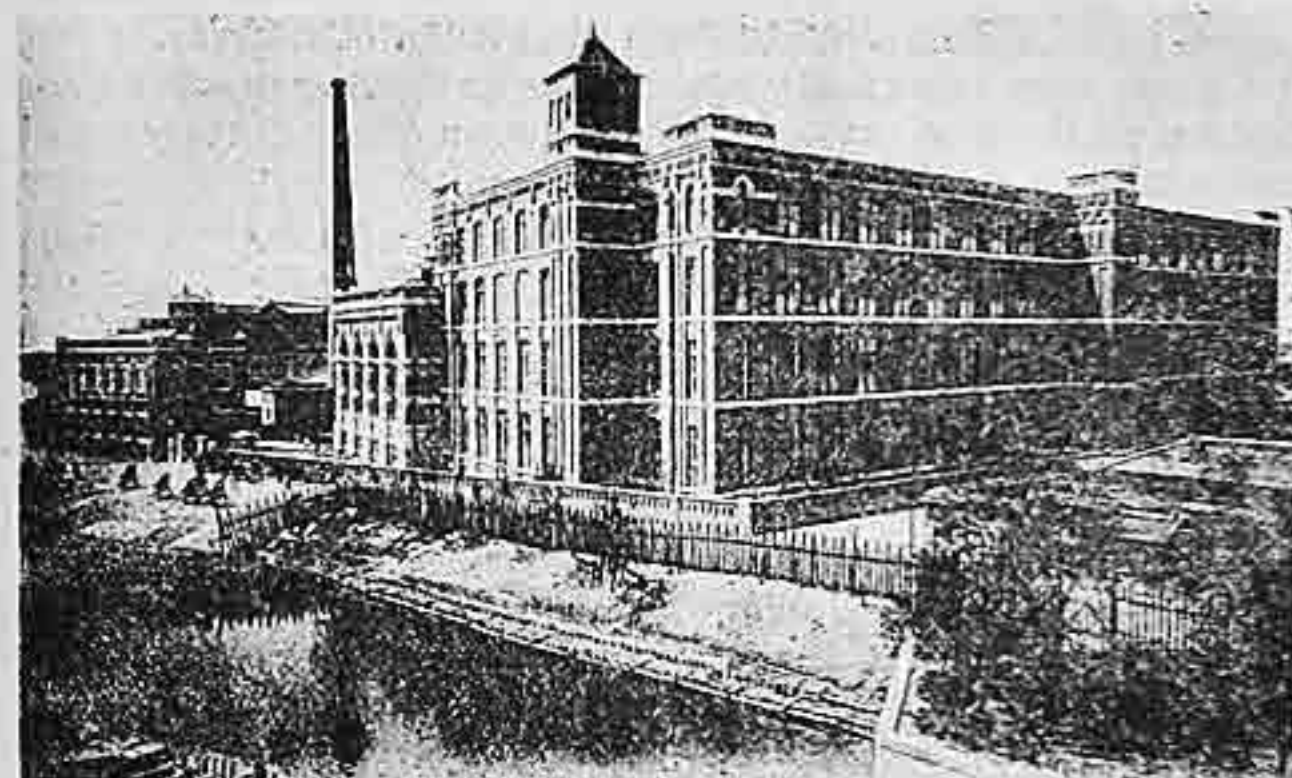
«Манчестерец».

В лице председателя правления и главного директора текстильной компании Канегафуци, некоего Мутао Сандзи, мы встречаем уже совершенно иной тип дельца.

В тот год, когда Сибусава, видный сёгунский чиновник, совершил свое первое путешествие в Европу, и Окура и Асано были уже вполне зрелыми людьми, Мутао еще не существовал. Он родился в 1867 году, накануне переворота, послужившего рубежом между феодальной и современной Японией. К тому времени, когда он стал гимназистом, Япония успела окончательно выйти из финансового тупика, когда же он окончил университет, в Японии уже существовал парламент, а практическая его деятельность началась тогда, когда его недавно феодальная родина торжествовала по поводу своих первых внешних завоеваний.

Итак, Мутао — сын новой, европеизированной Японии, но Японии, еще только создавшей свою крупную промышленность, еще только становившейся страной фабричных труб и угольной копоти. Ведь, как это видно хотя бы из дат появления перечисленных выше крупных компаний и предприятий, Япония 90-ых годов все еще оставалась по преимуществу аграрной страной, хотя и вполне втянутой в мировой хозяйственный оборот. Аграрные интересы преобладали тогда и в парламенте, а промышленность все еще находилась под контролем усиленного бюрократического попечения, — попечения оборонительного, а не наступательного империалистического.

Компания Канегафуци, во главе которой стоит Мутао, возникла в 1892 году. Быстро развиваясь и расширяясь, она скоро перегнала многих из своих конкурентов и в конце концов заняла не только в Японии, но и на всем Дальнем Востоке, да и вообще в Азии, первое место по качеству своих изделий и по степени отхода от традиций голого рвачества, свойственного подавляющему большинству японских предприятий. Канегафуци — это одна из тех компаний, которые умеют получать колоссальные дивиденды, не прибегая к явно живодерным методам. А сам Мутао — это один из тех рачительных хо-

Бумагопрядильная фабрика в Осака, «японском Манчестере».

зяев, которые понимают, что выгоднее заставлять девушек работать 10 часов, чем 14—16, ибо, в первом случае, научившись, одна будет через год заменять двух других девушек, работавших день и ночь и за непригодностью и изношенностью выброшенных либо на кладбище, либо в публичный дом, как это там обычно бывает. Мутао преуспел в этом методе культурного эксплуататора и платил в 1923 году 70% дивиденда (но теперь уже 38%), тогда как живодеры платили всего 50%, 30% и даже 20%. Любители примирять труд с капиталом указывают на него пальцами и ставят его в пример всем прочим, — его, да и еще одного фабриканта в Нагуре, в Индии, — это два самые «европейские» предприятия в Азии.

Муро и сам не прочь похвалить себя. В своих статьях, — Муро и журналистикой занимается, — он воспекает прелесть частной инициативы, ругает социалистов, вкривь и вкось цитирует слова Ленина о НЭП-е, проповедует гуманность и «клеят» «бессовестных эксплуататоров». Кроме того, он и общественный деятель: он проводил кампанию награждения героев труда в Осака, организовывал помощь безработным, громил «продажных деятелей политических партий», и, наконец, — это было в апреле 1923 года, — организовал новую политическую партию, союз практических деятелей (Дзингуйо-Досикай). Незадолго перед тем ему предлагали высокую должность главного начальника Южно-Маньчжурской железной дороги (официально председателя правления общества), но он отказался, хотя за ним и ухаживали в то время. Он даже удостоился чести принимать у себя самого регента (наследника престола).

Перед тем, в 1920 году, Муро был представителем японского капитала на пресловутой «Трудовой Конференции», вынесшей никем не выполненные пожелания. Нужно отдать ему справедливость, он добросовестно защищал интересы посланных его и, жертвуя своим патриотизмом, добился, чтобы в Японии, как в «менее подготовленной в индустриальном отношении», максимум рабочего дня был бы не 8, а 10 часов. Японцы, дескать, недоразвились до европейско-американского уровня, — говорил он. Они слабее и развиваются позже*). И он своего добился. Впрочем, Япония так и не ратифицировала Вашингтонских постановлений, благодаря чему она имеет теперь возможность продавать свои текстильные товары в Индии дешевле, чем стоят изготовленные в Индии, где эти пожелания осуществлены. (Нужно еще знать, что японские изделия изготовлены из индийского хлопка).

*) Между прочим, когда Лига Наций поставила вопрос об установлении минимального возраста для соглашающихся стать проститутками, японское правительство тоже потребовало льготы. Лига Наций предложила 21 год, японцы настаивали для японок на 18 годах. На этот раз они выставили в качестве основания «быстроту созревания» японцев по сравнению с европейцами. Кто был прав, защитник права эксплуатировать работницу, уверенный в том, что японка созревает позже не-японки, или защитник права эксплуатировать проститутку, убежденный в противном, — не нам судить. Так или иначе, удовлетворение получил и тот и другой. Крыловский волк, задавшийся мыслью съесть ягненка, фигурировал здесь в лице обоих защитников «интересов Японии».

Организованная Муро партия была первой партией в Японии, которая обзавелась настоящей политической программой, со вступлением, с общей частью, с рядом конкретных требований и заключением. По своему духу она приближается к тому, что является платформой английских либералов. Впрочем, о свободной торговле там говорится довольно сдержанно, и принцип «ласе фэр» не слишком подчеркнут. А о тех либеральных требованиях, чисто политического характера, вроде требования замещения должностей военными и морскими штатскими, о которых газеты и ораторы говорят постоянно, там нет ни слова. Там не было даже — о введении всеобщего избирательного права.

На выборах 1924 года Муро прошел в число депутатов, но из его однопартийцев удачливыми оказались лишь 7. Короче говоря, замыслы Муро не удалось. Его либерально-манчестерские идеи, даже в их подсушенном и подправленном виде, оказались в Японии не ко двору. Да это и не удивительно, ибо представители легкой промышленности Японии, на которых рассчитывал Муро, завоевывают себе рынки не качеством своих товаров (Канегафуди, предприятие Муро, составляет исключение), а тем, что свойственно империализму: субсидиями пароходам, в чем заинтересованы и Мицубиси, Ясуда, Асано и другие представляющие банки и тяжелую индустрию, возвращением акциза на экспортируемые товары, фактическим закрытием Японии для иностранных тканей и, наконец, при помощи переноса филиалов предприятий за границу, поближе к потребителю. А что это значит и при каких обстоятельствах это осуществляется, об этом достаточно красноречиво говорят забастовки (весною и летом 1925 года) в Шанхае, Циндао и Тяньцзине, трех центрах японской текстильной промышленности на территории Китая.

Прогрессивный Муро со своим манчестерством опоздал. Он проглядел империализм. И его коллеги по профессии голосовали не за его партию, а за типично империалистическую, сильную партию Кенсейкай, «партию Мицубиси». А Муро со своей семьей Дзингуйо-досикайцами приходится играть в парламенте весьма плачевную роль. Ему даже пофрондировать там не давали: просто исключали с заседаний, и он износил свою горечь в печати.

Руководимая Муро Канегафуди, компания владеет теперь несколькими отдельными предприятиями, имевшими в марте 1923 г. 533.740 хлопчатобумажных веретен. Помимо этого, компания пряла и ткала шерсть, натуральный и искусственный шелк и т. д. Землетрясение не отозвалось осо-

бенно заметно на ее благополучии. К-о Дай-Ниппон по числу веретен превосходила ее, превосходила ее также Фудзи и Тойо (614 тыс., 616 тыс. и 588 тыс. веретен), но по выплачиваемому дивиденду Канегафуци стояла выше их. И хотя в августе 1925 г. Канегафуци выплачивала 38%, тогда как Тойо — 55%, а имеющая старые предприятия в Китае Найгай Вата — 40%, все же акции Канегафуци котировались на бирже значительно выше, чем их акции (при 50% номинальных — 248 против 134 и 159). Фирма, очевидно, очень крепка.

Выскочки и спекулянты.

Япония четыре раза переживала лихорадку грюндерства: первый раз в период «Реставрации» (восстановление императора), когда выросли Мицубиси, Асано, Окура и многие другие, частью опять закатившиеся за горизонт делового неба; второй раз до и после войны с Китаем (1894—95), затем во время войны с Россией (1904—05) и, наконец, во время мировой войны 1914—18 годов и после нее, — вплоть до марта 1920 года.

Каждый из этих периодов, как мы уже видели по истории Мицубиси, Окура, Ясуда и других, способствовал ускоренному росту гигантов Капитала. Но одновременно с львами и тиграми вокруг жертв гражданской и трех внешних войн, кормилась также шакалы и гиены; особенно много развилось их во время последней войны.

Это так наз. «нарикии», — новые богачи, в вольном переводе.

Нарикии, конечно, далеко не все удержались на поверхности. Когда 14 марта 1920 года закрылись биржи в Токио и Осака и когда ужас перед разразившимся кризисом охватил всю торгашескую братию, часть нарикинов сразу пошла на дно, но часть кое-как удерживалась на поверхности еще в течение 2—3 и даже 5 лет, а некоторые остались целы и поныне. Таких счастливиц было, впрочем, не слишком много, но даже и они оказались мало-по-малу оттесненными в задние ряды. В передних остались, главным образом, те, кто был там и до военного «бума».

Для тех, кому приходилось бывать в Японии прежде и кто помнит, какой скромный, бережливый был тогдашний японец, небезынтересно будет узнать (сообщаем это со слов тех, кто был в 1919—21 годах в Японии), что эти как раз господа нарикии очень сильно изменили прежние нравы и обычаи. Ширяние десятирублевками на чай, умопомрачительные обеды, автомобили, дорогие подарки, сменявшие былые наивные ну-

стяжки в стиле «мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь» — все эти проявления «широких душ» новых богачей сыграли определенную роль в жизни японского общества.

Часть нарикинов, как уже сказано, проявила, несмотря ни на что, удивительную живучесть, а часть успела даже попасть в число «почтенных», с которыми начали являться самые солидные из старых капиталистов. Многие из них дорого заплатили за свою снисходительность.

Началась полоса банкротств, — банкротств запоздалых и тем более опасных для прикосновенных третьих лиц. Внезапно узнавали, что фирма, все время раздававшаяся вширь и вверх и, казалось, обещающая превратиться в нового Мицуби, оказывалась на поверку сплошь дutoй, построенной на ловком жульничестве, на сделках с собственными служащими или с такими же, как она сама, скороспелками. В результате лопались доверчивые банки и компании, возникала паника, бегали репортеры, и газеты писали сенсационные разоблачения. А правительство, пуще огня боявшееся таких вещей, делало все от него зависящее, чтобы не дать огню разгореться. В результате часть скороспелок, уже готовых развалиться, кое-как наспех чинилась и, приняв приличный вид, оставалась жить еще некоторое время, чтобы через три—четыре месяца дать пищу для нового пожара. В своей осторожности правительство доходило до того, что буквально травило редакторов, позволявших себе сообщать сведения об ожидаемых банкротствах. Так было, например, с грандиозным банкротством Пени.

Любопытно, что спекулянтский дух охватил и такие солидные учреждения, как полу-правительственные банки Корейский и Формозский (Циосен Гинко и Тайван Гинко; японцы и китайцы не знают слова Формоза, они называют этот остров Тайван, а Корею—Циосен). Правда, одной из серьезных причин их затруднений было то, что они по настоянию правительства снабдили в 1918 году китайское правительство займами на общую сумму около 150 миллионов (так называемые займы Нисихара), которые Китай и не думал до сих пор покрывать, но это была всего лишь одна из причин. Помимо этого, сыграла роль и просто спекулятивная торячка, приведшая эти банки на край банкротства. Но банк Нихон Гинко (Госбанк) спас их, за что на правительство обрушилось со стороны прессы и нестоящих у власти лиц (в том числе и Муто) множество обвинений. Газеты прямо поставили вопрос о скорейшей ликвидации «этих совершенно ненужных» банков.

Система правительственного укрывательства кандидатов в банкроты оказалась и в деле (летом 1925 года) с банкрот-

ством Танака, одной из старых и солидных фирм, являющейся поставщицей казны. Ее покрывали до тех пор, пока скандал не принял международного характера.

Не нужно думать, что заботливость о банкротах проявляется обязательно в каких-нибудь тонких хитростях; иногда все это проявляется в очень упрощенных формах. Так, в деле Исии защитниками прогоревшего спекулянта были просто на просто резинщики-кокусуйцы, члены той организации, которая в прежние времена занималась разными темными, иногда просто уголовными делами, а теперь, обласканная министрами и генералами, превратилась в «Общество Национального Духа», в союз неперемненных участников всех патриотических манифестаций и торжеств, штрейкбрехерских выступлений, избивений социалистов и т. д. В более спокойные времена эти господа охотно берутся наломать бока какому-нибудь А, если им платит Б, или бить Б, если уплатит А. Все политические партии держали и держат собственные своры этих профессиональных хулиганов. Держал их и Исии. Вот эти наемные хулиганы и заставляли кредиторов-банкиров не подавать в суд, а получить часть долга и успокоиться.

Отравители и развратители.

Поддержка спекулянтов из страха финансовой паники — это еще более или менее понятно. Но в Японии наблюдались и худшие вещи: это поддержка нелегальной торговли морфием, кокаином и героином, которые все время идут в Китай в качестве «лекарства от опиемании». Эти товары шли в Китай в посылках японской почты в Китае, шли под видом военных грузов, шли под защитой консульского клейма: «для лечебных целей» и т. д. Судя по тому, что японское правительство и власти никогда не боролись серьезно с этой торговлей, а, наоборот, организовано брали ее под защиту, здесь, вероятно, были задеты крупные интересы: из-за мелкоты не стали бы представители Японии ставить себя в столь фальшивое положение на всех конференциях. Но, конечно, добаться до главно-заинтересованных здесь особенно трудно.

Мы говорили о представителях разных отраслей промышленности, транспорта и торговли, вплоть до анонимных торговцев ядами. Мы рассказывали о капиталистах разных степеней, древности и родов. Но мы не коснулись еще тех, чьи фирмы насчитывают, быть может, столько же столетий, сколько фирма Мицуи и Коноке (осакаский банкир), и чьи капиталы достаточно велики, чтобы позволить им играть большую роль

в общественной и политической жизни Японии. Это — содержатели публичных домов.

Когда один член Какусин-Курабу в г. Кобе, проявивший большую склонность попасть в парламент, позволил себе заявить, что он противник легализированной проституции*), шестьсот обладателей избирательного права заявило, что хотя они готовы голосовать за него, но воздержатся до тех пор, пока он не пересмотрит свои взгляды на проституцию. Не помним, чем это кончилось, достаточно, однако, сказать, что после этого газеты решили, что его кандидатуру можно считать похороненной. Эти 600 избирателей представляли собою сплоченную корпорацию владельцев «веселых домов».

Один из самых видных, хотя, впрочем, не очень почтенных, членов нижней палаты, большой патриот, сейюкаец, имеющий, между прочим, скверную привычку подкреплять свои реплики кочергой от парламентского камня, является главой целого объединения подобных же учреждений.

Когда в интересах плановости постройка постоянных зданий в разрушенном землетрясением Токио была воспрещена, для влиятельных хозяев квартала Носинара (где помещаются публичные дома) сделано было по их просьбе исключение.

Японское правительство занято теперь борьбой с Лигой Наций из-за вопроса о минимальном возрасте для легальных проституток, при чем оно определеннейшим образом защищает точку зрения владельцев домов. Точно также повело оно себя и в вопросе о торговле белыми рабынями и это, несмотря на то, что в Сумицу ряд заслуженных бюрократов кричали о национальном позоре. Их влияние оказалось слабее влияния торгующих женским телом.

Впрочем, довольно приведенных примеров, хотя при желании ими можно было бы заполнить целую книгу! Их достаточно, чтобы убедиться, что эта отрасль торговли не отличается ничем от всех других в смысле влияния занимающихся ею на политику Японии. Кетати сказать, они платят в казну налоги с каждой «головы» эксплуатируемых ими женщин. Этот источник дохода считается обеспеченным и очень ценится властью имущими. Интересы фиска — ничего не поделаешь!

*) Он ссылался на то, что самая благополучная по сифилису губерния та, где легальных проституток нет вовсе, а самая неблагополучная, где их количество относительно наибольшее. Первая — Гумма, а вторая Нагасаки.

Экономический очерк.

Экономический рост во время войны.

Об экономическом росте Японии в период войны дают приблизительно представление приводимые ниже данные, почерпнутые нами из «Таймса» (Лондонского). Говорим, приблизительно, потому, что они не вполне совпадают с другими сведениями. Впрочем, для нашей цели в данном случае особенно большой точности не надо. Вот эти сведения.

В декабре 1913 года золотой запас Японии равнялся 341 миллиону ен, а в 1920 году, в начале его, т.-е. до кризиса, он возрос уже до 2183 миллиона ен (что составляло приблизительно $\frac{1}{8}$ часть всего мирового запаса добытого золота К. Х.). К этому времени банкнотов было выпущено почти на 1 миллиард ен меньше.

В течение пяти лет излишки доходов казны достигли в общей сложности 1266 мил. ен. Благодаря этому, Японии удалось по дешевой цене выкупить размещенных за границей обязательств на сумму около 50 миллионов фунтов стерлингов.

Японский вывоз, оценивавшийся в 1914 году в 591 мил. ен, в 1919—1920 фискальный год поднялся до 2098 мил. ен.

В 1913 году общий капитал новых компаний равнялся 355 мил. ен, а в 1919—1920—4988 мил. ен. В 1914 году через расчетные палаты прошло счетов на $10\frac{1}{4}$ миллиардов, в 1919 году—почти на 77 миллиардов. (В Соед. Штатах Америки на 439 миллиардов долларов. 1 доллар = около $2\frac{1}{2}$ ен).

В 1913 году паровой тоннаж Японии измерялся 1593 тысячами тонн, а в 1921 году—3011 тысячами тонн.

Конечно, если сравнить эти цифры с относящимися к С. Ш. А., другой выросшей на крови и трупах мировой войны стране, они покажутся мизерными. Они покажутся еще меньше, если внести поправку на индекс цен. Но и приняв все это во внимание, отрицать рост Японии не приходится.

Национальное богатство.

Но значит ли это, что мировая война превратила Японию из аграрной по преимуществу страны в равню Англии, или хотя бы какой-нибудь другой передовой страны Европы?

Ответ на этот вопрос отчасти даст то сообщение, которое было отправлено Лиге Наций специальной комиссией по определению национального богатства Японии. Это было в 1922 году.

86 миллиардов ен—это общая сумма, приведенная названной комиссией,—сумма, прибавим мы, на 54 миллиарда большая, чем для 1913 года. (Национальное богатство Германии перед войной было, по тов. Троцкому, 225 миллиардов марок, что соответствует, грубо подсчитывая, 100 миллиардам ен).

Посмотрим теперь, как эта сумма в 86 миллиардов ен распределяется по основным отделам. Комиссия дает по этому поводу следующие данные:

Стоимость земли и продуктов земледелия	35 миллиард. ен		
» зданий	38	»	»
» коней и рудников	6,4	»	»
» улучшений и оборудования рек, портов и т. д. и продуктов морских и вообще водных промыслов	4,6	»	»
» золота, серебра, ценных бумаг и запасов необработанных металлов	2,4	»	»
» имущества императорского двора	344 миллиона	»	

Земледелие.

Как видно из этого, земледелие играет в экономике страны попрежнему огромную роль. Что это так, видно из другого косвенного указания,—из данных о числе семейств, живущих земледелием. Их из $11\frac{1}{4}$ миллионов всех семейств в Японии (по переписи 1920 года) насчитывается $5\frac{1}{2}$ миллионов, которые, впрочем, не являются только земледельцами: очень многие из них имеют и побочные заработки. Вообще кустарничество, а, следовательно, и связанная с ним система выжимания пота, в Японии процветает. Мы еще вернемся к этому.

Рис является основным злаком и притом не только по площади засева, но и по стоимости продукции, что обусловлено высокой его урожайностью*). Пшеница, ячмень, просо, гречиха, бобы, кукуруза и т. д., все это лишь дополнение к нему,

*) Большие сборы с десятины отличают рис не только в Японии, но и в Советском Приморьи, где, как неизвестно большинству наших сограждан, посевы его производятся в растущем количестве уже с первых годов революции.

хотя для беднейшего населения, в том числе и крестьянского, дополнение зачастую превосходит основное. Но для мало-мальски зажиточного японца рис — то же, что для нас хлеб, пожалуй, даже и больше, и вопрос о снабжении страны именно рисом, а не любым зерном вообще, является для них первостепенным. Превращение рисоеда в хлебоеда, как показал опыт, — процесс очень болезненный, не менее болезненный, чем был бы у нас обратный процесс.

Как же обстоит дело с рисом в Японии?

Кратко на это можно ответить так: не так скверно, как думают у нас многие, но все же далеко не блестяще. Без ввоза риса Япония в годы среднего и плохого урожая обойтись не может, а в будущем не сможет обходиться и в годы очень хороших урожаев. Будь Япония страной, имеющей активный баланс, или имей она достаточные доходы с капиталов, вложенных за границу, в необходимости приобретать заграничный рис не было бы ничего тревожного; не тревожится же о необходимости ввозить хлеб Англия! Но в Японии из года в год мы наблюдаем превышение ввоза над вывозом, а внешние торговые ее доходы не покрывают в последние годы торгового пассива. Таким образом, не только торговый, но и расчетный баланс Японии, остаются неблагоприятными, пассивными. Иными словами, Япония платит больше, чем получает сама. А это значит, что ей приходится стремиться к увеличению добычи риса в собственной стране. Но такая попытка наталкивается на очень серьезные препятствия, из которых — на этом необходимо поставить ударение — недостаточность размеров территории не является ни единственной, ни даже важнейшей.

Не географические условия, отнюдь нет! А социальные, экономические и политические условия — главная помеха расширения посевной площади. Причина — в эксплуатации крестьянина землевладельцем-паразитом, купцом, скупщиком, банками и государственной машиной. Крестьянин недокушает удобрения, недоедает сам, наконец, случается, просто бросает землю и убегает в город. И вот в результате развитие земледелия задерживается.

Те, кто говорят, будто стремление накормить голодных — главный побудитель японских империалистов, те просто не считаются с бросающимися в глаза фактами. Насколько нам известно, такие сентименты вообще чужды империалистам; а японские исключения не составляли и не составляют. Япония обойдется в ближайшие годы и без иностранного риса, если она прогонит враз своих земельных паразитов и тех, кто с ними в связи. Но Япония, поскольку она остается страной

микадо, Мицун, Мицубиси, генро и К-о, всегда будет под угрозой, ибо эта К-о рисового вопроса разрешить не может, да и не особенно хочет *).

Вернемся к прозе цифр.

Посевная площадь под рисом, хотя и медленно, но все же в течение пятидесяти с лишним лет росла. Росла она и в течение последнего десятилетия. Росла, хотя с большими колебаниями, и продукция. Для ясности приведем таблицу. (Посевная площадь у казана в цю, который почти равен гектару, или 0,9 десятинам. Сбор показан в коку; коку — количество риса, достаточное для пропитания одного человека в течение года).

Год	Средн. за 7 лет 1912—19	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925
Посев. площ. в тыс. цю	3035	3056	3071	3084	3093	3105	3126	3134	3141	3148	3142	—
Сбор в милл. коку	53,9	55,9	58,4	54,7	54,7	60,8	63,2	55,2	60,7	55,4	57,2	Около 58

Конечно, цифры скучная вещь, но они все же куда веселее, чем рассуждения, основанные неизвестно на чем. Пусть же читатель сам выведет свои заключения. (Цифры взяты нами из «Японского Ежегодника» и из прессы).

Всего под пашней — под рисом и остальным — в Японии около 6 миллионов цю (или гектаров), тогда как в России до войны было около 100 миллионов. Но нужно вспомнить, что населения было у нас в 3 раза больше, а урожайность раза в 4—5 меньше. И мы вывозили, а Япония нет.

Мы не претендуем здесь на научность и даже просто на большую точность. Нам достаточно дать общую картину. Большая точность была бы возможна лишь в специальной работе.

*) Чтобы доказать сказанное, нужно написать специальную работу. Здесь это, по условиям места, невозможно, но мы можем рекомендовать статистический материал в статьях тов. Катаяма (см. «Новый Восток» и ежедневную прессу) и сделать на основании его собственный вывод.

Скотоводство и морские промыслы.

О скотоводстве в нашем кратком обзоре говорить не стоит. Достаточно упомянуть, что на 100 человек в Японии имеется около 3-х лошадей и 2-х коров, а коз, свиней, овец и прочих мелкий скот можно было бы согнать со всей Японии в один наш большой колхоз и прокормить его там без особенно большого труда собственными средствами. Пишущему эти строки, в бытность его в Японии, ни разу не удалось увидеть ни свинью, ни овцу. Птицеводство тоже не очень развито.

Иное дело рыболовство и морские промыслы вообще. По технически Япония не является в этом отношении передовой страной. Наоборот, относительно она далеко отстала от Европы. Об этом говорит уже то, что число занимающихся этими промыслами непропорционально велико, а число судов, пригодных для работы вдали от берега, непропорционально мало. Однако, в последнее время количество судов, снабженных механическими двигателями, растет быстро, что видно, между прочим, по увеличению спроса на нефть и ее продукты. Рыболовецкое население, оно же в значительной доле крестьянское, уже в эпоху Токугава попало в лапы скупщиков-эксплоататоров.

Шелководство.

С земледелием тесно связано шелководство, которым занято около $3\frac{1}{2}$ миллионов семейств, т.-е., примерно, 30% населения, а площадь под тутовым деревом составляет приблизительно $\frac{1}{2}$ миллиона десятин, т.-е. $\frac{1}{12}$ того, что занято под пашней. Колоссальный рост шелководства — один из крупнейших фактов экономической истории Японии. Еще недавно Китай был почти монополистом, как поставщик шелка на мировой рынок, теперь же Япония, площадь которой меньше, чем площадь некоторых отдельных провинций Китая (например, Сычуань, на реке Янцзы), столкнула его на второе место, и, вероятно, уже ни ему, ни тем более Италии, Франции, Сирии и т. д. не нагнать ее. Вывоз из Японии шелка по стоимости превосходит в иные годы 800 миллионов ен *). Обработкой его в шелкомотальных заняты сотни тысяч, а многие работают на дому, но подсчитать их количество вряд ли возможно.

*) В 1919 году Япония вывезла шелка-сырца на 624 миллиона, оческов на 20 милл., шелковых тканей на 163 миллиона, шелковых платков на 7 с лишним миллионов ен и т. д.

Кустарные промыслы.

Шелководство, рыболовство, чайное дело, плетение соломенных шляп, изготовление пуговиц из перламутра, игрушек, матов, цыпков, некоторых гончарных изделий, и в значительной еще степени, ткачество — вот те важные для японского экспорта виды производств, которые держатся, главным образом, на эксплуатации городской и сельской бедноты. Потопная система процветает здесь, и нам незачем пояснять, что бесконечный рабочий день, отсутствие праздников, отвратительные условия труда, пользование трудом малолетних и больных связывается с ничтожной зарплатой, с отсутствием инспектуры труда, насильственной проституцией и т. д. Домашняя промышленность — это выражение достаточно знакомое всем.

Как уже сказано, эксплуатируются в этих производствах не только горожане, но и, пожалуй, еще в большей степени сельчане. Им приходится идти в кабалу, так как иначе огромная часть их просуществовать не может.

Положение крестьян.

Из 5.477.000 крестьянских семейств было, по статистике 1920 года, 1.550.000 вовсе безземельных и потому обрабатывающих исключительно арендованную землю, 2.229.000 полусобственников, полу-арендаторов и только 1.697.000 семейств, имевших либо достаточно для того, чтобы не приарендовывать, либо таких, которые сдавали землю сами.

Как показали обследования (передаем, что слышали), даже некоторые «помещики» (точнее, просто кулаки) имели некоторый дефицит, хотя и незначительный, остальные же регулярно имели от своего хозяйства чистый убыток и все без исключения были в долгу, в долгу неоплатном. Да и не удивительно: аренда в Японии фактически всегда выше 50% валового сбора, а порой доходит и до 70%. Эта аренда назначается землевладельцем то в натуральной форме, то в денежной, в зависимости от того, что ему, землевладельцу, в данном году, при данной конъюнктуре выгоднее. Тот же землевладелец зачастую является и скупщиком как риса, так и прочих продуктов крестьянского хозяйства, в том числе коконов. Кроме того, он является иногда тайным ростовщиком, продавцом удобрений, а также местным старшиной, депутатом земства, парламента, акционером банка и т. д. Короче говоря, он «царь и бог» в своей деревне. Результат всего этого тот, что крестьянин все дочиста продает, чтобы потом купить для себя на пропитание

более дешевое и, отправляя детей на заработки в город, сам «отдыхает» от полевой работы за кустарными промыслами. И, несмотря на это, он все же с каждым годом видит, как его долги растут.

То, что сумма вкладов в почтово-сберегательных кассах в Японии держится около миллиарда ен, никого, нужно думать, не обманет. У нас сумма вкладов тоже росла в свое время, однако, это ничего не доказывало, кроме того, что кулак угнетал бедняка^{*)}.

Последние 7—8 лет отмечены заметным увеличением сознательности японского крестьянства и вступлением его в борьбу бок-о-бок с пролетариатом. Однако, нужно признаться, влияние желтых вождей в деревне очень еще сильно.

Но, конечно, аграрная борьба не могла дать крестьянству сколько-нибудь ощутительных побед, и отлив крестьян из деревень в города продолжается чуть ли не в больших размерах, чем прежде (говорим это по общему впечатлению; точных цифр у нас нет). Урбанизация (рост городов за счет деревень) продолжалась и после кризиса 1920 года. В ней были только заминки. А из деревень (заметьте: из деревень «перенаселенной» Японии!) доносились жалобы на недостаток людей. Пусть эти вопли были в значительной степени обусловлены опасениями землевладельцев, но даже и в этом случае они свидетельствуют против утверждений относительно «народного империализма» Японии^{**)}. Такие факты, как переход части землевладельцев от рисоводства на своих землях к лесоводству, говорят об этом еще красноречивее.

Урбанизация.

Прежде, чем перейти к обзору других областей экономики Японии, остановимся еще раз на урбанизации, которая является солидным показателем изменений хозяйственной структуры страны. Мы ограничимся здесь таблицей численности населения 6 главных городов Японии, «шести больших городов».

*) Интересующихся крестьянским вопросом отсылаем к работам О. Плетнера и к статьям тов. Катаяма в «Новом Востоке» и в других изданиях.

**) «Народный» в том смысле, что он, империализм, якобы, выгодеи всей нации в целом, т. е. освобождает труженников японцев от последствий перенаселения.

Число жителей укажем в тысячах.

	1895	1898	1920	1925
Осака.	487	821	1252	2107
Токио.	—	1440	2173	1986
Киото.	—	353	591	765
Кобе.	—	216	608	643
Покохама.	—	194	423	407
Нагоя.	—	244	429	762

Следует оговориться, что рост Осака объясняется отчасти расширением городской черты, охватывающей теперь бывшие

Гинза, главная улица в Токио; она не отличается красотой — это смесь старо-японского с полу-европейским.

предместья, что сокращение населения Токио и Покохама, пострадавших во время землетрясения 1-го сентября 1923 года, все же гораздо меньше, чем можно было думать, и что рост Нагоя возбуждает у автора сомнение: не опечатка ли была в использованных материалах. Так или иначе, рост городов был, и был, заметьте, во время депрессии.

И еще.

Японское население в Корее и на Формозе увеличилось за последние пять лет очень мало. Наоборот, корейское население в Японии увеличилось.

Перейдем к легкой индустрии, начало развития которой мы проследили с последних годов династии Токугава.

Текстильная промышленность.

После шелка, огромнейшая часть которого поставлялась Японией на американский рынок, идут по стоимости вывоза хлопчатобумажная пряжа и хлопчатобумажные ткани. Если сравнивать Японию по развитию текстильной индустрии не только с Англией (56 миллионов веретен) или С. Ш. А. (36 миллионов), не только с Францией (9½), но даже с Италией (4½), — то японская промышленность не покажется большой: у японцев (в Японии) всего лишь около 4 миллионов веретен. Это в полтора раза меньше, чем в Индии. Нужно, однако, иметь в виду, что гораздо больше, чем миллион веретен так называемой «китайской» текстильной промышленности является собственностью японцев.

Несмотря на свои сравнительно малые размеры, японская текстильная промышленность играет на мировом рынке сравнительно очень крупную роль. Чем же это объясняется? Объясняется, говоря обобщающе, потопной системой на фабриках. Везде работают в две смены, удваивая, таким образом, выработку с веретена, работают по 11—12 часов, экономят на питании рабочих, вынужденных жить в общежитиях, пользуются приемами законтрактования (легально ли, нелегально ли — неважно) и производят те виды товаров, которые имеют сбыт в бедных странах, т. е. производят грубую дешевку. Эксплуатация на японских фабриках отчаянная. Достаточно сказать, что до сих пор не введен даже выторгованный в Вашингтоне на конференции труда 10-ти часовой рабочий день (японцы получили это в виде льготы, Индия тоже, но в Индии 10-ти часовой рабочий день введен законодательным порядком), что практикуется, как правило, не выпускать рабочих из их помещений и что больше 3-х лет каторжной жизни на фабрике никто не выносит: умирают от чахотки, уходят в публичные дома или превращаются в калек. Это засвидетельствовано не какими-нибудь большевиками, а самыми благонадежнейшими из благонадежных титулованными особами.

Все это создает такие условия, что, например, в Бомбее, в самом центре текстильной промышленности Индии, японская пряжа, изготовленная из индийского же хлопка, привезенного из Калькутты (Калькутта — в Восточной Индии, Бомбей — в Западной), обходится дешевле, чем бомбейская пряжа из того же калькутского хлопка. Впрочем, это объясняется не только низкой зарплатой в Японии, но и субсидированием (за счет японского народа) пароходов, совершающих рейсы в Индию и из Индии, существованием акциза на ткань в Япо-

нии, который возвращается при вывозе товара, и прочими ухищрениями, позволяющими капиталистам грабить ознобленно и своих единоплеменников, и чужих.

Значение китайского рынка.

В Китае, можно догадаться заранее, японские промышленники могут действовать еще решительнее. Так оно и есть: именно японцы наиболее упорно боролись против повышения Китаем таможенных тарифов, и если они вдруг подобреют, — а это может случиться, — то это будет означать только то, что им хочется получить права строить фабрики не только в пределах договорных портов, как это установлено договорами Китая с империалистами.

Почему же японцы так цепляются за Китай? На этот вопрос всех красноречивее ответят цифры. Придется поэтому привести еще одну таблицу. В ней дан 1) в миллионах еи вывоз важнейших фабрикатов Японии во все страны, 2) в миллионах же еи вывоз их в Китай и 3) процентное отношение вывоза из Японии того или иного товара в Китай ко всему японскому вывозу этого товара (проценты округлены).

Хлопчатобумажная пряжа	из 110	65	60%
Хлопчатобумажные ткани	» 327	173	53%
Сахар-рафинад	» 28,86	28,78	99,7%
Бумага	» 15,6	12,4	80%
Машины и машинные части	» 9,6	8,5	89%

Из предметов, изготовляемых на японских фабриках и вывозимых на меньшие суммы, чем приведенные только что, пива вывозится в Китай 51% всего его вывоза, стекла и стеклянных изделий 38%, железных изделий 60%, резиновых шин 48%, зонтиков 60%, одеял 51%, ламп 40%, мыла 94%, шпиль 49%, изолированной проволоки 94,5% и т. д. («Дж. Кр.» 8 октября 1925 г.).

Это значит, что в то время, как шелк-сырец, рассматриваемый, как полуфабрикат, шелковые ткани и многие продукты художественной промышленности кустарного типа идут в С. Ш. А., товары, изготовляемые на фабриках, идут, главным образом, в Китай. В среднем туда идет 60% всех вывозимых из Японии фабрикатов и, добавим, 80% вывозимого угля и 88% морских продуктов.

Вот каково значение Китая, как рынка для Японии. Следует отметить, что для Англии и С. Ш. А. Китай является покупателем лишь 3-5% вывозимых из них товаров.

Отметим еще одно важное обстоятельство. Это то, что из продуктов легкой индустрии Англия и С. Ш. А. вывозят, главным образом, то, что Китай сам делать еще не умеет и, плюс к этому, машины (Англия и С. Ш. А.), хлопок (Штаты) и другие средства и орудия производства; Япония же вывозит в Китай именно то, что в Китае уже делают. Иными словами, японцы конкурируют в Китае с китайским производством и уже потерпели крах в деле экспорта спичек и цемента и в дальнейшем потерпят, несомненно, еще крахи, а Англия и С. Ш. А. конкурируют с китайской индустрией лишь в слабой степени. Так, например, ввозимые в Китай английские ткани принадлежат к числу высокосортных и дорогих, а китайцы изготовляют низкосортные и дешевые. Японцы же противопоставляют низкосортным товарам Китая низкосортные же свои.

Как же думают поступать японцы? Да очень просто. Они увеличивают рабочий день в Японии, снижают зарплату и борются даже против намека на профдвижение. Результат ясен: усиление классовой борьбы. Хотя медленно, но оно захватывает и наиболее отсталых,—девушек.

С другой стороны, японские промышленники создают на китайской территории свои филиалы. Так, они в два года превратили Циндао (в Шаньдуне) в новый текстильный центр крупного значения.

Не останавливаясь на остальных видах легкой индустрии, отметим лишь мимоходом тот характерный факт, что ткачество даже в Осака, центре текстильной промышленности, оказывается выгодным возлагать на кустарей (доказательство жестокости эксплуатации).

Перейдем к тяжелой индустрии.

Горное дело и металлургия.

Многие у нас полагают, будто Япония бедна вообще всеми видами руд и других горных пород. Это неверно: Япония богата медью и серой и имеет более или менее заслуживающие упоминания другие породы. Лишь железом Япония очень бедна.

Что касается меди, то Япония перестала быть крупной поставщицей ее на мировой рынок вовсе не из-за истощения ее запасов, а из-за того, что монополизм капитала, в связи с ростом электротехники в стране, нашел для нее емкий внутренний рынок, добился вздутия защитных пошлин, грабит внутреннего потребителя, борется с профсоюзами и, не стараясь развить технику, лишает себя возможности конкурировать

с С. Ш. А., Канадой и Чили, где улучшенная техника понизила затраты производства. В то же время медные короли не брезгают спекуляцией на внутреннем рынке более дешевой (для них) иностранной медью. Картина гниения капитализма здесь полная. В политике медная промышленность идет рука об руку с паразитическим землевладением.

Не касаясь ряда других отраслей горного дела и обработки металла, перейдем непосредственно к железу.

Вся выплавка чугуна в 1921 году измерялась в Японии 484 тысячами тонн, т.е. без малого в 10 раз меньшим количеством, чем у нас до войны. Кроме того, из Кореи и Китая доставлено было 276 тысяч тонн. Итого 760 тысяч тонн. Производство стали в том же году выразилось в 558 тысяч тонн, а ввезено было из Кореи и из-за границы 647 тыс. тонн. Цифры, как видно, совсем небольшие.

В настоящее время японцы носят с проектом разработки одного железосодержащего минерала; говорят, что последние опыты привели к открытию коммерчески-выгодного способа добывания из него железа. Этот минерал был «рудой» уже в 1917—19 гг., но это было в период очень высоких цен на железо. Применявшийся тогда способ имел впоследствии лишь лабораторный интерес. Существует мнение, будто при условии применения нового способа обработки этого минерала-руды, Япония окажется способной не только обходиться без ввоза железа, но и вывозить его за границу.

Как обстоит дело теперь, у нас сведений нет. Вопрос осложняется еще той, непонятной для непосвященных борьбой, которая ведется вокруг железа в кругу министров и заправил капитала. Речь идет, повидимому, о создании треста, который объединит частных монополистов и государство. Нечто подобное имеет уже место на Сахалине, но там Мицубиси и Мицубиси действуют—один в угольном деле, другой в нефтяном, имея каждый компаньоном правительство; здесь же, повидимому, поставлена задача—соединение воедино всех.

Уж раз мы заговорили о нефти, на ней можно было бы остановиться подробнее, но вся беда в том, что японцы не склонны посвящать нас в свои тайны. Дело доходит до того, что чья-то заботливая рука вырывает из выписываемых в С.С.С.Р. из Японии журналов те страницы, где, судя по заглавию, пишется о нефти. Если же судить по парламентским заявлениям, то окажется, что вопрос о снабжении военного флота нефтью разрешен, а что касается гражданского рынка, то недостаток будет ощущаться и впредь. В связи с этим де-

батируется теперь вопрос об использовании для перегонки маньчжурских углей и станцев.

Перейдем к углю.

Запасы его в Японии, по сравнению с другими странами, чрезвычайно ограничены. Они определяются всего в 1 миллиард тонн на Кюсю, 568 миллионов на Хоккайдо и 170 миллионов тонн в других районах. Для сравнения укажем, что китайский геолог, который, кстати сказать, совсем не разделяет столь распространенной у нас веры в грандиозные угольные богатства Китая и который, наоборот, считает Китай страной бедной углем, определяет угольные ресурсы Китая самым большим в 50 миллиардов тонн, т. е. считает его более бедным, чем довоенная Германия, имевшая 57 миллиардов тонн. Ресурсы Британии определяются им в 135 миллиардов тонн, С. Ш. А. 3225 миллиардов тонн и т. д. Если эти цифры верны, то, значит, Япония беднее углем, чем С. Ш. А., почти в 2 тысячи раз. Прибавим еще, что угольные запасы нашего Кузбасса (Томская губ.), судя по прессе, приближаются к 240 миллиардам тонн^{*)}, Донбасса — к 55 млрд., Черемховского района (близ Иркутска) — 150 млрд.

Добыча угля колеблется в Японии около 28 миллионов тонн (у нас в 1925 г. — 21 мил. тонн). Из этого количества, во всяком случае, свыше 7 миллионов тонн приходится на Мицубиси и его дочерние фирмы и вдвое меньше на Мицубиси. Остальная добыча находится в руках Фурукава (медного короля), Сумитомо и проч. крупных фирм, командующих Японией.

Их общим конкурентом является Южно-Маньчжурская железная дорога, владеющая Фушунскими конями в Маньчжурии.

Число рабочих в горной промышленности около 464 тысяч, из которых около 112 тысяч женщин.

Электрическая промышленность.

Но энергетические богатства Японии не ограничиваются углем. Надежда Японии — водные источники энергии. У нас, к сожалению, нет под руками новых данных, старые же безнадёжно устарели. Во всяком случае, электрическая промышленность, — это можно сказать с уверенностью, — развивается в Японии быстро и депрессия щадит ее. По относительному количеству лампочек Япония на одном из первых мест в мире.

^{*)} В «Экономической географии СССР» Синицкого мы нашли цифру 250 миллиардов тонн для Кузбасса.

По количеству проведенных гидроэлектрических работ — тоже, по темпу их развития она опередила Европу. Вообще можно сказать, что «национальным способом освещения» является в Японии не традиционный бумажный фонарь, со свечкой или фитилем в бобовом масле, а электричество. Переход к электроэнергии в предприятиях происходит быстро. Электрификация железных дорог поставлена на очередь дня. Трамвай характерен для японского пейзажа. А один наблюдатель жизни Японии рассказывает, что не искушенные в науках школьники твердо уверены, что электричество было всегда в Японии и что европейцы у японцев переняли. Когда их разубеждали, они выслушивали вежливо, по-японски, но верить не верили.

Из других видов промышленности Японии следует еще упомянуть о химической, развившейся при помощи военного министерства в годы мировой войны. Положение ее теперь не блестящее — дефицитное. Нужно пояснить, что мы говорим здесь о химической промышленности, как о таковой, а не в японском смысле слова: японцы относят сюда и гончарное, и кирпичное дело, и многое другое, мало имеющее общего с химией.

Пароходство.

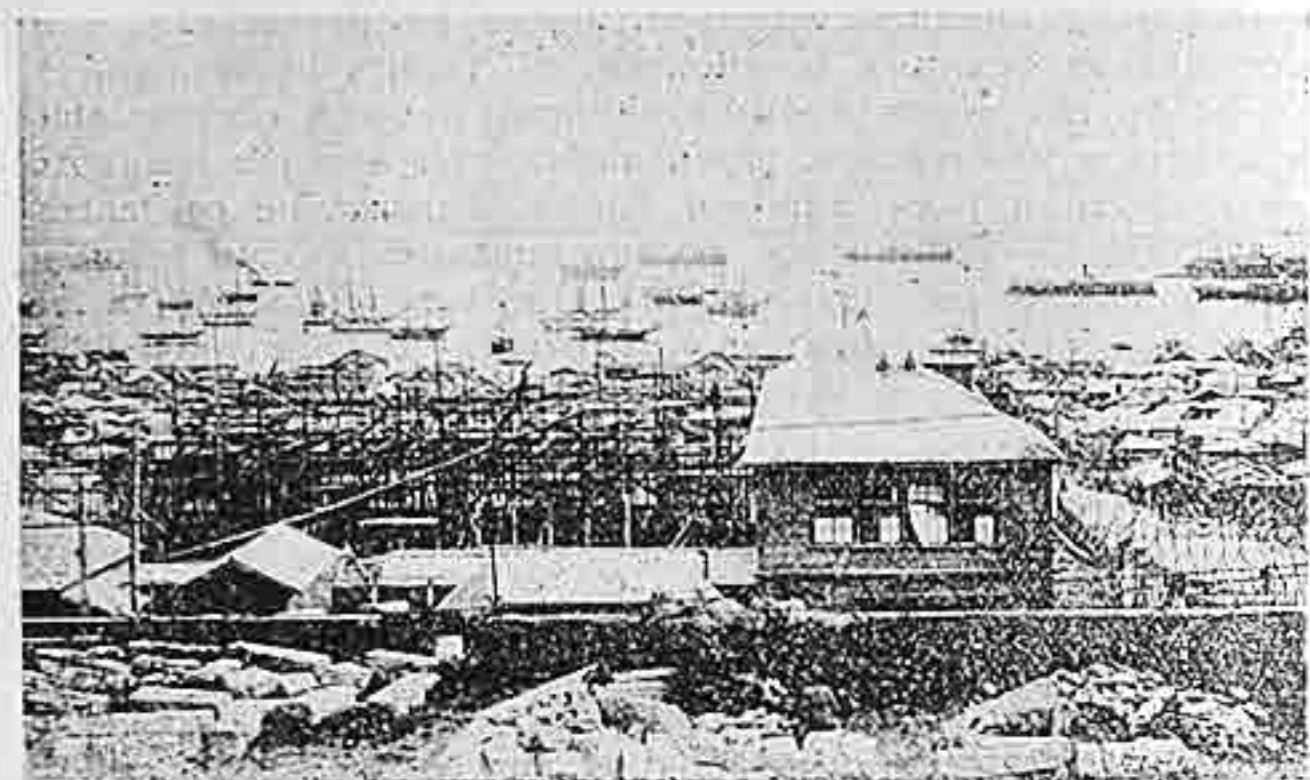
О значении пароходства для Японии говорить много не приходится. Оно явствует уже из того факта, что $\frac{2}{3}$ Японской империи расположено на островах. Пароход — важнейшее средство передвижения товаров не только во внешней торговле, но и во внутренней. Железнодорожи обслуживают в большей степени пассажирское движение, чем грузовое. Морские суда служат также для регулярной связи японских железных дорог с континентальными и играют колоссальную роль в деле снабжения Японии важнейшим для нее белковым питанием — рыбой. Наконец, пароходство — важнейший источник вне-торговых доходов страны, позволявших ей недавно иметь пассивный торговый баланс (без ущерба для себя, то-есть, зарабатывая на пароходных фрахтах, она могла больше покупать, чем продавать).

Начало частного пароходства в Японии относят обычно к 1870 году, когда за это дело взялась фирма Мицубиси. До тех пор, как уже известно из исторического очерка, японцы просто не имели права строить сколько-нибудь пригодные для моря суда. Первое время молодое японское пароходство обслуживало почти исключительно внутренние воды. Даже в 1886 г. к берегам близкой от Японии, но еще не принадлежавшей

ей тогда Формозе плавали, главным образом, англичане. Их посещения составляли 86% всех заходов в порты этого острова.

Но Япония к тому времени уже имела законы о поощрении мореплавания, которые были использованы по преимуществу Ивасаки, главой фирмы Мицубиси, одним из «спасителей Японии» в тяжелый год Сацумского восстания 1877 года. К 1894 году, году войны с Китаем, Мицубиси-Ивасаки был уже своего рода небольшим паровым королем: фактически (анонимно) он стоял во главе компании Ниппон-Юсен Кайсэ

Порт Хакодате на Хоккайдо. Центр рыбного дела. Станция на пути из Владивостока в Камчатку.

(Н. У. К.). Война послужила новым толчком для развития мореходства, и в 1895 году, 3 десятка лет тому назад, японский торговый флот достигает 350 тысяч тонн. Но это было суммой тоннажей и паровых и парусных судов—цифра не малая по сравнению с недавним нулем, но по отношению к мировому—совсем ничтожная.

Дальше рост шел непрерывно. За год до войны с Россией Япония имела (считая только крупные паровые) 657 тысяч тонн, а через год после войны—1034 тысяч тонн. Это был большой скачок. В последующие годы, вплоть до 1917 года, прирост был в среднем около 7%, а затем рост пошел скачками: на 400 тысяч тонн в 1918, на 500 с лишним в 1919 и на 400—в 1920. Япония в 1921—22 г.г. стала третьей морской

державой мира, правда, значительно уступавшей двум первым: Соединенному Королевству (Великобритании, без доминионов и колоний), с ее 19¼ миллионами тонн, и С. Ш. А. с 12½ миллионами тонн, не считая флота Великих озер. За Японией числилось 3,063. Франция, имевшая чуть меньше, шла следом за нею, Италия и Норвегия имели по 2,4 миллиона тонн, т.е. уже значительно уступали Японии. А весь мировой коммерческий флот равнялся тогда 62 миллионам тонн. Значит, Япония была обладательницей 1/20 всего мирового тоннажа. Приблизительно такую же долю имеет она и теперь.

Время, когда Япония думала лишь о вытеснении иностранцев из своих отечественных вод, сменилось периодом безграничного расширения. Пароходства, частью на собственный риск, но большей частью при помощи казенных субсидий, выдаваемых под обязательство выполнять почтовую службу и мобилизоваться в случае войны, пробили себе пути во всех направлениях, ко всем важнейшим портам. Буэнос-Айрес в Аргентине, Марсель, Гамбург, Лондон, Амстердам—в Европе, Порт-Саид, Бомбей, Калькутта, порты Явы и Австралии, все порты Китая и т. д. связаны с Японией регулярными срочными рейсами. Помимо многих срочных линий, имеются и несрочные, а также случайные. Многие пароходы совершают рейсы между иностранными портами, вовсе не заходя в Японию. Часть пароходов приписана к Дайрену и корейским портам и находится в особом положении: эти пароходы лишены права рейсировать между портами собственно Японии, как лишены этого права и все иностранные суда. В этом отношении протекционизм доведен в Японии до конца.

По типу судов дальнего плавания, японский торговый флот резко отличается от прежнего германского, с его «Титаниками» и «Императорами» и даже от нынешнего канадского, насчитывающего несколько «Императриц» («Императрица Азии», «Императрица Китая» и т. д.),—тридцатитысячетонных плавающих дворцов, 8—12 тысяч тонн водоизмещения, сравнительно небольшая скорость, больше внимания грузам, чем пассажирам—вот что характеризует субсидируемые пароходства Японии. Их назначение—продвигать на иностранные рынки японский товар. Делается это довольно успешно. Достаточно напомнить о думпинге в Индию *).

*) Забастовка бомбейских прядильщиков в 1925 году возникла в результате решения хозяев (туземных капиталистов) понизить зарплату. Хозяева оправдывались невозможностью выдержать конкуренцию с японцами. В русской прессе этому обстоятельству почему-то не было уделено

Около трети всего японского тоннажа принадлежит 4-м крупнейшим объединениям, при чем два из них—Ниппон Юсен Кайся и Осака Сёосен Кайся—имеют каждое приблизительно по полмиллиона тонн. Существуют определенные стремления в правительственных сферах заставить эти отдельные предприятия объединиться в одно целое и, таким образом, создать единое пароходство с тоннажем, мало уступающим крупнейшим из мировых объединений. Но на пути к этому стоят могущественные частные интересы, в частности интересы Мицубиси и императорского дома, главных пайщиков Ниппон Юсен К., которое до последнего времени было самым благополучным по доходности из всех 4-х. Амальгамации с двумя из остальных, сильно задолжавшихся и невыплативших дивиденда, не сулит Н. Ю. К. ничего хорошего. Поэтому патристический пыл пока что утих, и проект объединения отложен до лучших дней.

Доход, получаемый Японией извне с пароходного транспорта, обычно равнялся 100—120 миллионам иен. Теперь, в связи с падением фрахтов, этот доход, несомненно, будет значительно меньше. Результат этого—пассивность не только торгового, но и расчетного балансов Японии.

Кораблестроение.

Перейдем к кораблестроению, по развитию которого Япония в после-военные годы сразу шагнула на первое место после Великобритании и Соединенных Штатов Америки.

В XIX веке эта промышленность Японии уже существовала, но она занимала второстепенное место. И это понятно: ведь и весь-то японский торговый флот в 1900 году измерялся всего лишь 534 тысячами тонн. Когда в 1898 г. фирма Мицубиси построила пароход в 6000 тонн, этим гордились, как крупным достижением. После этого кораблестроение непрерывно развивалось, и уже в 1912 году фирма Мицубиси получила заказ на дредноут в 27½ тысяч тонн. Но стремительный рост начался лишь с 1916 года, когда были введены новые поощрительные законы о судостроении. По данным «Японского Ежегодника», к моменту наивысшего развития кораблестроения

внимания. Нужно добавить, что описанный здесь факт характерен для экономической политики Японии. Частный думпинг в Японии редкое явление. Но система субсидий, возращения акциза и т. д. делает то, что думпинг в скрытой форме происходит. При этом фирма не несет даже временных убытков. Не продавец, а само государство накладывает тяжесть на непривилегированное большинство населения.

теоретический строительный максимум определен в 1¼ миллионов тонн в год. Практически же дело обстоит следующим образом. В 1920 году С. Ш. А. построили 2476 тыс. тонн коммерческих судов, Великобритания—2055, Япония—456 (но она же в предыдущем 1919 году—611 т. т.), все же остальные страны, вместе взятые—1330 тыс. тонн. Однако, как известно, Великобритания успела с тех пор решительно отвоевать свое утерянное первенство, в Америке же и Японии судостроение обслуживает теперь, главным образом, нужды военного флота. Это прямой результат вызванного мировой депрессией резкого падения цены пароходов и высоты фрахтов.

Таким образом, рост военного флота становится насущной необходимостью для магнатов японского кораблестроения, которые не могут, конечно, довольствоваться ремонтными работами, изготовлением трамвайных частей и т. д. Компании Мицубиси, Асао и Кавасаки, владеющие свыше, чем половиной всей «строительной способности» японского кораблестроения и наибольшей частью заводов, приспособленных для постройки военных судов, заслуживают в связи с этим особого внимания. Мицубиси имеет содержание в виде партии Кенсейкай, стоящей у власти, Кавасаки руководится кланом Сацума, а Асао связан с душой маньчжурского политико-экономического авантюризма, Окура, и с мощным банковским объединением, во главе которого стоит семейство Ясуда.

Переилетение интересов маринизма с интересами тяжелой индустрии здесь полное.

Роль Мицубиси в кораблестроении ограничивается, в сущности, «самообслуживанием» (Мицубиси, главным образом, представляет торговый капитал, он скупает шелк, грузит им свои пароходы, отапливает их своим углем, держит свои товары в своих складах и финансирует свои предприятия своим банком).

Из отдельных кораблестроительных предприятий следует упомянуть завод Мицубиси в Нагасаки, один из крупнейших в мире, завод Мицубиси в Кобе, заводы Кавасаки в том же Кобе и Осака'ский железодельный завод. Завод Асао близ Токно, возможная продукция которого в год была больше, чем возможная продукция всех аналогичных предприятий Японии перед войной, пострадал в 1923 году от землетрясения. Пострадали и Йокохамские верфи. Но землетрясение не подорвало японского кораблестроения в целом, и нанесенные тогда раны технически уже залечены.

Большая часть кораблестроительных предприятий имеет электротехнические отделения, поэтому они кровно заинтересованы в плане электрификации желдор. В частности, фирма Мицубиси ($\frac{1}{6}$ японского кораблестроения) заинтересована в грандиозном плане электрификации Кореи.

Железные дороги.

По развитию железнодорожной сети Япония является сравнительно отсталой страной. Протяжение правительственных дорог измерялось в 1921 году в 9750 верст; кроме того, было около 3000 верст частных жел. дорог, — трамвайных и паровых узкоколейных. Если же прибавить сюда желдороги Кореи, Формозы и японские дороги Маньчжурии, то общая длина всех казенных и частных дорог была 17.100 верст.

Сравнивая густоту сети коренной Японии с английской, мы увидим, что на 10000 человек в Японии было только 2,25 верст против 7,65 верст в Англии. Во Франции протяжение линий было в 4 раза больше, в Германии — в 7 раз.

Следует, однако, иметь в виду, что простое сопоставление Японии с Францией, Германией и Англией — недостаточно: т. к. оно не дает точной картины. Дело в том, что, в противоположность Франции и Германии, Япония является типично «береговой» страной по распределению населения; из 60 миллионов жителей Японии (точная цифра переписи 1-го октября 1925 года — 59.736.704, а с колониями, не считая Маньчжурии, вероятно, 83 миллиона) по крайней мере 45 миллионов живет от моря не дальше одного дня пешеходного пути, лучшие земледельческие районы лежат на берегу, промышленные центры — тоже, торговые — тем более. Все это делает пароход гораздо более важным средством сообщения, чем поезд, и вот почему. Япония является одной из тех немногих стран, где доходы желдор определяются не столько грузовым движением, сколько пассажирским. Если принять это во внимание, то понятно будет, что существующих линий густо населенной Японии вполне хватает и что дальнейшая постройка магистральных линий угрожает убытками.

Вот почему представители промышленности являются противниками желдорного строительства, а сторонниками его выступают лишь землевладельцы, которым оно сулит увеличение их паразитических доходов. Против постройки желдор выступает и тяжелая индустрия, ибо электрификация уже существующей сети дает ей несомненную выгоду, и выгоду длительную, а строить расчеты на прибыль с поставки рельс

она, при необходимости доставать железо из-за границы, не может. Здесь простой бухгалтерский расчет.

Что касается подъездных и трамвайных путей, то их протяжение растет сравнительно быстро, особенно в районе 6 больших городов.

Внутренняя торговля.

По данным журнала «Цюо Корон», средний годовой доход сельского жителя Японии равняется $45\frac{1}{2}$ ен. Это доход со всех сельских продуктов — не только от зерновых. Если считать, что средняя семья состоит из 5 человек, то, значит, на одно хозяйство приходится в среднем 227 ен 50 сен, т. е. всего лишь около 19 рублей в месяц. Это средняя цифра; здесь приняты во внимание «фермеры» вообще, и бедняки-арендаторы, и середняки, и сдающие в аренду свои земли «помещики», выражаясь привычным нам словом. Цифра достаточно показательная, чтобы дать ясное представление об узости внутреннего сельского рынка, имеющего для промышленности гораздо большее значение, чем внешний.

Что же касается города, то, как показали обследования министерства внутренних дел, четвертая часть его населения относится к числу людей, стоящих «на грани между бедностью и нищетой или по нижнюю сторону этой грани». В переводе на конкретный язык это означает, что они недоедают всегда, а иногда не имеют и горстки риса. Школьные обследования подтвердили и усилили этот вывод. Что касается покупательной способности той части городского населения, которая выдается указанными обследованиями за не-бедное, то о ней можно судить по зарплате промышленных рабочих, учителей, конторщиков и т. д. Она не выше, чем у нас, и имеет тенденцию падать, хотя такой важный источник расхода, как квартира, в Японии гораздо обременительнее, чем у нас, бесплатная медицинская помощь отсутствует, и товары в среднем не дешевле, чем у нас. Времена японской дешевки давно канули в Лету; достаточно сказать, что рис, стоивший на Токиоском рынке 10 ен 80 сен за коку в 1915 году, в 1921 году поднялся до 55 ен 20 сен и что средний индекс цен по отношению к ценам того времени равен 118 (это значит, что вещь, стоившая тогда 100 копеек, стоит теперь 118 копеек; вещь, стоившая 50 рублей, стоит 59).

Может ли японский рынок стать более емким?

То, что крестьянское хозяйство Японии уже не имеет и следов натуральности, показывает, что увеличение для круп-

ной промышленности емкости рынка за счет вытеснения пережитков старого, до-капиталистического, уже невозможно. Растить за счет увеличения вывоза сельскохозяйственных продуктов он может лишь в том случае, если усилится потребление на мировом рынке шелка, на что надежд мало. Об увеличении же вывоза других продуктов крестьянского хозяйства думать не приходится; один разве только чай может внушать надежды, но и то слабые, ибо русский, например, потребитель не захочет японский чай пить и даром *).

Надежд на рост спроса из колоний тоже немного. Их относительная емкость еще меньше.

Таким образом, в отличие, скажем, от Канады и Соединенных Штатов, Австралии или Аргентины, где сравнительно небольшая внешняя торговля не мешала развитию промышленности, для которой аграрные области своей же страны были отличными потребителями, Япония вынуждена искать внешних рынков с особенной энергией.

Внешняя торговля.

Важнейшие товары по стоимости вывоза — шелк-сырец, затем хлопчатобумажные ткани, далее пряжа, потом шелковая материя хабутое. Остальное вывозится на значительную сумму меньше. Сюда входят морские продукты, чай, уголь, трикотажные товары, гончарные изделия, бумага, игрушки, спички и сахар-рафинад. Остальные товары вывозятся каждый меньше, чем на один десяток миллионов ен, тогда как на один только шелк-сырец приходилось в 1924 году 700 миллионов из 1800 миллионов всего вывоза.

Что касается ввоза, то здесь на первом месте стоит всегда хлопок, которого ввозится на сумму от 500 до 800 миллионов ен, затем железо, чугун и сталь, потом бобы и бобовые жмыхи, сахар, шерсть, химикалии и машины. Уголь ввозится приблизительно на такую же сумму, как и вывозится. Ввоз риса резко колеблется по отдельным годам. Остальное имеет меньшее значение. В общем преобладает в импорте сырье и полуфабрикаты, среди готовых же изделий около половины стоимости падает на машины и другая половина (около 100 миллионов) на предметы непосредственного потребления.

Более отчетливое представление о характере японской внешней торговли дают следующие «ориентировочные» цифры

*) Это говорится о чае коренной Японии, а не о формозском.

на 1925 год, которые приводил директор Иокохамского Денежного Банка, контролирующего внешнюю торговлю.

Ввоз:

Хлопка и иного сырья	на	870	млн.	ен.
Пищевых продуктов	»	280	»	»
Фабрикатов лучших или более дешевых, чем в Японии	»	58	»	»
Остального	»	180	»	»
Всего	»	1800	млн.	ен.

Вывоз:

Шелка-сырца и сырья *)	на	700	млн.	ен.
Пряжи, тканей и других поделок из импортированного сырья	»	510	»	»
Других фабрикатов	»	180	»	»
Остального	»	150	»	»
Всего	»	1550	млн.	ен.

Эти цифры не совпали, конечно, с действительностью в точности, но они характерны для внешней торговли Японии.

Таким образом, если считать шелк-сырец за полуфабрикат, японская торговля имеет состав, типичный не для аграрной страны.

Весь ввоз и вывоз Японии колебались по годам следующим образом (в миллиардах ен):

Годы:	1919	1920	1921	1922	6 перв. мес. 1924	6 перв. мес. 1925
Вывоз	2,1	1,9	1,2	1,6	0,8	0,98
Ввоз	2,2	2,3	1,6	1,9	1,5	1,5

Отсюда видно, что с 1919 года торговый баланс был неизменно пассивным, тогда как в 1917—1918 вывоз значительно превышал ввоз. Впрочем, данные за 1924 и 1925 г.г. требуют пояснения: первое полугодие в Японии всегда характеризуется оживлением привоза, а второе — вывоза. 1925 год окончился сравнительно в общем благополучно: превышение привоза над вывозом выразилось лишь в 260 миллионах ен и

*) В число сырья в обобщающих таблицах включают обычно лишь шелковые очески, уголь, дерево, рис, бобы и морские продукты, но ни в коем случае шелк-сырец.

обозначилась тенденция к дальнейшему улучшению, что настраивает деловые круги Японии на оптимистический лад *).

Рынки Японии.

Распределение японской торговли по странам заслуживает большого внимания. Уже при беглом взгляде на таблицу бросается в глаза, что С. Ш. А. покупают у Японии на сумму не меньшую, а часто и гораздо большую, чем Китай, и что рост торговли с ними происходит быстрее, чем рост торговли с Китаем. Если же проанализировать состав ввоза из Америки в Японию и вывоза из Японии в Америку, то окажется, что в случае серьезных осложнений между Америкой и Японией первая может, если только захочет, объявить блокаду Японии, не подрывая ни интересов своей промышленности (кроме, конечно, шелкообрабатывающей), не нарушая питания населения и не нанося очень большого ущерба южным плантаторам хлопководов, для которых Япония — лишь один из многих рынков и не самый важный. В Японии же эта блокада будет означать огромное затруднение для текстильной индустрии, которая получает половину необходимого ей хлопка из Америки, и для отрасли промышленности, пользующейся железом, а главное, приведет к страшному удару по всему сельскому хозяйству Японии, так как создаст грандиознейший кризис в шелководстве, разорит экспортеров и производителей чая, удорожит удобрения и т. д. Для Японии эта блокада была бы бедствием более грозным, чем землетрясение 1923 года. Для Америки же она была бы только «неудобством» — потерей лучшего рынка на Дальнем Востоке, но по отношению ко всем рынкам С. Ш. А. представляющего не более, чем $\frac{1}{10}$.

О китайском рынке мы уже говорили.

Третьей по торговым оборотам с Японией страной является Индия, откуда Япония вывозит другую половину нужного ей хлопка; в Японию идет оттуда 70% всего вывоза этого товара. Как рынок сбыта, Индия имеет тоже не мало важное значение; так, в 1921 году Япония ввезла туда за 10 месяцев на 88 миллионов рупий, против 821 миллионов рупий ввоза из Англии и 23 миллионов рупий из Германии (рупия — около 60 коп.). Правда, в 1922 году Германия почти

*) Отметим мимоходом, что Канада, имеющая население в 7 раз меньше, чем Япония, ведет внешнюю торговлю тех же размеров, что и она. Так было в конце XIX века, так остается и теперь.

догнала Японию и потеснила ее со многих позиций, а затем явились и другие конкуренты (шведы со спичками и бумагой, финляндцы и другие), но все же японский экспорт в Индию удержался на 77 миллионах рупий против 807 миллионов рупий английского ввоза. Позднейшие данные показали, что, хотя ввоз японских тканей в Индию составляет в кв. ярдах лишь $\frac{1}{10}$ английского ввоза, но он растет, в то время, когда английский падает (по данным за первое полугодие 1925 года). Но что касается пряжи, то японский ввоз в Индию оказался

После землетрясения в Юго-Западной Японии в 1925 году. Это район лавок, ремесленных заведений и дешевых квартир.

вдвое большим, чем английский. Проникают японские текстильные товары и в Египет, а также в прилегающие к нему страны.

Другими важными рынками являются для Японии Англия и Нидерландская Индия, меньше значения имеют Франция, Австралия и Малакка; далее идут Канада, Филиппины, Аргентина и Египет.

Французский Индо-Китай важен для Японии, как источник риса. В одни годы японцы покупают там очень мало, а в другие, неурожайные годы, на десятки миллионов.

Торговля Японии с нами.

Перед мировой войной русско-японская торговля была очень небольшой. Вот цифры из «Гайко-Дзинхо» («Дипломатического обзора»).

	Экспорт в Сибирь. В миллионах ен.	Экспорт в Европей- скую Россию. В миллионах ен.
1910	2,5	1,8
1911	3,1	2,6
1912	3,5	2,5
1913	4,3	4,9

Импорт из Сибири в Японию колебался тогда между 500 и 800 тысяч ен, т.-е. Япония имела активный баланс в торговле с нами. Европейская Россия же не играла почти никакой роли, как импортер в Японию.

Война неимоверно ускорила развитие ввоза из Японии в Сибирь, а потом, в годы интервенции и после, экспорт в Сибирь оценивался по годам так:

В 1920	в 22,9 миллионов
» 1921	» 13,7 »
» 1922	» 10,9 »
» 1923	» 4,5 »

Если прибавить сюда не отмеченную в «Дипломатическом обзоре» цифру за 1919 год, то окажется, что этот 1919 год был еще более «блестящим»: японский экспорт в Сибирь оценивался тогда не более, не менее, как в

71 миллион ен.

Итак, с 71 миллиона японский экспорт к нам скатился до 10,9 в последний год интервенции, до 4,5 к следующему году (т.-е. до довоенной цифры), а если принять во внимание рост цен, то, реально, до еще меньшей, чем в 1910 г. А далее он и вовсе сошел на-нет.

В чем же дело?

А вот в чем.

В 1919 году японцы прочно держались от Тихого океана до Иркутска. Ввозили на 71 миллион. В 1920 они очистили Амурскую область и ушли из Прибайкалья, но сохранили до конца года «семеновскую пробку», отделив красный Дальний Восток от красной Сибири. Торговали на 23 миллиона ен. В 1921 году они были уже только в Приморьи и торговали только на 13,7 миллионов ен, а в 1922 году с октября удерживались только на Сахалине и не торговали на материке Сибири вовсе.

Посмотрим теперь, как обстояло дело с импортом из Сибири в Японию.

«Дипломатический обзор» приводит такие данные (мы округлили их).

1920 г.	3,8 милл. ен
1921 г.	6,8 » »
1922 г.	18,0 » »
1923 г.	16,6 » »

Картина ясна без слов. Япония ввозила к нам тогда столько, сколько это было возможно при наличном соотношении сил, штыков и пулеметов. При этом она ввозила не столько для нас, сколько, — а это главное, — для своих солдат, поставщиков, офицеров, генералов, проституток и переводчиков. Уходили к Востоку генералы, офицеры и солдаты, уходили вслед за ними поставщики, переводчики, шики и проститутки, уходила и торговля. Ушли совсем войска, окончилась и торговля.

Но вслед за тем оживший от интервентского кошмара край оказался гораздо более солидным продавцом в Японию, чем он был до войны и интервенции.

Развитие у нас рисовой и бобовой культуры, начавшееся общее оживление, предстоящее заселение края из Европы, — все это служит залогом того, что мы сможем в этом отношении пойти еще дальше.

Здесь, в Приморьи, существовало когда-то государство «Бохай», которое, судя по японским летописям, было с Японией в дружбе. И нам ничто не мешает быть неплохим соседом Японии. Мы миролюбивы.

Литература об экономике Японии.

Место не позволяет нам останавливаться на других сторонах экономической жизни Японии. Впрочем, кое-что мы коснемся попутно, в связи с изложением других вопросов. Интересующихся же этим специально отсылаем к уже не раз упоминавшимся работам О. Плетнера, проф. Позднеева, Попова, Р. Кима, Катаяма, Тани и Огорокова, а желающих познакомиться с деталями в связи с географией страны к книге Т. Юркевича.

Есть, однако, целый ряд вопросов, за освещение которых нельзя брать, что называется, с палета. Таков вопрос о банках и их роли в Японии. Основное, общее для всех империалистических стран, ясно, конечно, и без слов: они проводники

политики правящей монополистической верхушки. Но вопрос стоит о том, в какой степени правы или неправы те, кто утверждает, что картина, зарисованная тов. Бухариным в его «Мировом хозяйстве и империализме» (выше мы приводили его слова), проступает в Японии еще явственнее, чем где бы то ни было.

В упомянутых работах читатель найдет ответы и относительно японского бюджета, о колебании золотого запаса, о расходах на вооруженные силы, о японских займах Китаю и о вывозе в него капиталов, о количестве предприятий, распределе-

В женской коммерческой школе. В Японии очень любят всевозможные демонстрации и празднества.

нии капиталов и т. д., а также о том землетрясении, о котором у нас говорилось столько ненужных и вредных пустяков.

В заключение нужно сказать, что для действительного знакомства с Японией одной русской литературы абсолютно недостаточно. Английская литература многое дополнит, но ее данные не всегда свежи, очень часто не совсем точны и всегда более или менее тенденциозны, чтобы не выразиться сильнее. В частности упомянутый только что вопрос о банках вряд ли может быть разрешен тем, кто ограничится одними английскими книгами.

Пресса.

Газета в Японии — предмет массового потребления. Город кишит газетчиками. Читателей газет сколько угодно и в деревне. Курумая («рикша», человек-лошадь), довезя седока до места, отдыхает за газетой. Газеты издаются в столицах, издаются в городах и городишках, ученические газеты и журналы есть в каждой школе. Журналы, посвященные женщинам, журналы для детей, для юношей, для девушек и т. д. печатаются в огромном количестве. Газета «Осака Майници» приближается по тиражу к мировому рекорду. Почти все европейские и американские оставлены ею позади. Остается перегнать «Шти Парижен» и два-три английских издания. Газета, как и электричество, типичнее для Японии, чем цветы вишни, чем гейша и все то, что считается специфически японским. По числу почтовых пересылок на душу населения Япония — в числе первых в мире. И периодические издания, наряду с поздравительными открытками, занимают среди них наиболее видное место.

Но что такое распространенный японский журнал или гордающаяся своим тиражом газета?

Японская газета не обременяет себя разными там принципами, «высокими традициями» и прочими атрибутами российской прессы эпохи процветания, либерализма и народничества. Газета — дело коммерческое. Первая ее задача — потрафлять читателю. Если вы слышали, например, что «Йомиури» — орган свободомыслящих, то постарайтесь забыть — теперь она запела новые песни. Если вы прочитали, что «Йорозу» антиамериканский орган, то не удивляйтесь, если он в один прекрасный день приобретет американофильскую окраску. «Кокумин», — это всем известно, — связан с милитаристами. Это не мешает ей от поры до времени на чем свет стоит изругать военщину. Если вы узнали из телеграмм, что такая-то газета приветствует Советский Союз, то будьте уверены, что она с таким же красноречием выйдет на иже, когда понадобится, здоровенную порцию помоев. Если она витийствует о правах трудящихся, не торопитесь утверждать, что она не примирится завтра с погромом и не расхвалит фашистов за «патриотизм».

Японская газета нестрит многоэтажными крикливыми заголовками. Длиннейший роман из номера в номер, с приключениями, привидениями, убийствами, — ее необходимая принадлежность. Тучи голодных репортеров, назойливых и нахальных, ежедневно выбегают из ее редакций в поисках сенсаций. Зверское убийство, муниципальный скандал, драка на собраниях почтенных джентльменов — их хлеб. Каждое такое событие смакуется, его описание растягивается на ряд номеров, а если нет события, оно высасывается из пальца.

Обозвать человека, вина которого еще далеко не доказана, преступником, оболгать заведомо невинного, распускать порочащий слух, нюхать аромат чужого грязного белья, даже когда это не имеет никакого общественного интереса, поместить целый фельетон с описанием, где, когда и при каких обстоятельствах обнимались гимназистки с гимназистами и перечислить их фамилии и адреса — от всего этого не откажется и самая «почтенная» газета. Это даже не шантаж. Это просто для удовольствия читателей. Почему бы, в самом деле, и не содрать, если врет. Почему не приписать вам какой-нибудь гнусности, если это усилит тираж.

Таковы газетные нравы.

Министров и прочее начальство в газете ругать можно, сколько влезет. Не воспрещается совать носы и в их интимную жизнь. Ведь, читателю лестно узнать, что министр, имя рек, напился вдрызг пьяный и забавлялся с веселой особой. Свобода печати в этом отношении в Японии есть.

Но не все доступно для печатания. Есть вещи, о которых писать не рискуют. И таких вещей много. Говорят, в каждой большой редакции имеется свой собственный редактор-цензор, единственная обязанность которого — помнить о всем том, чего писать нельзя вообще, о чем нельзя упоминать в данное время, что нужно освещать так-то, а не иначе, и так далее.

Характерна для Японии еще отзывчивость ее прессы на очередные кампании.

Бывает, что вдруг, точно по сигналу, все газеты начинают в разных выражениях говорить одно и то же. Обычно это бывает в связи с каким-нибудь фактом или с планами в области внешней политики. Редкая газета отваживается в этих случаях иметь свое собственное мнение. Повидимому, нажим сверху производится чувствительный.

Характерно также, что вся японская пресса единодушна в своей уверенности в божественном праве Японии лоразобовать соседей. Не менее характерно, что она «ничего не слышала» о страданиях корейцев и формозцев.

В общем, японская пресса в целом не менее, чем японские «политические партии», свидетельствует о том, что времена старого либерализма ушли в прошлое навсегда.

Что касается рабочей прессы, то она влечит существование от репрессий до репрессий.

Отметим мимоходом, что более молодая, чем японская, газетная (но не журнальная) пресса Китая несколько не лучше ее. Там те же сенсации, ложь, беспардонность, беспринципность, продажность и прочий американизм, до громко орущих заголовков включительно.

Религия.

«Задайте образованному японцу вопрос, касающийся буддизма, и из одиннадцати человек десять рассмеются вам в лицо, а из ста одного человека—сотня заявит, что ничего не знает об этих вещах и гордится своим незнанием».

Так пишет известный знаток Японии, автор японской грамматики и многих других трудов о стране, народе и языке, Чемберлен. А некоторые идут еще дальше и утверждают, будто японцы вообще все без исключения нерелигиозны и даже «неспособны быть религиозными». Верно ли это?

Достаточно этот вопрос поставить, чтобы сразу же усомниться в правоте любителей столь широких обобщений. Ну, кто же поверит, чтобы народ, еще недавно на $\frac{1}{3}$ земледельческий, зависящий, следовательно, от игры стихий, еще недавно чуждый элементарных познаний в науке и живший в феодальной обстановке, — чтобы этот народ был бы свободен от того сложного комплекса мнимых знаний и простых грубых суеверий, который именуется религией. Впрочем, статистика будет, пожалуй, более убедительной, чем общие рассуждения. Приведем ее.

В 1918 году в Японии было около 54—55 миллионов населения, а число буддийских храмов (помимо которых были, ведь, и христианские, а также синтоистские) достигало 71.681 при 52.250 священниках. Иными словами, на одного священника приходилось около 1.000 человек. При этом, сравнение с предыдущим, 1917 годом указывало на некоторое уменьшение числа храмов, но зато на увеличение на 2% числа священнослужителей. Разве говорит это об отсутствии потребности в них в Японии?

Мы берем эти сведения из английского «Ежегодника Японии», книги, особого доверия не заслуживающей, но в данном случае не имеющей основания фантазировать. В ней же (данные за 1921 г.) мы находим и другие любопытные сведения о «безрелигиозности японцев». Приведем их в том же виде, в каком их нашли там.

«Буддийские секты, особенно из группы Сии*), всегда были весьма ревностными собирателями пожертвований, главным образом, со средних и низших классов. Эти сборы бывали настолько часты, что их рассматривали даже, как подрывающие благосостояние целых губерний. В виду этого все организованные сборы в последнее время были подвержены правительственному контролю. Подобные намеченные сборы, ожидающие разрешения властей, равняются вместе 20 миллионам ен, из которых 6.400.000 хочет собрать храм «Ниси Хонгандзи» (секты Сии или Монто), 7.000.000 — Хигаси Хонгандзи» (той же секты) и т. д. (следует перечисление других храмов, менее жадных, чем два названные).

Приведенные здесь данные, кажется нам, достаточно красноречиво опровергают легенду о безрелигиозности японцев, а таких данных, если бы у нас было побольше места, можно было бы привести в огромном количестве. Таковы, например, отчеты желдорго о количестве паломников, таскающихся ко всякого рода священным местам, таковы статистические материалы относительно киносемаков, заказываемых в целях пропаганды религиозными общинами, таковы свидетельства литературы, и о том же говорят всевозможные профессиональные праздники в честь невидимых покровителей разных ремесел, искусств и видов торговли. Мы, конечно, не станем рассказывать обо всем этом, ограничимся лишь приведением одного из многих подобных фактов. Речь будет идти о сильно нашу-мевшей недавно синтоистской секте Омото-кйо.

Мы берем в пример именно ее, а не какую-нибудь другую, не случайно. Дело в том, что большинство изучавших духовную жизнь Японии рассматривают так называемый синтоизм, как нечто чисто обрядовое, совершенно лишенное других признаков религиозной системы — догматов, этики, церковных писаний и преданий и, наконец, самой церковности в смысле наличия определенных организационных форм. Синтоизм в их глазах — это только смесь определенных церемоний, связанных с государственными годовщинами и праздниками, да еще кое-какие легенды-аллегории, — не более, чем аллегории.

В подобном суждении есть доля истины. Синтоизм, древняя религия у японцев, действительно оказался неспособным выдержать конкуренцию с буддизмом и сдал ему многие по-

*) Собственно, Сии это не группа сект, а одна секта. Но она разделена на три конкурирующих лагеря, возглавляемые наследственными патриархами (англичане называют их «аббатами»), выходцами из одного и того же рода, Отани.

зиции. Но, как и в России, где лешие, домовые, русалки и лесовики пережили Владимирово крещение, древне-японские боги продолжали жить рядом с буддийскими святыми, а часть их, подобно Перуну и Велесу, преобразовавшись в Илью-пророка и в святого Власия, нашла себе пристанище в буддийском Пантеоне. Правда, в России перемещение языческих богов на должности православных угодников происходило стихийно, а в Японии древние боги повышались в ранг буддийских праведников организованным порядком, но это деталь, на которой останавливаться не стоит. Более важно то, что синтоизм, в силу ряда причин, не оказался поглощенным окончательно и хотя окруженный, но сохранил известную автономию. Вот из этой-то «полурелигии» и выросло Омото-кёо, — не из буддизма *).

Официальной основательницей новой секты была типичная «богородица», которых немало бывало и на святой Руси. Это была бедная, почти нищая женщина, малограмотная, неразвитая, но кое-что удержавшая в памяти из многочисленных синтоических легенд. Конечно, как и всякой богородице, истерия была ей свойственна в сильнейшей степени. Как и всякая иная богородица, она впадала иногда в состояние пифии и начинала болтать всяческую несуслазницу, которую ее апостолы записывали, истолковывали и пропагандировали среди других истериков. Как и всегда в подобных случаях, легкое верие, жажда чудесного, туманные мечтания, возмущение несправедливостями, правдоискательство и психоз переплелись здесь с 96% жульничеством, честолюбием, сребролюбием и хищничеством. Как и всегда, появились любители сенсационного. Короче говоря, «черные вороны» нашли себе в Японии столь же удобные места, как и в России.

Учение последователей Омото-кёо — это гипертрофированный до психопатичности патристический синтоизм, плюс мечтательный анархизм огорченного мещанина, не видящего исхода своим страданиям. Япония для Омото-кёосцев — страна богов, которая должна превратиться в центр всего мира.

*) Часто говорят, что в Японии существует симбиоз (сожительство и взаимопомощь) трех учений: для дел — учение Чжу Си, для празднеств и церемоний — обряды Синто, для похорон и загробности — буддизм. Совсем недавно, в связи с этим симбиозом, произошел целый скандал. Главный священник главного синтоистского храма похоронил свою жену по-буддийски. В это дело вмешались поклонники самобытности, для которых все, что не чисто японское, — мерзость. Они заставили раскопать покойницу и похоронить вторично, уже по-синтоистским обрядам.

японцы — дети богов — должны стать вождями всего человечества, а их император — вождем всех людей. Но это не вдруг случится. До наступления этого периода, — периода всеобщей справедливости, мира и блаженства — будет полоса великих испытаний, великих потрясений. Будут «глады, моры и трудности», будет всеобщая борьба всех против всех. Но потом громадная волна поднимется на океане и ринется на сушу. Она смоем мир от всего злого и греховного, от дурных правителей, от богачей, ростовщиков и тому подобных людей, а в том числе и от членов японского кабинета министров, начальников департаментов, бюро и канцелярий. А затем, когда все очистится, наступит мир, тишина, всеобъемлющая радость и блаженство, и не будет больше ни богатых, ни бедных, ни угнетателей, ни угнетенных.

Почти двадцать лет просуществовала эта секта, не возбуждая к себе особого интереса, но потом, неожиданно, расцвела пышным цветом. Началось это, кажется, с того, что один ученый, который взялся изучить секту с точки зрения психопатологии, неожиданно превратился из исследователя в последователя, и начал открыто исповедывать новое учение. Это создало вокруг секты интерес скандала, и в секту вошла целая куча других людей, — людей из тех именно слоев, о представителях которых Чемберлен сказал поставленное в начале этой главы. Тут были и учителя, и юристы, и неудачливые морские офицеры, в том числе один адмирал, газетчики, гимназисты и студенты. Но основная масса состояла из ремесленников и крестьян. Что же касается рабочих больших городов (о маленьких городах у нас сведений нет), то среди них новая секта сторонников не нашла почти вовсе. Такой, по крайней мере, вывод можно сделать на основании одной из анкет.

В 1920 году, или около того, правительство не на шутку встревожилось успехами секты. Ее деятельность была признана вредной, а затем ее патриарх, сын богородицы, был привлечен к суду за, якобы, «оскорбление величества». Дело было, по видимому, возбуждено из-за «наглости» Омото-кёосцев, позволивших себе построить на месте погребения своей богородицы такого же типа храм, как возведенный над могилой императора Мейдзи, «японского Петра Великого», как совершенно неосновательно звали этого дюжинного мещанина, ни разу не проявившего себя ни одним самостоятельным действием и даже словом. Храм было решено скрыть, и он действительно был скрыт за счет секты.

Уже из одного факта постройки дорогого храма можно заключить, что секта разбогатела. Так оно действительно

и было. У нее появились собственные пароходы на китайских рейсах, появилась и собственная доходная газета.

Со времени возбуждения дела против преемника богородицы (это ее сын, Дегуци) прошел уже не один год. И странное дело: оно не двигалось ни на шаг. Мало того, г-н Дегуци оказывается в состоянии не только разгуливать на воле, но и путешествовать и по Японии, и за границей. Последнее время он много ездил по Маньчжурии, с кем-то там заводил какие-то связи, побывал зачем-то в Монголии, что-то делал и там, едва не был кем-то зарезан, установил потом связь с обществом Красной Свастики в Китае, короче говоря, вел жизнь весьма таинственную и для непосвященных непонятную. Создается впечатление, что Дегуци основательно забыл о второй половине своего учения (о великой волне, о нечисти и прочих вещах), а первую половину помнит. Впрочем, у нас нет доказательств, что он стал правительственным агентом в Китае.

С другой стороны нельзя не отметить любопытный факт: все те, кто в силу той или иной причины вступил в подобный описанному конфликт с японской полицией, питают удивительную симпатию к Китаю и в особенности к сферам японского влияния. Можно подумать, что в Китай ездят специально для исправления репутации^{*)}.

Сказанного об Омото-кйо достаточно, чтобы представить себе всю вздорность утверждения о застрахованности японцев от мистических увлечений. Интересно все же подумать, откуда могла взяться легенда о японском поголовном безверии.

Нам кажется, что она возникла, как результат той сравнительной бедности многочисленных буддийских сект, которая отличает их от католической церкви европейского Запада.

Как уже известно, до Токугав монастыри были достаточно богаты и стремились к дальнейшему обогащению, ради чего вели бесконечные войны. Но их уделом было поражение и возобладание учения Чжу Си, усилившегося одновременно с усилением в Японии торгового капитала. Буддисты были отодвинуты на вспомогательные роли (народных учителей и т. под.) и в большинстве случаев экономически, а, следовательно, и политически, ослабели, и даже в области религиозного учительства уже не могли играть той колоссальной роли.

*) Интересующихся вопросом об Омото-кйо отсылаем к изданной газетой «Джапан Кроникл», посвященной этому учению книге (на английском языке). Она называется, насколько помнится, «Popular Religion of Japan». Та же газета издала книгу о рабочем движении в Японии и национальном движении в Корее.

какую играли в былые дни. Но буддизм в своих внешних проявлениях во многом напоминает католицизм. Сравнение их напрашивается само собой, и оно всегда оказывается не в пользу буддизма, поскольку речь идет о влиянии на умы.

У входа в монастырские кельи. Впереди ручная серна. Профессия отразилась на лицах: монго-лойд-японец похож на католического ксендза.

Здесь все-таки придется хоть в нескольких словах остановиться на буддизме и истории его проникновения на Дальний Восток.

В своем древнем виде буддизм, возникший в результате развития индийского браминнизма, известен, как учение «Хинаяна», отличающееся от позднейшего учения «Махаяна», впоследствии распавшегося на ряд многочисленных сект и подсект. В Китае распространялась сначала только Хинаяна, занесенная туда в самом начале нашей эры, но впоследствии Ма-

хаяна берет верх, а в Корею и Японию проникает уже не имея конкурента. Победа Махаяны объясняется ее большим «обмирщением», — большей приложимостью к нуждам государства эксплуататоров.

Действительно, первоначальный буддизм был насквозь пессимистичен. Жизнь, учил он, есть мучительное «представление», от которого нужно избавиться. Но это представление создано «волей к жизни». Следовательно, первой задачей является уничтожение воли к жизни. Нужно понять, что сумма страданий в жизни гораздо больше, чем сумма наслаждений, каждое из которых таит в себе зародыш страдания. Так, наслаждение любовью влечет за собой страдание от неизбежных потерь, наслаждение силой и молодостью влечет за собой страдание от болезней, старости и смерти. Таким образом, все наслаждения мнимы и лишь страдания несомненны. Следовательно, вся жизнь есть страдание, от которого не избавляет ни смерть, ибо воля к жизни вечно возрождает жизнь и она восстанавливается все в новых и новых формах, неся с собой все новые и новые страдания. Человек, зверь, червяк, растения, даже сами боги, если они существуют, — жертва их. Спасение лишь в уничтожении в себе воли к жизни, той воли, которая в вечном круговороте восстанавливает страдания бытия. Что находится вне бытия — вопрос праздный и неразрешимый; есть ли бог, или нет его, — не менее праздный вопрос. Единственное, что нужно познать и прочувствовать до конца — это зло жизни. Единственное, к чему надо стремиться, — уничтожение ее первопричины. Тот, кто достиг такого состояния, когда уже все равно — жизнь и смерть, радость и горе, сытость и голод — тот вступает в нирвану. Но, что такое нирвана — неизвестно. Во всяком случае это отрицание бытия.

Ясное дело, что такое учение, в котором нет ни наказаний, ни наград, ни высшего авторитета — орудие не из важных. Хинаяна или исчезла вовсе, как почти во всей Индии, либо существует в виде вымирающего учения там, где не образовалась сильной государственности. Иное дело Махаяна.

Махаяна в своем дальнейшем развитии создала сложную иерархию, множество обрядов, обзавелась обширной литературой, а, главное, она перестала требовать от всех верующих поступления в монахи. Монах превратился в пастыря, мирные в пасомых. А для того, чтобы пасомый делал то, что от него требовалось, для него уготовали в «далекой западной стране» очень комфортабельно устроенный рай, а в парочито неудобных местах поместили в высокой степени мерзкий ад. Управление раем было поручено самому Сакья Муни, основателю

учения буддизма, не верившему в бога и тем не менее ставшему богом, в аду разместились черти. Затем явилась и табель о рангах для богов и святых. Таким образом, буддизм был приспособлен к заданиям тех, кому нужно было сдирать с напуганного мирянина его прибавочный труд. Что же касается мирян и духовных более высокой квалификации, то для них Махаяна изготовила менее обмирщенные теории. Для них была более тонкая философия, более тонкое богословие.

Проникновение Махаяны в Китай относится к V—VI вв., как раз к тому периоду, когда в Северном Китае происходило собирание раздробленных земель бывшей Ханьской и затем недолговечной Цзиньской империи*). И чем крепче была центральная власть, тем сильнее шло проникновение необуддизма. А когда весь Китай был объединен в одно целое, буддизм укрепился еще прочнее. В конце VI века он проникает и в Японию, где становится официальной религией централизованного государства. Принц Сётоку, живший в конце VI и начале VII веков, был одновременно и распространителем новой веры и идеологом сильной монархии. Но, как известно, древнее царство распалось, а вместе с ним распался на ряд враждующих сект и буддизм (в зародыше или в виде безобидных группировок секты были и раньше).

Секты эти существуют и поныне. Одни из них обращают главное внимание на выполнение добрых дел, другие видят путь к спасению в созерцании, для третьих, наконец, вся суть заключается в вере, для достижения которой нужно очень немного: достаточно перебирать четки и беспрестанно повторять некую, мало осмысленную, а потому и не поддающуюся переводу, фразу «Наму амида» или «Мёхо ренге кё». А думать можно о чем угодно, например, о том, как обжудить покупателя. Секта Син, спасающая верой (ее зовут иначе Монто), сходна с протестантством не только этим, но и допущением брака для духовенства. С другой стороны, она более других связана с феодальным прошлым фактом наследственного преемства власти в роде своих «аббатов»**).

*) Хинаяна появилась в Китае еще в первом веке н. э., но широкого распространения не имела.

**) В отношении механизации молитвословий монголы и тибетцы поступают экономнее японцев. Они пишут на колесе свое «Ом мани падме хум» и остальное предоставляют ветряной мельнице: колесо вертится, будда читает. Говорят, в наш просвещенный век ветер вытеснен более культурным электричеством, и панное колесо электрическим ветром.

Большая часть японских сект живет не ссорясь друг с другом. Единственное исключение составляет секта Ниндзирен, основанная в 1252 году, т. е. позже других. Она отличается большой нетерпимостью, своим местным, японским, происхождением, национализмом, крайне шумными обрядами, уличными проповедями и еще более привлекательными для масс кино-съемками.

Вернемся еще раз к существующей с 1924 года секте Син, «главный штаб» которой издавна находился в храме Хонгандзи, и до сих пор играющего большую роль в Японии. Во главе этого храма стоит, как сказано, наследственный настоятель.

Со времен первых Токугав вместо одного старого Хонгандзи появилось два, Восточный и Западный, которые существуют и поныне. Причины этого разделения были те же, что и причины перемещения феодалов, дробления их ленов, окружения сомнительных ленов заслуживающими доверия и т. д. Хонгандзи был не просто храм, а средоточие большого духовного лена, лишь своею «духовностью» отличавшегося от «военных» ленов. Первым Токугавам удалось воспользоваться происходившими в семье наследственного настоятеля главного храма раздорами и, удовлетворив претензии двух ссорившихся наследников, разделить владения лена пополам, при чем один из склочников получил старый храм, а для другого была построена новая резиденция. Отсюда пошло разделение на Нисси Хонгандзи и Хигаси Хонгандзи («западный» и «восточный»). Кроме того, возник и третий центр в Исе.

Оба Хонгандзи прославились своими широкими расходами, безалаберным управлением и склонностью к всевозможным аферам; тут была и спекуляция землей, тут были и всевозможные фокусы с акциями разных предприятий, были участия в организации пароходств, были, наконец, политика, газеты, даже авиация. Помимо этих, чисто мирских, дел, были у Нисси Хонгандзи и духовные заботы, в частности утешение скорбящих. Специальными объектами его попечений были в течение долгих лет члены презренного сословия эта, о котором мы уже говорили в связи с описанием эпохи Токугава.

В чем именно это попечение конкретно выражалось, нам доподлинно неизвестно, да это и не столь важно. Достаточно сказать, что бедные эта привыкли смотреть на Хонгандзи примерно так же, как наши богомолы на всяких там своих «за-

шпестит в жару две обязанности сразу — и молится за верующего, и освежает его. Япония, как это ни странно, в этом отношении отстал-

ступниц» — смоленских, казанских и иных и что в благодарность за это заступничество они отдавали паразитам Хонгандзи тысячи тысяч своих, трудовым потом скопленных, медяков. А Хонгандзи ими спекулировал. Недавно это дело начало срываться. Кажется, в 1924 году среди эта началось сильное и хорошее движение против этой духовной клоаки, и Суйхейся, союз эта, поднял против духовенства агитацию, призывая к окончательному разрыву с ними. Чем это кончилось, мы не знаем, но, судя по тому, что денежные дела Хонгандзи, достаточно скверные и в 1920 году, когда они уже стали притчей во языцех, испортились еще больше, агитация успех имела. Так или иначе, в 1925 году перманентный скандал, окруживший Хонгандзи, и все время каким-то способом кем-то затумашиваемый, принял еще более яркие формы.

Но, спросит читатель, какое может быть нам дело до каких-то там поповских скандалов в далекой Японии? Оказывается есть. Дело в том, что спекулянт Хонгандзи уже давно создал такую обстановку, при которой прежнему Хонгандзи-скому папе, графу Отани (он стал титулованным наряду с прочими потомками владетельных князей), пришлось уйти, оставив свой пост наследнику. Но, перестав священнослужителем, экс-папа Отани только расширил сферу приложения своей неистощимой энергии. Он сделался «знатным путешественником» и спецом по «открыванию глаз иностранцам на действительное положение дел в Японии» или, выражаясь менее дипломатическим языком, агентом японской пропаганды за границей. В качестве важной персоны Отани побывает в Америке, где всех желающих заставлял слушать об истинах буддизма, объезжал родину буддизма, Индию, побывал даже в стенах Восточного Института во Владивостоке, но максимум внимания уделял, как и следовало ожидать, Китаю, где под конец закрепился окончательно.

Чем именно он стал заниматься, сказать трудно, но проявлял он себя многообразно. Экс-папа интересовался и буддийским «возрождением» в Китае, и пан-азиатской лигой, и миссионерскими делами американцев, он не был чужд и искусства и, вместе с тем, успевал уделять внимание и таким вопросам, как спор о радио-концессии между Мицун и Маркони, как направление вывоза из долины Янцзы, как борьба дучзюней, как военные шансы англичан, американцев и японцев на территории Китая и, наконец, постройка японских текстильных фабрик в Китае. Ко всему тому он был, и, по видимому, остается, редактором буддийского органа «Махаяна», который издавался сначала в Шанхае, а теперь, кажется, перенесен в Дай-

реп. Судя по газетам, он имеет доходы не только от своего Хонгандзи, но и из каких-то других источников, но из каких именно, узнать невозможно.

Впрочем, это уже детали. Нам достаточно было рассказать главное. Оно достаточно отчетливо характеризует, что представляют собою «духовные связи Японии с Китаем». Поэтому мы уже и не станем останавливаться на всяких «Красных Свастиках», «буддийских международных братствах» и тому подобных вещах. Охотников заниматься этим найдется достаточно и без нас.

Остается сказать о роли религии во внутренней политике Японии.

Господствующей церкви там официально нет, да она и не могла бы появиться, поскольку синтоизм не слился с буддизмом полностью. Но синтонистские священники-чиновники играют роль исполнителей официального культа, являющегося по типу обрядов служением духам предков императора и духам всяких великих людей. Повидимому, никакой веры в бессмертие души от исполнителя церемоний на практике не требуется, обряд может рассматриваться просто, как обряд воспоминания об умершем, а самые храмы просто, как памятники. Впрочем, синтоизм, как уже сказано, религия в сильной степени выхолощенная, где обряд почти все, и мистика, между прочим. Как средство подавления и угнетения, она не сильнее, чем парад войскам или патриотическая манифестация.

Гораздо интереснее отношение власти к буддизму, с которым у нее была очень длительная размолвка на почве одинаковой симпатии к барышням с земли. Теперь эта размолвка кончилась, и буддийское духовенство, с одной стороны, и власть — с другой, раскрыли друг другу широкие объятия. Приведенная в начале главы фраза из Чемберлена — написана 20 лет тому назад — уже устарела. Церковь и правительство опять друзья.

В чем же дело? Кто сблизил эти силы, почти 300 лет пренебрегавшие друг другом? Их сблизило появление «опасных мыслей».

Начало этого сближения было до крайности просто, настолько просто, что читатель, чего доброго, подумает, что написанное ниже просто грубый шарж. Но если это и шарж, то не наш, а самих исполнителей комедии, со тогдашним минивуделом, а ныне лидером партии Сейюхонто, во главе. Его зовут Токонами.

Однажды, в 1923 году этот государственный муж созвал к себе представителей всех буддийских сект, всех сект хри-

стианских, среди которых есть в Японии и православная *), и представителей синтоизма и повел такую речь:

«Весь мир переживает теперь ужасную полосу распространения разрушительных идей. Полиция борется с ними, но ее возможности ограничены. Он, Токонами, слышал, что на Западе в аналогичных случаях полезна бывала религия. Никакого определенного отношения к религиям вообще и ни к одной из них в частности он до сих пор еще не выработал, но, принимая во внимание вышесказанное, склонен думать, что религия для народа очень нужна. А потому он призывает всех присутствующих помочь ему в борьбе с «опасными мыслями». Он, Токонами, полагает, что в основе все религии учат одному и тому же, а, следовательно, что никаких разногласий между христианами, буддистами и синтонистами не произойдет.

Собравшиеся поспешили выразить свою готовность исполнять и поспешествовать, но, очевидно, вспомнили, что министерские щедроты не неограничены, вступили друг с другом в легкие препирательства, а под конец и совсем раскричались. Дело, таким образом, разошлось.

Однако, не далее как через год премьер нового кабинета Кийоура возобновил попытку Токонами и кое в чем преуспел. Скандала во всяком случае на этот раз не было.

Так или иначе Япония обзавелась уже союзами Буддийских Молодых Людей и Буддийских Молодых Женщин, подобными Союзу Хр. Молодых Людей и Молодых Женщин, и имеет общество ревнителей буддизма, открыто заявляющее о том, что борьба с социализмом одна из его главных задач. А рядом с ним есть и соответствующие японские христианские союзы и общества. Правительство настолько терпимо, что относится к ним не хуже, чем к буддийским.

Буддизм исполняет поручения и по внешним делам. Так, в ноябре 1925 года состоялся в Токио съезд буддистов Японии.

*) Православная церковь основана в Японии перомонахом, впоследствии архиепископом, Николзем. В лучшие свои дни она насчитывала до 36 тысяч членов, из которых только около одной трети поддерживали с нею постоянную связь. В Токио существовала семинария и епархиальное училище для девочек. И та и другая, и значительная часть священников пользовались средствами, высланными из России синодом. С 1917 года обычная 100-тысячная субсидия сократилась сразу до нуля, а в 1923 году Токиоский собор, возманившийся над всем городом, был разрушен сентябрьским землетрясением. Каково нынешнее положение субсидируемого японского православия, мы не знаем, но, по всем признакам, оно предмертвое.

Китай и Корею, а в 1926 году состоится II съезд уже в Пекине. Судя по резолюциям, манере встречать гостей и по статьям токиоского буддийского органа, съезд имел задачи далеко не одного лишь духовного порядка; это была плохо загримированная японская пропаганда и больше ничего.

Христианством тоже не пренебрегают. Так, японцы сильно озабочены заменой англо-американских миссионеров в Корее японскими доморощенными пасторами и пасторами. Одновременно они приручают корейских христианских попов и распространяют были и небылицы о их американо-английских наставниках.

Много говорится за последнее время и о развитии буддийской миссионерской пропаганды в южно-азиатских странах, в Китае и даже в Европе и Америке. Все это связывается с болтовней о «материалистическом Западе», которому противопоставляется «не забывший о духовном Восток», о Татаре, о «соединении Трех Культур» (Индии, Китая и Запада), о всем том, словом, о чем иными словами и о другом народе говорили наши славянофилы.

Рабочее движение.

Японскому пролетариату предстоит, вероятно, сыграть огромную роль в мировой борьбе за освобождение труда, — роль гораздо большую, чем можно ожидать от пролетариата всякой иной страны с таким сравнительно невысоким уровнем промышленного развития. Возьмите, например, Италию, так быстро индустриализировавшуюся в последние десятилетия перед войной и сопоставьте ее с Японией. В паровом строении, текстильной, электротехнической и других видах промышленности она идет с Японией почти в ногу. Но по отношению ко всему западно-европейскому миру она все-таки задворки. Ее «великодержавие» не признается нигде за ее пределами, экономически она осуждена плестись позади соседей, ее зависимость от последних сказывается во всем.

А каково положение Японии?

Япония одна из очень немногих беспримесно-тихоокеанских стран: она вся в Тихом океане, — с метрополией, с колониями, с важнейшими интересами. А область Тихого океана — это почти сплошь аграрная страна. Даже наиболее передовые ее части, как Калифорния, не утратили своего аграрного характера. Индустриализация Китая кажется быстрой лишь при сравнении темпа современного развития с былым застоєм. Но при сопоставлении с большинством других «молодых» стран черепашья медленность этого процесса бросается в глаза. Индустриализация Австралии, Чили, Новой Зеландии и Британской Колумбии (Канада) тоже не отличается стремительностью. Далеко не так уже быстро идет этот процесс и в Индии и вообще в области Индийского океана, являющегося в сущности частью Тихого.

И вот, на общем фоне этой «аграрности» Япония, при всей своей отсталости, представляется, как далеко шагнувшая вперед промышленная страна. Эта самая промышленная часть Тихоокеаники обладает третьим по размерам военным флотом, третьим или четвертым торговым, имеет обширные связи со всем миром, почти неуязвима при имевшихся до сих пор средствах нападения для внешнего врага, и она населена народом, язык которого позволяет ему быть понятным на всем протяжении от Явы (где живет множество китайцев) до Сибири. Но-

вые технические, политические и другие термины, создающиеся в Японии, неизменно перекочевывают в Китай, Корею и Индо-Китай и входят там в обычный словарь. Японские книги и без перевода могут быть понятны любым грамотным китайцам, корейцам и аннамитам. Общность культурного наследия, старинны облегчает бытовое взаимопонимание японца с жителями материка в значительной степени.

Конечно, переоценивать всего этого нельзя. Но не следует и недооценивать. Это ясно каждому, кто имел случай убедиться, что иногда даже простейшая и наиобычнейшая европейская фраза должна переводиться на язык дальневосточных народов длинными и неуклюжими разъясняющими предложениями и что, наоборот, японец способен по одному намеку понять китайца, тогда как для европейца этот намек даже после длительного истолкования остается темным. Ведь для них, для дальневосточников, язык русский, немецкий, французский и английский — лишь наречия одного общего «европейского» языка.

Если Япония станет красной, то это в огромной степени ускорит развитие революции на всем Востоке, не только в Корее, Китае, Индо-Китае, но и в Индонезии (Нидерландской Индии) и в Индии. Революция в Японии — громадный шаг на пути к осуществлению идеи «красной Евразии».

Но имеются ли в Японии предпосылки близкой революции трудящихся? Нет ли оснований думать, что японский пролетариат будет развиваться в смысле своего революционизирования не быстрее, а медленнее китайского, уже давшего мировым империалистам не один серьезный бой?

Такие сомнения вполне законны, так как они опираются не просто на склонности к скептицизму, а на факты экономического порядка. Дело в том, что расширение японской промышленности натывается на очень солидное препятствие в виде появления в Китае и Индии именно тех отраслей промышленности, которые развились раньше в Японии и снабжали эти страны фабрикатами опередившей их островной империи. Кроме того, недостаток угольных запасов Японии, почти полное отсутствие железной руды и ничтожность запасов нефти ставят промышленное будущее Японии под большой знак вопроса.

Но, с другой стороны, можно указать на то, что в Италии угля нет почти вовсе, а в Японии он все-таки имеется в таком количестве, что в течение ближайших десятилетий об истощении его говорить не придется. К тому же можно надеяться, что дальнейшее улучшение техники позволит, быть может, эксплоа-

тировать пока что лежащие втуне более глубокие угольные слои. Затем Япония, в еще гораздо большей степени, чем Италия, способна использовать энергию падающей воды, а что касается нефти и железа, то есть основание думать, что Япония не так уж обижена в этом отношении, как полагали до сих пор *).

Но мы не станем обсуждать здесь вопросы о будущей роли японского пролетариата; это завело бы нас слишком далеко. Ограничимся лишь указанием на возможность постановки вопроса в указанной плоскости.

Перейдем теперь к рассмотрению рабочего движения в условиях современной действительности. Злоупотреблять статистическими данными мы не станем, да это и невозможно здесь. Интересующихся же ими отошлем к книге О. Плетнера «Япония-Справочник», к книге Окорокова, изданной в Харбине (тоже типа справочника) или Тани «Капитал и труд в Японии».

Как уже сообщалось раньше, развитие промышленности в Японии, да и то крайне слабое, начинается лишь в 80-х годах XIX столетия, т. е. всего лишь лет 40 тому назад. В течение 90-х годов прогресс наблюдался, но далеко не поражающий воображения, — скорее наоборот. Лишь в 900-х годах темп развития усилился. Но только со времени мировой войны индустриализация Японии приобрела действительно внушительный характер.

Вот почему и о рабочем движении в довоенный период можно говорить лишь как о зародышном. Вот почему еще 12—15 лет тому назад правительство так легко справлялось со вспышками недовольства трудящихся. Вот почему лишь со времени войны начинается та часть истории японского рабочего движения, которая может представить интерес и для читателя, не собирающегося слишком далеко углубиться в детали.

1905—1914 годы, это был тот период, когда миллионер Сибусава, более дальновидный, чем его собратья, задумал стать инициатором создания того объединения, «друзей рабочего

*) Речь идет о возможности добывания жидкого топлива из углей и угольных сланцев и об использовании так назыв. железосодержащего морского «песка». Газеты сообщили, что коммерчески выгодный способ извлечения чугуна из этого минерала стал теперь возможным. Возможно он был и во время войны, но лишь благодаря невероятно издутым ценам на металлы.

дела», в том числе и рабочих, которое получило весьма елейное название Юайкай («дружеское общество»). Это было японское издание наших зубатовских союзов, только менее полицейское, но зато более пошрое, более «отеческое» и тошнотворное.

А в 1922 году в этом Юайкай, освободившемся от опеки и превратившемся во Всеяпонскую Всеобщую Федерацию Труда — «Нихон Родо Содомей-кай», не гнушались уже работать и крайне левые, а заботливый старичок Сибусава стряпал уже новую, елейно-примиренческую штуку Роси Кйондо-кай, что значит: союз гармонизации Ро и Си, т.-е. труда и капитала. Это было необходимо, так как первое дитя талантливого финансиста давно уже сбилось с предначертанного ему пути. Лишь в 1925 году оно одумалось, изгнало коммунистов и стало на задние лапки перед хозяевами.

О том, как быстро изменялся экономический лик Японии, можно судить по следующим, взятым у О. Плетнера, цифрам. Здесь во второй графе обозначено число фабричных предприятий без механических двигателей, в третьей — число предприятий, пользующихся механическими двигателями, далее, в четвертой графе, число работниц, а в пятой — число рабочих мужчин. Это подразделение по полам имеет, как показал опыт, большое значение: мужчины проявляли себя более боеспособными и сознательными, чем женщины. Следует отметить, что число горнорабочих здесь во внимание не принято.

Годы.	Фабр. без двигат.	Фабрики с двиг.	Женщины тысяч.	Мужчины тысяч.
1913	6408	9403	541	319
1918	6759	15632	736	646
1920	—	—	786	700

Картина вытеснения (относительного, а не абсолютного) полуремесленных предприятий механизированными и увеличение доли мужского труда за счет женского совершенно ясна. Это было результатом роста механической промышленности, кораблестроения, чугуно-литейных и т. д., словом, — результатом повышения органического состава всего японского народного хозяйства в целом. Естественно, что процент квалифицированных рабочих увеличивался. Увеличивалась средняя требовательность рабочего. Борьба обострялась. Конфликты становились острее. Забастовки — чаще, продолжительнее и солиднее по численности, выдержанности и боеспособности их участников.

Вот, взятые у того же О. Плетнера, цифры относительно числа стачек и числа стачечников на протяжении семи лет.

Верхний ряд здесь — число забастовок, нижний — число участников (в тысячах).

1914	—15	—16	—17	—18	—19	—20
50	64	108	398	417	457	282
7,9	7,9	8,4	57,3	66,5	63,1	36,7

1920-й год, год кризиса, как видно здесь, сильно понизил боеспособность рабочих, а 1921 год был бы отмечен еще более низкими цифрами, если бы не знаменитая полуторамесячная забастовка на судостроительных и механических заводах Мицубиси и Кавасаки в Кобе и на Осакаском металлургическом. В ней участвовало в общей сложности до 35 тысяч человек.

Эта забастовка была первая по времени громадная забастовка в Японии и, вместе с тем, первая, которая приковала к себе внимание всей страны. В Кобе одна за другой прибывали делегации из других центров тяжелой индустрии и выражали бастующим сочувствие. Установилась живая связь с пролетарскими центрами. Вся пресса была переполнена сообщениями о ходе забастовки, и сочувствие миллионов горожан, интеллигентов и крестьян было полное. Энтузиазм рабочих был огромный. Без предварительной подготовки, без забастовочных фондов, без опыта массовой борьбы — они сумели все же проявить максимум выдержки, стойкости и дисциплины. Когда их жалкие гроши пришли к концу и когда самобилизовались силы жен с целью заставить мужей вернуться на работу (картина этой мобилизации хозяек мало напоминала о пресловутой покорности японских жен: мужей буквально тащили за фалды по улицам), когда администрация пустилась на такие хитрости, до которых ни разу, кажется, не додумывались у нас, в России, а местный губернатор в изысканно вежливом стиле предлагал свое «беспристрастное посредничество», — рабочие все же продолжали держаться, отказываясь от самых заманчивых компромиссов, и добывали средства существования организованной торговлей с лотков. Фактически это был сбор в пользу бастующих.

Но забастовка в конце концов все-таки провалилась. Почему провалилась? Главным образом, из-за бесстыдно-соглашательского поведения так называемых вождей, особенно вождей вождей, — христианско-протестантского пона Кагава. Этот человек, которого нельзя упрекнуть в шкурничестве и в умении обдывать свои делишки, как заслуженно упрекали двух-трех его друзей и соратников, оказался именно из-за своей «кристально-чистой души» вреднее всех: рабочие, контролирова-

шие поступки других, верили ему беспрекословно и делали то, что он советовал.

Приманка, брошенная хитрым и льстивым губернатором Арийоси *), оказалась достаточно привлекательной для полусвятого Кагава. Начались разговорчики в губернаторской передней, боевой экстаз ослабел, жены стали решительнее, желудки начали урчать сильнее, и, наконец, забастовка сорвалась.

Забастовка сорвалась, но уроки ее не прошли даром. Вера в вождей пошатнулась. Сам Кагава оказался развенчанным и уже с тех пор предпочитал заниматься благотворительностью и устройством рождественских елок, путешествиями в Европу и Америку и создавшим ему имя — писательством. Он считается видным современным романистом. Бертран Руссель, кстати сказать, побывавший тогда в Японии, читавший там лекции о коммунизме («через 150 лет») и дождавшийся небывалой чести — неprisутствия на его лекциях омундиренных городских — личный друг Кагавы **), — очень гордится своим японским другом. Кагава же очень высокого мнения о Русселе и только сожалеет, что тот потерял веру в господина нашего Иисуса Христа. Но, неизвестно почему, он еще больше ценит незнакомого ему Авксентьева.

*) Впоследствии эту хитрую лису Арийоси сделали начальником гражданского управления Корейского наместничества, и он проявил на этом посту не меньше талантов. Теперь он избран в Кобе городским головой. Это — благодарность за «нелицеприятное» посредничество в 1921 г. Звание городского головы — хлебное звание в Японии. Помимо всего прочего (история городских самоуправлений в Японии — это история «счастливых случаев», о которых все знают, не знают только прокуроры), ему обеспечен при уходе на покой более или менее ценный подарок — не серебряными ложечками, конечно, а акциями, облигациями и т. п., стоящими внимания, вещами. Так, известный Гото получил, уходя, целый капитал; «опасный радикал» Одзака тоже не был обижен, когда покидал свое мэрство.

**) Столь необычайную почтительность к Русселю «начальник столичной полиции», т. е. попросту говоря, начальник всех охранных отделений империи, объяснил так: «Я слышал его (Русселя) речь, и она произвела на меня сильное впечатление. Кто может возражать против столь благородной идеи, как всеобщее благо? Что можно возразить против такого коммунизма? Побольше бы таких коммунистов, как уважаемый мистер Руссель».

Газеты писали, что начальник охраны был отнюдь не в ироническом настроении. Он был искренно растроган проникновенными речами Русселя.

Но вернемся к Кобеской забастовке. Она отличалась некоторыми своеобразными черточками, интересными, как историческое прошлое. Отметим одну из них.

Рабочие проявили необычайную лояльность. Оригинально протестуя против ввода в город батальона из соседнего гарнизона (до сих пор в Кобе войск не было, теперь, с 1926 г., будут), рабочие из бывших солдат одели свои полученные при увольнении в запас мундиры, организовались в отделения, взводы и роты и взяли на себя охрану района заводов и строящихся в них двух сверхдредноутов:

— мы, мол, знаем, что государство нуждается в обороне.

Пишущему эти строки пришлось однажды столкнуться с одним из этих добровольных охранителей дредноутов. Со времени забастовки утекло к тому времени немало воды, а из сердца верного солдата испарилось немало патриотических чувств. Он не был больше кораблестроителем, не был потому, что в числе отмеченных в черных списках заводов Мицубиси и Кавасаки фигурировал и он.

Со времени знаменитой забастовки деятельность заводов Кавасаки и Мицубиси сократилась сильно. Так, у Кавасаки из 17 тысяч осталось только 11 тысяч человек *).

Помимо забастовки в Кобе и ряда других забастовок, о которых за неимением места рассказать не удастся, 1921 год отмечен стремлением рабочих к более обширным объединениям, чем типичные для Японии союзы рабочих одной фабрики или одного города. Возникла мысль о всеяпонском объединении. Тогда же, или несколько раньше, начал постепенно исчезать тот обычный страх перед социалистами, который японские рабочие объясняли преследованием полицией всех союзов, в которые попал социалист, и разгоном даже мирных собраний, на которых присутствовали социалисты или вообще люди, не имеющие отношения к данному производству. Бывали даже случаи, что прибывающих на митинг социалистов вежливо, но настойчиво просили не присутствовать. Нужно еще пояснить, что к тому времени окончательно определилась хитроумная политика японского правительства в отношении профсоюзов. Заключается она в том, что их существование допускается и они признаются де-факто, но легального разрешения на существо-

*) Главным директором этой К-о является Мацуката, сын одного из генро. Он славится, как собиратель картин, как красноречивый оратор на тему о своеобразности взаимоотношений между трудом и капиталом в Японии и как обладатель других приятных свойств. В 1925 году он был у нас, разговаривал о концессиях и расточал нам комплименты.

вание им не дают. С точки зрения юридической они остаются противозаконными объединениями, которые могут быть разогнаны любым полицейским.

В конце 1922 года стремление к объединению выливается в конкретную форму. В октябре созывается съезд Юайкай и представителей других объединений. Вожди Юайкай (из них же первый Судзуки Бундзи *) ставят определенно вопрос о создании единой всеяпонской федерации. Но объединение не состоялось. Делегаты резко разошлись по вопросу о степени самостоятельности каждого из существовавших уже местных объединений. Юайкай, выдвинувшему принцип централизма, был противопоставлен принцип свободного федерирования. Дело дошло до кулаков, но «федералисты» на соглашение не пошли. С тех пор они так и остаются в стороне со своим «демократизмом», свободой, громкими, но не пугающими полицию, фразами и явными признаками бессознательного соглашательства (иногда и сознательного).

Их идейным вождем был Осути Сакае (которого часто смешивали с коммунистом Сакаи Тосико по созвучию имени первого и фамилии — второго). Это тот самый Осути, которого во время смуты, последовавшей после великого землетрясения 1-го сентября 1923 года, убил жандармский капитан Амакасу **). Одновременно были зверски убиты его жена, писательница Ито Ное и семилетний племянник, которого патристический капитан, как он рассказывал потом, задушил, «проливая слезы жалости».

Вот что писала по этому поводу газета «Осака Майиниц» (передаем по памяти).

— Еще раз военные проявили свое полное непонимание духа времени, духа демократизма. Мы не сомневаемся, что поступок капитана Амакасу, поступок из ряда вон выходящий своей жестокостью, продиктован все же искренней любовью к отечеству. Мы признаем это, хотя не можем примириться с фактом убийства невинного дитяти. Но вот что занимает нас: по-

*) Судзуки часто называют «японским Гомперсом». Дух покойного американского рабочего вождя имеет полное право возмутиться. Гомперс, как ни заслуживал он всяческого порицания, все-таки не мог быть заклейменным столь обидным прозвищем, как «американский Судзуки».

**) Амакасу был приговорен к пожизненной каторге, замененной 15-ти летней. По манифесту, 15 лет скостили до 7½ и облегчили режим. В 1925 году доблестный капитан квартировал в тюрьме, изучал буддизм, прогуливался в свободное время по городу и ждал очередного манифеста. Его сотрудники давно на свободе, опять служат и делают карьеру.

нимал ли Амакасу, что, делая свое злое дело, пусть и продиктованное добрым чувством, он не пользу принес отечеству, а явный вред? Ибо кто такой был Осути, этот анархист-ученый, теоретик и культурнейший человек, имевший такое огромное влияние на рабочих? — Он был тем громоотводом, который избавлял Японию от действительной опасности — от коммунизма. Теперь, когда Осути не стало, коммунизм пышным цветом расцветет в Японии.

И т. д.

Тов. Сакаи, старейший японский коммунист из живущих в Японии. Значительную часть жизни провел в тюрьме, не раз подвергался нападению хулиганов реакционного лагеря. Его дочь активная жебрашница.

О характере литературной деятельности Осути можно судить по тому, что одна из его работ специально разбирает вопрос о том, «как большевики погубили русскую революцию». Осути незадолго до смерти ездил в Европу, где встретился со своими единомышленниками, французскими синдикалистами.

Итак, попытка централистского объединения в 1922 г. привела к краху и только озлобила друг против друга съехавшихся вождей союзов. Единственным результатом съезда было организационное сплочение союзов, примыкающих к Юайкай, который тогда же на съезде переименовался в Нихон Родо Содомей-кай, впоследствии (это было уже в 1925 году) распавшийся на соглашательское крыло и на Родо Хйогикай, объединение красных союзов.

Но хотя съезд в октябре 1922 года окончился крахом и хотя депрессия попрежнему тяготела над Японией, развитие ра-

бочего и социалистического движения не только не приостановилось, но проявилось в следующем, в 1923, году особенно ярко. Тогда же организационно оформилось и родственное рабочему движению — движение безземельных и малоземельных крестьян-арендаторов. Это было в конце февраля. Двумя неделями позже состоялся в Киото съезд союза Суйхейся, организация потомков членов презираемого при Токугава сословия ета, японских париев. Еще через полтора месяца в университете Васеда в Токио произошла, наделавшая массу шума, студенческая антимилитаристическая манифестация, которой, как предполагалось, руководили студенты-коммунисты. Обозленное правительство ответило на эту демонстрацию, происшедшую в присутствии помощника военного министра, налетом на университет и обыском у профессора Сано, которому, однако, удалось своевременно скрыться *).

Затем, в июне, состоялся грандиозный набег полиции, закончившийся арестом всех, не успевших бежать, видных коммунистов, в том числе самого Сакаи («дедушки», как его называют среди рабочих) и многих других. А 1-го сентября, в день землетрясения, были схвачены наиболее видные вожди рабочих и под пламя пожаров, под крики о помощи многочисленных жертв страшного бедствия, зверски убиты в полицейском управлении участка Камейдо. А конец этого года, обильного многими фактами революционного характера, был отмечен первой за много веков попыткой убить фактического императора, принца регента.

Тот же 1923 год был годом большого оживления среди фашистов, о которых поговорить особо нам здесь не удастся.

Уже одного этого сухого перечисления важнейших фактов 1923 года больше чем достаточно, чтобы понять, как раскалывалась почва в Японии, как велики и неизбежны классовые противоречия и как мало вероятно, чтобы тот временный успех, который имело правительство, вылившееся на поднимающуюся волну классовой ненависти лампадное масло всеобщего избирательного права, было прочным. Но скрывать правду не стоит. Приход к власти виконта Като, лидера 8 лет стоявшей в оппозиции партии Кенсейкай, — это было в июле 1924 года, — породил много иллюзий. Эти иллюзии оказались не чуждыми и части пролетариата, положение которого стало еще хуже, чем было. Не землетрясение, как думают многие, было причиной ухудшения его положения, отнюдь нет; землетрясение не усил-

*) Теперь он редактирует коммунистическую еженедельную газету «Мусанся» (что означает «Не имеющий состояния», «Пролетарий»).

лило депрессии в общенародном масштабе, разве только в масштабе местном. Наоборот, оно многим безработным дало возможность добывать насущный кусок хлеба. Гораздо худшим бедствием было то, что можно назвать «понижением органического состава японского национального хозяйства». Что это значит? *).

Это значило то, что падало катастрофически кораблестроение, падала металлургия и изготовление машин и инструментов, не выходило из состояния упадка новоразвившееся химическое производство и т. д. (исключение лишь электротехника). Падали, словом, те отрасли, которые нуждаются в высококвалифицированном труде, в труде настоящих пролетариев.

А бумагопрядильная, ткацкая, шелкомотальная и т. д., пользующиеся трудом девушек, идущих на фабрику на год, на два, много на три, такого безнадежного застоя не знали, — особенно шелковое производство. Но текстильная промышленность (хлопчатоб. и шелковая) одна имела в 1920 году столько рабочих, сколько все остальные отрасли производства, вместе взятые (не включая горного). Значит, описанный процесс должен был привести, и действительно привел, к понижению среднего уровня квалификации индустриального пролетариата.

*) Не арифметически точно, но с достаточной долей приближения можно сказать, что сентябрьское бедствие 1923 года уничтожило столько именно машин, станков, веретен, сколько их было излишне в этот период сокращения производства. Так, из 4 миллионов имевшихся в Японии бумагопрядильных веретен, окончательно испортилось, или было частично повреждено, сброшено, вообще выведено «из строя», около миллиона. А сокращение производства мыслилось в среднем как раз на 25%. Когда частично поврежденное было восстановлено, то вопрос о сокращении производства выплыл снова. Ведь, окончательно погибло сравнительно совсем мало.

Преувеличены и разговоры о массе человеческих жертв самого землетрясения — землетрясения непосредственно. Ничего подобного не было. Люди, действительно, погибали десятками тысяч. В одном рабочем участке, например, погибло 65 тысяч из 110 тысяч всех погибших в Токио. Но они не погибли бы, если бы этот участок не состоял из закоулков, застроенных деревянными, деревянными клетушками. Не от землетрясения погибли они, а от огня. Погибли из-за социальных условий а не из-за стихии. В аристократическом же участке, где трясло не меньше и где тоже были пожары, погибло всего только 25 человек.

И гибель людей во время землетрясения, и экономический застой после него целиком объясняются, таким образом, наличием известных социально-экономических условий.

Японии, привел к увеличению процента неспособных выдерживать серьезную борьбу за счет тех, кто с 1917 года эту борьбу выдерживал и кто побеждал не раз.

Като дал подачку тогда, когда боеспособность самого революционного класса успела упасть до трагического уровня. И он не ошибся в расчете. Отчаявшиеся, изверившиеся захотели поверить, а желание — мать надежды. Избирательное право, еще в 1923 году расценивавшееся Содомеем лишь как облегчающее борьбу за классовые цели, тем же Содомеем объявляется теперь чуть ли не панацеей от всех бедствий, какой-то самоцелью. Создавшимся настроением пользуются те вожди, чья желтизна не могла быть скрыта подобием радикальной фразеологии. Им пользуются те мечтающие о карьере адвокаты, у которых еще нет сильных покровителей среди финансовой аристократии и которые знают, что, оттолкнувшись от спин рабочих, можно доскочить до лона Мицубиси, Мицун, Фурукава и им подобных. Лавры Бриана, Мильерана и К-о не дают спать в Японии многим.

И вот начинается интеллигентская хлопотня по созданию «пролетарской партии». Произносятся желто-розовые речи, выработывается программа, в которой есть все, о чем говорят все приличные эс-деки, но где нет ни намека на признание революционных методов, короче говоря, в спешном порядке создается то, что в Европе было результатом целого периода приручения профсоюзной бюрократии, легализации социал-демократических партий, подачек, сверх-прибылей и т. д., словом того, чего в Японии в настоящее время или уже нет или еще не было.

Но семена интеллигентских хлопотунов-карьеристов падают очевидно на каменистую почву. Массы оказываются менее вождей, и в октябре становится уже ясным, что инициатива в деле создания пролетарской партии переходит в руки левых, организационным центром которых является с конца 1924 года отколовшееся от Содомея его революционное крыло, которое образовало новую федерацию Хйогикай. Об ее истории мы скажем немного ниже.

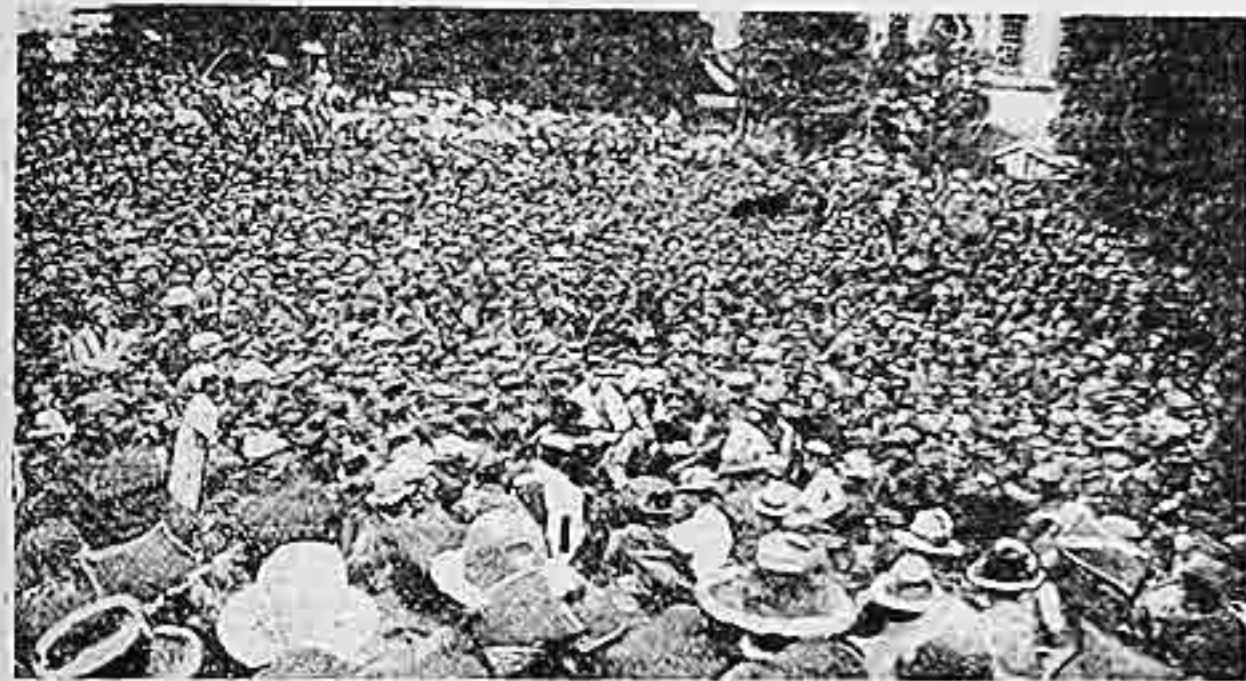
Увидев, что рождающаяся партия ускользает из их рук, вожди Содомея повели работу на срыв ими же задуманного дела, и когда (это было 1 декабря 1925 года) партия, наконец, образовалась, она оказалась не тем, чем ее хотели видеть, а «красной», с лидерами Хйогикай во главе (ковычки мы ставим здесь сознательно).

Ровно через 3 часа после своего формального образования

она была объявлена правительством незаконной, и учредительный пленум был разогнан полицией.

Путь для предательской работы реформистов был таким образом расчищен, и они опять оказались в состоянии взять инициативу в руки. Но вернемся к Хйогикаю, к истории его возникновения и развития.

Первая половина 1925 года проходила под знаком продолжающейся депрессии, тогда как во второй половине появились признаки некоторой стабилизации. В частности, во внешней

Рабочие ждут прибытия делегации ВЦСПС (в сентябре 1925 г.).

торговле Японии наметилось определенное улучшение. Баланс ее определился в минус 260 мил. ен, против минус 618 миллионов в предыдущем году. Что же касается расчетного баланса, то он был в 1925 году всего лишь минус 40 миллионов ен. Экспорт 1925 года был рекордным, импорт тоже был исключительно велик, но рост объяснялся, главным образом, значительным ввозом хлопка. Одновременно рос и вывоз из Японии изделий из хлопка, и в Индии японская пряжа буквально вытесняла не только индийскую, но и английскую. В 1926 году признаки улучшения определились еще отчетливее. Но это улучшение не сопровождалось улучшением положения рабочих.

При такой обстановке конфликты труда с капиталом, естественно, должны были участиться, а вместе с тем, поскольку улучшение стало возможным лишь в связи с мероприятиями явно империалистического характера (в отношении хлопка и

пряжи на индийском рынке мы уже подробно говорили об этом), постольку, естественно, создавалась почва для соглашательских настроений и уклонов.

Весь 1925 год прошел в борьбе левых и правых.

Эта борьба началась еще в середине 1924 года*). В сентябре в восточном отделе Содомея (Канто Содомей) произошел решительный разрыв: 5 левых союзов были исключены из федерации. Но это исключение, вследствие протеста рядовых членов Канто Содомея, не было утверждено всеяпонским содомейским центром, и хотя исключенные образовали отдельную федерацию в канто'ском масштабе, она, эта новая федерация, все же осталась формально слитой с Содомеем. Создалось парадоксальное положение: «Канто Цихо Хйогикай», как называлась новообразованная федерация, оставалась составной частью Содомея в целом, будучи исключенной из состава Канто Содомея, т. е. восточного отдела Содомея.

Это положение было использовано хйогикайцами с целью пропаганды в пределах Содомея идеи создания такой рабоче-крестьянской партии, которая не зависела бы от профсоюзного объединения. Что же касается ортодоксальных содомейцев, то их целью было создание партии в духе английской рабочей партии. Партия, по их мнению, должна была быть политическим органом профсоюзной организации.

Ненормальное положение Хйогикая было, наконец, ликвидировано тем способом, который был в данных условиях естественен для реформистской головки Содомея.

Ц. К. Содомея в конце концов обрел в себе решимость, и 27 союзов, высказавшихся за поддержку пяти отколовшихся, были исключены на этот раз уже окончательно.

Это было в мае 1925 года.

Исключенные созвали после этого свой особый съезд и образовали, в противовес Нихон Родо Содомей, свою собственную, левую федерацию профсоюзов Нихон Родокумнай Хйогикай, в которую вошло 32 союза с общим количеством членов в 13 тысяч человек**).

*) Борьба в 1922 году шла вокруг организационных вопросов — о федерализации или о централизации. Тогда коммунисты поддерживали централистов, не взирая на то, что среди них были будущие несомненные правые.

**) Перемена названия объясняется изменением масштаба: «Канто Цихо» в очень вольном переводе означает «восточный район», «Нихон» — означает «Япония».

12 января 1926 года у них было уже 21 тысяча членов, а в марте — 32 тысячи.

У Содомея же было 28 тысяч, а стало 16 тысяч.

В сентябре 1925 г. Хйогикай пригласил в Японию представителей ВЦСПС, о впечатлении которых во время их объезда Японии писалось в нашей прессе достаточно подробно.

13 января 1926 года состоялся съезд Хйогикая, на котором была вынесена резолюция о необходимости роспуска парламента, образования классовой партии, объединенном фронте и фабзавкомах и было вынесено осуждение правительственному рабочему законодательству и деятельности реформистов.

Молодая Япония. В руках у одного из мальчиков традиционный змей, любимая игрушка и японских, и китайских ребятишек.

Во время съезда происходили массовые аресты.

Следует особо отметить, что съезд определенно осудил бойкот парламентских выборов. Наоборот, он определенно высказался за новые выборы (уже на основании нового закона, вошедшего в силу с мая 1925 года) и за участие в них всех рабочих. Но это вовсе не означает, что Хйогикай боится парламентскими иллюзиями: для него парламент лишь одно из средств борьбы, средств пропаганды. Парламентские иллюзии — это болезнь Содомея, отнюдь не Хйогикая.

До этого съезда при участии Хаогикая было проведено 199 забастовок, из которых 70 закончились победой рабочих.

Пу же были организованы безработные и отчетливо поставлен вопрос о поддержке китайского движения.

Теперь вернемся к декабрю 1925 года, когда была разогнана три часа просуществовавшая партия рабочих и крестьян.

Эта партия, если судить по тому, что она выставила в качестве своей официальной программы, не была коммунистической, не была даже близкой к коммунизму. Про нее говорили даже, как о выражающей точку зрения правого крыла рабочего движения. Вот почему почти вся пресса и многие видные общественные деятели сочли долгом приличия осудить ее роспуск. Но нашлись и такие, которые под покровом обличия фраз программы усмотрели в ней опасность и заявили об этом вслух. Это были начальник департамента полиции и председатель политбюро Содомея... Трогательное единодушие *).

Даже «Таймс» и его ухудшенное издание шанхайский орган британских торговых палат в Китае — «Нордс Чайна Дэйли Ньюс» отметили его и позволили себе предположить, не будет ли со стороны полиции сделана попытка создать свою собственную партию. «Такие вещи в стране микадо вполне возможны», — писала тогда «Н. Ч. Д. Ньюс» — эта ненавистница всего красного и покровительница шанхайских белогвардейцев.

Мы не имеем достаточных оснований утверждать, было или не было тайного соглашения между охранкой и Судзуки, как это утверждали некоторые люди, хорошо знающие повадки японского Гомперса, но так или иначе реформисты 5 марта 1926 года имели возможность уведомить полицию о бесшумном появлении новой «рабоче-крестьянской партии», которая в своей декларации поспешила сообщить всем, всем, всем, что она твердо верит в парламентаризм, в законность и еще в то, что «особенности «3000-летней» истории Японии необходимо учитывать».

Во главе партии, председателем ее исполкома, стал христианский социалист. Программа партии неотчетливая, полная недоговоренностей, неясностей и эзоповских выражений. Интересна она, главным образом, не тем, что в ней есть, а тем, о чем в ней не сказано. А не сказано в ней о многом, например, о верхней палате, об ответственности кабинета, конечно, о монархии и т. д. Что касается ее положительной программы, то — вот она (перевод «Тихоокеанской Звезды»):

*) См. тел. ТАСС-а в «Правде» от 5 декабря 1925 года.

1. Наша цель — освободить пролетарский класс политически и экономически в согласии с существующим положением в стране.

2. Наша цель — преобразовать существующую систему в отношении земли, промышленности и распределения богатств путем законных мер.

3. Наша цель — уничтожить существующие политические партии, представляющие интересы привилегированных классов и решительно преобразовать парламент.

Платформа в политике.

1. Дальнейшее расширение всеобщего избирательного права (активное и пассивное избирательное право для тех, кто достиг 20-ти лет, независимо от пола).

2. Уничтожение и преобразование законодательства, вредного для пролетарского движения.

3. Уничтожение неравенства по отношению к колониям.

4. Сокращение вооружений и преобразование военной системы согласно воле народа.

5. Государственная финансовая поддержка тех семейств, чья бедность пришла в результате пребывания их членов на военной службе или вследствие того, что они были ранены или убиты на войне.

6. Уничтожение плохих налогов и введение налога на прибыль от собственности.

7. Уничтожение таможенных тарифов и потребительских налогов на предметы первой необходимости.

8. Установление народной дипломатии.

9. Установление права экономических организаций, забастовок и коллективных договоров.

10. Установить право обработки земли.

11. Установление минимума заработной платы.

12. Запрещение ночной работы, работы в рудниках, при опасных индустриях для женщин и детей.

13. Установление 8-ми часового рабочего дня.

14. Преобразование фабричного закона.

Социальная политика.

15. Уничтожение всех общественных и частных законов, ставящих женщин в неравное положение.

16. Запрещение продажи и купли женщин.

17. Уничтожение всех мер, ограничивающих женщин в их занятиях и просвещении.

18. Установление страхования от безработицы, болезни, старости и естественных несчастий.

19. Государственное вознаграждение за убытки, причиненные неправильными обвинениями и арестом.

20. Всеобщее принудительное образование и профессиональное образование на государственный счет.

Другими достижениями реформистов из Содомея, Судзуки в частности, является закладка первого камня уродливого здания «Азиатского Интернационала Рабочих». Эта затея зародилась у него, как кажется, во время пребывания в Женеве, где он представлял японских трудящихся при Рабочем бюро Лиги Наций. Его единомышленником был тогда представитель Индии. Но судя по апрельским данным 1926 года, в Индии идея «Азиатского Интернационала» не встречает никакого сочувствия, и впоследствии японскому положению об «угнетении цветных белыми» индийский делегат противопоставил в открытом письме к Судзуки не совсем отчетливую, но все же классовую точку зрения, отметив при этом ужасающее бесправие именно японских рабочих, чьим дешевым трудом подрывается бомбейская промышленность. Выступление индуса очень понравилось империалистической «Н. Ч. Д. Ньюс», дополнившей его своими собственными соображениями относительно возможности того, что под флагом «Азиатского Интернационала Рабочих» фактически выступает японская великодержавная пропаганда.

На этот раз остается только согласиться с органом британских хищников.

Говоря о рабочем движении, нельзя упустить из вида и крестьянское движение, развивающееся параллельно и союзно с ним.

Оно началось в связи с появлением «ножниц» в 1919 году и с тех пор не прекращалось. Так, в 1925 году произошло 750 аграрных конфликтов с 47 тысячами участников (в 1917 — было 80 конфликтов, в 1922 — 1600). При этом было характерно, что участники конфликтов 1925 года не прибегали к старому способу бросания арендованных земель. В этом некоторые усматривают рост уверенности крестьян в своей силе.

Число организованных крестьян-арендаторов (и полуарендаторов) довольно велико, но серьезное и притом общенациональное, а не местное, значение имеют из всех только те организации, которые входят в объединение Номин Кумнай (Объединение земледельцев), ибо только оно активно в политике.

До конца 1925 года оно шло нога в ногу с левыми рабочими организациями и противилось тому саботажу, который

Содомей в отношении создания рабоче-крестьянской партии проводил, начиная с октября того же года, когда выяснилось, что среди учредителей (они были объединены в «Ассоциацию изучения политических вопросов») большинство идет против явных соглашателей.

Но после разгона партии, в декабре, Номин Кумнай был терроризован, пошел по линии наименьшего сопротивления и в конце концов подал в ряды Родо Номинто, под крылышко Судзуки. Кажется, впрочем, еще раньше из Номин Кумнай вышли более революционные элементы. Это происходило при определенном давлении со стороны полиции.

После одного из землетрясений в 1925 г. в одном из небольших городов юго-западной Японии.

С другой стороны, нашлись среди крестьян и более правые, чем партия Судзуки. Так, в январе были сообщения о предполагаемом создании партии отдельными крестьянскими союзами, стоявшими вне Номин Кумнай (в северной и центральной Японии). Кроме того, в марте из Номин Кумнай вышло 3000 крестьян, недовольных «левизной» Родо Номинто. Сообщалось также об образовании новой, чисто крестьянской партии «Риккен Номинто» («Конституционной крестьянской партии»).

Нужно пояснить, что нынешние власти Японии, повидимому, склонны идти навстречу крестьянству. Это объясняется тем падением доходности с земли, которое заставляет уходить капиталы из землевладения в промышленность и торговлю и, следовательно, ведет к уменьшению влияния землевладения в политике. Ожидание же легальных уступок, естественно,

создает в крестьянстве уклон к соглашательству. Но, конечно, рано или поздно разочарование придет, ибо никакие уступки положение крестьянства серьезно не улучшат. Ведь, самое большое, на что крестьянство может рассчитывать, — это льготное в рассрочку, приобретение в собственность арендуемых теперь земель. Но статистика показывает, что даже крестьянин-собственник в Японии обычно страдает из-за задолженности. Следовательно, от того, что через 20—25 лет он уплатит правительству долг за передаваемую ему землю, ему легче не станет.

Скажем теперь несколько слов о тех новых законах, касающихся трудящихся, против проведения которых в феврале 1926 года устраивались в главных городах Японии огромные демонстрации; в Токио, например, в шествии участвовало свыше 20 тысяч человек, в том числе очень много женщин.

Эти новые законы касаются принудительного посредничества в индустриальных конфликтах и порядка легализации профсоюзов.

Первый из них составлен так, что правительство, опираясь на него, может фактически объявить незаконной любую стачку. Для этого ему достаточно подыскать доказательства в пользу того, что данный конфликт «имеет отношение к специальным интересам общества в ежедневной жизни последнего». А это, конечно, не трудно доказать в любом случае. Но этого мало. Правительство в известных случаях может заставить стороны признать за арбитров тех лиц, которых оно назначит, и затем требовать, чтобы решение арбитров рассматривалось, как обязательное.

Закон о профсоюзах не лучше. Он составлен так, чтобы сделав невозможным образование действительно крупных и мощных союзов и расчленив их, подчинить каждый из них в отдельности постоянному, мелочному контролю. Союз должен быть готовым отчитываться о своих делах перед властью, его устав может быть изменен губернатором, и постановления профсоюза могут быть аннулированы.

Эти законы вполне соответствуют по духу закону 1925 г. об организации обществ, «имеющих целью подрыв существующего строя».

Что касается закона о печати, то, в отличие от перечисленных, он представляет собой шаг в сторону либерализма. Он, — до известной степени, уступка, но эта уступка буржуазной интеллигенции, но не тем, кто заинтересован в печатании статей, «агитирующих против основ существующего строя». Буржуазии это не касается. Если она будет на чем свет стоит ругать министров, требовать изменения государственного строя, не-

годовать против генро и т. д., никто ее за это не привлечет к ответственности. Вообще в Японии «дух законов» понимают прекрасно. Если, например, патриотическая организация устроит погром полицейского участка, устроит скандал американскому послу, устроит поножевинку в кабаке, или будет линчевать мирного корейца, то это виновникам простится, ибо найдутся соответствующие смягчающие обстоятельства. Но когда, как, например, в этом году (1926) рабочие устраивают весьма скромную первомайскую демонстрацию, довольно малочисленную и нес шумную, то у полицейских проявляются такие земаншки, что они коробят даже корреспондента «Таймса», который горестно восклицает:

«Они копируют методы царской России!».

Но тут же утешается соображениями о «большей рассудительности и культурности» японского пролетариата, который на полицейскую провокацию не поддастся, ибо он хорошо воспитан и имеет чувство законности.

Доля истины в этом есть. Она в том, что в отличие от русского и китайского пролетария японский рабочий вырос в стране, где власть бюрократии отмечена периодом борьбы за независимость от иностранного империализма, периодом несомненного прогресса. В азиатской Японии европеизма больше, чем было в Европейской России.

Зато, с другой стороны, период пропитывания трудящихся масс буржуазной идеологией был там гораздо короче, чем, скажем, в Германии, и к тому же весь он прошел под знаком решительной ломки старого. Отсюда большая легкость усвоения нового, меньший консерватизм мышления.

Кроме того, не следует ведь забывать, что стабилизация капитализма в Японии вряд ли может быть прочной *).

*) Интересующихся рабочим вопросом отсылаем за деталями к новой книге Тани «Труд и капитал в Японии» и к бюллетеням Профинтерна «Международное рабочее движение».

Японские колонии.

Когда-то германские шовинисты горько жаловались на то, что они-де не имеют достаточно «места под солнцем»: все лучшее, мол, захвачено Англией, что похуже, поделено между остальными, а Германия осталась при пиковом интересе. Теперь та же жалоба постоянно повторяется в Японии, и, нужно сказать, повторяется она, если стать на точку зрения империалистов, с гораздо большим основанием. «Места под солнцем» уделено японским капиталистам действительно очень мало. Достаточно сказать, что общая площадь всей Японской империи, т. е. собственно Японии, Кореи, Формозы (Тайван), Пескадорских островов, других островов, включая мандатные (Каролинские, Маршалловы и Марианские), и, наконец, Квантунского генерал-губернаторства, не на много превосходит размерами французские владения в Европе и не на много больше, чем Испания, опять-таки без ее небольших колониальных владений в Африке. Что же касается площади одних колоний, то Япония стоит в этом отношении на последнем месте. Даже Испания и Дания обогнали ее в этом. А о Бельгии, Голландии, Италии, а тем более Франции, говорить не приходится.

Вот для сравнения цифры.

Французская колониальная империя охватывала уже на исходе XIX века площадь в 6.841.500 кв. км., при чем из них около 3.6 мил. кв. км. были приобретены за короткий промежуток между 1884 и 1900 годами (это годы первоначального роста японской промышленности и военного могущества). Нужно еще добавить, что сюда не включена Сахара. С нею и с новыми владениями площадь владений Франции — около 14 мил. кв. км. Советский Союз около 21 мил. кв. км.

Германская империя владела вне Европы 2.655.000 кв. км., которые были присоединены в тот же 16-ти летний период.

Бельгия владела «государством Конго», площадью в 900 тысяч кв. км. и с населением в 30 миллионов человек.

Португалия, маленькая, слабая, отсталая Португалия, имела около 800 тысяч кв. км. с 9 миллионами жителей.

А Великобритания, владеющая теперь $\frac{1}{4}$ сухопутной поверхности нашей планеты, всего лишь за одно только послед-

нее пятилетие XIX века, за 1895—1900 года, обогатилась новыми 4 миллионами кв. км. с 60 миллионами жителей.

Япония же и по сей день считает в пределах своей империи только около 300 тысяч захваченных чужих земель.

Но что особенно раздражает японских патриотов, это поглощение другими империалистическими державами тех земель, которые расположены близко от коренных владений Японии, т. е. тех земель, на которые японские капиталисты сами точили зубы. Как не раздражаться, если у вас из-под носа захватывают то, на что вы сами рассчитывали, но захватить не успели, так как во-время не вошли в силу.

Так, в руки европейцев попали Аннам, Гуанчжоуван, Гонгконг, Вэй-хай-вей и прочие пункты в Китае. В их руках еще раньше были огромные пространства Нидерландской Индии, далее почти совсем пустая Северная Австралия, наконец, по соседству, на материке, были земли романовской империи.

Вот именно на этой стороне вопроса, — на сравнительной ничтожности пространства, оказавшегося в руках Японии, да на огромности владений остальных империалистов и выезжают обычно ура-патриотические газетные борзописцы. Как и что они пишут, об этом рассказывать просто скучно, — настолько все это не оригинально, не умно и явно агитационно.

Если же сравнивать колониальную империю Японии с империями других не по обширности их, а по числу жителей, то картина получится иная.

Ведь, за исключением Индии, Египта (долины Нила) и небольших островных и береговых владений, почти все колониальные страны отличаются малою плотностью населения. Из французских, например, владений, сравнительно густое население имеют только острова в Америке, прибрежной части Алжира, да Индо-Китай, все же остальное большей частью почти пустынно, и вся колоссальная французская колониальная империя, в которой один только сравнительно небольшой Мадагаскар по размерам превышает Японию, имеет всего только 60 миллионов жителей. Германская колониальная империя, в пять раз превышавшая по обширности свою метрополию, имела всего лишь 14 миллионов жителей. В обширных колониях С. Ш. А. живет всего лишь около 10 миллионов человек.

А в маленьких колониальных владениях Японии живет свыше 21 миллиона, и по густоте населения они занимают одинаковое место с Индией.

Но это только часть того, что экономически, да в значительной степени и политически, может рассматриваться, как

Японская колониальная империя, ибо фактически, а не юридически, к ней должна быть отнесена также значительная часть Маньчжурии (площадь всей Маньчжурии 921 тысяча кв. км., это — площадь Польской республики, умноженная на $2\frac{1}{2}$), а в меньшей степени — китайская провинция Фуцзянь, расположенная на побережье против острова Формозы. Кроме того, японской полуколонией является вся та часть Монголии, которая лежит восточнее Большого Хингана. По размерам она больше Польши. Впрочем, даже с включением Маньчжурии и Восточной Внутренней Монголии, пусть даже Фуцзяни, размеры колониальной империи Японии окажутся все же значительно меньшими, чем даже у Голландии.

Итак, значит, одной из характерных черт Японской колониальной империи является ее большое население при сравнительно малых размерах территории.

Другие ее черты — нахождение всех этих колониальных владений в близком расстоянии от метрополии и отсутствие чужих земель между последней и колониями. В этом отношении Япония напоминала бы Россию, если бы она не была империей по преимуществу островной *).

Есть еще одна специфическая черта японских колоний. Подавляющее большинство их жителей, если не по крови, то по своему пероглифическому языку и по культуре очень близки к японцам. Из этого не следует, конечно, что им легче переносить иноземный гнет. Наоборот, факты вопиют против подобного предположения. Но нельзя все же отрицать того, что при устранении причин для постоянного острого озлобления корейцы и японцы легче могут сговориться друг с другом, чем с людьми Запада, чувствуют себя друг с другом менее натянуто, легче вступают в браки и т. д. Все-таки их быт, нравы, литературные навыки, понимание искусства настолько похожи, что они всегда могут найти общий язык, тогда как даже европейски образованный современный японец, попадая в Европу, вынужден учиться таким вещам, как употребление ножа и вилки, пользование носовым платком (в Японии для этого служит тонкая бумага) и целый ряд других вещей как эстетических, так и совсем неэстетических, описанию не подлежащих. Живя на японке, кореец будет чувствовать себя не более «не в своей тарелке», чем русский, женившийся на англичанке, но, когда брак заключается между представителями Японии и Европы, то либо одной, либо другой стороне приходится пе-

* Единственный инородный клан в теле Японской империи — американский остров Гуам.

рестроить заново все свои привычки. Более того, автору этих строк лично пришлось слышать от представителей народов Востока, что все люди белой расы, особенно женщины, отличаются очень неприятным для них запахом и что европейцы, особенно блондины, представляются им просто уродом, — «человеком с безобразным носом, отвратительным лбом, красными волосами и зелеными, как у кошки, глазами», — словом, чудовищем. (Фраза из японской фантазии «Мирай Селсо», «Будущая война»).

Скажут, что это мелочь, не заслуживающая внимания. Может быть. Но то, что тесное сближение между людьми Дальнего Востока и европейцами бывало всегда очень трудным, этого отрицать нельзя. Редкий европеец может попытаться по-японски или по-китайски, еще реже встретится такой, который сможет приспособиться к обстановке восточного жилища, и, пожалуй, не найдется и одного из сотни, который, сумев заставить себя прослушать в течение одного — двух часов японскую или китайскую музыку, не сбежит в панике. Тем труднее ему жить бок-о-бок с человеком, для которого в такой же степени чужды, а порой и неприятны, наши навыки. На одной общности политических, научных и т. п. убеждений далеко не уйдешь. Материала для трений останется сколько угодно. Тут начинается та область, в которой Япония и Китай и Корея остаются верными себе. Тут «европеизация» в сущности и не начиналась, а если и начиналась, то лишь поверхностно.

А у японцев с корейцем и китайцем общего очень много *). Впрочем, вернемся к основной нашей теме.

*) Возразят, пожалуй, что рост культурности все это изменит. Но нельзя смешивать понятия «культурность» и «европеизм». Бытовые отличия Востока и Запада не только в отсутствии некоторых культурных черт Запада, но и в наличии многого того, до чего Запад еще не дошел или что он растерял. Во многих отношениях не Восток должен подражать Западу, а Запад Востоку. Но чтобы так было, необходимо сбить с западных людей характерную им спесь, свойственную далеко не одним только представителям буржуазии, но, к сожалению, и многим, теоретически стоящим на антибуржуазной точке зрения. Но эта спесь не будет сбита так скоро. Она сохранилась даже в Японии, где давно уже исчезло питающее ее неравноправное с пришельцами положение туземцев. Конечно, рано или поздно, это изживется. Но мы говорим о нашей эпохе, а не о том времени, когда победит социализм, когда самолеты вытеснят и поезда, и пароходы, и телеги и когда перемещиванию рас не будет ни социальных, ни экономических препятствий.

Уже одно то, что главные японские колонии заселены очень густо, позволяет предполагать, что они являются важными рынками для японской промышленности. Но на самом деле, даже если принять во внимание крайнюю бедность крестьян, составляющих основную массу населения Кореи и Формозы, то и тогда цифры вывоза туда из Японии покажутся очень незначительными. Нижеследующая таблица, взятая нами из статьи выгнанного за вольнодумство бывшего флотского офицера, скажет об этом красноречивее. Между прочим, главная мысль этой статьи была такая: обладание колониями невыгодно для Японии, торговля с ними дает меньше, чем торговля с независимыми от Японии странами, а, следовательно, империализм, милитаризм и маринизм бессмысленны и вредны.

Вот эта таблица (данные за 1920 г.).

	Ввоз в Японию.	Вывоз из Японии.	Весь оборот.
	В т ы с я ч а х е н.		
Корея	169.381	143.112	312.493
Формоза	181.816	112.041	292.857
Квантун	196.863	113.686	310.549
Итого	547.060	368.839	915.899

Для сравнения автор статьи сообщает одновременные данные о торговых оборотах Японии с другими странами. Они равнялись для С. Ш. А. — 1438 миллионам, 587 миллионам — для Индии и 330 миллионам — для Англии. О Южном Сахалине автор статьи говорит там же, как о приносящем казне чистый убыток.

Ко времени появления цитируемой статьи население Кореи было приблизительно 17½ миллионов, следовательно, на душу приходилось там в год японских товаров всего лишь на сумму около 8½ ен, что, конечно, очень мало. Что касается Формозы, то сравнительно высокая цифра вывоза туда из Японии объясняется в значительной степени большим ввозом туда оборудования сахарных заводов, цемента для портовых работ, рельс и проводов для строящихся дорог и т. д. Кроме того, японцы вывозили туда в значительном количестве опиум.

Но бывший капитан 2-го ранга просто неверно поставил вопрос. Для «народного хозяйства» Японии, для казначейства, для плательщиков налога японское обладание Кореей и Формозой быть может, и, действительно, ничего хорошего дать не могло. Но оно давало, дает, и, вероятно, еще и впрямь будет давать, много выгод капиталистическим акулам Японии. Достаточно сказать, что Мицун является чуть ли не монополь-

ным хозяином формозского угля, владеет на Формозе огромными земельными площадями, участвует в тамошних сахарных предприятиях и т. д. Мицубиси имеет там тоже не малую долю. А в монопольном обладании Кореей кровно заинтересованы Ясуда, Окура, Асано, Мицубиси, Сумитомо и ряд купцов-сановников. Поскольку же заинтересованы эти великаны, постольку обладание Кореей и Формозой будет поддерживаться и финансирующейся у них мелкой капиталистической сошкой, которая может только радоваться тому, что, продавая в колониях свои спички, трубки, ситцы и прочее, она не встретит никаких конкурентов. Довольна и многотысячная масса японцев, питающаяся около административного аппарата колоний. Жестокость тамошнего режима устраивает их очень. Они избавлены от конкуренции с туземцами. Таким образом, интересы финансового капитала поддерживаются в колониях множеством питающихся от господских крох японских выходцев.

Остановимся теперь в отдельности на каждой из колоний.

Формоза (Тайван).

Трудно назвать другую страну, где бы все прелести империализма выступали так цинично, откровенно, так нагло, так бесспорно и наглядно, как на Формозе, — этом острове «красавице», как переводится слово «Формоза».

Вот, в самом сжатом виде, те принципы эксплуатации острова, которых придерживается тамошняя администрация.

Все работоспособное население пролетаризировать, все могущее давать доход отнять в пользу капиталистов Японии, в немогущих продавать свою рабочую силу развить пристрастие к наркотикам в интересах казны. Ту часть населения, которая обладает силой, но не хочет работать на капиталиста, истребить, а на освобождающихся землях поселить тех, кто может быть пригоден для эксплуатации.

Это вовсе не шарж, не преувеличение. Это ясно из того, что пишут о Формозе сами японцы.

Законы, существующие в Японии, на Формозе не признаются: они, видите ли, чересчур либеральны. За действия, не наказуемые в Японии, на Формозе сажают в тюрьму. Генерал-губернатор там царь и бог. Он законодатель, он исполнитель, он что угодно, а главное, он приказчик тех, кто распоряжается банками в Японии. Печать существует, но лишь постольку, поскольку она согласна млеть от восторга перед Японией, перед его высокопревосходительством генерал-губернатором и

перед его помощниками. Ее дело маленькое: хвалить и восхищаться.

Из конца в конец протянулась вдоль острова колючая проволока. Это ограждения против непокорных горцев. По проволоке идет ток высокого напряжения. В «стратегических пунктах» стоят пушки, — все против тех же горцев. Военные летчики обучаются на Формозе бомбометанию на «боевой практике»: истребляют горские деревни. Это не в виде отщипки за набеги, как у англичан в Индии и Месопотамии, нет, это просто система «воспитания». Впрочем, иногда мероприятия разнообразятся: ловят туземных вождей, везут их в Японию и там показывают «пулеметы, пушки, всякие «чудеса современной техники», словом, внушают страх божий, потом возвращают невольных путешественников в их родные места, чтобы они запугали других.

Китайское население держат на положении бесправного стада. Учителя ходят в туземные школы с саблями у пояса и с погонями на плечах. Для детей японцев существуют отдельные школы: они, ведь, представители господствующей нации. Смешанные браки были до сих пор воспрещены. Унижения покоренных возведены в систему. Иностранцы свидетели по возможности на остров не допускаются, и внешний мир может знать о Формозе лишь то, о чем благоугодно рассказывать хозяевам острова. Но даже им нечего рассказать хорошего. По крайней мере, все то, что написано здесь, взято из японских же источников.

И еще один штрих. Формозское казначейство держится на опиной монополии, а надежды на дальнейшее развитие острова связаны, между прочим, с культивированием дерева кока, из которого добывается кокаин. Субсидии за счет японского трудового народа участвуют, конечно, и в этом деле, ибо субсидии, бесконечные, многообразные субсидии — это самое характерное в экономической политике генерал-губернаторства.

Цель его существования, этого генерал-губернаторства — цель обладания Формозой — дать наживаться разным Мицун и Мицубиси, наживаться как за счет японцев, обязанных покрывать расходы на субсидии, так и за счет самих формозцев, которые за 40 сен в день обязаны работать на предприятиях магнатов капитала, а сколько времени работать, о том знает генерал-губернатор. Ибо законодатель там он, а не японский парламент.

Такова общая картина. Теперь приступим к детализации. Начнем с географии.

Формоза, или Тайвань, как его называют и японцы, и китайцы, расположена по обе стороны тропика Рака. Он проходит приблизительно через середину острова. Длина Формозы около 450 верст, ширина верст до 200. По площади (35 тысяч кв. км.) она приблизительно равна Голландии. Климат, конечно, очень теплый: даже на севере средняя температура января около 16° Ц., а на юге даже 19° Ц. Бананы, ананасы и другие тропические фрукты растут свободно. Рис сеется и жнётся два раза в год. Кроме того, остров дает много чая (на севере) и тростникового сахара (на юге). Лесов до недавнего времени было очень много, их много и теперь. Они состоят из камфарного дерева, тун и других ценных пород. За последнее время стали насаживать тиковое дерево, чтобы сделать Японию независимой от ввоза его извне.

По своей природе восточная часть Формозы резко отличается от западной. На востоке — высокие горы (до 4260 метров), леса, обрывистый берег над глубоким морем; очень мало удобных для земледелия долин. На западе — равнина, хорошее орошение, бесконечные поля, развитое земледелие и скотоводство, много хороших дорог. Берег здесь пологий, море мелкое. Между Формозой и Фуцзяньским (китайским) берегом находится укрепленные Пескадорские острова.

Значительную часть населения восточной части Формозы составляют малайцы, живущие очень первобытной жизнью. Их насчитывается тысяч до 85 *). Но это не один народ. Они разделяются на 672 рода, частью враждебные друг другу. Как и на Борнео, молодой человек считает своим долгом подарить невесте череп собственноручно убитого врага. Но это еще не все, что требуется от жениха. Много ему приходится перенести мытарств, прежде чем удостоиться стать мужем. Пережитки матриархата еще очень сильны на Формозе. Общего языка у этих родов нет. Очень возможно, что и по своему происхождению они отличаются друг от друга. По крайней мере японские исследователи считают, что среди них имеется по меньшей мере девять разных этнических групп. Указанные выше средства воздействия на этих туземцев оказались довольно успешными. Есть сведения, что теперь осталось только около 120 таких родов, которые еще подлежат воспитанию при помощи бомбометания. Остальные же выразили покорность и их земли частью уже захвачены, частью намечены под план-

*) 85 т. по «Japan Year Book»; по газетным же сведениям — свыше 110 тысяч.

тации японских магнатов. Так, Мицун получил 30 тысяч десятин, другой финансист около 10 тысяч.

Жители западной части по преимуществу китайцы. Их предки поселились здесь лет 300 тому назад. Китайцев насчитывается до 3.800.000 человек, не считая являющихся с материка на временные заработки. Последние приезжают, главным образом, из района города Амоя (или из Сямыня, в пекинском чтении), находящегося в южной части провинции Фуцзянь. Некоторые из этих новых пришельцев принимают японское подданство и, вернувшись потом на родину, становятся грозой окружающих: их опасно трогать, — они под защитой своей новой «родины». Вот именно они-то и являются орудием японской политики в сфере японского влияния в Фуцзяни (до нее от Формозы — 100—150 верст). Но что касается тех китайцев, для которых Формоза является родиной, то их отношение к японской власти далеко не благожелательное. Мы к этому еще вернемся.

Японское население Формозы невелико: всего лишь около 200 тысяч. Служащие, солдаты, полицейские, предприниматели, спекулянты, проститутки, содержатели притонов, армейские поставщики, коммерческие агенты, железнодорожники, мастера — вот состав японского населения. Земледельцев же среди них почти нет. Огромное большинство японцев живет в западной части острова.

С тех пор, как остров попал в руки японцев (это было в 1895 году), его железнодорожная сеть увеличилась значительно. Теперь там около 700 верст казенных дорог общего пользования и 1500 верст частных, обслуживающих, главным образом, сахарные заводы и плантации. С тех же пор начали оборудовать и порты, хотя они и по сейчас оставляют желать лучшего. Тайванский берег, вообще говоря, почти везде прямой и удобных естественных гаваней почти нет.

Другие крупные работы ведутся в целях урегулирования рек, быстро пересыхающих в сухую пору и превращающихся в дико ревущие потоки после дождей. Устройство обширных водоемов и приведение в порядок орошения полей ведется на Формозе в связи с не менее обширными электротехническими работами. Между прочим, общая тенденция к монополизации определенно выступает и здесь. Нужно думать, что хозяйкой окажется здесь фирма Мицубиси.

Но даже в своем нынешнем виде, при плохой оросительной системе, количество риса, добываемого на Формозе, огромно. Оно выражается в 5 миллионов коку. Это — $\frac{1}{12}$ — $\frac{1}{11}$ часть того, что добывается в самой Японии. Вся же продук-

ция одного только сельского хозяйства (не включая лесного) оценивается на Формозе в 200 миллионов ен. Сюда входит, между прочим, и чай, несравненно более хороший на европейский вкус, чем японский. Он находит себе сбыт в Америке, на Яве и даже в Китае. Что касается сахара, то сбор его на Формозе с единицы площади в 3 с лишним раза меньше, чем на недалекой отсюда Яве. Если, тем не менее, сахарная промышленность на Формозе развилась и развивается, то это исключительно лишь благодаря всемерной заботливости японского правительства. Сахарозаводчикам отпускается кредит под низкий процент, перевозящие сахар пароходы субсидируются, имеются премии, а таможенники Японии делают свое дело исправно. В конце концов получается то, что японцы вынуждены покупать свой собственный дорогой сахар, а не дешевый явайский, а сахарозаводчики, которые вечно стонут и жалуются на скверные времена, выплачивают, несмотря ни на что, своим акционерам по 10% годовых. А не будь у них такого заботливого правительства, они не могли бы выплатить и одного процента. Они бы просто разорились.

Горное дело на Формозе имеет некоторое значение. Угля добывается миллионов на 8, да золота на 1 миллион ен. Кроме того, добывается медь, серебро и еще кое-что, но все это, кроме угля и золота, в малых размерах. Концерна Мицун имеет в горном деле Формозы решительный перевес над всеми остальными.

Торговля Формозы имеет нездоровый характер. Опиум занимает в ней слишком заметное место. Вот уже 30 лет, как местная администрация «решила покончить с этим злом», но потом «снизошла к привычным наркотикам», выдала им соответствующие разрешения на приобретение яда и, «воспротивившись курению всем остальным», заявила, что объявление опиумной монополии «ничего общего со стремлением получать доходы не имеет».

Но не то климат уж такой на Формозе, не то другое что-то, только привычные наркотики оказались удивительно живучими. Сколько уже времени прошло, а о заметном уменьшении их численности что-то не слышно. А тем временем казна продолжает получать опиумные доходы, хотя и «не хочет» этого.

Кстати сказать, бюджет Формозы, как и Кореи, отделен от японского. Он устанавливается генерал-губернатором и после утверждения японским правительством проводится в жизнь. Мнения японского парламента не спрашивают. Имелся он 112 миллионами ен в 1921 году, но теперь уменьшился до 90 миллионов.

Не спрашивают мнения японского парламента в финансовых делах, но спрашивают зато мнения самих формозцев. Видите, сколь либеральным и прогрессивным японские правители. Ведь подумать только: в колонии самоуправление устроили!

Но здесь нужна одна очень важная поправка. Дело в том, что знаменитые «самоуправления» существуют лишь в воображении авторов справочников, рассчитанных на иностранного читателя. Формозские «самоуправленцы» ничем решительно не управляют, а лишь отвечают на превосходительные вопросы, — отвечают либо «да», либо «нет», при чем и на их «да» и на их «нет» превосходительное лицо может не обращать решительно никакого внимания. Это раз. Во-вторых, выбирает этих горе-советчиков не народ и даже не буржуазия, а тот же самый превосходительный господин, к которому они будут приставлены, а утверждает их еще более высокое начальство. Это два. И это еще не все, — есть и третье: советчики не получают жалования, а это значит, само собой разумеется, что они должны быть из богатых. А так как богачей среди формозцев мало, то вот и получается, что советчиками оказываются обычно одни и те же люди, чередующиеся через два года. Вот и все это «самоуправление»!

Фактически, значит, Формозой правит бюрократия и, нужно добавить, такая бюрократия, которая и в Японии то рассматривается, как «несколько излишняя бюрократическая». Зато во всех справочниках о ней говорят, как об идеально честной. У нас нет данных, чтобы проверить это мнение. Но мы слышали, что на Формозе существует любопытный обычай: визитные карточки, с которыми тамошние купцы являются к своим чиновным господам, делаются иногда не из бумаги, а из золота и иногда довольно толстого, увесистого. Но ведь это же взятка! Нет — это визитные карточки.

Японцы хвастаются, будто, не в пример прочим захватчикам, они все более и более сглаживают разницу между правовым положением жителей коренной Японии и жителями колоний. Быть может, в отношении жителей Рюкю (их около полумиллиона) это и верно, но что касается китайцев Формозы и корейцев, то в японских заявлениях позволительно усомниться. Разве не наивность такая, например, фраза: «Стремясь к сглажению разницы между жителями Японии и жителями колоний, правительство в 1920 году реорганизовало административную систему в тайванском генерал-губернаторстве: в настоящее время там созданы губернии почти по образцу японских». С таким же успехом царское правительство могло

бы похвастаться введением на окраинах института приставов и исправников.

Впрочем, нужно отдать справедливость царскому режиму. Он все-таки был по отношению к инородцам более либерален, чем императорское японское. Вам покажется это невероятным. Однако, вот один факт, факт маленький, но именно потому, что он маленький, гораздо более разъясняющий, чем все многосленные и многообразные словоблудия японских газетчиков, из числа прикармливаемых при колониальных администраторах, которые хотели создать впечатление, будто слухи о либеральном повороте в японской колониальной политике действительно обоснованы. Вот этот факт.

В последних числах 1925 года, т. е. через пять лет после «поворота» японской политики и через 30 лет после присоединения Формозы, газеты всей Японии с немалым шумом и восклицаниями поведали удивленному миру о том, что в один из кадетских корпусов в Японии подал прошение юноша формозец (китаец) и, мало того, что его, вероятно, примут.

Почему же, спрашивается, поднят такой шум из-за выведенного яйца? Ведь даже в царской России о принятии поляка, чеченца, бурята, грузина и т. д. не только в корпус, но и в военную академию не загнулась бы ни одна самая паршивая газета. Ведь, даже в царской России было сколько угодно и офицеров, и генералов из инородцев, как были инородцы и в прокуратуре, в полиции, в акцизе, в роли профессоров, врачей и т. д.?

Но Япония, оказывается не доросла и до царского либерализма. Тот молодой формозец, о котором раскудachtалась японская пресса, был первым в своем роде, первым рискнувшим подать такое прошение. До него на это никто не решался, а если бы и решился, то, конечно, получил бы самый грубый отказ.

Мы нарочно привели для иллюстрации этот наиболее ярко бросающийся своею абсурдностью факт. Но при желании и возможности мы могли бы заполнить сходными фактами целый том. Впрочем, хватит и этого одного. Он достаточно выясняет, чего стоят все эти пустые разговоры о якобы подготовляющемся уравнивании в правах японцев и не японцев.

В основе политики на Формозе лежит отдача острова на поток и разграбление монополистическим акулам Японии *). Что же может вырасти на подобном базисе, кроме того, что уже выросло и что может быть сформулировано, как возведенное в

*) Напомним хотя бы о передаче Мишубиси крестьянских рощ. Об этом было в главе о Мишубиси.

систему унижение? Ну, как иначе назвать то, например, что на 153 тысячи японского гражданского населения Формозы (в 1919 году) было 128 начальных школ, а на 3.544.167 китайцев было всего 410 школ, но гораздо худших по оборудованию, по программе и т. д. Правда, для них существовало еще около 300 так называемых «домашних школ», но это уже нечто совсем средневековое. Но даже включая их, мы получим одну школу на 5.000 населения. Ведь это значит, что лишь очень немногие из китайских ребят школьного возраста получают начальное образование. А для японских детей оно обязательно в течение 6-ти лет. Так проводится граница между господствующей и подчиненной расой.

Отметим попутно, что на соседних Филиппинах, принадлежащих Соединенным Штатам Америки, которые никто, конечно, не заподозрит в отсутствии империалистических стремлений, школа посещается более, чем половиной ребят школьного возраста и что там как никак существует что-то вроде настоящего самоуправления. Там есть две палаты, есть оппозиционная пресса, есть носители власти из туземцев и т. д. Конечно, все это стоит очень дешево, но в японских владениях нет и этого, дешевого. А между тем, японцы владеют Формозой почти столько же времени, сколько американцы Филиппинами: даже дольше. Интересно еще отметить, что вооруженное движение против американцев выражалось на Филиппинах лишь в виде отдельных выступлений, а на Формозе антияпонское движение остается сильным все время. Заслуживает внимания и то, что при населении в три раза большем, Филиппины удерживаются в подчинении таким же количеством войск, какое японцы держат на Формозе *).

Мы не хотим сказать этим, что американский империализм не так уж плох. Мы хотим сказать только то, что японский империализм еще злее, еще непереносимее, еще гаже, чем американский.

Как же относится к японской власти китайское население Формозы? Да так, как этого следовало ожидать. В начале, когда управление было целиком и полностью в руках военщины, население еще кое-как терпело. Военные были грубы, жест-

*) Справедливость требует отметить, что американцы имеют возможность противопоставлять одно племя другому, членов одной расы членам другой и вообще проводить политику «разделяй и властвуй». Японцы же на Формозе противопоставлены одной китайской нации (если не считать горцев) и лишь с трудом могли бы следовать принципам такой политики, как американская.

ки. Но гражданские власти, явившиеся позже, оказались еще хуже, чем патриархально-мыслящие военные. С 1907 года начались отдельные вооруженные выступления, продолжавшиеся с тех пор без перерыва. Как отвечала на это японская власть, лучше всего скажут следующие цифры. По делу о нападении 500 человек на правительственные учреждения Северной Формозы и убийстве 51 японца (это было в 1915 году), было привлечено 1.413 человек, из которых 866 было приговорено к виселице. Правда, потом, в связи с придворными событиями, последовало смягчение наказания, но эти цифры говорят все же достаточно красноречиво.

Это восстание было ответом на то безобразное земельное хищение, которое дало столько новых источников легкого дохода для Мицуй, Мицубиси и проч. крупных захватчиков. Это был ответ разоренных людей своим разорителям.

Но восстание, конечно, не облегчило положения формозцев, и движение, то разгораясь, то ослабевая, уже не прекращалось. Как водится, оно объясняется то вездесущей «большевистской пропагандой», то происками «кантонских интриганов», то, наконец, влиянием корейцев, а иногда и «закулисными махинациями американцев». Короче говоря, все виноваты и все плохи, одни только японские администраторы удивительно хороши, беспристрастны, полны забот о вверенном населении и всепрощающи. Трудно придумать что-нибудь более глупое, чем те рассказы, которые распространяются о «большевистских кознях» (чего, например, стоит рассказ о корейских рыбачьих лодках, импортирующих московскую литературу на Формозу!), но еще труднее додуматься до чего-нибудь еще более пошлого, чем то, что рассказывается о японских «заботах» о Корее. Особенно мерзки были те сказочки, которые печатались в связи с путешествием на Формозу регента в 1923 году. Это был рекорд колониального лганья и благочестивой пошлости. Одного только нельзя было понять: кто кого обманывает и зачем обманывает. Это памятное путешествие закончилось тогда массовыми арестами пытавшихся подать регенту петиции-жалобы.

Нужно, впрочем, сказать, что формозское движение, судя по японским данным, менее радикально, чем корейское. Влияние буржуазной интеллигенции в нем сильнее. Разговоры о мирном разрешении накопившихся противоречий чаще. Мечты о введении самоуправления, о представительстве в парламенте, об уничтожении законодательных функций генерал-губернатора и об уравнивании в правах все еще слышались доволь-

но часто. Кроме того, формозское движение характерно еще своим китайским патриотизмом.

Впрочем, поскольку информация о положении на Формозе крайне ограничена и односторонняя, делать окончательные выводы не приходится.

В заключение несколько слов о прошлом Формозы—Тайвана.

Как это ни странно, Формоза, повидимому, очень долго не была известна китайцам вовсе. Они знали Филиппины, знали Борнео, Яву, и Целебес, знали Индию и даже Аравию и Африку, знали, наконец, о существовании Рима, а о Формозе или вовсе не знали, или если и знали, то во всяком случае, не упоминали о ней приблизительно до XV века нашей эры.

Заселение ее китайцами началось в сущности уже после появления в Тихом океане европейцев. Одне время он был в руках голландцев, которые, однако, были вытнаны отсюда жителями Амоя, во главе которых стоял знаменитый в истории Китая «пират» Коксинга (как его звали европейцы). Этот полуяпонец, полукитаец и христианин по религии был последним из руководителей борьбы китайцев против захватчиков-маньчжур (в середине XVII века). Но когда сопротивление на материке сделалось уже невозможным, Коксинга и его соратники удалились на Формозу, где основали свое собственное, феодального типа государство, продержавшееся почти до конца века, когда формозцев склонили признать власть маньчжур. Однако, впоследствии восстания не раз вспыхивали на Формозе. Бывали они и в XIX веке, впрямь до самого конца господства там Китая (1895 год).

Но как ни тяжел был для переселенцев мандаринский режим, режим просвещенных японских капиталистов и их лакеев оказался еще хуже. По крайней мере, теперь старое время вспоминается формозцами с чувством сожаления и горечи.

Что касается до-китайского периода, когда на Формозе жили только малайцы, то о нем не сохранилось никаких данных *).

*) В русской литературе о Формозе нет, насколько мы знаем, ни одного цельного труда. Однако, автору известно, что бывший секретарь Пекинской миссии Дальневосточной Республики тов. Миллер в свое время лично изучал этот интереснейший остров. Ему удавалось проникать даже в такие дебри восточной части острова, куда японцам было опасно являться. Поделится ли он печатно своими сведениями с советскими читателями, нам неизвестно.

Корея.

Русская литература о Корее гораздо богаче, чем посвященная Формозе; имеется, например, обширная монография об этой стране, написанная проф. Кюнером, имеется солидный том, изданный б. министерством финансов и много отдельных работ военного ведомства, а из новых работ можно указать популярную книжку, написанную Н. Ким, «Под гнетом японского империализма». Есть и другие издания. Поэтому, отсылая интересующихся этой страной к специальным изда-

За преступление, караемое в Японии арестом, в Корее еще недавно полагалась порка.

ниям, мы остановимся лишь на тех сторонах жизни Кореи, которые имеют более или менее близкое отношение к нашей основной теме, — к теме о Японии.

Как читатель уже вероятно заметил из нашего краткого обзора прошлого Японии, сношения заселивших Японию и Корею племен начались задолго до того времени, когда летописцы обеих стран начали записывать события. Более того, есть много оснований полагать, что племена, создавшие японское государство, и те племена, которые положили основание государствам Южной Кореи, имели общих предков, вышедших откуда-то с юга, — оттуда же, откуда заселялись острова Океании. Некоторые полагают, что их общая прародина находилась

где-нибудь в Южном Китае или Индо-Китае. Поселившись в Корее, эти южные выходцы смешались с тунгузскими племенами и, выделив впоследствии новую волну переселения, заселили будущую провинцию Идзумо в Японии. Вместе с племенем Ямато они к началу нашей эры образовали основной стержень японской нации. Еще позже, приблизительно в V и VI веках, корейцы в значительном количестве оседали в Японии, где вместе с китайцами образовали довольно заметную часть городского населения, впоследствии вполне слившуюся со старояпонским. Эти корейцы сыграли очень важную роль в период приобщения Японии к китайской культуре.

Такова была роль Кореи в древний период истории Японии. Теперь обратимся к самой Корее *).

Начало истории Кореи, как любил выражаться в старину, покрыто мраком неизвестности. Хуже того, о древнем прошлом ее имеется много повествований у китайцев, повествований, частью просто вздорных и нелепых, которые кое-как были связаны в одно целое корейскими «историками», приведены в систему и легли в основу горделивой легенды о, якобы, значительной древности корейской истории. Но более критически настроенные люди давно уже отбросили эти сказочки, которые именно из-за своей систематизированности менее пригодны в качестве материала для изучения корейской до-истории, чем сказки просто, и начали вести хронологию Кореи приблизительно с начала нашей эры. Но на вполне прочную почву мы становимся в изучении корейского прошлого лишь с IV—V веков нашей эры, когда сложились в Корее те государства, о которых упоминается в связи с историей Японии. Одно из них занимало Северную Корею и простиралось далеко на запад, захватывая значительную часть Маньчжурии и имея столицу в Мукдене, другие находились на юге. Северное государство было по населению тунгузским.

При Суйской династии (581—618 г.г.) в Китае, где кратковременное правление было прелюдией к правлению династии Тан, Корея стала целью китайских захватчиков. Но Суй не сумел осуществить поставленной себе задачи, оставив «честь» завоевания Кореи Танам. Однако, Корея и при знаменитом завоевателе Тай-цзуне сумела отстоять свою независимость. Лишь при его преемнике задача была осуществлена, и в конце VII-го века все государства Кореи стали частями двух китайских провинций. По данным китайской истории, это завоевание уве-

*) Рассказанное здесь основано на предположениях, которые, конечно, могут быть оспариваемы.

личило население Китайской империи на 1.417.000 семейств (домохозяйств), т.-е., вероятно, на 7—7½ миллионов жителей (теперь в Корее около 18 милл. ж., но нужно иметь в виду, что тогда Южная Маньчжурия рассматривалась как часть Кореи). Как мы уже говорили, Танское завоевание Кореи совпало по времени с китаизацией Японии и с началом ее вполне достоверной истории.

В течение следующих 500—600 лет связь Японии с Кореей не отмечена фактами крупного значения. Зато в XIII веке Корея, которая только что стала вассалом монгольского великого хана, выдвигается как поставщица главной массы вооруженной силы, дважды бросавшейся против Японии Хубилаем. Как мы уже отметили выше, оба эти похода окончились дешево доставшимся торжеством японцев, которым помогли против навадавших слепые силы стихий. Тем не менее японцы и по сей день любят щегольнуть тем, что их родина, дескать, «никогда не была осквернена иноземным нашествием».

Господство в Корее монгол имело для нее те же последствия, что и для России: Корея после развала Монгольской империи объединилась и вошла в союз с Китаем, который она теоретически признала своим сюзереном. Этот период (с XIV века) отмечен в ней увеличением значения торгового класса и частыми набегами японских пиратов, увенчанным которых был знаменитый поход Хидеёси (1592—98 г.г.) Судя по тому, что японцы многому выучились во время пребывания в Корее, в частности искусству печатания не досками, а разборным прифтом, Корея той эпохи во всяком случае не отставала от Японии. Но политически Корея была сравнительно слабой, и естественно ей пришлось признать над собой верховную власть маньчжур, которые овладели ею в 1627—37 годах, т.-е. несколько ранее, чем Китаем (Китаем в 1644 году).

Последние столетия отмечены в Корее усиливавшимся гнетом купца, чиновника и помещика и растущим закабалением масс. Экономически более слабая, чем соседний Китай, Корея той эпохи (XVII, XVIII и большая часть XIX веков) была страшной отшельницей в еще большей степени, чем Япония, и регулирование внешней торговли было в Корее еще строже. Так, в очерке истории Китая Ли Юн-бина рассказывается, что всякий китайский торговец, который почему-либо задерживался в Корее после окончания срока пограничных ярмарок, рисковал попасть за это под топор корейского палача. С Японией через Фузан велась небольшая торговля, тоже тщательно контролируемая. С европейцами торговля не велась вовсе. Между Ки-

таем и Кореей была устроена нейтральная зона, искусственно обезлюженная, превращенная в обиталище зверей *).

Тем временем гнет в Корее рос и в конце концов создались условия, благоприятствовавшие взрыву. Нужен был только толчок. И этот толчок был произведен извне. Повторилось то же, что было в Японии (экспедиция Перри) и в Китае (опийнная война 1839—42 годов). Но на этот раз он исходил не из Европы, а из азиатской же страны,—из Японии.

В 1868 году Япония предлагает Корее отдаться под ее защиту. Предлагает это в самой бестактной форме. Корея, конечно, отказывается, при чем «оскорбляет Японию» как «изменившую старым конфуцианским идеалам, завещанным предками». Япония, сама едва оперившаяся, отвечает в 1875 году морской демонстрацией в порту близ корейской столицы Сеула и открывает Корею для внешней торговли. За Японией добиваются права торговли Британия и С. Ш. А. Подписываются договоры, в которых Корея выступает, как независимое государство. Но, как уже сказано, Китай считал Корею своим вассалом. Китай оскорблен. Китай, сам объект активности империалистов, жстит. Он аннексирует нейтральную зону и начинает делать то, чего до тех пор не делал: вмешивается во внутреннюю жизнь Кореи. Против этого восстает Япония, которая тщетно протестует, ибо она еще слишком слаба, чтобы силой настоять на своем.

Таким образом, Корея оказывается не прямой, а косвенной жертвой насилия Запада. Запад обрушивается на Китай и Японию, а Китай и Япония на Корею.

В Корее начинается борьба партий, т. наз. «прогрессивной», а в сущности японофильской и «консервативной», китаефильской, с бывшим регентом и королевой-матерью во главе. Происходит обычная в таких случаях вещь (как позже, во время боксеров, в Китае)—страдающая от растущего гнета масса усматривает своего главного врага в иностранцах и устраивает японский погром. Это происходит в 1882 году. Японский посланник и его помощники едва-едва уносят ноги. Когда японцы возвращаются, чтобы расквитаться, они застают Сеульский порт занятым китайскими войсками. Выжить китайцев они не в состоянии; но зато добиваются контрибуции, извинения и права содержать вооруженную стражу в корейской столице.

*) О том, насколько строга была изоляция Кореи, свидетельствуют описания очевидца Гончарова (см. «Фрегат Паллада»). Конечно, этот высшей степени самонадеянный и нечуткий барин не увидел за всем тем, чему ему пришлось быть свидетелем, ничего кроме «азиатской тупости».

Этот прецедент используется китайцами, которые тоже вводят в Сеул свой гарнизон.

В 1884 году в Сеуле происходит восстание, тайными руководителями которого были японцы. Министры китаефилы убиты. Королева тоже. Китайцы отвечают тем же, и руками корейцев сжигают японское посольство. Японцам опять приходится спасаться бегством. Японии все же удается добиться, по Тяньцзинскому договору, чтобы Китай вывел из Кореи свои войска. Правда, и ей самой приходится сделать то же. Кроме того, Япония получает контрибуцию. Однако, главе японофильской партии приходится бежать, бежать только для того, чтобы найти насильственную смерть в Шанхае. Япония, конечно, не успокаивается; ведь, не надо забывать, что 80-е годы были временем экономического роста Японии, временем ее первоначальной индустриализации. Но решительное столкновение затягивается до 90-х годов.

Здесь нам необходимо вернуться немного назад,—к 1859 г.

Под влиянием тех слабых струек извне, которые просачивались в Корею даже в период ее изоляции, нараставшее народное недовольство нашло себе идеологическое отражение в возникшей тогда секте «Восточное учение» (Тонхок по-корейски, Тогаку по-японски или Дунсю по-китайски), комбинации различных вероучений, в том числе и «Западного учения» (Сигаку), т. е. католицизма, которое начало проповедываться в Корее с 1836 г. В 1894 году последователи секты организовались в отряды и настолько окрепли, что заняли главный город одной из областей. Чувствуя себя беспомощным, корейское правительство пригласило на помощь китайские войска. Китайцы пришли и тем нарушили Тяньцзинское соглашение. Японцы воспользовались этим, ввели свои войска. Китайцы в ответ добавили свои силы. Япония тоже добавила. Началось соперничество в усилении гарнизонов.

В июне японцев было уже больше, чем китайцев (первые были южнее Сеула, вторые севернее его), и Япония сочла возможным поднять вопрос о «реорганизации корейского правительства», т. е., конкретно говоря, об укреплении японского влияния за счет китайского. Китай, конечно, протестовал и довел дело до открытого разрыва.

Началась японо-китайская война.

Эта война (1894—95 г.г.), привела к окончательному «принятию» Японии в семью цивилизованных народов, послужила сигналом к империалистической деятельности в Китае и противопоставила Японию России,—куда более опасного соперника, чем

ослабевший Китай. Последнее обстоятельство заставило Японию уменьшить свои аппетиты, начать искать союзников на Западе и приняться за подготовку к войне с империей Романовых. О захвате Кореи думать пока не приходилось.

Захват этот удался лишь после разгрома в Маньчжурии и под Цусимой российской вооруженной силы, а окончательно оформить его Японии удалось лишь 5-ю годами позже, когда и англичане, и американцы дали на это свое молчаливое согласие.

Корея стала японской колонией, колонией несравненно большей по размерам, чем Формоза и в 5 раз с лишним более населенной,—колонией, которая обеспечивает Японии ее фактическое господство в Южной Маньчжурии и является великим мостом, ведущим в Китай. Корея—эта база для всякого дальнейшего материкового расширения, которое без обладания ею в данных условиях вряд ли вообще мыслима. Нам нужно, поэтому, хотя бы бегло ознакомиться с географией Кореи.

Корея может быть разделена на неравные части—материковую, меньшую, и большую—полуостровную. В этом отношении она подобна Италии, которую она напоминает также тем, что материковая ее часть отделена от соседней Маньчжурии горами, гораздо более низкими, однако, чем Альпы. Высшая точка их поднимается всего до 2480 метров (Монблан в Альпах—4810 м., вдвое выше). Но значительная часть границы Маньчжурии и Кореи проходит по местам, не затрудняющим передвижение из одной страны в другую. Здесь граница проходит по реке Ялу-цзян, а севернее границей с Маньчжурией и Советским Союзом является река Тумынь.

Полуостровная часть Кореи расположена южнее Закавказья и Италии, материковая же соответствует по широте Армении и черноморскому побережью Малой Азии. Корея в целом соответствует по широте также главному острову Японии. Но климат Кореи почти везде суровее, чем в соответствующих местах Японии и, тем более, чем в средиземноморских странах. В Сеуле, например, морозы доходят иногда до 20 градусов Цельсия, а в г. Пхеньяне, близ Маньчжурии, даже до 27, морозы бывают и на крайнем юге. От заморозков на севере полуостровной части страны (на широте Сицилии) совершенно свободны только 6 месяцев в году, на юге же—4 (на широте Туниса). Еще суровее материковая часть Кореи, где близ нашей границы средняя январская температура такая же, как в центральной России, а местами даже ниже.

Вся площадь Кореи равна приблизительно 218 тыс. кв. км., следовательно, приблизительно равна итальянской без остро-

вов (площадь Италии с островами 287 т. кв. км.), но вдвое меньше украинской (447 т. кв. км.). Если вспомнить, что в Украинской республике живет на сплошь равнинной местности 26 миллионов человек, то 18-миллионное население во многих местах гористой Кореи нельзя не считать относительно очень густым.

Огромная часть населения Кореи—земледельцы, среди которых японцы представляют собой нечто вроде белых воров. Не ради занятий земледелием едут они в Корею из своей «перенаселенной родины». Вот данные о распределении японского населения в Корее. Всех японцев, по сведениям 1922 года, было в Корее 368 тыс. (в два раза меньше, чем в г. Кобе, и в 7 раз меньше, чем в Осака). Из них 17% приходилось на Сеул, где японцы составляли $\frac{1}{4}$ всего населения и 13%—на 7 других главных городов Кореи. В одном из них, а именно в Фузане, корейцы лишь на немного превосходят числом японцев; в остальных же японцы в 1922 г. составляли от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ городского населения. Что касается японцев, живущих вне главных городов (кстати, крупным является среди них только Сеул, где число жителей приближается к 300 тысячам, в Фузане живет всего 63 т., в трех других между 40 и 63 тысячами, а в остальных население меньше 30 тыс.), то процент одних полицейских и жандармов равен приблизительно 5%, не считая членов их семейств. Кроме того, много железнодорожников, включая сюда носильщиков, сторожей и уборщиков, много государственных служащих, купцов, приказчиков и т. д. На долю проституток приходится около 2—3%. Много также служащих в компаниях, занятых легализированной экспроприацией корейских земель. Что касается крестьян-японцев, то, если не считать мнимых земледельцев, а фактически просто земельных спекулянтов, то их процент окажется почти таким же, как процент проституток (считая одних хозяев) и ниже, чем процент полицейских.

Таковы факты. Значит, объяснять завоевание Кореи потребностью в расселении излишнего земледельческого населения Японии можно не с большим основанием, чем перенаселением публичных домов или перепроизводством городских.

Японец в Корее—это служащий монополистической фирмы, это—администратор, городской, проститутка, спекулянт и затем тот рабочий, который поставлен в извечно благоприятные по сравнению с корейцем условия, дабы эти благоприятные условия озлобляли против него корейцев, заставляли его боль-

ше ценить свое японское происхождение, связывали его в одну шайку с городским и спекулянтским всем мастей и масштабов, до Мицун включительно, словом, для того, чтобы сделать его винтиком японского аппарата угнетения.

Японский рикша, задыхающийся после пятиверстного пробега и готовящийся к преждевременной смерти от расширения аорты, получает право стоять ближе к вокзалу, чем рикша корейский. Благодаря этому, он, тратя на жизнь столько же, сколько тратит кореец, сможет скопить себе на похороны, чего кореец не сможет. Японская проститутка, благодаря заботам японского единокровного ей начальства, сможет залечить свой сифилис, тогда как кореянке придется переживать мучительные годы, когда у нее будет проваливаться нос. Японский безработный, которого били на улицах Осаки, Кобе и Токио, почувствует себя царем и богом в корейской деревне, когда, поступив в полицейские, будет получать там жалованье, вполне достаточное, чтобы не умереть с семьей от голода. А все они, полицейский, рикша и прочие, примут участие в корейском погроме, когда погром понадобится для утверждения и укрепления в Корее могущества господ Сумитомо, Ивасаки, Асано, Окура и его величества, микадо. А старец Сайондзи, высокопоставленные родственники Ивасаки, божественный «отец народа» и прочие будут негодовать и возмущаться действиями «непросвещенной черни», декламировать о том, что японцы-де и корейцы братья, и будут жертвовать одну сотую своих доходов с Кореи в пользу пострадавших.

Вот, вкратце суть японского управления в Корее. Интересующихся подробностями отсылаем к книжке Н. Кима, а тем, кого смущает корейская фамилия автора (между прочим, чрезвычайно объективного), предложим обратиться к любому из японских справочников, в том числе и написанном на английском языке, т.е. специально рассчитанным на иностранное потребление. Тот, кто хоть немного умеет читать между строчками, тот и в этих справочниках не найдет ни одного показания в пользу пресловутых «благодетелей Кореи».

Поскольку, как мы уже указывали, о Корее написано на русском языке достаточно много, мы ограничимся в дальнейшем изложении краткими выводами и отдельными штрихами, беря за основу именно одно из таких, рассчитанных на иностранных читателей, издание («Japan Year Book»). В целях объективности оставим даже порядок изложения нашего источника и, воздержавшись от толкований, предоставим читателю самому продумать цифры и факты.

Земледелие. Площадь под рисом около 1500 тысяч гектар., под остальными злаками 2,800 тысяч. Рисовые, т.е. лучшие земли скуплены японцами, в руках крестьян только $\frac{1}{3}$ рисовых земель. Остальные $\frac{2}{3}$ обрабатываются арендаторами землевладельцев, из которых крупнейший — японская капиталистическая организация, именуемая Восточным Колонизационным Обществом. Кредитуется оно у «защитницы» всех угнетенных, — у Америки, а главное его занятие — отчуждение по дешевке корейских земель. Производимый корейцами рис продается в Японию. Вместо него в Корею ввозится маньчжурское просо, которое по своему вкусу таково, что в Китае его плохо ели, даже в период острой нужды во времена сокращенных пайков. Производство наиболее ценного продукта женьшеня (чрезвычайно ценимое китайцами лекарственное растение) корейцам воспрещено. Теперь это госуд. монополия. Производимый табак может быть продан также только в казну, как монополизировавшую его изготовление.

Скотоводство развито на севере. Большая часть скота вывозится в Японию. Он скупается дешево, но в Японии продается дорого.

Горные промыслы находятся в руках Кухара, Окура, Мицун, дочерних фирм Мицун и т.д. Железной руды в 1919 г. добыто свыше полумиллиона тонн, и вся она целиком была приобретена казной. Кроме железа, добывается не в очень значительном количестве уголь, вольфрам, молибден и золото. Все это теперь в руках японцев. Корейцы в этом деле участия не принимают; британские концессионеры (золота) вытесняются. Развитие горной промышленности происходит замедленным темпом.

Морские промыслы. 272 тысячи корейских рыбаков добывают на 25 миллионов ен, а 73 тысячи японских в Корее — на 27 миллионов. Японцы поставлены в привилегированное положение.

Промышленность почти целиком в руках японцев, которым вложено в предприятия в Корее около 120 миллионов ен (в 1919 г.). Кожевенные, кирпичные, лесопильные, рисоочистительные, черепичные и винокуренные заводы и электростанции — это почти все, что имеется в Корее. Продукты корейского ремесла успешно вытесняются фабричными товарами из Японии, при чем это происходит не только в силу конкуренции, но и из-за прямых нажимов администрации. Так, последняя вела борьбу с изготовлением маленьких корейских трубок; польза от этой борьбы была двойная: заработали японские

фабриканты больших трубок, и заработала правительственная табачная монополия, так как у курильщиков стало выходить больше табака.

Внешняя торговля. Бобы, горох, хлопок, а главное рис составляют по цене настолько значительную часть вывоза, что остальное, кроме только быков, кож и рыбы, почти не заслуживает внимания. Вывоз характерен, как типичный для стран, экспортирующих от бедности, а не от избытка; рис — лучший пример, — в Корее он доступен лишь редким счастливым. Ввоз характерен решительным преобладанием средств потребления. Многие товары, ввозимые в Корею, не-японского происхождения, в отношении их японцы являются лишь перекупщиками. Товары фабричного происхождения почти без исключения японские. Роль англичан ничтожна, С. Ш. А. ввозят, гл. обр., керосин, Китай (Маньчжурия) — просо. Ввоз из других стран еще ничтожнее, чем английский.

Банковское дело целиком в руках японцев. Деятельность банков, в том числе и полуказенного Цйосен Гинко, характерна своим авантюристским характером.

Сберегательные кассы. В Японии число вкладчиков относится к числу жителей приблизительно как 2 к 1, в Корее, как 18 к 1. Общая сумма вкладов в Японии около 1.000 миллионов, в Корее 26 миллионов.

Бюджет. Из 157 миллионов ен в 1921—22 израсходовано на тюрьмы 7,1 миллионов ен (в царской России в 1913 г. 37 милл. при населении в 10 раз большем), на управление генерал-губернатора (наместника) 6,7, на народное образование 1,2 миллиона (в России в 1913 г. — 137 милл. р.), на содержание семьи бывшего короля (мать которого японцы отравили) — 1,8 м. ен. Налог с крестьян в среднем по 10 ен с семьи при среднем землевладении на семью 0,7 гектаров. Так называемые поступления с государственной собственности есть, гл. обр., арендная плата за ту землю, которая была 15 лет тому назад крестьянской, а теперь стала казенной.

Зарплата, как правило, для корейцев на 20—25% ниже, чем для занимающихся тем же делом японцев.

Железные дороги. В январе 1924 г. в Корее было около 1800 километров железных дорог (в Италии 15940). Кроме того, было около 550 килом. узкоколеек. Увеличение длины железнодорожной сети за все время фактического владычества японцев (с 1906 года) выразилось в 970 километров, или по 49 километров в год, т. е. приблизительно по 46½ верст. Железнодорожной связи между севером и югом нет: правда,

дорога строится, но строится уже 12 лет и еще неизвестно, когда достроится. Расположение путей характерно: они идут от границы Маньчжурии к портам, близким к Японии. Поперечная дорога только одна (Сеул-Гензан и немного далее).

Школы. На 370 тысяч японского населения Кореи приходится 380 школ, 1340 учителей и 43 тысячи учеников. На 17 миллионов (в 1920 году) корейцев — 426 школ, 2314 учителей и 77 тысяч учеников. Правда, есть еще частные корейские школы; их 809 всего, из которых 323 миссионерских (устроенных американцами и другими). По позднейшим данным, не официальным, а газетным, число школ в Корее, правительственных, частных и миссионерских, не 1235, как выходит по приведенным здесь данным, а всего только 667. Кто прав, кто врет, нам отсюда не видно.

В заключение еще одна справка из японских данных. Присоединение Кореи обошлось японцам не без жертв. Было убито 127 японцев и 252 было ранено. Что касается корейцев, то с их стороны было убито 14.566 человек, а раненых — равных — неизвестно. Повидимому их «не было вовсе».

Нам негде здесь развернуть полную картину положения вещей в Корее, но это, пожалуй, и не столь необходимо, ибо даже то немногое, что приведено выше, и что, повторяем, взято из источника, предназначенного японцами для чтения иностранцев, дает, в сущности, полную картину хозяйничанья японцев в порабощенной ими Корее. Можно ли придумать что-нибудь еще более яркое для иллюстрации классических колониальных прав? Нам кажется, что даже в Африке, во владениях французов и бельгийцев, прославившихся своим папачеством, было не хуже. А чтобы не было сомнений, приведем еще один факт, о котором японцы официально не сообщали, но отрицать который не стали, ибо отрицать его было бы уж слишком глупо.

Это было во время мартовского освободительного движения в 1919 году. Одна подозрительная христианская деревня была занята взводом карательного отряда. Никаких явных провинностей за нею не числилось, но командиру взвода захотелось уничтожить крамолу в зародыше. Он поступил до нельзя просто. Приказал собраться христианам в церковь, заставил их войти тяжелыми предметами и поджог. Все собравшиеся погибли в огне, а поручик, побыв под следствием, получил... повышение по службе.

Нам следовало бы рассказать еще о тех реформах, которые после движения 1920 года были проведены в Корее. Но у нас слишком мало места, чтобы браться за перечисление много-

численных реформ, из которых о каждой пришлось бы писать подробно, с разъяснениями. Нельзя же оставлять без разъяснения такую, например, важную реформу, как хотя бы уничтожение жандармерии и замена ее обыкновенной полицией. А то русский читатель, пожалуй, вообразит еще, что бывший жандарм, который сбросил мундир верблюжьего цвета и одел черный, остался таким же жандармом, каким был раньше. Но вот бывший начальник гражданского управления Кореи, Арийоси, тот самый, который так вежливо обошелся с забастовщиками в Кобе, говорит, что переодевание мундиров сыграло колоссальную роль в формировании экс-жандармских характеров, а так как Арийоси славится своим либерализмом даже среди деятелей культурно-мыслящих профсоюзов, то нам остается принять его слова к сведению.

А об остальных великих реформах пришлось бы говорить еще подробнее, ибо ценность их понятна только избранным и тем, кто писания этих избранных внимательно читал. Мы тоже читали их, но забыли, а перечитывать — дело трудное и мешкотное. Так или иначе, реформы были проведены. Женитьба корейца на японке уже не считается больше нарушением законов империи; пороть корейца теперь можно только неофициально; вывоз корейцев на работы в Японию перестал считаться противозаконным; жандармы получили новые костюмы, а в казенных газетах стали из дня в день появляться необычайной сладости писания чиновных лиц, до наместника включительно.

Тем не менее, корейцы, как свидетельствует, например, японская газета «Иомиури», очень далеки от ожидавшихся с их стороны восторгов. Реформы адмирала Сайто они не считают даже за подобие реформ. Партия примирения с Японией попрежнему насчитывает не больше членов, чем имеется корейских служащих в японской полиции. Так называемые «бессмысленные» идеи находят все больше и больше сторонников, а среди «бессмысленно-мыслящих» число мыслящих наиболее «бессмысленно» растет скорее, чем число более умеренных. Виноваты во всем, как оказывается, «московские агенты» да еще то, что корейцы «не могут понять японской искренности». Очевидно, с этим непониманием необходима борьба, а борьба эта мыслится «либеральной» «Иомиури» в форме возвращения к старым приемам господства. А что касается менее либеральных, чем «Иомиури», то о них и говорить нечего. Вообще говоря, среди японцев до недавнего времени не было вовсе таких людей, которые были бы в отношении

Кореи либеральны хотя бы настолько, насколько кадеты были либеральны в отношении Польши. Больше того, если бы японское правительство стало относиться к корейцам хотя бы так, как Романовы относились к инородцам России, кроме разве евреев, то это был бы несомненный шаг вперед. Огромный шаг! Даже в отношении евреев Россия была либеральнее, чем Япония в отношении корейцев: ибо Россия додумалась и до погромов, и до черты оседлости, и до всех прочих ограничений, которые официально или неофициально существуют для корейцев в Японии, но до одного не додумалась — не додумалась до систематического истребления еврейской буржуазии, как буржуазии. А в Японии и до этого додумались. Там существуют приемы, иногда явные и прямые, иногда скрытые, косвенные, которые имеют совершенно определенную цель, — цель разорения богатых корейцев в пользу их японских конкурентов. В этом направлении проделано уже очень много.

Чтобы не быть голословным, назовем некоторые из этих приемов. Они заключаются, например, в официальном контроле за расходованием частных средств богатых корейцев, в скупке земель окружающих корейское землевладение и в лишении последнего необходимой для риса воды, в неустановке телефонов, которые являются монополией власти, в задержке деловых телеграмм, адресованных корейцам и т. д.

В систематической экспроприации корейской буржуазии и нужно искать причину того, что в Корее почти не замечается того явления, которое бросается в глаза в Индии, на Яве и во многих других колониальных странах и которое заключается в измене туземной буржуазии своему народу. Этого почти нет в Корее по той простой причине, что эта туземная буржуазия самым бесцеремонным образом обезбуржуазивается. Изменниками остается быть, значит, только прохвостам из охраны и мелким служащим. Но они заменить буржуазный элемент не могут, а потому японцам приходится опираться не на них, а на своих собственных эмигрантов. Но мы об этом уже говорили.

Впрочем, политика «разделяй и властвуй» имеет место и в Корее. Но для этого используется не туземная буржуазия, а, наоборот, наиболее обиженная часть населения. Это такая же группа, такое же сословие, какое в Японии называется ета, т. е. мясники, кожевники и прочие занимающиеся «нечистым» трудом. Как далеко пошло в этом отношении дело японцев, нам к сожалению неизвестно. Другим элементом для использования избраны христиане, которых раньше преследовали, а

теперь издумали приласкать, предварительно поссорив их с американскими и иными благодетелями. Но все же это, как кажется, было пока мало действительным.

«Пролетаризирование нации», как можно охарактеризовать японскую систему в Корее, и является одной из важнейших причин того, что чисто националистическое движение продолжает иметь самостоятельное революционное значение, тогда как в других колониальных странах оно начинает приобретать явно реакционный и антипролетарский характер (на Яве, в Индии, в Гуандуне), хотя там пролетариат относительно не сильнее, чем в Корее. Но в общем и целом к этому все же идет, ибо старая система управления Кореей перестает быть действительной. Что это так, об этом свидетельствует начавшееся с 1922 года сближение пролетариата Японии с пролетариатом Кореи, рост их солидарности.

Не нужно, однако, переоценивать значения этого сближения. Семимильными шагами оно не идет. Доверия корейцев японским рабочим еще не завоевано вполне. Этому помешал сентябрьский погром в 1923 году, погром, который был спровоцирован военными властями, приказом, распустившим слух о якобы начавшихся антияпонских выступлениях корейцев, натравивших на корейских рабочих японскую «чернь» и затем устроивших так, что физические виновники не понесли даже видимости наказания.

Взаимная антипатия между выселившимися в Японию корейцами и японскими чернорабочими, т.е. наименее сознательными, наименее организованными пролетариями Японии, все еще очень сильна. Они — конкуренты. А лучше организованные, более сознательные не являются конкурентами корейских иммигрантов, и, естественно, последние могут смотреть на высказываемые к себе симпатии, как на нечто весьма несущественное.

Так или иначе, сближение рабочих обеих национальностей хотя и медленно, но происходит, и, что самое важное, оно отмечено рядом фактов в пределах самой Кореи, где, например, бывали случаи, когда к забастовкам корейцев присоединялись японцы, которых для того ведь только и брали в Корею, чтобы они блюли там хозяйские интересы.

1920 год и 1925-ый, даже 1924-ый были в этом отношении непохожи друг на друга. А поскольку это так, японцам придется искать новых путей или ждать от Кореи неприятных сюрпризов.

Сумеет ли Япония изменить свою тактику, или она дождется того, что в Корее создастся звено, соединяющее полыхающий пламенем революции Китай со стоящей на критической грани рабочей Японией, — это узнают, вероятно, даже те, кто имеет немало лет и чувствует себя стариком.

Другие колонии и области японской эмиграции.

Кроме Формозы и Кореи, под властью Японии находятся Южный Сахалин, Квантун и «мандатные острова». Квантуна мы коснемся в следующей главе, в связи с Китаем вообще, что же касается Сахалина и мандатных островов, то самое существенное о них уже сообщено в географическом обзоре. Здесь достаточно будет прибавить, что все те пустые рассказы, в которых описывались необычайные, якобы, успехи, достигнутые японцами на Сахалине, основаны не столько на фактах, сколько на японском самохвальстве и на цифрах, приводя которые, авторы не дали себе труда снабдить соответствующими сравнениями. Читатель может убедиться в этом, ознакомившись с данными, имеющимися в книге О. Плетнера «Япония». Кое-что на Сахалине, конечно, сделано. Кое-какой прогресс заметен, но, чтобы он был уже так непомерно велик, в этом приходится сильно сомневаться. Во всяком случае, для японской казны Сахалин убыточен, население увеличивается чрезвычайно медленно, большая часть площади попрежнему не используется, лесные пожары попрежнему свирепствуют, хищническое хозяйство продолжается, железные дороги не строятся, вид городов неуютный, непривлекательный, здания абсолютно не приспособлены к климату, короче говоря, Сахалин выиграл лишь по сравнению с тем временем, когда он был каторжной колонией.

От того времени на острове сохранилось несколько десятков русских семейств, принявших японское подданство. Но большинство поселенцев выселилось в 1905 году в Приморье. Из тех же, кто был оставлен при отходе русских войск в тюрьмах (большая часть арестантов вступила в дружины и была освобождена от наказания) живым не оставили никого: их перебили, как опасных людей, занявшие остров японские войска. Так просто — вывели, заставили выкопать себе могилы и срубили саблями головы, потом закопали и пошли дальше. Об этом, насколько нам известно, в русской литературе ничего не писалось (факт взят нами из японского журнала, изд. 1911 года, название его исчезло из памяти).

О «мандатных островах» мы не можем привести каких-нибудь иных данных, кроме уже приводившихся у О. Плетнера. В текущей прессе сведения о них крайне скудны.

Перейдем к местам, куда японцы выселяются или точнее — выселялись раньше, ибо теперь для их колонизации открыты лишь Китай, Бразилия, да немногие другие страны.

Гавайские острова являются в этом отношении наиболее интересными. Это, еще 30 лет тому назад независимое королевство, было аннексировано С. Ш. А. самым наглым образом, даже без подведения под захват каких-либо «индейных» норм, и скоро превратилось в источник обогащения американских сахарозаводчиков. Гавайское население почти не эксплуатировалось ими. Причиной тому были не какие-либо сантименты, а просто-напросто катастрофическое вымирание туземцев. Теперь их по крайней мере в 10 раз меньше, чем 100 лет назад (см. об этом Доливо-Добровольского «Тихоокеанские проблемы»). Понадобились привозные рабочие руки. Их доставали из Португалии, из Китая, из Филиппин, из республик латинской Америки, в течение некоторого времени из русского Дальнего Востока и, наконец, из Японии. Гаваи стали местом невольного сближения очень многих народов, частью смешивающихся теперь друг с другом. Немало там и русских. Что касается японцев, то к чести их нужно сказать, они явились на Гавайях чуть ли не наиболее активными в борьбе за интересы Труда. Это и беспокойство американцев за целостность Гаваев, как за крайне важный стратегический пункт, создало враждебность к японцам хозяев страны (между прочим, одной из прекраснейших в мире, не знающей ни сильной жары, ни холода, вечно цветущей и благоухающей. Ее называют «земным раем», лучшим уголком Тихого океана, уступающим лишь Таити).

Гавайские японцы не вполне сохранили свою самобытность, влияние американской культуры сказалось на них сильно.

То же можно сказать о японцах в Калифорнии, куда теперь японцам путь заказан окончательно.

Из других тихоокеанских островов сравнительно большое количество японцев имеется на Новой Каледонии, бывшей каторжной колонии французов. Присутствие там японцев было не раз темой глупых статей в человеконенавистнической прессе.

Еще больше истерики было по поводу японских жителей Четверговых островов, расположенных между Австралией и Новой Гвинеей. И это понятно. Работая там в качестве иска-

телей жемчуга, они позволяли себе нарушать пищеварение «рабочего» премьера Хьюза «неумеренными» требованиями. А после Хьюза они повели себя так, что им пригрозили австралийскими демократическими пушками. После этого поднялся очередной вой о «тайных замыслах» Японии, о «японских резервистах» и о тому подобных, рассчитанных на одурачивание читателей, пустяках.

В пределах Америки японская колонизация была наиболее интенсивной в Калифорнии, которая от этого выиграла довольно много, многому научилась у японцев, а затем выгнала их, заставив за бесценок распродать культивированные ими участки. Бразилия имеет около 40 тысяч японского населения, сельско-хозяйственных рабочих, мелких фермеров, торговцев и т. д. Благодаря им японские товары нашли себе рынок в этой отдаленной от Японии стране. В отличие от будущей «расовую чистоту» Аргентины, многорасовая Бразилия относилась до сих пор к японцам вполне благожелательно. Эмиграция в Бразилию поддерживается японским правительством официально.

О японцах в Китае достаточно сказать, что они группируются, гл. обр., вдоль Ю.-М. ж. д., в Шаньдуне (это та провинция, полуостровная часть которой выступает далеко к востоку) и в Фуцзяни, т.-е. там, где открыто или скрыто проявляется японское влияние. Их роль в основном сходна с ролью японцев в Корее, но, конечно, в значительно смягченном виде. Кроме того, много японцев живет в Шанхае, где они составляют большинство не-китайского населения иностранного селтльмента. Но в отличие от англичан и американцев, они занимаются не только «почтенными» занятиями (а таковыми, по взгляду тамошних европейцев, являются в области применения мускульной энергии только спорт и избивание китайцев), но и «низкими». Среди них много, например, прачек.

Японцы десятками и сотнями, редко тысячами, встречаются и в других странах, гл. обр., на Яве, в Мексике, Индо-Китае, на Филиппинах и т. д. Сенсационные рассказы обычно заставляют видеть в них либо «резервистов», либо «шпионов», либо «офицеров генерального штаба». До известной степени это, конечно, так, но чаще слоны рассказов вырастают из самых маленьких мушек. Иногда подобные слоны перелезают и в нашу литературу: так, например, произошло в нескольких описаниях Японии в том их месте, где говорится о японцах в Снаме. 3 тысячи японцев были превращены в грозные 3 миллиона, содержатели притонов (ибо больше некого было) в

стратегов, а роль резервистов, очевидно, пришлось взять на себя жертвам притоносодержателей.

В общем японские иммигранты весьма немногочисленны. Много их только в Китае, на Гавайях, и в Калифорнии. Но, например, русские во всех странах, где имеются японские иммигранты, не менее многочисленны; бросающееся в глаза исключение составляют лишь Гавайи, где русских сравнительно мало. Но русский, немец, француз и т. д. незаметен где-нибудь среди чилийцев или жителей Южной Бразилии, японец же бросается в глаза и его видят. Остальное дополняет репортерская фантазия. Всего вне Японии живет, включая сюда Китай, не более 600—700 тысяч японцев. По сравнению с итальянской, немецкой, польской, русской, норвежской и даже литовской эмиграцией—это чрезвычайно мало.

Земледельцы-фермеры среди японских эмигрантов не составляют сколько-нибудь заметного процента. Исключение лишь Бразилия, а прежде была Калифорния. На Гавайях же японцы являются наемными рабочими, а не фермерами.

Еще два слова о местах, куда вывозится японский капитал. Этими местами являются, помимо колоний и Китая, Индо-Китай, как Французский, так и, гл. обр., Британский, где японцы имеют тиковые рощи и каучуковые плантации, острова Индонезии, куда японцы в одно каучуковое дело вложили до 70 миллионов, и отчасти в другие страны, например, в Британскую Восточную Африку (фирма Судзуки), в Перу (золото и дерево кока), в Мексику и т. д. *).

Кстати о Мексике. Мексика соседка С. Ш. А. и естественно склонна видеть в Японии то же самое, что Китай видит в С. Ш. А.—т. е. возможную свою защитницу. Так же естественно, что в глазах американских рыцарей желтой прессы Япония должна быть таинственной силой, которая проделывает все то, что в соответствующих случаях полагается делать. И забавно бывает читать, что японцы и американцы пишут друг о друге и о мексиканцах!

Так, по самоевоейшим «научным» данным японцев, мексиканцы оказались ближайшими родственниками японцев. Соответствующие «исторические изыскания» обнаружили даже, что некогда между страной Майя (Юкатаном) и Дальним Востоком шла торговля, обмен послами, подарками и т. д. Даже письменность, якобы, была приблизительно одинаковой. Все это, плюс стратегия, в общем истолковывалось в том смысле.

* По последним данным, японские каучуковые плантации в Брис-Борнео и в других местах проданы англичанам (май 1926).

что мексиканцам полезнее покупать японские товары, чем американские и что им выгоднее сдавать нефтяные месторождения японцам, хотя бы японцы платили меньше.

Американцы антропологическими и историческими изысканиями не интересовались, но стратегическим соображениям внимание посвящали усиленное. Им, наконец, удалось открыть, что в Нижней (Мексиканской) Калифорнии японцы устраивают против штатов и Панама морскую базу (в бухте Мадлены) и снабжают мексиканцев оружием. «Резервисты», «шпионы» и «генштабисты» тоже, конечно, фигурировали в изобилии.

А американские читатели верили. «Общественное мнение» формировалось. В результате Мексику, стоящую перед С. Ш. А. на задних лапках, удалось заставить ослабить свою ново-вспыхнувшую любовь к новооткрытым заокеанским братьям.

Япония в 1926 году.

Удовлетворительный урожай риса, хороший спрос на шелк в Соединенных Штатах, успех на рынках Индии и вообще на юге — все это привело к некоторому улучшению в экономике Японии. Известная стабилизация, надолго ли—это другой вопрос, налицо. Оптимисты надеются, что, начиная уже с этого года, Япония вновь после многих лет, характеризовавшихся отрицательным балансом торговли, окажется в состоянии продавать на сумму, не меньшую, чем она покупает.

Улучшившееся положение имело результатом укрепление положения правительства, увеличение его активности, как внутри страны, так и в области внешней политики, в частности китайской, и усиление классовой борьбы, отмеченное ростом реформизма, с одной стороны, и левого крыла—с другой. Но этого мы уже коснулись в главе о рабочем движении. Поэтому здесь остановимся, главным образом, на других сторонах жизни Японии. Начнем с борьбы партий.

Как известно, полномочия нынешнего состава нижней палаты истекают лишь в 1928 году, а это значит, что вошедший в мае 1925 года закон о «всеобщем» избирательном праве остается пока лишь на бумаге. Иначе станет вопрос, если палата будет распущена раньше срока. Закончившаяся 51-я парламентская сессия протекала при оригинальных условиях,—при отсутствии абсолютного большинства как у правящей, так и у обеих оппозиционных партий. Каждая из них, грубо подсчитывая, имела около $\frac{1}{3}$ мест. В связи с отсутствием у них ясно очерченных программ, это способствовало росту интриг, тайных сговоров и прочих махинаций, в которых то Кенсейкай выступал против слияния Сейюкай с Сейюхонто, то Сейюкай старался помешать сближению Сейюхонто с Кенсейкаем. Помимо этого были сговоры, махинации и прочее и с мелкими парламентскими группами.

Рассказывать здесь обо всем этом подробно нет смысла. Достаточно сказать, что страх перед 9 миллионами новых избирателей заставляет все три партии не доводить дела до роспуска. Такая политика была, значит, в интересах каждой из пар-

тий, но она была полезна и отдельным членам партий, ибо досрочный роспуск сильно бьет депутатов по карману. Дело в том, что депутаты истратили во время последних выборов на добычу голосов в среднем по 50 тыс. ен (а некоторые и целых 200 тыс. и больше) и еще не успели как следует присоединиться к казенному пирогу *).

Отсюда проистекала осторожность партий, их боязнь решительных действий. Избыток депутатской энергии находил себе исход в ругани, потасовках, копании в чужом грязном белье, пьяных скандалах и вообще во всем том, что освещено японской парламентской традицией. Во время этих склок обнаружилось не мало мерзости (например, плутни военщины во время интервенции у нас, тайные подачки за счет нации фирме Мицубиси и другие крупные и мелкие пакости). Тем не менее, когда выяснилось, что грешны в той или иной степени все, тон взаимной брани был сбавлен, и сессия закончилась благополучно.

Кенсейкай с Вакацуки, новым лидером (он же премьер), во главе, остался у власти, несмотря на отсутствие у него парламентского большинства. Като к этому времени умер (это было в конце января). Для партии это было крупной потерей, ибо со смертью Като ослабела живая связь с финансирующей партию фирмой Мицубиси. Однако, политика партии осталась в общем неизменной. Она заключалась в делании демократической мины, в подхватывании и проведении в жизнь тех выбрасываемых оппозицией лозунгов, которые оказывались по сердцу избирателям и в «бисмарковской» системе реформ, о которых мы имели случай говорить.

Тем временем на сцену выступила новая партия, соглашательская Номин Родото, о которой мы уже подробно рассказали, и еще одна—партия Гото-Цуруми.

Называя ее так, мы довольно точно определяем ее состав. Дело в том, что в сущности Гото да Цуруми и составляют новую партию, ибо о других членах пока что почти не слышно. Но они, несомненно, будут, а почему будут—дело простое. Как уже знает читатель, все японские партии выросли вокруг определенных лиц, но вокруг таких лиц, у которых был либо презренный металл, либо очень прочное положение в бюрократии. Гото является в этом отношении идеальным персонажем: у него, как у бывшего начальника гражданского управления Формозы и бывшего министра внутренних дел, бюро-

*) Здесь мы опираемся на авторитет г. Цуруми, зятя известного Гото.

кратические связи огромны, а к тому же он имеет связи с фирмой Судзуки, одной из 7—8 крупнейших фирм Японии. Что касается Цуруми, то это зять Гото.

Нужно прибавить, что Гото потратил не мало сил на то, чтобы привлечь к себе сердца юного поколения, от бойскаутов до зрелого студенчества. Кроме того, он отличается способностью понравиться всем и каждому: одним своей программой индустриализации страны, другим — речами о необходимости обеспечить сырьевой тыл, третьим — «дружбой» к СССР, четвертым — почтением к историческим традициям и любовью к армии.

Газеты сомневаются в возможности для Гото осуществить свои нескрываемые ни перед кем мечты. Однако, мы знаем, ведь, что Кийоуре, положение которого было в некотором отношении труднее, задача создания «собственной партии» удалась.

Заговорив о Гото, мы мимоходом коснулись внешней политики, которая в последнее время вновь стала активнее. В частности, она выразилась в усиленном железнодорожном строительстве на материке. Этот весьма конкретный, осязаемый факт заслуживает, по нашему мнению, большего внимания, чем участие Японии в борьбе китайских сатрапов. Ведь о степени этого участия можно говорить лишь с известной долей гадательности, тогда как здесь картина совершенно ясная, никаких сомнений не возбуждающая. К чему она сводится?

Она сводится к тому, что после многих лет строительного затишья Япония принимается за спешное строительство линии Таонань-Цицикар, идущей параллельно Хингану и перпендикулярно к К. В. ж. д., а одновременно начинает тоже спешные работы по продолжению линии Чаньчунь—Гирин к корейской границе (официально Япония только финансирует, а не сама строит) и проводит ветку на юге. Достаточно взглянуть на карту Маньчжурии, чтобы понять, что в данном случае поставлена цель окончательного экономического и политического закрепления за собой Маньчжурии, подрыва значения К. В. ж. д. и обеспечения тыла возможного в будущем фронта по Хингану параллельной к нему линией ж. д. Таонань—Цицикар. И нужно добавить, она строится, или вернее достраивается, с совершенно небывалой быстротой.

Думать, что эта линия строится лишь по хозяйственным соображениям, было бы просто наивно.

Япония вновь показывает свои империалистические когти.

После всего сказанного о внутренней политике (в главе о рабочем движении) нам останется добавить немного. Но это не-

многое говорит об очень многом. Достаточно лишь перечислить некоторые из последних мероприятий. Комментарии окажутся, думается, ненужными.

Назовем, прежде всего, спешное рассмотрение законопроекта о мобилизации промышленности.

По этому законопроекту, не только заводы специального типа, но и все ресурсы страны, сырьевые, технические и рабочая сила, поступают в случае необходимости под контроль армии и флота.

Военизация высшей, средней и низшей школы—второе мероприятие, проведенное, кстати сказать, против воли учащихся. Эта военизация заключается не просто в введении предварительного обучения гимнастике и строю—это было и раньше,—а в том, что обучению военному делу отводится чуть ли не важнейшее место. При этом школьный инструктор, остающийся в списках армии, обязуется не только обучать, но и воспитывать учеников, прививая им патриотизм и т. п. вещи. Военное обучение вводится частично даже в женских гимназиях.

Третье мероприятие—циркулярное воспреещение студентам изучать социализм не только в стенах университета, но и на дому. Всякие организации в целях разбора социалистической литературы воспрещаются категорически.

Налеты на подозреваемых в коммунизме, беспричинные аресты на сутки и вновь на сутки, когда закончатся первые 24 часа, затем еще и еще на сутки—это четвертое мероприятие, проводимое «в строгом соответствии с законом о неприкосновенности личности», воспрещающем задержку без суда более чем на одни сутки.

Вот список, продолжать который нам не позволяет место, но продолжить его еще на пару другую страниц вполне возможно. А иллюстраций можно бы было привести еще больше. Мы ограничимся лишь двумя.

Первая—это путешествие Б. Пильняка, за которым ходила туча шпионов, старавшихся узнать, не занимается ли он... пропагандой большевизма и до того надоевших ему, что он буквально был измучен.

Другая—лекция профессора Спальвина, известного нашего знатока японской литературы, в обществе японо-русского литературного сближения. Ему удалось сказать лишь несколько вступительных слов. Когда же он дошел до фразы, содержащей страшное слово «коммунизм», его чуть чуть не арестовали. («В России коммунизм признан официально, а следо-

вательно, воспитание детей ведется в соответствии с его принципами» — вот приблизительный смысл этой напугавшей полицию фразы). Таким образом, лекция о советском воспитании была сорвана.

Конечно, вся эта полицейщина многого не сделает, — лишь разожжет любопытство и, в частности, приведет к более ходкой распродаже только что выпущенных на японском языке трудов Ленина.

Япония и Китай.

Корея и Формоза слишком не емки, как рынки и слишком малы, чтобы быть достаточным аграрным дополнением к индустриализирующейся Японии, и не они, а Китай был главным объектом империалистической политики «Страны Восходящего Солнца». Вот почему, говоря о японских колониях, необходимо хотя бы бегло сказать о Китае, — о том Китае, без существования которого немисливо было бы японское великодержавие.

Китай в тех его пределах, в каких он был до фактического отпадения Внешней Монголии и лучшей части Тибета, — это страна, которая лишь вдвое уступает по размерам Советскому Союзу (11,2 милл. кв. км.). Но если даже не включать в него только что названных окраин, он все же огромен, во всяком случае больше 7 милл. кв. км. (Сов. Союз — 21 милл. кв. км.). Огромна он и по количеству населения, численность которого, впрочем, неизвестна точно: иные источники определяют его в 450 милл., другие понижают эту цифру даже до 270. Так или иначе, по населению и размерам культурных его частей он не уступает Индии (325 милл. ж.), захват которой так возвеличил Англию.

Мечта японских империалистов — сделать Китай «японской Индией». Задача не из легких, но в 1915 году, когда были предъявлены знаменитые 21 требование, казавшаяся близкой к осуществлению. Однако, натиск 1915 года и последующих годов оказался, несмотря на противодействие Великобритании и Америки, не без крупных результатов. «Аренда» Ляодунского полуострова была продолжена на 99 лет. Япония получила молчаливое согласие Америки на свободу действий в Маньчжурии. Усилилось японское влияние в Пекине и в Северном Китае вообще, в Фуцзяни и в районах, производящих железо. И хотя Шаньдунь пришлось очистить (в 1922 году), Япония все же продолжает играть во внутренней жизни Китая чрезвычайно крупную роль. В последнее время эта роль скорее усиливается, чем слабеет. В частности, в Маньчжурии как раз в 1926 году Япония принялась за осуществление того, что она очень долго откладывала из-за разных помех. В этом отноше-

нии особенно показательна постройка новых железнодорожных линий, долженствующих крепче привязать Маньчжурию к Японии.

Однако, все имеющиеся данные заставляют думать, что самого необходимого для современного империалистического государства Китай дать Японии не может. Все решительно говорит за то, что ни коксующихся углей, ни железа, ни нефти в Китае в достаточном количестве не имеется. Есть в большом количестве только то, что необходимо для металлургии в качестве добавочных веществ. Это — вольфрам, молибден, марганец и другие металлы, которым суждено вывозиться туда, где есть железная руда. Смешно думать, чтобы, наоборот, железо шло к ним.

Не может (по крайней мере, в близком будущем) обеспечить Японию его великий сосед и текстильным сырьем. Не даст он ей, без предварительной сложной подготовительной работы и большой затраты капитала, и хлеба. Короче говоря, мечта о создании самодовлеющего хозяйственного единства из комбинации Японии, Кореи, Китая и вдобавок, если хотите, Индокитая, так мечтами и останутся.

К тому же Китай уже не приходится теперь рассматривать, как пассивный объект внешнего насилия. «Неподвижный» «сонный» Китай вообще никогда не существовал. А теперь, после событий 1922—26 годов, говорить о «неподвижном» Китае просто неумно.

Китай меняется резко и определенно.

Здесь будет уместно дать небольшой обзор китайского прошлого, чтобы обратить внимание читателя на некоторые факты, о которых у нас слишком мало говорят, вернее, не говорят вовсе.

Взгляд на прошлое Китая будет полезен еще и потому, что он даст возможность объединить в одно целое разбросанные в историческом обзоре замечания.

Историю Китая многие считают невообразимо скучной, не дающей ничего, кроме анекдотов о царях и царицах, великих людях, добродетельных сыновьях и злонамеренных злодеях. Но такой взгляд на китайскую историю просто неоснователен. Он — результат необработанности богатейшего сырого материала, еще ждущего своих исследователей, которые, конечно, смогут показать, что «скучная китайская история» захватывающе интересна своею необычайной сложностью. Пока же они еще не появились, мы можем говорить о китайском прошлом, лишь подходя к нему с точки зрения рабочей гипотезы.

Это история страны, находившейся в географических условиях, резко отличавшихся от европейских. В двух словах, они характеризуются отрезанностью от других культурных областей: отсутствием того, что давало Западному миру Средиземное море; соприкосновением на огромном протяжении со степью и таким направлением речных путей, которые способствовали передвижению продуктов прибавочного труда по радиусам к центру и от центра к периферии. Речные пути Европы вели от моря к морю и были приблизительно параллельны друг к другу. Здесь же они сходились в виде спиц колеса. «Ступицей» было среднее течение Янцзы. Были помимо этого и многие другие факторы, но мы не можем на них останавливаться.

Направление речных путей Китая, не способствуя развитию внешней торговли, привело зато к раннему развитию внутреннего обмена, т.е. к развитию предпосылок усиления значения купечества и среднего землевладения. За 250 лет до начала нашей эры произошло уже политическое объединение Северного и Среднего Китая и возникло самодержавие. Идеологические явления той эпохи, сродные эпохе европейского возрождения, ясно говорят о происходившем дворянском перевороте и о рождении торгового капитализма.

130—90 годы до н. э. — это эпоха огромных завоевательных войн, шедших по торговым путям. Господство Китая распространяется в ту пору на громадную территорию вплоть до Западного Туркестана. Эти войны по масштабу не уступали войнам Александра Македонского.

Но рост потребностей высших классов ведет к росту эксплуатации; к бегству крестьян и ремесленников на окраины; к усилению, в связи с этим, окраинных государств, созданных степняками; к нажиму с их стороны на собственно Китай; к увеличению значения и роли пограничных военачальников, превращающихся в порученных их заботам районах в новых феодалов, число вассалов которых растет по мере того, как на остающихся в центре накладываются все новые и новые повинности, а в конце концов, к гибели империи из-за внутреннего разложения. Это было в III в. н. э. Династия Хань гибнет. От дворянско-купеческого государства их остаются руины, на которых восстанавливается феодализм. Этот период движения вспять длится 3 столетия.

В конце VI века единство Китая восстанавливается вокруг нового центра. Китай опять быстро и решительно прогрессирует и достигает в VII и VIII веках высшего процветания при Танской династии, но опять испытывает те же процессы, что

и при Хань. Поднимается потом опять. Создает при Сунской династии (X—XIII века) законченные формы дворянско-купеческого государства и вновь становится жертвой как внутреннего разложения, так и осмелевших вследствие этого степняков. Краткое господство последних не было, однако, переподом сплошного регресса. Он пришел после, пришел тогда, когда сбросивший монгольское иго Китай заплатил за свою свободу потерей сухопутных связей с Западной Азией. Попытка заменить их океанскими оказалась неудачной. Внешний рынок сузился. Возродилось крупное землевладение феодального типа. Наступил новый 300-летний период регресса.

Таким образом, в Китае наблюдалось то же самое, что и несравненно меньшем масштабе знала тоже соседняя со степью Месопотамия, знала Византия, отчасти Польша: период решительного движения вперед, а за ними периоды отступления, возвращение к старым формам, к феодализму—чередование подъемов и спусков.

Минская империя сумела отбиться от натиска Хидейоси, но тление ее продолжалось. Она пала под ударами повстанцев. А за повстанцами пришли полуварвары — маньчжуры. Это было в 1644 году.

Период господства маньчжур не был регрессивным, как у нас почему-то принято думать. Наоборот, именно при маньчжурской династии Китай вступил на путь несомненного прогресса. Маньчжуры, явившись в Китай, быстро окитаились и превратились вместе со служилой частью коренных китайцев в новое дворянство, разделившее господство с купцами.

С конца XVII века Китайская империя непрерывно растет, растет совершенно определенно в интересах торгового класса. Монголия, Тибет, Восточный Туркестан завоевываются ради него. Это с полной ясностью показывают данные о торговле Китая с этими колониями, характер взаимоотношения с ними Пекина, религиозная политика пекинского правительства в колониях и все, что угодно. Достаточно сказать, что маньчжурская династия имела только убытки из-за чести господствовать в Монголии и Тибете, а купечество наживалось и очень сильно наживалось. Наживались и те, кто был хозяином земли.

Но вот, в конце XVIII века границы расширившейся империи упираются в новые границы новых владений англичан в Индии. Впервые за все время своего существования Китай оказывается соседом более могущественного, чем он, культурного государства (что касается России, то ее продвижение к

востоку было остановлено. Да к тому же Сибирь была в XVII веке дремучей окраиной). Это создает новые условия.

Англия начинает добиваться уничтожения крайне невыгодных для нее правил приморской торговли в Китае, но ей это не удается. Китай еще достаточно способен защищать свои интересы. Он не отказывается от ведения торговли, и эта торговля (в 30-х годах торговый оборот 10 милл. ф. ст., больше чем российский в начале XIX века) отнюдь не невыгодна для него. Он монополист в поставке на мировой рынок чая, почти монополист в торговле шелком, продает сахар, фарфор и другие ценные товары, а покупает то, что сам не изготавливает, гл. обр., шерстяные ткани. Китайский кустарь еще не знает разорения из-за конкуренции. Вместе с тем Китай имеет большие выгоды от торговли со своими колониями. Они компенсируют ему пассивность баланса торговли с Западом, когда такой баланс имеет место. Кроме того, он выгодно торгует с Японией, Кореей и Сибирью.

Но рано или поздно технический прогресс Запада должен был сказаться. К тому же сужение емкости европейского рынка после наполеоновских войн заставляло Англию искать новых рынков. Начинается «опийная» война 1839—42 г.г., и Китай терпит поражение. Он вынужден сделать Англии ряд существенных уступок. Он нужен Англии, как рынок; он нужнее ей, чем Япония, ибо открытие Японии для торговли сулит Англии гораздо меньше, чем открытие Китая. Японская торговля даже к 80-ым годам была ведь меньше, чем одна только легальная (т. е. не считая опиума) торговля Китая в начале XIX века.

Именно большее экономическое развитие Китая заставило на него, а не на Японию, направить усилия англичан и тех, кто пришел после англичан.

И опять-таки не отсталость Китая, а большее его развитие, сделало то, что назревшие социальные противоречия оказались в нем несравненно острее, чем в Японии.

Обе страны получили почти одновременно толчок извне. В обеих этот толчок ускорил протекавшие замедленным темпом процессы. В обеих началась революция. Но в Японии, где экономика была примитивнее, а социальные противоречия менее остры, которая к тому же меньше Китая и которая дальше от колониальных баз Англии, революция разрешилась сравнительно безболезненно. В Китае же тайпинское восстание (1850—63 г.г.), самое грандиозное в истории человечества восстание крестьян и ремесленников, принесло колоссальные ущербы хозяйству. Оно произошло по всем важнейшим торговым

путям. Оно нанесло страшный удар шелководству, добыванию сахара, чайному делу и фарфоровому производству, короче говоря, подорвало как раз те отрасли производства, которые позволяли Китаю вести выгодную для него внешнюю торговлю. Это означало, что в дальнейшем ему придется стать поставщиком грузов и дешевого сырья.

Конец тайпинского восстания слился с началом мусульманского, приведшего к разрыву торговых связей китайской метрополии с ее колониями. Это был новый удар; удар в том же направлении.

А тем временем оправившаяся Япония уже успела отчасти заменить Китай на шелковом рынке. А на шелке она, ведь, и строила всю свою торговлю до 90-х годов. На шелке кончила и на скопленное развивала другие отрасли хозяйства.

Тайпинское и мусульманское восстания имели еще одно косвенное последствие. Это перемещение направления торговых путей. Из по преимуществу меридиональных они превратились в широтные, что вело к распаду государства, к обеднению старого купечества, к экономическому господству портов над внутренними частями страны. А порты, естественно, попали в руки тех, кто был хозяином на море. Китайского оптовика вытеснил иноземный.

Начиная с 70-х годов, Китай наводняется иностранными товарами, но уже не теми, которые он сам не производил, а конкурирующими с производимыми в Китае. Это ведет к разорению китайского кустаря и к его превращению в люмпена. Одновременно относительно падает вывоз ценных продуктов сельского хозяйства и усиливается вывоз дешевого сырья, которое вывозится не от избытка, а потому, что из-за роста налогов приходится продавать. Происходит разорение деревни. Вырастают новые кадры люмпенов. Ко всему этому присоединяется рост налогов, обусловленных государственной задолженностью, контрибуциями и договорами о неподнятии пошлин. Разорение усиливается.

Так создавались предпосылки будущего государственного распада, предпосылки «дунцзюната», а косвенно и той гражданской войны, которая не затихла и поныне.

Вот вкратце те условия, которые способствовали тому, что Китай, стоявший выше Японии в экономическом и в других отношениях, оказался более отсталым.

Теперь наметился иной процесс, уже в пользу Китая. Но он протекает в условиях ярко обозначившейся в Китае актив-

ности не только рабочих, но и кое где организованных крестьянских масс. А это создает уже совсем иные условия дальнейшего развития.

Революция в Китае и Японии началась почти одновременно. В Японии она закончилась скоро и поставила во главе Японии монополистскую буржуазию с ее обычными союзниками. В Китае же затянулась до сих пор. Она, вероятно, еще не завтра кончится. Но буржуазия в Китае уже развенчана и уже не может быть руководительницей в борьбе.

Отстававшая от Китая Япония перегнала его. Очень может быть, что теперь очередь Китая перегнать Японию.

Указатель.

По техническим условиям, указатель пришлось сделать коротким, оставив лишь главное. Цифрами указаны страницы. Если перед меньшими числами стоят большие, то последние обозначают те страницы, на которых данный вопрос освещен полнее. Пометки, вроде 22-3, 338-9, нужно понимать, как от 22 до 23, от 338 до 339 включительно. Редко встречающиеся в книге географические названия выделены в особый указатель. Он ниже.

А.

- Аграрное движение — см. «Крестьянское».
- Агрессивность в Китае — 211, 391.
- Адамс — 127, 132, 161.
- Азбука (Капа) — 63, 71.
- Азиатский интернационал рабочих — 348.
- Айно — 18, 23, 27, 38, 139.
- Алексеев, профессор — 71.
- Амакасу, убийца анархистов — 143, 338.
- Аматерасу, божеств. прародительница — 36.
- Анархизм — 338-9.
- Англией сношения с — 159, 193.
- Англо-японский союз — 193, 208-10.
- Антологии — см. «Ман'юсю» и «Ко-кинсю».
- Аньдун — 22.
- Арбитраж в индустр. конфликтах — 350.
- Арийоси — 256, 336, 378.
- Аристократия — 49, 52, 73, 78, 80, 83, 91, 134, 152.
- Армия — 62, 103, 107, 186, 202, 209.
- Армстронг, фирма — 250.
- Арсеньев, исследователь — 31, 77.

- Асано, фирма — 274-5, 170, 202, 244, 262, 273, 305.
- Асикага, сйогун — 87-93, 52, 83, 96.
- Асикага Такаудзи — 51.
- Асио, медн. руд. — 265-6, 30.
- Ассигнации — см. «деньги».
- Ассоциация изуч. полит. вопросов — 349.
- Астон, японовед — 69, 70, 75.
- Астрономия — 93, 158.
- Атами — 30, 79.

Б.

- Бакуфу (правительство сйогунов) — 26, 79.
- Балланс — см. «Торговый», «Расчетный».
- Бива, озеро — 25.
- Боннинские острова (Огасавара) — 17, 29.
- Бохай, государство в Приморьи — 31, 43.
- Бразилия — 383.
- Бринкли, японовед — 37, 117, 127, 179, 182.
- Буддизм — 318-30, 42-7, 105, 143.
- Буддийский съезд 1925 г. — 329.
- Буддийских молодых людей общество — 329.

Будды статуи — 64, 70, 79, 181.
Буржуазия — 169, 170.
Бусидо — 84, 95, 98, 99, 110.
Бухарин — 221.
Бюджет госуд. — 185, 202, 209, 224, 288, 361.

В.

Вагакуся, ученые — 154, 176.
Вакацуки, премьер — 387.
Ван Ан-ши («китайский Ленин») — 48.
Ван Ян-мин, философ — 142-7.
Васеда, университет — 174, 340.
Ваяние — 64, 70.
Ввоза состав — 308-10.
Версальский договор — 15, 21.
Взаимоотношения с соседними странами — 7, 22-3, 31, 41-3, 125, 160-1 (см. также «кит. влияние», «войны с...», «языки» и «корейцы»).
Виккерс — 250.
Виленский — 12, 216.
Владивосток времен интервенции — 214-5.
Влияние внешнее — см. «китайское», «индийское», «западное».
Внешних сношений восприятие — см. «Изоляция».
Внешняя торговля — см. «Торговля».
Военизация школ — 389.
Войны с Китаем — 106-11, 56, 58, 92, 104, 193, 197, 203, 207, 255, 284, 370-1.
Войны с Россией — 56, 193, 208, 273, 276, 284.
Войтинский — 216.
Вольные города — 29, 86.
Вост. Колониз. Общество — 209, 375.
Воюющих государств период — 209, 375.
ВЦСПС делегация — 243, 345.
Вывоза состав — 308-10.

Г.

Гавани, острова в Тихом ок. — 15, 382.
Гендзи Моногатари, роман X в. — 75.
Геиро — 272, 170, 185, 224, 240, 267; см. «Мацуката», «Сайондзи», «Ямагата».
Го-Дайго-тенно — 51, 82, 87, 94.
Голландцы — 55, 111, 115, 125, 157, 160, 164, 366.
Головин, капитан 1-го ранга, автор — 159.
Гончаров, писатель — 113, 140, 164, 370.
Горное дело — 298-9, 257, 267, 361, 378.
Горнорабочие — 300.
Города — 25-30, 41, 55, 86.
Государ. строй при Токугава — 136-8.
Го-Сиракава-тенно — 67.
Гото Симпей, гос. деятель — 230, 336, 387.
Го-Тоба-тенно — 67, 80, 82.
Гребенщиков, проф. — 16, 17, 354.
Грубе, китаевед — 71, 146.
Гуам, амер. владение в Т. ок. — 16, 17, 354.
Гуандун, кит. провинция — 18, 106, 167.
Губернатор — 226.
Губернии 30 (см. «кен» или «фу»).

Д.

Дзегелет о-в (Мацусима) — 29.
Даймё (феодалы) — 29, 83-8, 92, 94, 104, 121-2, 136, 170, 175, 178-83.
Дайнихон-си (история) — 154.
Дан, капиталист — 249.
Дате (феод. род) — 86, 103, 104.
Двадцать одно требование Китаю (в 1915 г.) — 193, 211, 240, 391.
Двоецарствия период — 51, 87.
Денежные повинности в древности — 62.

Деньги — 44, 47, 96, 102, 103, 105, 120, 125.
Дзен, будд. секта — 88, 144.
Дзимму-тенно, легенд. царь — 36, 37.
Дзито — 80.
Дзиното, полит. партия (бывшая) — 196, 236.
Дзингю-Досикай, партия — 202, 230, 282, 283.
Japen Chronicle, газета — 112, 229, 322.
Дуань Ци-жуй — 211.

Е.

Едзо (или Хоккайдо) — 27, 38.
Едо (нын. Токио) — 54, 86, 121, 122, 131, 157, 166, 183.
Едоко — 155.
Ета — 139, 183, 246, 326; и Корея — 379; см. также «Суйхейся».

Ж.

Жандармы — 227, 373, 378.
Железные дороги — 306, 184, 203, 301, 360, 376.
Железо — 299, 332, 375.
Женщины положение — 6, 80, 141, 335.
Жертвенность феодалов — 179-83.
Живопись — 45, 53, 64, 70, 72, 87.

З.

Забастовки — 335-7, 345.
Задолженность крестьян — 350.
» феодалов — 121, 123, 137, 246.
Займы принудительные — 88, 90, 123.
Западное влияние — 43, 50-6, 93, 103, 157-62.
Зарплата — 307.
Заставы торговые — 96, 105, 119, 120.
Захваты европейцев в Азии — 203, 207, 208.
Защитные уплаты — 132.

Землевание — 65, 80, 82, 96, 121, 123, 131, 175, 179, 184, 233, 234, 293.
Земледелие — 289-291, 41, 45, 61, 78, 117, 127, 197, 375.
Золотая валюта — 203.
Золотой запас — 288.
Зубатовщина — 280, 334.

И.

Иоритомо, сёгун — 49, 65, 78.
Иосивара — 287.
Иосида Сёин — 176.

И.

Инакура — 173.
Иванов, проф. — 48.
Ивасаки — см. Мицубиси.
Иезуиты — 98, 103, 106.
Иенсу Токугава — 54, 104.
Избирательное право — 225, 340, 345, 386.
Избирательные расходы — 234, 237.
Изоляция Японии — 55, 111, 115, 116, 158, 162.
Император — 222, 271, 284.
Индийское влияние — 42, 43.
Индия, как рынок, — 115, 282, 296, 303, 311.
Индокитай — 311, 353.
Иноуэ — 158, 173.
Интервенция 1918-23 гг. в Сибири — 213-16, 312.
Инукаи (лидер Какусин-к.) — 231-8.
Исе-моногатари — 48, 74, 77.
Исторические труды — 77, 153 (см. также «подзюки», «Нихонши», «сёто-ниси»).
История Китая — 392-7.
Ито, гос. деят. — 66, 158, 173, 194-6, 202, 237.
Ито Ное, писательница-анархистка — 338.
Итагаки, гос. деят. — 173, 186, 194-6.

К.

Кабинет министров — 223.
 Кавасаки (завод и фирма) — 256, 269, 305, 337.
 Кага-кун — 172.
 Кагава, христ. социалист — 335.
 Кагасима — 29, бомбардировка К-ы — 165.
 Кайсэито — 169.
 Какусэи-курабу — 218, 227, 231, 236, 287.
 Календарь — 36, 44, 184.
 Калифорния — 382.
 Камакура, город — 26, 30, 49, 51, 79, 89.
 Камакурский период — 10, 49-51, 78.
 Камейдо убийства в 1923 г. — 340.
 Каменный век — 38.
 Кана (см. Азбука).
 Кангакуся, ученые — 153.
 Кандо (маньч. Канто, Цзяндао) — 214.
 Канегафуци К-о — 250, 280-4.
 Кансай — 26.
 Канрию — 83.
 Капитал торговый — 121.
 Капитала вывоз — 216, 298, 384.
 Каро — 175.
 Каролинские острова — 17, 211.
 Катайяма (коммунист) — 197, 291, 294, 313.
 Като, премьер — 238-40, 253, 259, 340, 387.
 Кацура, премьер — 210, 237.
 Квантунское генерал-губернаторство — 18, 21, 268.
 Кемпфер (165-1716 г. г.) — 157.
 Кен — 30.
 Кенкюкай (в верх. пал.) — 223.
 Кенсейкай — 236-240, 210, 218, 223, 230, 254, 260, 283, 340, 386.
 Керамика — 81, 87.
 Кийоура — 217-23, 237, 242, 260, 329.
 Ким, Н. — 12, 367, 374.

Ким, Р. — 12, 171, 313.
 Кйото — 25, 71, 87, 89, 177.
 Китай — 22, 391-397.
 Китайский рынок — 297-8, 391-3.
 Китайское влияние — 44, 55-60, 72, 93, 142, 148, 157, 369; в языке — 39, 60.
 Клань (хан) — 29, 110, 166-183, 218, 234, 262.
 Климат — 19, 21, 27, 79.
 Книгопечатание — 46, 63, 369.
 Кодзика (летопись) — 36, 37, 47, 67.
 Кокисю антология — 73.
 Коксинга, кит. пират — 103, 126, 346.
 Коку (адм) — 31.
 Коку (мера) — 291.
 Колонии Японии — 16, 352-391.
 Коммунисты — 334, 337, 339, 340, 344, 389.
 Кониси, восн. — 106-14.
 Конрад, проф. — 10, 37, 48, 56, 67, 74, 75, 279.
 Конституция — 186, 195, 196, 220, 225, 228.
 Контрибуция с Китая — 203.
 Конфуцианство — 105, 133, 143, 146, 149.
 Кораблестроение — 304-6, 255, 256, 264.
 Корейский язык — 39.
 Корейцы — 38, 41, 63, 139, 225.
 Корея — 367-81, 16-21, 29, 173.
 > завоевание Китаем — 369.
 > война с Японией — 106-11, 49, 52.
 > конфликт 1868 г. — 186.
 > как рынок — 356, 209.
 > «реформы» — 377.
 > экономика — 374-6.
 > отношение к неапп. рабочим — 380.
 Костылев (автор истор. труда) — 98, 99, 102, 117, 160.
 Котоку, анархист — 210.
 Крепостное право — 105, 113, 128, 184.

Крестьян положение — 94, 99, 118, 128, 130, 184, 289, 307.
 Крестьянское движение — 29, 53, 85, 104, 159, 213, 216, 340, 348, 349.
 Кризис 1873 г. — 166.
 Кризис 1920 г. — 216, 281.
 Ксавье, Франциск — 89.
 Кумадзава Бандзан — 145.
 Кун — 31, 83.
 Куны — 54, 96, 121-5, 154.
 Курильские о-ва (Цусима) — 17, 18.
 Кустарные промыслы — 251, 293.
 Куеунки Масасиге — 52.
 Кухара — 256, 265-6.
 Кюнер, проф. — 35, 56, 367.
 Кюсю — 18, 25, 28.

Л.

Ламонт (амер. финансист) — 214, 252.
 Лаоцзы, кит. философ — 149.
 Лафкадио Хери — 74, 99.
 Легитимизм — 151, 152, 187.
 «Лесное дело» Мицубиси — 258-9.
 Либерализм — 203, 234-6.
 Литература — 47, 55, 69, 71, 77, 81, 156.
 «Лиу-Киу» — 31.
 Ли Юн-бин (историк) — 369.
 Ляодун — 15, 106, 391.

М.

Макура-но Соси — 76.
 Мандатные земли — 15-21, 211, 382.
 Ман'юсю (древняя антология) — 70.
 Маньчжурия — 354, 193, 21, 22, 266, 388.
 Маньчжурская династия в Китае и ее завоевания — 394-6, 107, 110, 115, 161, 366, 369.
 Мардок, японовед — 37, 84, 88, 89, 92, 98, 128, 139.
 Марианские о-ва — 17, 211, 382.

Маршаловы о-ва — 15, 17, 211, 382.
 Мануката, геиро — 267-271, 255, 262, 272; кодзиро — 269, 337.
 Медь — 53, 120, 125, 197, 265, 299.
 Мейдзи — 68, 174, 180, 182, 321.
 Мексика — 103, 126, 384.
 Мендрик, проф. — 69, 132, 154.
 Меркантилизм — 115, 116, 125.
 Металлургия — 298-9, 27, 28, 26, 4.
 Militarism — 209, 224, 234, 340.
 Миллер (исслед. Формозы) — 366.
 Мин, кит. династия 1368-1644 г.г. — 50, 51, 102, 106, 107, 161.
 Минамото — 49, 75, 77, 92, 101.
 Мировой в войне участие — 210.
 Мицуи, фирма — 243-253, 133, 169, 202, 238, 240, 266, 300, 361.
 Мицубиси, фирма — 254-264, 29, 135, 202, 238, 244, 265, 266, 300, 302, 304.
 Мобилизация промышленности — 389.
 Монастыри — 49, 53, 64, 65, 78, 82, 90, 92, 97, 102, 105; см. также «церкви».
 Монархизм — 151-3, 184, 216, 321, 340.
 Монгольские завоевания — 49, 51, 79, 81, 369; см. Хубилай.
 Монголия — 21, 354.
 Моногатыри — 75.
 Монто, буд. секта — 133, 139, 319-25.
 Морган — 214, 252.
 Мори (даймёи пьюсю) — 85, 94, 97, 110, 136, 172.
 Морские путешествия китайцев — 50, 51, 58, 106, 107.
 Морские сообщения японцев — 23, 55, 103, 111, 125, 126, 191, 303.
 Мусаня, период. изд. комм. — 340.
 Мурасаки Сикибу, пис-ца — 75.
 Муромати — 51, 52, 87.
 Муроран, гор. — 27.
 Мусаси Кун — 63.
 Муто Сандзи — 280-284, 202, 230, 261.
 Мэнцзы, кит. философ — 143, 149.

Н.

Нагасаки — 29, 55, 102-3, 111-3, 157, 246, 305.
 Нагато (другое название Цусю).
 Нагоя — 20, 25.
 Наемные рабочие в древности — 62, 63, 132, 138.
 Налоги — 45, 62, 88, 120, 183, 197, 266.
 Намба (стрелявший в регента) — 129, 145.
 Намбокуцё-дзидай (см. «двоецарствие»);
 Нанкинский договор 1842 г. — 115, 160.
 Нара — 30, 56.
 Нарикки (новые богачи) — 284.
 Наркотики — 286, 357, 361.
 Нарский период — 67-71, 47.
 Население — 306, 17, 22, 27-30, 38, 293-5, 359, 360; численность его — 118-19, 17, 61, 131, 134, 204.
 Натуральные повинности — 62.
 Нафа, гор. на Рюкю — 30.
 Наппон. богатство — 288.
 Национальный гнет — 374-9, 357-9.
 Национальный характер — 129.
 Негоро монастырь — 102.
 Нефть — 21, 28, 292, 299, 332, 33.
 Нидерландская Индия — 21, 311.
 Никко — 30.
 Николай (автор ист. Яп.) — 37, 45, 47, 56, 120, 127, 167, 179, 181, 182.
 Николай, архиепископ Японии — 329.
 Ниппон (или Нихон-Япония) — 37.
 Ниппон Юсен Кайся (парох.) — 254, 255, 264, 279, 302, 304.
 Нисихара займы — 211, 285.
 Нитобе, проф. (выдумавший бусидо) — 84, 98, 99.
 Нинта Иосисада — 52.
 Нихон (Ниппон) — 37.
 Нихон Гайси (история) — 154.
 Нихонги (ист.) — 36, 37, 47, 67.

Нихон Родо Кумнай Хйогикай — см. «Хйогикай».
 Нихон Родо Содомей-кай — см. «Содомей».
 Ницурен, будд. секта — 78, 326.
 Но (драма) — 53, 87.
 Нобунага — см. Ода Нобунага.
 Новая Каледония — 382.
 Нода, б. министр — 253, 262, 265.
 Ноги, генерал — 174.
 Номин Кумнай (союз крестьян) — 348.
 Носака (автор о Яп.) — 203.

О.

Огнестрельное оружие — 92, 52, 93, 96, 102.
 Она Нобунага — 95-9, 51-2, 79, 85, 89, 100, 104.
 Одавара — 30, 79, 89, 103.
 Одзакки — 235.
 Окадзакки — 266.
 Окороков (автор о Яп.) — 313, 333.
 Окура, фирма — 275-7, 170, 202, 242, 244, 262-6, 273, 305.
 Омото-кёо, синтоистская секта — 319-22.
 Осака — 20, 25, 86, 121, 165.
 Осака Сёосен Кайся (парох.) — 301.
 Осуги, анархист — 145, 338.
 Отани — 319, 327.
 Открытие Японии португальцами — 50-3, 88, 92, 112.
 Отокодаке — 100, 101, 155.

П.

Павлович — 12, 216.
 Паркер, китаевед — 51.
 Парламент — 169, 218, 222, 386; состав — 198, 222, 226.
 Пароходство — 301-61, 203, 254, 264, 288.
 Партии политические — 229-42, 170.
 Переселение — 381-5, 373, 22, 208, 294.

Перри, командор — 164.
 Пескадорские о-ва — 17, 359.
 Пинто (первый европеец в Яп.) — 88.
 Пиратство — 53, 62, 88, 106, 172.
 Письменность — 36, 42, 143, 148 (см. «Азбука», «Литература», «Язык»);
 Плетнер, О. — 12, 31, 216, 294, 313, 333, 334, 381.
 Позднеев, проф. — 12, 31, 313.
 Покушение на наследника — 217, 340.
 Поливанов, проф. — 40.
 Полиция — 226-7.
 Попов (автор о Яп.) — 313.
 Португальцы — 92, 103, 111, 112, 172.
 Посевная площадь — 117, 291.
 Постройки жилые — 28, 74.
 Почтово-сберег. кассы — 294.
 Православие — 329.
 Пресса — 315-17, 156, 350.
 Промышленность — 199, 341, 375.
 Проституция — 282, 287.
 Профсоюзы — 334-50 (см. «Хйогикай» и «Содомей»);
 Пряжа — 199, 311.
 51-ая сессия парламента — 386.

Р.

Рабоче-крестьянская партия — 342-8.
 Рабочих численность — 306.
 Рабочих положение — 296.
 Рабочих отнош. к корейцам и формозцам — 347, 380.
 Рабочее движение — 330-51, 203, 212.
 Рабство — 64.
 Размеры (протяжение) — 16, 17, 22.
 Расовые предрассудки — 168, 213, 354-5.
 Расчетный баланс — 290, 301, 304, 343.
 Религия — 318-30.
 Рента зем. — 198, 202, 233, 306.
 Рис — 289-92, 20, 21, 45, 62, 117, 118, 197, 198, 307, 311, 360, 375.
 Рисовые беспорядки — 212.
 Родо Хйогикай — см. «Хйогикай».

Родо Номинто — см. «Раб.-кр. партия»;
 Роси Кёюцёкай — 334.
 Россией взаимоотношения — 159-64, 176; см. «Войны»;
 Рюкю, острова — 17-30, 39, 102, 107, 160, 171, 362.
 Рыболовство и рыбаки — 138, 292.
 Рынки Японии — 310-3, 356 (см. также «Китайский», «Амерз», «Индия» и «Сибирский»);

С.

Сайго — 173, 185, 192.
 Сайондзи, генро — 210, 240, 262, 267, 270, 272.
 Сакаи, город — 29, 86.
 Сакан Тосихико — 338-40.
 Самоуправление — 226, 336.
 Самураи — 55, 66, 84, 100, 122, 131, 133-5, 146-7, 154, 169, 173, 185, 187.
 Сахалин — 16, 17, 19, 25, 215, 240, 253, 258, 266, 381.
 Сахар — 20, 361.
 Сацума — 29, 50, 85, 110, 161, 170, 171-7, 185, 192-4, 210, 231, 265, 305.
 Сацумское восстание — 56, 302.
 Сейюкай, партия — 173, 196, 223, 230-40, 386.
 Сейюхонто, партия — 218, 223, 230-40, 386.
 Сенгоку, мин. путей — 262.
 Сенгоку-дзидай — см. «Воюющих государств эпоха»;
 Сиам — 383.
 Сибaura, завод — 250.
 Сибирский рынок — 312-3.
 Сибусави, капиталист — 277-80, 210, 252, 333.
 Сидехара, мин. ин. дел — 238, 246, 262.
 Сиккен — 78.
 Сикоку — 18, 25, 40, 85, 102.
 Симабара (восстание) — 111, 131.

Симадау — 29, 85, 94, 102, 110, 136, 171-85.
 Симоносек — 28, 54, 172; бомбардировка — 165, 177.
 Син, будд. секта — 319, 325, 326.
 Синсейкай — 232.
 Синтоизм — 319.
 Сиракава-тенно — 67.
 Скотоводство — 292, 61, 375.
 Содомей — 210, 334, 342-5.
 Соед. Штаты взаимоотношения — 115, 160, 164, 208, 214, 252, 310.
 Сорн — 231, 236, 241.
 Соси — 195.
 Сосэй — 195.
 Сослоия — 64.
 Спальни, проф. — 150, 389.
 Суд — 130, 184, 224, 227.
 Судзуки Бундзи, вождь реформистов-соглашателей — 338, 343.
 Судзуки, фирма — 266, 388.
 Суй, кит. династия (581-618 г.г.) — 368.
 Суйхейся — 327, 340; см. «Етаэ».
 Сумитомо, фирма — 210, 240-4, 265, 270, 300.
 Сумицу-ин (Тайн. Совет) — 218, 224, 279.
 Сун, кит. династия 960-1281 г.г. — 46, 48, 93.
 Сырье — 23, 392.
 Сыпингай — 22.

Т.

Тайван — (см. Формоза).
 Таира — 49, 77.
 Тайка — 57.
 Тайный Совет — см. «Сумицу-ин».
 Тайпинское восстание — 164, 167.
 Такаудзи Асикага — см. Асикага.
 Такахаеи — 231, 240, 260, 262.
 Тан, кит. династия — 618-907 годов — 11, 42-6, 58, 102, 110, 149, 368.

Танака, генерал — 231, 240, 253.
 Тани (автор о Яп.) — 12, 203, 313, 333, 351.
 Танка — 68.
 Таонань-Цицикарская ж. д. — 221, 388.
 Тарифы тамож. — 168, 191.
 Театр — 156.
 Текстильная пром-ть — 199, 296.
 Тенно — см. «Царь».
 Тойо Кисен Кайся (парох.) — 274-9.
 Токугава — 54, 56, 85, 95-110, 242.
 Токонами, лидер сейюхонто — 329.
 Токутоми, журналист — 234.
 Тонхак, секта в Корее — 371.
 Торговля до-токугавская — 47, 50, 53, 78, 81, 88-90, 102, 105, 119.
 Торговля при Токугава — 111, 115, 124-7, 245.
 Торговля нового времени — 297-8, 307-18, 198, 200, 257, 288, 292.
 Торговля последних годов — 343, 388.
 Торговый баланс — 309, 343.
 Торговые посредники иностранцы — 201.
 Тоса — 172, 175, 194, 254, 262.
 Тоса Никки — 62, 74.
 Транскрипция япон. слов — 31.
 Трудящихся положение — 307.
 Тумань, река — 372.
 Тюменев, ант. ист. трудов — 123.

У.

Уголь — 300, 28, 251, 332, 361.
 Уголь в Китае — 300, 392.
 Уголовные законы — 228.
 Уесуги, феодал — 83, 85, 94, 97.
 Университеты — 27, 147.
 Урбанизация — 294, 295.
 Урожай — 117, 197, 198.
 Утопический сектант. социализм — 145.
 Узк, о-в — 16.

Ф.

Фашисты — 340, 286.
 Феодалы — см. Даймё.
 Филипп II Испан. — 103, 114, 116.
 Филиппины — 16, 20, 116, 126, 172, 252, 264, 311.
 Финансовый кризис 1872-81 г.г. — 268.
 Формоза (Тайван) — 357-366, 12, 16, 21, 103, 126, 161, 173, 207, 225, 252, 258, 285; национ. гнет — 361-4; повстанч. движение — 365.
 Рынок — 356.
 Формозский поход — 186.
 Фрегат «Паллада» — 164, 218.
 Фу (губерния) — 30.
 Фудзивара — 10, 47, 66, 73, 92.
 Фузан — 21, 107.
 Фурукава — 264-67, 240, 256, 300.
 Фуцзянь (кит.), пров. — 18, 20, 21, 106, 193, 354, 360, 383, 391.
 Фушунские копи — 300.

Х.

Хакодате — 27, 302.
 Хаконе — 26.
 Хамагуши (мин. фин.) — 262.
 Хань, кит. дин. 255 до н. э., до 200-ых н. э. — 36, 42, 110.
 Хара, б. премьер — 239, 241, 261.
 Харакири — 103, 185.
 Ханси Сихей, писал о России — 159.
 Хейан — 25, 47.
 Хейанский период — 62, 71-77.
 Хидейоси — 99-112, 51, 52, 85, 86, 92, 95, 97, 171, 369.
 Химическая пром-ия — 301.
 Хюгикай — 339, 342-5.
 Хйого — 88, 89; военная демонстр. — 165, 178.
 Хлопок — 308.
 Ходзё, сиккены — 51, 78, 80.
 Ходзё, даймё — 83, 85, 89, 94, 103.

Хойрён — 22, 103.
 Хоккайдо — 18, 19, 23, 25, 27, 33, 97, 197.
 Хонгандзи, храмы — 90, 133, 139, 319, 26.
 Хонсю — 25.
 Христианство — 43, 53, 92, 98, 99, 103, 105, 131, 146, 313-30; в Корее — 330.
 Хубилай-хан — 49, 78, 81, 369.
 Хулиганство-профессия — 286.

Ц.

Царь — 46, 52, 66, 82, 83, 90, 91, 96, 103, 150, 153, 178.
 Ценз избирательный — 169, 225.
 Церкви роль — 50, 87, 88, 90, 92, 98, 105, 133, 184 (см. также «Монастыри», «Буддизм», «Религия»);
 Цёо — 117, 291.
 Цёсю — 28, 54, 85, 110, 170-8, 194, 210, 231.
 Цуруми (полит. деятель) — 387.
 Цуруга — 25, 29, 84, 122.
 Цусима — 29, 161, 372.
 Цюснн — 232.

Ч.

Чай — 26, 361; чайные церемонии — 53, 87.
 Чаньчунь — 22.
 Чаньчунь-Гиринская ж. д. — 288.
 Чемберлен (апонов.) — 37, 73, 157, 199, 245, 318.
 Чжу Си, философ — 142, 146, 320, 322.
 Чхенчжин (яп. Сейсин), порт в Корее — 22.

Ш.

Шалле — 203.
 Шаньдун — 211, 215, 277, 383, 391.

Шелк — 308, 292, 20, 28, 29, 45, 63, 198, 264.

Школы — 147, 364, 377, 389.

Э.

Экономический рост в 1914-18 г.г. — 212.

Электричество — 258, 300-306.

Эмиграция — см. переселение.

Ю.

Юайкай — 210, 334, 338 (см. «Содо-мей»).

Юань, монг. династия в Китае в 1281-1368 годах — 49, 50, 102 (см. Хубилай).

Южно-Маньчж. ж. д. — 21, 22, 237.

Юнг, Роберт — 112, 229.

Юркевич, Т. — 31, 313.

Я.

Яката (город и завод) — 28.

Язык японский — 39, 40, 47, 143, 332, 354 (см. Письменность).

Ялу, р. — 108, 372.

Ямагата, генро — 194, 174, 66, 210, 218, 262, 267.

Ямагути, город — 87.

Ямамото, б. премьер — 210, 218, 231, 261.

Яп, остров в Тихом ок. — 17.

«Японские мозги, амер. кашгалы» — 252, 278.

Ярмарки — 47.

Ясуда, банкир — 272-4, 260, 262, 305.

Географические названия.

Акига — 30.

Алеутские о-ва — 16.

Американские влад. — 17, 19.

Амой — 106, 193.

Аньдун — 22.

Аомори — 30.

Атами — 30, 79.

Британ. влад. — 17, 19.

Вакаяма — 26, 29.

Гирин — 22.

Гифу — 29.

Главный остров (Хонсю) — 18.

Гонконг — 20.

Гуанчжоу-ван — 207.

Дайрен — 22.

Десима — 157.

Поккаши — 30.

Покосука — 26.

Покохама — 20, 26.

Кага — 172.

Кагагава — 30.

Канадзав — 28, 29.

Киото — 25, 71, 87, 89, 177.

Кобе — 20, 25.

Куре — 28.

Курильские о-ва — 17, 18.

Маусима, о-в — 29.

Мито — 31.

Модзи — 28, 29.

Мукден — 22.

Муроран — 27.

Мусаси — 63.

Нагоя — 20, 25.

Ниппата — 28.

Никко — 30.

Ното — 28, 85, 95.

Овари — 35.

Огасавара (см. Бонинские) — 17, 29.

Пхён'ян — 372.

Сага — 172, 175, 194.

Сагами — 30, 79.

Саппоро — 27.

Сасебо — 29.

Сендай — 27.

Сеул — 21, 107.

Сидзуока — 26.

Симоносеки — 28.

Сингапур — 20.

Срединное море — 28.

Тускарора, пуща — 19.

Урага, порт — 160, 164.

Фукуи — 29.

Фукуока — 28, 251.

Хидзен — 172.

Хиташи, рудн. — 266.

Цисима — см. Курильские.

Цугару — 27.

Необходимые исправления.

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
6	примеч.	Kleid	Kaiser
22	15 сверху	Хайрен	Хойрэн
27	12 "	Цугара	Цугару
29	24 "	Цусима	Цисима
32	8 "	Ке. ре	Ке. рё
44	2 "	беспримесного	почти беспримесного
55	13 снизу	и молотом, стан...	и молотом стан...
60	примеч.	китайские нер...	китайские, нер...
60	11 снизу в прим.	не	но
62	5 снизу	хейане	Хейане
74	8 снизу в прим.	и он единственный в том	и он не единственный в этом
75	7 сверху	уклон	уклона
75	20 "	Сикабу	Сикибу
96	7 снизу	налоги	налоги на горожан
103	8 снизу в прим.	Сацуми	Сацума
108	3 сверху	Цхен'ян	Пхён'ян
110	13 "	империи в 1631	империи: в 1631
111	8 снизу	полицейской	полицейщиной
114	20 снизу	1582—98	1592—98
118	две нижних строки	ки в примечании напеча	таны по ошибке.
123	1 сверху	он	землевладелец
126	9 "	в деньгах	в топарах
159	18 снизу	Ядзо	Едзо
163	17 "	1812	1842
164	1 "	так	как
171	6 сверху	связанности	связности
177	12 снизу	сацумами	сацумцами
186	4 сверху	скорее	с Кореей
186	11 снизу	16-ью	6-ю
192	6 сверху	периоде	в периоде
202	20 сверху	Тани	Тани
203	11 снизу	6786	7786
212	20 "	Копонке	Кононке
246	7 "	специалисты	социалисты
259	19 "	Тогава	Тагава
259	1 "	Окадзаки	Окадзаки, ставленник
263	5 сверху		Фурукава.
271	21 "	брат маркиз	брат маркиза
271	10 снизу	Мацухато	Муцухито
274	14 свех	предприятия	и предприятия
302	13 снизу	N. U. K.	N. Y. K.

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
307	6 снизу	118	218
307	5 "	118	218
307	4 "	59	109
315	16 "	процветания, либера- лизма	процветания либера- лизма
325	1 снизу (прим.)	колесо электрическим ветром	колесо—электрическим веером. Он
340	14 снизу	не удастся	не удастся

Кроме того, во многих местах звук ё (как елке и мое) передам че-
рез ио, вместо йо; например, Киото вместо Кйото, Йокохама вместо
Йокохама. Во всех случаях, когда попадаете ио нужно читать ё (твое
мое), исключение—рудники Асио, где Аси отделяется от о.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр
Предисловие.	3
Географический очерк Японской империи.	15
Географический очерк собственно Японии.	25
I. Очерк истории дореформенной Японии.	
Древность Японии. Происхождение японцев и их язык.	35
Основные подразделения японской истории, в связи с историей дру- гих стран.	41
Эпоха Нара и Хейан.	57
Эпоха военных империй.	78
Япония периода объединения.	94
Япония эпохи династии Токугава (1603—1868 г. г.)	112
Бурный период японской истории (1853—1877 г. г.)	163
II. Новая Япония.	
На положении полуколонии.	191
Последние 25 лет.	205
Японская конституция.	221
Существуют ли в Японии политические партии?	229
Дом Мицуи.	243
Мицубиси — правящая фирма.	254
Типы японских плутократов.	265
Экономический очерк.	288
Пресса.	315
Религия.	318
Рабочее движение.	331
Японские колонии.	352
Япония в 1926 году.	386
Япония и Китай.	391
Указатель	399
Географические названия	409
Необходимые исправления	410